

Бельские просторы

Учредитель
Правительство
Республики
Башкортостан

Соучредитель
Союз писателей
Республики
Башкортостан

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с декабря 1998

В номере

№ 9 (118) Сентябрь, 2008 г.

ПРОЗА

Мустай Карим. МОЙ СТАРШИЙ БРАТ АБУ	3
Петр Храмов. ИНОК. <i>Роман-воспоминание</i>	11
Борис Четвериков. БЛАГОСЛОВЕННАЯ УФА	50
Тансулпан Гарипова. БУРЕНУШКА. <i>Роман</i>	69

ПОЭЗИЯ

Виктория Скриган. СОБЛЮДАТЬ ТИШИНУ.	6
Гульфия Юнусова. ПОПРОШУ БЕЗОБЛАЧНОГО ДНЯ.	45
Альбина Ахметзянова. ПОСЛЕДНИЙ ОГОНЬ СЕМАФОРА	65
<i>Литобъединение «ДИМ»</i>	110

ДНЕВНИК

Валентин Александров. ПЕРВАЯ СРЕДИ РАВНЫХ. <i>Записки спичрайтера</i>	116
---	-----

УФА МНОГОЛИКАЯ

Александр Залесов. МЕСТА СИЛЫ	126
Андрей Битов. ЗАПИСЬ ОДИННАДЦАТАЯ. ТРАМВАЙНАЯ УФА	138
Юрий Коваль. УФА МНОГОЛИКАЯ	140
Юрий Узиков. АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ В УФЕ	150
Людмила Фенина. ГОРОД МОЕЙ МЕТЧТЫ	156

КУЛЬТУРА

Ирина Оськина. «АКВАРЕЛЬ — ЭТО ТО, КУДА Я УХОЖУ ВЕСЬ...»	161
--	-----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Марина Гатаулина, Массар Мухаметзянов. ГОРОД ДАВЛЕКАНОВО	164
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Рустем Вахитов. НАШ ОТВЕТ КАПИТАЛИЗМУ. <i>Как мы выживали в 1990-е</i>	172
--	-----

КРУГ ЧТЕНИЯ

<i>Отрывок из книги Ирины Хакамады «Success в большом городе»</i>	184
---	-----

ТЕАТР

Алия Гилемханова. МОЯ БАШКИРСКО-ТАТАРСКАЯ МЕЛЬПОМЕНА. <i>Раздумья дилетанта об особенностях национального театра</i>	187
---	-----

ДЕТЕКТИВ. ФАНТАСТИКА. ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Анвар Еникеев. ВЕКОВАЯ ДУЭЛЬ С КРИМИНАЛОМ. <i>Документальный детектив</i>	191
---	-----

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

<i>НА КОНКУРС</i>	197
-------------------------	-----

НАШ ДАЙДЖЕСТ

Литература. Культура. Имена.	200
Праздничные и памятные даты Республики Башкортостан на 2008 год	203

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«Книжный дом» как место рождения истины	205
---	-----

Главный редактор
Горюхин Ю. А.

Редакционная коллегия:

**Баимов Р. Н., Бикбаев Р. Т., Евсеева С. В., Карпухин И. Е., Паль Р. В., Сулейманов А. М.,
Фенин А. Л., Филиппов А. П., Фролов И. А., Хрулев В. И., Чарковский В. В., Чураева С. Р.,
Шафиков Г. Г., Якупова М. М.**

Редакция

Приемная

Иванова Н. Н. (347) 277-79-76 (факс)

Главный бухгалтер

Давлетшина М. А. (347) 277-79-76

Заместители главного редактора

Чарковский В. В. (347) 223-64-01

Чураева С. Р. (347) 223-64-01

Ответственный секретарь

Фролов И. А. (347) 223-91-69

Отдел поэзии

Грахов Н. Л. (347) 223-91-69

Отдел прозы

Фаттахутдинова М. С. (347) 223-91-69

Отдел публицистики

Чечуха А. Л. (347) 292-77-61

Семенюк Т. В. (347) 292-77-61

Технический редактор

Иргалина Р. С. (347) 223-91-69

Корректоры

Казимова Т. А.

Симонов А. А.

Выпускающий редактор

Семенюк Т. В.

Подписной индекс 50751.

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации № 792, выданное

Министерством печати и массовой информации РБ
26 декабря 1998 года.

Подписано в печать 3.09.08 г.

Формат бумаги 70x100/16. Бумага офсетная.

Гарнитуры «FreeSet», «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9.

Уч.-изд. л. 19,51. Тираж 2500 экз.

Заказ № 2.0180.08 Цена договорная.

Адрес редакции:

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

E-mail: bp2002@inbox.ru

<http://www.hrono.ru/proekty/belsk/>

Отпечатано с готовых файлов на
ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат».

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

Телефон (347) 223-97-00

*Рукописи не рецензируются
и не возвращаются, принимаются
только в напечатанном виде.*

Электронная версия ускорит обработку рукописи.

*Мнение редакции не всегда
совпадает с точкой зрения
того или иного автора.*

При перепечатывании материалов

ссылка на «Бельские просторы» обязательна.

Мой старший брат Абу

После тяжелого ранения в грудь в августе 1942 года я несколько месяцев находился на излечении в госпиталях. Поэтому меня, как негодного к строевой службе, послали на работу в газету «Советский воин» 3-го Украинского фронта. Наша газета выходила на русском, казахском, татарском, узбекском, азербайджанском, армянском, молдавском языках. Я был назначен в татарскую редакцию.

Попал я в удивительную многоязычную семью. Сразу замечу: в нашем разнородном коллективе почти отсутствовало солдатское чинопочитание. Почет и уважение у нас определялись талантом, смелостью и расторопностью фронтового журналиста. Кроме трех-четырех старших офицеров, сейчас даже не помню, кто в каком звании был. Конечно, мы, сотрудники тюркоязычных изданий, общались теснее, ближе. Нередко каждый из нас говорил на своем языке, а понимали все.

Редактором казахской газеты был Исхак Дюсенбаев — человек достойный и дельный. Но все-таки в наших глазах старшинство во всех отношениях принадлежало Абу Сарсенбаеву — и по возрасту, и по многим человеческим качествам: это безмерная доброжелательность, правдивость без оглядки, степенность и в то же время страстность — к месту. Кажется, он меня сразу принял в свою душу. У нас даже было одно внешнее сходство: оба мы до невозможности были косматыми. Наши буйные кудри не вмещались летом в пилотку, зимой — в шапку. Благо у нас в редакции на внешний вид внимания не обращали, начальство не требовало от нас «солдатской прически».

Скупой на воспоминания, Абу иногда с тоской говорил о море — о своем Каспии. В апреле 1944 года, после освобождения Одессы, мы оказались на берегу другого моря. Тогда он наслаждался, дыша морским воздухом, глядя в бесконечную синюю даль. Его любовь к морю, его тогдашняя тоска через почти десяток лет вольются в его роман «Рожденные на волнах».

Мустай Карим (Мустафа Сафич Каримов) — народный поэт Башкортостана. Родился 20 октября 1919 года в деревне Кляшево Чишминского района Башкирской АССР. В 1941 году окончил факультет языка и литературы Башкирского государственного пединститута. С первых дней Великой Отечественной войны и до победы Мустай Карим был на фронте — служил начальником связи, начальником штаба артдивизиона. Был тяжело ранен, по излечении работал корреспондентом фронтовых газет. В 1938 году вышла в свет его первая книга стихов «Отряд тронулся». С тех пор им было опубликовано более 100 поэтических и прозаических сборников, свыше 10 драматических произведений. Лауреат Государственной и Ленинской премий СССР, премий имени К. С. Станиславского, имени Салавата Юлаева. Умер Мустай Карим 21 сентября 2005 г.

Более двух лет, как говорится, «в боях и трудах» жили мы вместе, шли рядом, одолели долгий победный путь через Украину, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию до Австрии. Победу встретили в Вене.

Мало кто сегодня представляет будни фронтового журналиста. Постоянно в дороге, постоянно в движении — от редакции до передовой и обратно. На войне нет безопасных троп. Журналист оказывается и под бомбежкой, и под артиллерийским и минометным обстрелом, и посреди горячей схватки с врагом, когда идет вместе с наступающими войсками. Он живой свидетель и летописец военных подвигов, очевидец гибели героев. Одним из тех, кто нес эту миссию, был Абу Сарсенбаев.

Сарсенбаев, с его добротой и отзывчивостью, особенно сблизил наши две редакции. Он всегда готов был прийти на помощь человеку в трудную минуту, помочь в беде. И мне на всю жизнь запомнился эпизод, когда его добрая рука отвела от меня беду, возможно, большое несчастье. Об этом расскажу подробнее.

В двух наших редакциях вошло в обычай делать «солдатские пирушки», если кто-нибудь с оказией получит от близких из тыла посылку с немудреными гостинцами или кто-то из нас что-то добудет из трофеев на передовой.

В конце декабря 1943 года из Казахстана в командировку на наш фронт приехал поэт Капан Сатыбалдин. Он, видимо, явился не с пустыми руками. Казах всегда казах. С разницей в три дня совпадали дни рождения Абу и Капана. Отмечать дни рождения мы научились у сотрудников русской редакции. Они в любой обстановке старались отмечать такие события. Иные из друзей нас тоже приглашали. Это нам понравилось.

Тогда вся наша общая редакция размещалась на улице Дачной в городе Днепрпетровске. Сейчас помню, Абу квартировал в доме № 2. Вот он и пригласил нас к себе после сдачи очередного номера газеты в печать. Стоял поздний вечер. Собралось человек десять-двенадцать. Из-за сердечной щедрости хозяина среди нас очутился человек по фамилии Бурнашев, которого мы недолюбливали за его высокомерие и поучительную манеру разговаривать. До войны он, по его словам, был доцентом какого-то института в Средней Азии.

Сначала, как в той кинокартине, «хорошо сидели». Об Абу и Капане говорили добрые слова. В их честь наш Габдулла Ахметшин даже старинную башкирскую песню спел. Чем шумнее становилось веселье, тем больше мрачнел Бурнашев, все чаще перебивал говорящего, вносил неуместные поправки речам, причем все это делалось спесиво и назидательно. Так продолжалось довольно долго. Абу, будучи главным тамадой, видимо, считал неудобным осаждать гостя. Тот все больше расходился, досаждал всем...

Теперь меня считают терпеливым и рассудительным. В молодости я был горячий и довольно безрассудный. В тот вечер мое хрупкое терпение лопнуло и я крикнул: «Замолчи, наконец, старший лейтенант Бурнашев!» Он даже не смутился, не спеша встал, сквозь зубы негромко скомандовал: «Младший лейтенант Каримов! Встать! Вон отсюда!» Я не шелохнулся. Он повторил свой приказ: «Вон!» «Перестань каркать, общипанная ворона!» — закричал я, хотя никогда общипанных ворон не встречал. Бурнашев подошел ко мне и, видать, силой хотел меня выставить за дверь. Я быстро вынул из кобуры наган и рукояткой замахнулся прямо в висок обидчика. Он этого никак не ожидал, потому не обратил внимания на мои движения. Кто-то сильно ударил меня по руке. Наган упал на пол. Оглянулся. Стоит, весь бледный, Абу.

Вот так. В несчастье помочь человеку — дело благое, отвести от него несчастье — дело Божье. Абу Сарсенбаев совершил в тот вечер Божье дело.

Еще до декабря 1945 года мы продолжали служить — выпускать наши газеты. В румынском городе Констанце нас с Абу демобилизовали. Вместе — в одном вагоне, в одном купе — поехали мы в Москву. В дороге Абу меня спросил: «Где ты остановишься в Москве?» Я пожал плечами. Разговор на том кончился. Когда приехали на Курский вокзал, мой спутник сказал: «Поедешь со мной...» Он привез меня в Казахское постпредство, где нас приняли как иностранных послов или героев сражений. Я почувствовал, каким уважением пользуется Сарсенбаев у своих сородичей. Из-за него и мне почет. Угощали отменно. Я первый раз в жизни видел и ел красный, сочный, большой, как старинное пушечное ядро, алма-тинский апорт. Потом в Алма-Ате и в Уфе плод с таким названием есть прихотилось, но вкуса такого больше не ощущал.

Война сроднила нас, но и мирное время не разлучало, пока была жива наша держава — СССР. Москва — Алма-Ата — Уфа — Ташкент — Тбилиси — Киев — Баку... — до любого из городов нам было рукой подать. Вдруг звонок из уфимского аэропорта. Снимаю трубку — Абу. Оказывается, его самолет по пути домой на несколько часов сел в Уфе. Мчусь на аэродром. Обнимаемся. Показываю ему свой город. Особенно его восхитил величавый памятник Салавата на утесе над рекой Белой. Успеваем и нагуляться, и поговориться, и навеселиться.

Каждый мой приезд в Алма-Ату отмечался застольем в доме друга и надеванием казахского чапана. Как он порадовал меня, приехав на мое 60-летие! Его чуть поседевшая кудрявая голова красиво выделялась в президиуме моего праздника.

Выступая перед студентами Башкирского государственного университета, он меня долго не хвалил, а сказал только: «Ваш Мустай Карим — наш Мустай Карим, он солдат храбрый, фронтовой журналист бесстрашный, человек надежный». Эти слова возвращаю ему самому. Он действительно был солдатом — храбрым, фронтовым журналистом — бесстрашным, человеком — настоящим.

Соблюдать тишину

ТАМ, ГДЕ Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

Там, где я тебя люблю, — дождь и сыро,
Над столицей виснет дым, шум и гомон.
Корку хлеба во дворе незнакомом
Друг у друга воронье громко тырит.

И нахохлилась скамья у подъезда,
Старичок ей слезы вытрет газетой,
Посидит часок-другой с сигаретой
Рядом с кошкою брюхатой, облезлой.

Солнце выглянет опять из-за тучи,
Позевает, поплюется лучами...
Мы могли бы стать с тобой богачами,
Да не тот, похоже, выпал нам случай.

Там, где я тебя люблю, — минус десять.
Минус десять лет туда и обратно.
Надо только посчитать аккуратно —
Сколько лет еще нам врозь куролесить.

Брызнут в стороны испуганно птицы —
Пробежусь, вздымая брызги, по лужам.
Листопад мне снова голову кружит...
Я в Уфе, но ты не в этой столице.

ТО ЛИ СНЕГ, ТО ЛИ ДОЖДЬ

То ли дождь, то ли снег... Я сегодня немного промокла,
Даже зонт не помог. Чашка кофе не греет ладонь,
А луна в небесах заливает бессонницей стекла.
Только в старом камине уже засыпает огонь.

Не хватает вестей... Я стараюсь от каждого слова
Пару букв на потом приберечь, чтобы ночью, в тиши,
Не остаться одной. Составляю все снова и снова
Телеграммы себе для покоя мятежной души.

Не звонит телефон... Я гудками выкладывать рада
Шаткий мостик к безумью, но разум спокоен и нем.
Позабить бы лет пять или шесть, но такая награда
Раздается весьма осторожно, и чаще не тем,

Кто нуждается в этом. Я билась в окно, словно птица.
Я ловила секунды, из них собирая года.
В зеркалах не увидеть мне больше знакомые лица,
Но себя я могу еще вспомнить, увы, без труда...

Телевизор молчит. Он обижен моим недоверьем.
Я не в силах принять то, что ты никогда не придешь.
Ожидая привычных шагов за скрипучею дверью,
Но приходит ко мне на крыльцо то ли снег, то ли дождь.

ПЛЮС-МИНУС НОЛЬ

Знаешь, я вдруг поняла, что уже не люблю...
Не изменяя мечте, я мечту изменила...
То, что осталось, приравнено нынче к нулю.
Плюс-минус ноль — неизменно. И только чернила

Сохнут забытыми в ручке. И кажется, стих
Ветер за окнами. Новые зимние сказки
Мне обещает декабрь, в ладонях своих
Руки держа мои. И растворяются краски

Черные в белом морозе. А скоро январь
В дверь постучится, и, снова листки отрывая,
Я обновлю непутевую жизнь-календарь
Так, как сейчас обновить не могу и не чаю...

Знаешь, подумалось: да и любила ли я?..
Сердце проснулось, и снова стучит, ободряя.
Я на краю балансировать небытия
Больше уже не хочу, по крупницам теряя

Жизнь. Неразменной монеткой упала судьба
В руки чужие, но теплые. Будь же, что будет...
И, отрясая снежинки со щек и со лба,
Я понимаю — надежда меня не осудит...

НА НЕБЕСАХ, НАВЕРНОЕ, ТЕПЛО...

На небесах, наверное, тепло...
И облака, как сахарная вата,
На вкус для тех, кому все это свято.
Не совершившим зла — не видеть зло.

А я плохая... И не развернуть
Мне пару крыльев за спиной, взлетая.
И не откроются ворота рая
Передо мной. И я боюсь уснуть,
Чтоб не привыкнуть к тишине и свет,
Летающий вниз, не воспринять подарком
Небес, что больше не хочу. Огарком
Свечным черчу кресты в окне в ответ
Звезде, что, как и я, упала вниз.
Я салютую павшим, да и падшим...
И рассыпаюсь в прах цветком увядшим —
Забывтая людьми. Не мой каприз:
Остаться в одиночестве с собой.
А небо отражается в ладони
Слезой. Я, отказавшись от погони
За призрачной, несбыточной мечтой,
Войду в прибой. Прими меня, волна...
Ведь ты — сестра небес недостижимых,
Таких как я, любовью одержимых,
За век свой приголубила сполна.
Я остаюсь с тобой. Окончен бег.
И облаком меня накроет пена.
А море, возродив меня сиреной,
Подарит мне и небо, и ночлег...

СКАЖИ, МОЙ ДРУГ...

Скажи, мой друг, а ты уйдешь за солнцем
Проулками закатных мостовых
Туда, где покотившимся червонцем,
Исчезнет день из пыльных рук Москвы
И где-нибудь в углу Зеленограда,
Свалившись в щель меж стенами домов,
Покроется хмельным вечерним смрадом
И ржавчиной невысказанных слов...
Скажи, мой друг... Молчание — не злато,
Когда слова не держатся в душе,
А рвутся с языка. Я в неоплатном
Долгу перед тобою. Но в клише,
Из половинок радости и горя
Заправив жизни белоснежный лист,
Я дни штампую, их беспечно вторя
Из прошлого, а он все так же чист.
Скажи, мой друг, вернешься ли с луною,
Свой глаз кошачий спрятавшей во мгле
Прошедших лет, прожженных летним зноем, —
Оставившим свой незаметный след
На всем. Коснусь рукою промежутков
Из пустоты, и вырвется на свет

Моя любовь. И снова станет жутко
От песни той, которой больше нет...

БЫТЬ АНГЕЛОМ...

Скучно быть ангелом, если крыло
Слишком тяжелое стало и вверх
Не поднимает. И что-то ушло...
Знаем ли сами? Забыт фейерверк
Пачкой петард на столе, словно дни,
Годы, когда мы умели летать.
Знаешь, мы больше не будем одни...
Веришь ли в это?.. Дорожная кладь —
Перья на крыльях, что не распахнута
В небе. Тяжелый, ненужный багаж.
И ускользает от разума суть,
Таю, как недостижимый мираж.
Грустно быть ангелом, собственный нимб
Голову тянет к земле, и спина
Скоро сломается. А аноним
Так и не станет известным. Стена
Снова стоит на пути, и назад
Тоже уже не вернуться — закрыт
Ход моих мыслей. И разве что в ад
Мне остается попасть. И навзрыд
Плакать, держа свои крылья в руках —
Черные перья пропащей души.
Страшно быть ангелом, если впотьмах
Некуда больше идти. Надо жить,
Только не хочется. И Новый год
Снова придет, но разбиты шары —
Нечего вешать на елку... Уход
Мой не заметят. Среди мишуры,
В калейдоскопе гирлянд и огней
Ангел тряпичный прижался к стволу
Ели, пытаясь избежать теней,
И из огня да в полымя — в смолу
Влип. Так и я пропадаю в тебе —
Словно в трясине, я в прошлом тону.
Сложно быть ангелом, если в судьбе
Точка поставлена, и тишину
Некому больше нарушить. Мой сон
Крепок... Он вечен... Он будет всегда...
Сердце с часами стучит в унисон,
Только недолог завод, и звезда
Тоже погаснет. Тебя больше нет,
Да и меня не найти среди тех,
Кто еще верит в тепло или в свет,
Кто еще ангелов слышит и смех...

ИЗ-ЗА МЕНЯ

Да, ты знаешь: из-за меня
Над Уфой до сих пор снега,
И капли не так звенят,
И зима все еще строга.
На проулках и в сердце тьма,
И морозец на щеках дня.
Виновата во всем сама.
А метели еще хранят
Мой покой на дворе у снов,
Слов твоих вековой сугроб.
Разговор нам уже не нов,
Как снежком ледяным, да в лоб.
Где ни шаг, то опять тупик.
Застываю... По счету «три»
Разбиваюсь на тихий вскрик.
Не могу я жить без любви.

СОБЛЮДАТЬ ТИШИНУ

Соблюдать тишину. Не звонить, не писать сообщений.
Не входить в Интернет, не кричать в пустоту: «Я люблю».
Не скулить по ночам, словно брошенный в темени щеник,
Не варить кофе литрами. Слушать хард-рок или блюз.
Не стоять у дверей, не гадать по шагам о приходе
И не чувствовать пальцами гладкого тела тепло.
Не читать гороскопы, а лучше подумать о моде.
Не сидеть у окна, остужая свой лоб о стекло.
Не пытаться узнать твой авто по далеким клаксонам,
Не следить за часами, не ждать, что ты снова придешь.
Не считать, сколько веток растет на разлапистых кронах,
И не брать в собеседники тихий, настойчивый дождь.
Не писать твой портрет на обрывке тетрадной страницы,
Позабыть наши встречи и к дьяволу бросить дневник.
Не уйти в монастырь и не думать сбежать за границу,
Согласиться с друзьями поехать в уик-энд на пикник.
Не бояться остаться одной, не метаться в горячке
По квартире. Не трогать замолкшей гитары струну,
Не курить постоянно, сминая в волнении пачку.
Не надеяться. Просто любить. Соблюдать тишину.

Инок

Роман-воспоминание

1

Ах, какой это был дом! Он не был похож ни на что виденное мною до четырех лет, а видел я к тому времени хоть и немного, но ведь почти все — в первый раз. Я говорю «почти», ибо некоторые вещи, виденные мною впервые, возбуждали не удивление, а совершенно особенное чувство таинственной и родственной им сопричастности: словно небеса, речку, внимательный взгляд щенка, листву деревьев или материнскую печаль впервые видели мои глаза, но не впервые — моя душа.

А вот дом удивил. Он был весь деревянный (только лестница белокаменная), бревенчатый, с дивно вырезанными орнаментами наличников, карнизов и балкончиков, он был с крутой крышей и флюгером на ней, он был с островерхими ажурными башенками, и весь он как бы стремился к небесам и походил на остановившееся пламя. И был он весь розовый, а там, где облупилась розовая краска, как пепел мерцало старое, в светло-серых ворсинках дерево.

Ах, какой это был дом! Он менялся: по мере моего взросления в нем проступали то сказочное простодушие хором царя Салтана, то привлекательная чуждость вальтерскоттовских замков, то совестливая и смиренная интеллигентность чеховского дома с мезонином. Впервые мы смотрели на этот дом вместе с бабушкой, и я по сей день помню ощущение своей руки в ее большой и мощной ладони. Бабушкины руки меня удивляли: громадные, загорелые и очень крепкие, были они с чрезвычайно ухоженными ногтями — полированными, светло-луночными, имевшими чистый, невинный, почти девичий вид.

Подняв головы, мы обошли дом с трех сторон, и бабушка тихо и медленно сказала: «Здесь мы будем жить». Я опустил голову и не поверил. Мне казалось невероятным, что в таком красивом, таком сказочном доме будут жить такие изгои, как бабушка, мама и я. Я был в замешательстве и, вроде как за поддержкой, повернулся налево — там текла река, а по реке шел лед.

Я впервые в жизни видел реку, тем более ледоход на ней, но не чувствовал ничего диковинного, напротив, все происходящее казалось мне само собой разумеющимся и совершенно естественным. Диковинное произошло позже, когда река очистилась ото льда и я увидел на ней темно-желтенький пароходик, со страшным напряжением шедший против течения и, как мне показалось, против естества — я даже кулаки сжал, привстал на цыпочки и сморщился, вроде бы помогая. Это напряжение почудилось мне излишним и недостойным: я уже был опытен и уже знал, что нельзя идти против природы — нельзя насильно кормить щенка или кошку, надо ждать. Странно, но детское это ощущение жизнь постепенно превратила в убеждение — непоколебимое и твердое.

А вот на ледоход смотреть было и легко и весело — все шло натурально, все шло само собой, шурша, посверкивая, уменьшаясь. А надо мной и бабушкой белым, лимонным и нежно-голубым сияли и сияли небеса, а по краям, у горизонта, они сизо туманились, словно бы затихая. Много лет смотрел я на Белую, видел бесчисленное множество ее никогда не повторяющихся состояний, и стала она одной из моих жизненных опор, мерой естества и красоты, символом изменчивости и постоянства.

Такой же постоянной, как река, и изменчивой, как ее состояния, была моя бабушка — русская дворянка с крепкими мужицкими руками, молчаливая, твердая, светлоглазая, невероятно впечатлительная, до смешного самостоятельная и до странности добрая. Взявшись за руки, мы стояли у вырвавшейся на свободу реки, и по бабушкиному лицу я понял, что она кого-то вспоминает и мысленно с кем-то говорит. Я догадался — с мужем, моим дедушкой. Уже шесть лет (я знал это из разговоров взрослых) дедушка был где-то немыслимо далеко, и неизвестно, был ли, но бабушка верила, что был, и вот сейчас, как я чувствовал, делилась с ним семейными новостями. Сколько же миллионов русских семей могли общаться тогда — шел сорок третий год — только так: остановившимся взором памяти, верностью душ и мучительным нетерпением сердца? Задумавшись, бабушка говорила, бывало, вслух кусочек какого-нибудь стихотворения. Вот и сейчас, глядя на блестящую воду, она сказала, слабенько прищурившись: «И от судеб защиты нет». Мы с бабушкой стояли и смотрели на реку, а лед все шел и шел, совершенно не печалась о своей обреченности. Вдруг я почувствовал, что нас уже трое. Посмотрел — рядом с нами дивился ледоходу маленький светло-коричневый щенок — лобастенький и скромный. Как бывало уже не раз, сердце мое мгновенно преисполнилось любовью и нежностью почти болезненной. Я стал канючить — просить, чтобы щенок жил с нами. Я особо напирал на то, что мы теперь не снимаем угол, а сами себе хозяева, и у нас есть своя комната. Бабушка молча слушала мои причитания и отразила их доводом неотразимым: «Бегаю по помойкам, он что-нибудь да поест, а у нас и самих есть нечего, и Лобик (в ходе выклянчивания я уже придумал ему имя, и мне казалось, что это увеличивает мои шансы) — и Лобик помрет». Печально спустил я с рук щенка, а бабушка подняла на руки меня, видимо в мое, да и свое утешение тоже. А лед все шел и шел, а вдоль берега пошел щенок — маленький и скромный, лобастенький и одинокий.

А на другой день мы переезжали на новое место. Вещей было мало — все разместились на одной телеге. Помню важнейшие: швейную черно-золотую машинку «Зингер», зеркало «еще из Ростова» и несколько связок книг, нот, и журналы «Нива». Меня так беспокоила судьба моего зеленого одеяльца (может забыли, может потеряли) что мне показали его при отъезде, по приезде и раза два в пути. На телеге я почти не сидел, а шел рядом с неторопливой и покорной лошадей, стараясь еще и еще раз заглянуть ей в глаза, которые обожгли меня выражением нездешнего смирения. И вообще, лошадь чрезвычайно понравилась мне и всей своей статью, и тем, что, останавливаясь, помаргивала как-то простецки рассеянно, и еще тем удивительным сочетанием невыразимо вольного с невыразимо подневольным, что так роднит лошадей с хорошими русскими людьми.

Ехали долго — то по островкам асфальта, то по сырой земле, то по упрямым сизым булыжникам — путь к новому дому оказался разнообразным. Я увидел много старинных и милых домов, их резные наличники и балконы осенялись тихими липами. Мне показалось, что бабушка едва заметно кивала им со слабой полуулыбкой сожаления.

Миновав белую пожарную каланчу, мы проехали мимо черного завода горного оборудования. «Раньше он был Гутмана», — пояснила бабушка. Завод мне не понравился. Закопченный и грязный, он, казалось, осквернял все, что было с ним рядом, даже деревья в его дворе производили впечатление тягостное и жалкое. Нелепо и розно стоящие с перекрученными, казалось, стволами, с обломанными, едва зазеленевшими ветками, они походили на женщин, только что подравшихся в очереди за мукой. С облегчением смотрел я направо — ах, река, со вчерашнего она стала вроде бы шире и выпуклей, льдин стало совсем мало, и плыли они, словно одумавшись, медленней.

Телега наша спустилась под гору, на которой сейчас стоит Монумент Дружбы, и по гулкому под копытами мосту переехала малую речонку Сутолоку, коричневым блеском мерцающую на дне глубокого оврага. Из оврага тянуло сыростью и запахом шиповника. Налево показалась церковь — стройненькая, голубая и радостная себе самой. Возница снял холщовую фуражку и перекрестился. Я подивился его смелости. Мама и бабушка замерли уважительно, но примеру его не последовали. Забоялись. Увлеченный дорожными видами и покорным обаянием лошади, я не вдруг заметил возницу, который после привычного ему жеста привлек любопытное мое внимание. Он явно не походил на обычных своих собратьев — не избивал лошадь, не корчил из себя «рабочую косточку», не сквернословил. Напротив, был молчалив, скуп и трезв. Запомнилась общая незаметность неяркого, смирного и простого облика, и особенно его ботиночки, размером почти подростковые, опрятные, ухоженные, старенькие. А потом мелькнул его взгляд — взгляд покорно раздумчивой безысходности, который, казалось, порою вмещает всю человеческую жизнь. Странно, но на руке его было золотое или медное колечко. Он помог нам струситься, неумело принял плату и поехал, бабушка вежливо ему поклонилась. Торопливо кивнув, он как-то стесненно ссутулился и чем-то неуловимым дал нам понять, что на новом месте он желает нам счастья. Бабушка долго стояла задумавшись.

2

И вот стали мы жить в сказочном доме. Тогда я имел весьма смутные понятия о времени и, вероятно, уже через месяц полагал, что мы давным-давно обитаем в большом и диковинном тереме. Ниспосланная нам комната была маленькой, но о трех окнах. Два окна были прямо против входа, с видом на близкий забор, за коим оживал весною большой и красивый сад. Сад был частью поместья весьма странной семьи, виртуозно сочетавшей в себе патриархальщину, уголовщину и «патриотическое» доноительство. Последнее обстоятельство, очевидно, и избавило от фронта молодых и здоровенных парней этого образцового для сталинского режима семейства. Молчаливо-наглые, эти парни неспешно бродили по нашей окраине, искусно совмещая в себе хулиганскую прибалтненность шпаны с вельможной значительностью райкомовских баев.

В солнечные дни элитарный сад был как праздник и сиял так, как может сиять только сад. Были в нем и вишневые деревья. И когда я уже был старшеклассником, то, расцветая, эти пленные, казалось, деревья неуместно, печально и трогательно напоминали мне Чехова. В нашей комнате был постоянный полумрак, солнце заглядывало к нам только перед самым закатом, дивно высвечивая смуг-

люю радугу на торце старинного зеркала. Этот полумрак очень мне нравился, он казался мне уютным и четко отделяющим нашу семейную неповторимость от мира внешнего — чуждого, непонятного и враждебного.

А за садом была рыжая глинистая гора, на горе морг, а над моргом — тополь. Впоследствии я ходил в школу мимо осененного тополем морга с чувством неясности и смятения. Но еще в первом классе эти чувства как-то упорядочились — бабушка прочитала мне вслух жизнеописание Пушкина и показала картинки из него. И тополь мой стал словно из Лицейского сада, по аллеям которого то скучно бродил, то бегал вприпрыжку родненький наш арапчонок. А морг напоминал мне строки Жуковского о последних минутах Александра Сергеевича. Эти слова так поразили меня, что я попросил бабушку прочитать их еще раз и, слушая ее, машинально встал со скамеечки.

А смерть Пушкина я и по сей день воспринимаю как вообще Смерть. Да, смерть впечатлительного и благородного, великого и простого сердца превратила ужас абстрактного небытия в суть христианского прощания души.

Тополь над моргом... Он стал моим другом — по степени его освещенности я почти безошибочно узнавал время, по виду его листочков или обнаженных ветвей — погоду, а его состояния я всегда сопрягал с состоянием своей души. Когда он замирал в неподвижности, я тоже как-то стихал, и вроде тревожился, и вроде чего-то ждал. Я чувствовал, что это ненадолго, и действительно, только что оцепенелый, тополь мой оживал под ветерком, и ветви и листья его принимали формы самые разнообразные, напоминающие все что угодно — успевай только следить. И я следил, следил и фантазировал, расширяя глаза (я это чувствовал) и забывая положение рук и ног. А иногда, в тихие летние златонебесные вечера, не шелохнувшись ни единым листиком, он мог стоять в совершеннейшей неподвижности очень долго, чрезвычайно трогая меня мирным своим стоицизмом. Он не только приятно волновал меня многообразием своих жизнепроявлений, но, как мне казалось, знал о моем существовании и даже понимал меня. Это меня ободряло, и я залезал на печку, дабы без помех переживать радостную таинственность этих никому, кроме нас, не известных отношений. Перед сном я обязательно выглядывал в окно — вроде бы проститься с ним до утра; иногда тополь был слабо освещен снизу — значит, в морге творились дела жуткие. Тут я быстренько ложился в постель, радостно кутаясь в зеленое одеяльце, довольный тем, что я еще живой, хотя разницу между жизнью и смертью представлял не совсем отчетливо. А если мы засиживались допоздна, то над тополем появлялась звезда — очень ясная. Бабушка с несколько мистической полуулыбкой ребенка легонечко и благосклонно кивала «звездоньке», словно горничной, нуждающейся в ободрении: «Здравствуйте, моя милая, вот и вы». Помолчав, бабушка приглашала меня полюбоваться «на это чудо», но, видя мою вялость, интересовалась, какая же краса способна меня тронуть. «Глаза собак, — отвечал я и, подумавши, добавлял: — и лошадей». «Ах, — говорила бабушка и, живо переменив позу, вопрошала: — А людей?» Я помалкивал. Что делать, я и по сей день полагаю, что самое прекрасное, непорочное и чистое на свете — это глаза собак и лошадей.

А тополиную звездочку бабушка называла «вещей». Сидели мы однажды при свечке, ждали маму из школы и вечернего радиосообщения о положении на фронтах. Бабушка стояла у карты Европейской России, которая была утыкана булавками с флажками, которые она, сообразуясь с обстановкой, перекалывала с выражениями весьма разнообразными — судьба русской армии (бабушка никогда не говорила «Красная Армия») болезненно ее волновала. Составив себе мнение,

бабушка подошла к окошку, увидела «звездоньку» и спросила: «Ну, что нам сейчас скажет Левитан, вещунья моя милая?» «Мигнула», — сообщила бабушка с иронической значительностью и, подойдя к круглому черному радио, сжала руки и стала, глядя в пол, ждать. В положенное время «тарелка» ожила и бодрым голосом стала перечислять бои и сражения, населенные пункты и города, а потом стала называть фамилии и звания полководцев. Я сидел у печки и «мусорил» — выстреливал из чурки очередной пистолетик. Вдруг я заметил, что бабушка очень взволнована — ходит сжимая и разжимая руки, то кутается в шальку, то ее снимает... и приласкала меня как-то рассеянно. Наконец пришла мама с двумя стопками тетрадей. Бабушка с несколько напряженной торжественностью села за стол и сказала: «Галя...» Потом, перебарывая волнение, погладила рукой клеенку и, вроде бы цитируя радио, сказала: «Сегодня нашими героическими войсками...» — но не сдержалась, заплакала. Потом, утирая слезы, но не убирая морщин со лба, почти спокойно сказала: «Наши Ростов взяли». Мама положила тетради и перекрестилась. Я впервые видел, чтобы она при мне осенила себя крестным знамением. Да, перекреститься — совершить тысячелетний жест предков — можно было лишь втайне от доверчивого простодушия собственных детей. Но мама, конечно, напрасно беспокоилась: я, как и все дети, был гораздо проницательнее, чем предполагалось, и совершенно ясно сознавал, что о теплой глубинной внутрисемейной нашей жизни в мире внешнем и поверхностном нужно помалкивать. Странно, но именно скрытность внутреннего моего характера породила простецкую открытость характера внешнего.

3

Рядом с высоким, стройным и розовым нашим теремом распласталась похожая на барак лесопилка — организация весьма разнообразная: от работников — мрачная, от пил — звонкая, от опилок и стружек — пахучая. Сырье для этого предприятия приплывало по Белой в виде бесконечно длинных плотов и доставлялось под пилы способом совершенно варварским. Несколько бревен связывались цепью, и две лошади по бокам их тащили «долготье» вверх по довольно крутой горе. Связку из трех бревен лошади влекли споро и даже хвостами помахивали от возбуждения, хотя упирались, конечно, и шеи выгибали с напряжением. Так бы работать и работать, но нет. Погонщики лошадей, как и все нетерпеливые натуры, воображение имели извращенное и мятежное: почти постоянно будучи «вышимши», они наивно полагали, что чем больше связать бревен и чем страшнее погонять лошадей, тем работа пойдет успешнее. Укреплял их в этом заблуждении и парторг лесопилки, человек нечеловеческой энергии, словом своим пролетарским, страстью своей партийною. «Больше связывать бревен и стьоже с этими клячами, бить их и бить, и план, и план, а вам, товаищи, — пьемальные», — скандировал он, за чудовищным неимением времени справляя малую нужду тут же на берегу, даже не отворачиваясь.

Угрюмые погонщики безнадежно смотрели на его срам, мысленно сопрягая его вид с будущими своими дивидендами. Повинуясь воле партии и химерам своего невежества, мужики-фантазеры связывали вместе пять, семь и даже девять бревен. Мат и побои увеличивались соответственно. При девяти бревнах лошади явно надрывались, но погонщики гнали и гнали их вверх похабными воплями и истязаниями

Господи, как же они их били: мученически вытягивая шеи и тыкаясь губами в грязь, лошади падали на колени, а потом валились набок в конвульсиях, хрипе-

ли, их кроткие глаза выкатывались и, глядя в одну точку, замирали в горестном и недвижимом недоумении. Тут погонщики с «широким русским надрывом» картинно бросали оземь кнуты и, матерясь до пены, ее, лежащую, избивали уже сапогами, светясь особым, пролетарским сладострастием. А она, не владея уже телом, вздрагивала только кожей, и отрешенный ее взор, вроде бы намекая на мольбу, по-прежнему оставался неподвижным, даже когда появлялась кровь.

Сердце мое разрывалось — я мучился не меньше четвероногих своих братьев. Ведь это ясно как день: три раза по три бревна гораздо быстрее, чем один раз по девять бревен. «Так же быстрее», — говорила бабушка истязателям, показывая на отвергнутую связку из трех бревен. «Просто быстрее», — повторяла и повторяла она с нервическим подергиванием головы и, нелепо, смешно и жалко сжимая мощные свои ладони, умоляюще глядела на стоящих животных, опасаясь глянуть на распластанное живое существо. Засуетилась. Потерялась. Отчаялась. Наконец взяла себя в руки, успокоилась и вместе с одним пожилым башкиром с трудом помогла лошади встать на ноги. И та стояла, родимая, пошатываясь, растопырив ноги, в крови, сначала низко-низко опустив голову, а потом подняла ее, слабо помаргивая и как бы ища точку опоры.

Как я понял позже, зрелище это было весьма символическим: бабушка стояла перед «народом», просто-таки олицетворяя трагедию русской интеллигенции — в шляпке (нарочито барской), в черном, «еще из Ростова», штопаном-перештопаном английском костюме, таковых же «счастливых» перчатках, в пенсне, с завитым маленьким локончиком около большого уха — потерянным изумлением перед бессмысленной жестокостью и родственным состраданием к живому существу. На глаза ее навертывались слезы бессилия — ее было жалко не меньше лошадей. Она говорила с «народом» о добре. О господи! Меня почти до озноба трогали ее деликатное заступничество, вежливая попытка ее лицемерия: «Вы же советские люди», ее верность своему классу в чувствах, поступках, манерах, даже в облике своем, для окружающих чуждом и нелепым, «не нашим».

И тридцать лет спустя она продолжала верить интеллигентским своим заблуждениям. «Если с людьми говорить по-доброму, по-человечески, они поймут», — говорила она. Истязатели слушали и смотрели на бабушку с иронически уклончивой глумливостью, с молчаливым достоинством охраняя известную только им пролетарскую тайну-истину. Всем своим покорным высшему суеверию видом они словно бы говорили, что эту великую пролетарскую истину никогда не поймет тот, кто не бьет и не мучает, тот, кто не врет и не пресмыкается, тот, кто не может увечить живое естество жизни. «Вы поймете, вы поймете», — говорила бабушка, мелко кивая головой и моргая со счастливой задумчивостью. Никогда и ничего они не поймут: через сорок четыре года одряхлевшие кнutoбойцы или несчастные зачатые «по пьяни» их отпрыски, став волею судеб народными депутатами, на первом же своем съезде не долго думая стали верноподданно и «патриотически» глумиться над Андреем Дмитриевичем Сахаровым. А он стоял перед ними, беззащитная наша защита, стоял, как стояла некогда моя бабушка перед пролетариями-кнutoбойцами, стоял, как та только что вставшая на ноги, избитая в кровь лошадь, стоял, слабо помаргивая и как бы ища глазами точку опоры.

Нет — не поймут.

Внезапно на крыльцо лесопилкиной конторы выскочила девчонка и радостно выкликнула фамилии кнутарей с приглашением на партийное собрание. Раздумчиво матерясь, беспощадные люди поплелись в административные чертоги, оставив лошадей на попечение пожилого и озабоченного башкира. Между ним и ба-

бушкой тотчас же начался осторожный, нащупывающий вероятную степень доносительства, но дружелюбный разговор.

Мне скучно было их слушать, и я занялся внезапно появившимся Лобиком, заметно подросшим за время нашего знакомства. За это время сам собою выработался ритуал наших встреч. Увидев Лобика, я обязан был упасть наземь, раскинуть крестом руки и «умереть». Лобик же должен был, вихля хвостиком, взобраться мне на грудь, громко обнюхать и заскулить. Тут я должен был внезапно вскочить, взвизгнуть и носиться кругами, а Лобик за мной. Замечательно. Это — если сухо, если же сырость и грязь, то я просто пожимал ему лапку, а он, прикрывая глаза, подставлял мне горлышко — чесать. Так было и на сей раз: я присел на бревно рядом с пожилым башкиром и бабушкой, слушал мерный, успокоительный тон их беседы, почесывал Лобикино горлышко и поглядывал на свой тополь, не вдруг его узнавая. После сильного и горького напряжения с лошадьми и унижений бабушкиного заступничества душа как-то успокаивалась, вроде уютно укладывалась где-то в глубине меня, и все окружающее, казалось, снова появилось на свет и не совсем таким, как обычно, а вроде проще, понятней, родней.

Но все же что-то томило краешек души, что-то надсадно ее тревожило. Я догадался — злоба. А бабушка, едва я научился говорить, всегда внушала мне, что злоба, направленная наружу, — яд, и она перестает быть ядом, если направлена вовнутрь, против своих грехов. Я встал, походил, нашел среди штабелей долготья укромный уголок, где меня никто не мог видеть, огляделся и освоился. Лобик обнюхал все углы и сел, подняв ко мне мордочку. Я встал лицом к бревнам, закрыл глаза и помолился, уж как умел, помолился за кротких и несчастных лошадей и за буйных и несчастных их обидчиков. Вроде бы полегчало. Не без таинственности выбрались мы с Лобиком из древесного лабиринта, и я опять сел на бревнышко и опять стал смотреть на свой тополь. Я смотрел на не веселую и не грустную его естественность, на серенькое наволочное небо и его неяркий свет покоя над этой простой землей. И в душе моей творилось что-то простое, неяркое и тихое. И Лобик рядом сидел тоже тихонький. И вдруг где-то слабо почувствовалось солнце — все изменилось вокруг, и показалось, что небо хочет что-то сказать, но стесняется; или Господь, подумалось мне, так улыбочиво ответил на мою молитву и молчаливо призвал к терпению.

4

О немцах я слышал ежедневно: соседи говорили о них как о стихии, которая вроде дождя — когда-нибудь все же кончится; радио же упоминало о них тоном совершенно непонятным из-за вечной своей грозной и официальной торжественности. Мама о них «и слышать не хотела», а бабушка, читая в газете описания фашистских зверств, покачивала на них головою, но удивлялась не очень: «немцы же». Немцы. Я страшно взволновался поэтому, когда в самом конце войны услышал в темном коридоре: «Вон немцев-гадов пригнали баржи разгружать, склад у нас во дворе будет». И невидимый голос добавил с подло усмешливой растяжкой слов: «С дровишками будем».

Я рассматривал пленных немцев с любопытством необычайным и пугливым — злодеи же, но потом, подстраиваясь под взрослых, стал изображать безразличие с оттенком «патриотической» гадливости. В глубине души мне казалось, что взрослые тоже изображали суровое свое негодование, не понимал я только, что в основе этого лицемерия многих был привычный и вездесущий страх. Запомни-

лись немцы странными своими шинелями и какой-то особой настороженной молчаливостью. Даже на внезапный шум, обрушившуюся поленницу например, они реагировали как-то заторможенно: поворачивали на звук не столько головы, сколько глаза. Впрочем, иногда они что-то горячо обсуждали между собой, с удивительным согласием начиная и заканчивая свой галдеж. Отдыхая, они не обменивались шуточками, не бравировали, как русские, своей усталостью, а тихо покуривали и почему-то часто смотрели на Белую.

Меня удивило, что наши конвоиры на немцев не злобствовались, — напротив, после обеда наш солдат, приподняв половник, кричал: «Добавки кому?» В ответ несмело приподнималось несколько (не более пяти из полусотни) плоских котелков. Всегда разных. Я догадался, что немцы по очереди подкармливали друг друга. Странно, но только на примере других наций — башкир, евреев, немцев — я узнал, что между людьми одной национальности существует братская и кровная связь. Русским же, как мне смутно чувствовалось, для осознания своей национальной общности требовались условия особые и противоестественные — бунт и пожар, смерть и война, или, на худой конец, героическая пьянка с мордобоем.

Эта немецкая взаимопомощь очень меня тронула: в ту пору я был очень внимателен к еде и человеческой дружбе. И вот с одним из этих пленных я бессловесно подружился. Он казался мне очень похожим на отца, не внешностью, просто тем, что был молчаливее, печальнее других и как-то особенно одинок. Таким, казалось мне, должен быть отец там, на войне, — печальным и одиноким, без мамы и меня. Немец, видимо, чувствовал симпатию в случайных (и не случайных) моих взглядах, и в ответ что-то смягчалось в нездешних его глазах.

Мне понравилось, что он осматривал удивительный наш дом, как дети осматривают новогоднюю елку, то поднимая голову для восхищения, то опуская ее для уяснения виденной красоты. Однажды он меня выручил.

У меня в ту пору была обязанность собирать для печки щепочки и кору в большую сумку, которую с несколько мелодраматическим выражением бабушка надевала мне через плечо. Я был впечатлительным человеком с уклоном в созерцательность и, заглядевшись на пророческое отражение облаков в реке (мне многое в детстве казалось пророческим — и направление дождя, и цвет снега, и полет птиц) или на нелепую драку слесарей на лесопилке, я «забывался» и являлся домой с «непузатой» торбой, за что бабушка осыпала меня укоризнами.

Однажды, решив доказать всем свою «приспособленность к жизни», я украл березовое полешко и потащил его меж высоких белых поленниц. Преисполненный гордости, предвкушая радостное изумление домашних, я очень торопился и вдруг наткнулся на двух немцев. Один крикнул, забормотал нечто осуждающее и рывком отобрал у меня добычу. Другой же, «мой», что-то сказав товарищу и несколько его даже потеснив, отобрал полешко, вернул его мне и как-то дружелюбно сморщился. Сначала медленно, а потом быстрее я пошел домой, очень довольный своей «жизнеспособностью» и избранником своего воображения. Потом на белом от поленниц дворе мы встречались уже знакомыми взорами, но все равно — встречались и отводили глаза.

Я стал думать, чем мне порадовать моего заступника. Постоянное чувство голода подвигло меня на решение самое натуральное: я украл дома две большие (очень большие) вареные картошки, соль и тайком принес ему. Одну картошку он протянул мне. Я отказался и ушел домой с тихой радостью, впервые в жизни ощутив в душе тот удивительный свет, который вложен в нас Богом, но я не знал, как он называется. Выходя во двор, я всегда искал его глазами, и, если работала не его смена, мне становилось как-то скучно, даже щенки не так радовали. Я заме-

тил, что он тоже симпатизирует щенкам, особенно одному, степенному и важному. Однажды, тоже тайком и вроде бы между прочим, он подарил мне солдатскую алюминиевую пупырчатую пуговицу и карточку кошки. Чтобы домашние не приставали с расспросами, я спрятал подарки в сарайчике, — таинственность этих отношений, безмолвная их многозначительность сильно меня волновали. И во всю мою последующую жизнь меня очень трогали вещи таинственные и невыразимые никаким человеческим словом: церковь, могила матери, полонез Огиньского, посмертная маска Пушкина, рублевская «Троица», старческий взор.

А потом немцев увезли. Я стоял на берегу и смотрел, как они грузились на баржу. Грузились четко, строем, беспогонные их офицеры ими командовали. Уже на барже, среди толпы, я разглядел «своего». Мы встретились взглядами. Я боялся махнуть ему рукой, да и он, видимо, тоже: неуверенно приподнял было руку, но поправил только воротник и стал смотреть в сторону. Внезапно пароход закрычал, захлопал колесами и, дрогнув тросом, повлек баржу. Я посмотрел на небо, бог знает почему, и было на нем великое множество облачков вроде перламутровых булыжников. Я долго стоял на берегу, пока баржа и пароход не стали совсем маленькими. Как ни странно, это была первая потеря в моей жизни.

5

Мы жили в предпоследней квартире, а в самой последней, четырнадцатой, жила не просто соседка, но и сотрудница отца по художественному фонду, тетя Лена. Впрочем, «тетей» я мог называть ее мысленно, ибо бабушка запретила мне называть кого-либо «дядями», «тетями», а только по имени-отчеству. Много свободного моего времени уходило на заучивание соседских имен-отчеств, зачастую весьма экзотических. Но я старался, чувствуя, что людям приятно, когда после «здравствуйте» я без запинки добавлял «Минсагит Муллашаихович» или «Тагзима Нурисламовна». Елена Григорьевна была женщиной необыкновенной: в фонде она считалась одной из лучших исполнительниц портретов вождей, в церкви же, почти ежедневно ею посещаемой, она считалась знатоком евангельских текстов и многих обрядов и правил православной веры. До войны такое сочетание столь различных добродетелей было бы невозможно, но во время войны на это никто не обращал внимания. У нее была дочка, чуть старше меня, но она ходила в садик, и, когда мамы и бабушки не было дома, Елена Григорьевна приглашала меня к себе, скучая одиночеством. Я шел к ней с большим удовольствием: портреты вождей она исполняла дома, и мне очень нравился запах масляной краски, разбавителя и сам почти благостный процесс постепенного появления на холсте лиц таинственных и легендарных. Портреты простых и человеческих товарищей Сталина, Молотова, Ворошилова и Берии Елена Григорьевна выполняла с почти религиозным усердием и перед изображением самых важных мест — глаз, ртов и наград — осеняла себя крестным знамением. Было тихо и хорошо, особенно когда на дворе свирепела непогода, а в печке успокоительно потрескивал огонь. Я садился на «свой» сундучок, поглядывая, как Елена Григорьевна работает, слушая ее неторопливые рассказы из жизни Христа, темный лик которого бесстрастно и просто смотрел на меня из-за рубиновой лампадки. Да, так уж получилось, что добрым светом этой лампадки вместе с Христом были освещены в детском моем сознании простые и человеческие лики членов сталинского Политбюро.

Я слушал Елену Григорьевну, всей душой впитывая интонации добра, смирения и покоя, тихо и глубоко радовался, что ради меня, такого маленького, так

старается взрослый человек: меняет выражения лица, тональность голоса и степень душевного напряжения. Я чувствовал, что в этих разговорах Елена Григорьевна и сама успокаивается и обретает покой в неведомой мне, но несомненной тверди. А о том, что у нее тревожно на душе, я по малолетству своему догадался раньше всех. Вскоре все разъяснилось: ее муж Василий нашел на фронте другую женщину и женился на ней, бросив Елену Григорьевну с дочкой на произвол судьбы.

Однажды, выходя гулять, я встретился в сених с роковым Василием, «заскочившим» к прежней семье, дабы покончить с нею дела «по-человечески». Я поздоровался с ним и вышел на крыльцо. Оглянулся и увидел женщину. Она стояла слева от входа, прижавшись заплочным рюкзачком к стене, смотрела вниз и, видимо, волновалась. Я поздоровался, она мне кивнула, и я проскрипел мимо нее по снегу посмотреть двор: где и сколько намело снегу и есть ли собачьи следы возле нашего сарайчика. Разведав все, я взглянул на свой тополь: ветви его были обнажены и, казалось, что-то просили у неба. «Снега, наверное», — подумал я и опять подошел к незнакомке. Потоптавшись немного, оглядел ее ладные сапожки, ладную шинельку и, наконец, взглянул в ее лицо под серенькой ушаночкой, лицо простенькое и удивительно милое. Долго не мог я отвести взора от света простоты, ясности и миловидности, даже не предполагая, что только такие женские лица будут волновать меня всю оставшуюся жизнь. «Вы партизанка? — спросил я шепотом, желая сделать ей приятное, но, чтоб она не решила, что я дурак дураком, уточняяще добавил: — В отпуске?» Наконец-то она меня заметила, посветлела лицом и вдруг быстро и гибко присела передо мной. «Рыжик, — сказала она с дружелюбной укоризной, — ты фантазер. Я военврач». Я сказал не без важности, что я тоже умею лечить собачек: вылечил Лобика, Майку и Самогона. При последнем слове она расширила глаза с чуть припухшими веками. «Са-мо-го-на», — начала она улыбочиво и по складам, но тут из дома вышел Василий, очень сосредоточенный. Он потрепал меня по шапке, мне показалось, что от него тоже пахнет водкой, она взяла его под руку, и они пошли к возвышавшейся над нашим двором горе, на которой чуть в стороне стоял, худенький по зиме, мой тополь. Я шел сзади них, объясняя, что Самогон — это просто очень шустрый пес, они переговаривались не оборачиваясь, и я отстал от них и стал смотреть, как они поднимались в гору.

Им было трудно — скользота, а они с двумя чемоданами и рюкзачками, да и тропинка вверх была им незнакомая. Иногда они как-то неуклюже скатывались вниз, но помогали друг другу, взаимно подбадривая возгласами, несколько преувеличенными. Мне почему-то стало их жаль. Наконец они взобрались на гору и остановились передохнуть, повернувшись в сторону Белой и мою тоже. Я знал, что оттуда они сейчас видят очень далеко, и помахал им рукой. Они мне ответили. Она, казалось мне, сделала это с большей охотой. Я заулыбался и шутливо поклонился им в пояс. Они мне тоже. Но вполпояса. И ушли.

Пошел ожидаемый мною снег, нехотя, словно его силком посылали на землю. Я повернулся к тополи и стал думать, чем отличается снег, падающий на тополь, от снега, что ложится на землю и крыши. Мне показалось, что и крыши и земля принимают снег покорно, а вот тополь — словно бы встречая гостей. На снегопад я мог смотреть очень долго, забывая обо всем. Зная это, бабушка позвала меня: «До-о-мой!», выдав в форточку большую отцову кисть, которой я очищал от снега свои валенки — взрослый веник был чуть не с меня ростом. Дома я поставил валенки в углубление печи, словно для них созданное, что очень меня умиляло. «Вот ваш домик», — приговаривал я, устраивая валенки в нише. Мне казалось, что они

тоже рады, что у них есть место, ибо стояли там дружно, с каким-то особо домашним видом.

Пока я, по бабушкиному выражению, «рассупонивался», пришла Елена Григорьевна, чрезвычайно печальная, с бутылочкой темной настойки и корзиночкой с пирогом, укрытым салфеткой. Мама моя стала ее утешать, хоть и сама была сильно расстроена, да и знобило ее сильно, ежилась она над тетрадками в двух шалах, своей и бабушкиной. Потом они сидели за столом: выпили по рюмочке (бабушка отказалась и выпить и «судить людей»), «поклевали» пирога и осудили поступок Василия. Мама, по-учительски сложив руки на груди, говорила: «Когда ж это началось, принеси-ка, Ленусь, его письма, особенно то, осеннее».

Елена Григорьевна пошла такая понурая, что у меня сжалось сердце. Я ел печеную картошку и раскладывал, чтоб отвлечься от человеческих печалей, кожуру в виде узоров, и так увлекся, что не вдруг обратил внимание на мамино восклицание: «Это она, она виновата, подлая», — и мама показывала печальной Елене Григорьевне «хитрое» слово из письма неверного капитана. Подруги стали порицать «разлучницу» и ужасаться ее безнравственности. Матушка сказала, что на чужом несчастье своего счастья не построишь. Очень они «ее» ругали. Я вспомнил незнакомку, вспомнил ее незащитную готовность упасть на крутой и скользкой тропочке и простодушную настырность, с какой она преодолевала трудности горы. И представил я ее маленькой, и пожалел я ее, и решил за нее вступиться. Поправляя кожаные узоры на газете, я неожиданно для себя сказал: «Не ругайте ее — она добрая, красивая и простая, и веселая она». — «Ты ее видел?!» Я все рассказал. Обменявшись взглядами, быстрыми и страшными, подруги молча слушали. Мне прискучило отвечать на их расспросы, и я подошел к бабушке, которая смотрела на метель и показалась мне печальною.

Было два способа развеселить маму и бабушку, когда они предавались грусти и унынию. Первый был очень прост — нужно было подойти и приласкаться, второй же требовал некоторых артистических способностей: нужно было сутуло сидеть и говорить взрослым и покорным тоном на темы житейские и печальные. Очевидно, это было смешно, и бабушка и мама веселились прямо на глазах. Но сейчас, в присутствии Елены Григорьевны, оба способа казались мне неуместными. Я поступил проще: попросил бабушку почитать мне сказку. Она качнулась ко мне: «Какую?» — «Ту, — сказал я, — где коршун в море кровь пролил, лук царевич опустил». Бабушка просияла: «Запомнил, умничек». «Запомнил, хлопчик, запомнил», — счастливо обернулась она к подругам, которые, несмотря на печаль, рассуждали о качестве пирога и советовались, разогреть его или так поест. В поисках книги бабушка рылась на полочке, настороженно прислушиваясь к неясному бормотанию приглушенного радио. Вдруг, нахмурившись, бабушка прибавила звук, и все мы услышали голос торжественный, скорбный и отлетающий: «Красная Армия склоняет свои боевые знамена перед гробом генерала Черняховского».

Бабушка охнула, села с лицом испуганным, но подсвеченным оживлением новости, сказала: «Боже мой, Черняховский, такой молодой». На всю жизнь запомнил я предвесенний метельный этот вечер: Иван Данилович Черняховский, дважды Герой Советского Союза, генерал армии, командующий Третьим Белорусским фронтом. Потом я увидел его фотографии — симпатичный, с длинной шеей, с красивыми, очевидно, карими глазами украинской панночки, и казалось, что на плечах его не четырехзвездные генеральские погоны, а прелесть новизны и молодого легендарного счастья.

Много лет спустя я прочитал в книге И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» об Иване Даниловиче строки, меня взволновавшие и по-новому осветившие детс-

кие мои впечатления. Эренбург писал, что Иван Данилович был любимцем судьбы — веселый, простой, был счастлив в сражениях, любил стихи и под аккомпанемент орудий делился с автором мудрыми и горькими наблюдениями.

А в тот далекий-далекий вечер я почему-то решил, что Черняховский сирота, и я ушел за печку, чтобы за него помолиться. Молитву я придумал сам — была она простая: «Спи спокойно, русский воин, — вечная тебе слава, вечная тебе память». Слова «вечная память, вечная слава» бабушка прочитала в журнале «Нива» над многочисленными фотографиями русских воинов, павших еще в ту войну с немцами. Я помолился и, чтоб успокоиться, вытащил и съел несколько капустников из пирога, который грелся на печи в черной чугунной сковородке. Потом я вышел к столу, за коим уговаривали бабушку «приглубить» рюмочку. Бабушка покачала головой, но рюмочку взяла, застыла на секунду и, не чокаясь, стоя выпила — помянула.

Потом матушка с Еленой Григорьевной очистили стол и стали гадать на картах на Васю, на Лену и на «эту». Меня неприятно кольнуло, что подружки почти никак не откликнулись на смерть молодого полководца, поэтому, когда они для успеха гадания спросили, какого цвета волосы у «этой», я вытащил из бабушкиной корзиночки с нитками самую красивую, бледно-желтую шпильку и, приложив ее к виску, соорудил «ангельское», оскорбительно прекрасное лицо. «Блондинка», — упавшим голосом сказала Елена Григорьевна. «Крашеная», — сказала мама и стала раскладывать карты с совершенно деловым лицом. Неожиданно бабушка сказала: «Зачем тебе, внучек, зависеть от чтецов — давай я буду учить тебя читать». — «Давай», — восхитился я. Так в предвесенний снегопад сорок пятого года я стал учиться самому важному из человеческих дел — чтению.

6

Проснувшись и еще не открывая глаз, я пытался обычно предугадать, какая на дворе погода, под каким светом я сегодня буду жить: под ярким и резким светом суетного и слепящего солнечного дня или под неярким и мягким светом мечтательного и задумчивого дня пасмурного. Состояния природы были совершенно неотделимы от состояния моей души.

Однажды, с привычным уже любопытством открыв глаза, я не увидел ни побликам на потолке, ни по степени освещенности стен никаких признаков знакомых мне состояний погоды. Был странный полумрак, обычный при сильном и затяжном дожде, но не слышно было успокоительного шума, напротив — была удивительная тишина. Я глянул в окно и замер — за окном не было ничего, за двумя другими окнами тоже ничего не было. Я растерялся. Бабушка уже пила утренний шиповник за кухонным столиком, не без лукавого любопытства наблюдая за моим недоумением. Я подошел к ней и, косясь на окно, показал на свою ярко-коричневую кружечку: «И мне налей». Бабушка ужаснулась: «А умываться?» Немного поспорили. «Умываться, — сомневался я, — а за окном вон и вообще ничего нет». «Хлопчик намекает на конец света», — сказала бабушка, обращаясь к портрету Сталина и повернув в мою сторону мощные свои ладони. С победоносной улыбкой товарищ Сталин смотрел в будущее и словно говорил: «Конец света для большевиков — это не проблема».

Видя, что я весьма озабочен, бабушка меня ободрила: «Что за паника, голубчик, это же туман». — «Что это?» — спросил я с живостью. Бабушка «научно» мне все объяснила. Конечно же, я ничего не понял — «конденсация», видите ли.

«Откушавши» шиповнику, я запросился на улицу, мысленно готовясь к встрече с неведомым. Было сыро, сапожки мои прохудились, и бабушка достала ботинки, которые маме как жене фронтовика выдали давным-давно и бесплатно в какой-то организации, но тогда они были еще слишком велики и чуть ли не год «ждали мою ногу» в сереньком сундучке. Я внимательно осмотрел и даже понюхал темно-желтые крепенькие ботинки с не нашими буквами на подошве песочного цвета. Они мне очень понравились, тем более что были они загадочного происхождения: мама говорила, что эти ботинки мне «подарил Сталин», бабушка же утверждала, что мне их «прислал президент Рузвельт».

Призвав меня к вниманию, бабушка «в первый и последний раз» зашнуровала мне обнову, я потопал ногами и не без волнения пошел прояснять вопрос о тумане. Конечно же, в сенях встретилась соседка и ласково запричитала: «Ой, какой ботинка — новый-новый, где взял такой, красивый какой». Подумавши, я сказал, что один ботинок (вот этот) мне подарил Сталин, другой — президент Рузвельт. «Па-а-а-ташь», — пропела Тагзима Нурисламовна и удалилась в совершенном восхищении. Я вышел во двор.

Не полной была мгла: рассмотреть можно было только очень близкое; все удалявшееся тихо, нежно и таинственно превращалось в туман, в ничто, в грандиозность. Около нашего сарайчика я присел на корточки — и к ботинкам поближе, и чтоб обдумать туман, явление для меня новое и очень важное. Неизвестно откуда возник Лобик и, помахивая хвостиком, притулился ко мне. Я его погладил: «Туман, Лобик, туман». Лобик потупился. У него вообще была манера вдруг скромненько так потупиться совсем неожиданно и вне связи с окружающей обстановкой. А потом, и тоже вдруг, он оборачивался ко мне и, сделав бровки «домиком», устремлял на меня взгляд своих глаз навывкате. Этот взгляд, смиренный и несколько дикий, чрезвычайно и глубоко меня умилял, и трогал, и казался мне таинственным проявлением каких-то высших, неясных как туман, но всезнающих и всемогущих сил.

Все сущее вокруг, неслышно, но зримо тающее, казалось мне странным, волшебным и пророческим. Это — «он» (как-то туманно, но сильно чувствовалось мне), тот самый, кому я молился, кого я угадывал во всех проявлениях жизни, и кто бесстрастно и просто смотрел на меня из-за рубиновой лампадки Елены Григорьевны. Я пытался даже «соображать»: вот ведь — радостно мелькнуло в душе — вот я не вижу моего тополя, а он есть, и только туман мешает его видеть. А может, и не мешает, а так надо, чтобы знать, что невидимое — есть.

Тут мысли мои окончательно смешались, превратились в нечто бесформенное, но глубокое, тайно и остро радостное, такое почти физически радостное, что я не вытерпел, вскочил на ноги, свистнул Лобика, и мы вместе помчались к реке — я радуясь молча, а он во весь голос. Непривычно и странно звучал в тумане веселый его лай. На реке тоже было удивительно: лед уже прошел, и только несколько маленьких льдинок-сирот, крутясь, прошмыгнули мимо нас из тумана в туман. Было слышно, как невидимые матросы с невидимой баржи говорили разноязыко, потом загремели цепью, хохотнули и успокоились. Вода в Белой была светло-коричневой, как Лобик, что опять-таки на что-то неясно намекало и с чем-то таинственно было связано. Мне показалось интересным поговорить с видимой пустотой, и я спросил в сторону предполагаемой баржи: «Который час, дяденьки?» Меня переспросили, помешкали и ответили. Странно было слышать осмысленный ответ из бессмысленной, казалось, пустоты. Засунув руки в карманы «зипуна» и уже почти привыкая к ощущению новых ботинок, я пошел домой, наблюдая, как Лобик присоединился к стае бодрых собачек. Странное чувство

испытываешь, когда близкое тебе существо присоединяется к сообществу себе подобных. Тревожится душа, очевидно догадываясь, что себе подобных не имеет ни одно живое существо.

Вернувшись домой, я присел возле красочной таблицы, дабы продолжить изучение русской грамоты. Таблицу эту, где каждой букве соответствовал рисунок, сделала мне бабушка, воплотив в этой таблице простодушные фантазии своей самобытности. Она получилась настолько оригинальной, что мама велела повесить ее за печкой, подальше от нескромных людских взоров. И действительно: букве «А», например, соответствовал кудрявый, толстенный и голенький парнишка — «Ангел». Бабушка срисовала ангела с «амурчика» из отцовской художественной монографии, и был он действительно парнишкой со всеми несомненными признаками своего пола. Мама с молчаливой укоризной указала бабушке на несомненные признаки и спросила: «Ну какой же это ангел?» Бабушка замигала и потупилась: «Я ему пририсую трусики, маленькие такие трусики», — и была она такая растерянная и милая, что я не утерпел и стал целовать ее, утешая словами смешными и ласковыми. Над другими рисунками мама тоже вздыхала: «Буква «Б» — бутылка, господи». Но вот рисунок к букве «Г» вызвал у нее почти ужас. Олицетворял букву «Г» приятный человек в усах и бородачке, в военной фуражке русского образца (с овальной кокардой), в кителе с погонами и орденом крестиком у горла — «Государь». С плаксивым лицом мама выговорила бабушке, упрямо, как школьница, нагибавшей голову: «Ты, мама, хочешь, чтоб нас всех пересажали, мало тебе, что отец сидит». «Но кто ж поймет, что это государь, — офицер и все», — с кротким испугом возражала бабушка, но по ее косвенному, в мою сторону, заговорщицкому взгляду я понял, что от своего она не отступится. Конечно же, всей душой я был на стороне бабушки и жалел ее, и сочувствовал и ей, и ее трогательной привязанности ко всем несчастным и гонимым.

Однажды, в ненастный осенний день (шел затяжной дождь, но небо было странно желтое) мы рассматривали с нею пожелтевшие подшивки журнала «Нива» за 1915 и 1916 годы, и бабушка, изменившись в лице, обратила рассеянное мое внимание на фотографию русского офицера (полковника) среди иностранных военных представителей. Вроде бы обычный русский офицер, приятно трогала только общая скромность интеллигентного и простого, чисто русского облика. «Это император», — сказала она, и по дрогнувшему ее голосу и совершенно особенно затуманенному зрению я понял, что относится она к нему с любовью, уважением и, как мне показалось, состраданием. Последнее тут же объяснилось: «Его убили». В ответ на мои расспросы бабушка цитировала Некрасова: «Вырастешь, Саша, узнаешь». Позднее, в комнате был светлый полумрак от густого снегопада, мы с бабушкой рассматривали кнебелевское издание монографии И. Э. Грабаря «Валентин Серов», в коем увидели два портрета государя, исполненные Серовым в 1900 году. На одном император был «в форме Великобританского Шотландского № 2 драгунского полка», на другом — в простенькой военной курточке. Второй портрет мне чрезвычайно понравился: странно было думать, что такой приятный, скромный молодой человек с домашним, печально-стоическим выражением прекрасных глаз — повелитель громадной империи, самодержец всея Руси. Еще более странно мне было узнать впоследствии, что он был именно таким, каким возник в детском моем воображении.

Бабушка в юности своей видела императора, но более рассказывала со слов своего брата, Виктора Алексеевича Павленко, который, будучи одним из первых русских авиаторов, командовал военно-воздушной охраной императорской ставки. По словам сестры и брата (они были дворяне и лгать не могли) в моем созна-

нии воссоздался образ человека простого и беззлобного, глубоко чуждого всяческой рисовке и легко угадываемой игре в «скромное величие». Скромность его была природной, но, дабы избежать искушений неограниченной власти, он укреплял ее воспитанностью удивительно тонкою. Он был доброжелателен, трудолюбив, трудолюбив даже физически — сам чистил снег, пилил и колол дрова, седлал коня. Виктор Алексеевич рассказывал, что государь любил «покурить» с кем-нибудь из конвойных казаков. Одной из таких бесед он оказался свидетелем: говорили о ценах на овес, о разнице казачьих и общевоинских седел, о погоде, о жите-быте. Взаимно заинтересованные разговором, собеседники не казались людьми, стоящими на противоположных ступенях социальной иерархии, — нет, что-то незримо их объединяло. Может быть, сходство характеров, а возможно, то простое, но раньше в России решающее обстоятельство, что оба были христианами и отцами больших семейств.

Зашел разговор о детях. Ободренный естественной простотою беседы, казак задал императору «бестактный» вопрос о здоровье сына. В тех условиях этот вопрос был уже не семейный, но Николай Александрович совершенно не обратил внимания на «бестактность» вопроса, чуть дрогнув погонами и принагнув голову, отвечал печально и просто: «Лечат». Виктор Алексеевич говорил сестре, что он хорошо понимал и чувствовал этого человека, — понимал, что живется ему нелегко: бремя власти было для него тяжелым и не всегда приятным долгом, ибо по природе своей был Николай Александрович мягкосердечен, нерешителен, добр и прекрасно понимал тщету крутых и однозначных решений. Виктору Алексеевичу казалось, что из всех своих горячо любимых детей он как-то особенно нежен с Алешей и Машей — самыми в семье слабенькими.

Брат с улыбкой рассказывал бабушке, что император с удивлением, почти горестным, узнал, что Виктор Алексеевич абсолютный трезвенник. «Вы что ж, полковник, из кержаков, наверное?» — поинтересовался он, вроде бы с сочувствием. «Нет, Ваше Величество, не кержак, а авиатор», — отвечал Виктор Алексеевич с «дерзостью». Николай Александрович примирительно улыбнулся: «Да, сферы высокие». Когда бабушка рассказывала мне все это, глаза ее заволокли слезы воспоминания, а лицо дрожало от борения сложных чувств — нежности, преданности и печально-горького сожаления: «Ведь он любил Россию и умер вместе с ней». Видимо, от отца, императора Александра, к нему перешла не афишируемая любовь ко всему истинно русскому — русскому укладу жизни, русской вере, русскому фатализму даже, но любил он Россию не громогласно, как отец, а как-то смиренно и тихо. «А вообще-то он был настоящим чеховским интеллигентом», — закончила бабушка таким тоном, словно это объясняло все. Не все, но многое, как понял я гораздо позже, читая и перечитывая «Вишневый сад».

7

С самого начала войны, примерно раз в год, мама и бабушка получали от какой-то организации сто или двести солдатских шапок, которые нужно было выстирать, высушить, где надо починить и через ту же организацию вернуть в действующую армию. В эти дни мы жили среди шапок, они были везде — лежали рядами, ровненькими, покорными судьбе и жутковатыми.

Однажды мы сидели с бабушкой над очередной партией шапок — она чинила, а я, польщенный доверием, помогал ей: почти торжественно. На днях наша армия начала штурмовать Берлин, и мы полагали, что эта партия шапок — последняя.

Мы еще не знали о будущей войне с Японией. Закончив чинить шапку, бабушка осматривала ее со всех сторон, потом, склонясь над ней, как над живым существом, то место, где звездочка, мелко-мелко крестила — «от пули» — и затем передавала мне. Я должен был выдернуть белые нитки наметок, почистить щеточкой и положить в мешок. Если бабушка не видела, я тоже старался перекрестить шапку, но уже в других местах — «для верности».

Я очень внимательно следил, чтоб ни одна шапка не осталась без нашего благословения. Работали не торопясь, но споро: кучечка белых ниток увеличивалась и мешок наполнялся. Было уютно, тихо и ласково: бабушка с доброй усмешкой рассказывала о том, как я был маленьким, и о том, как тотчас же по объявлении войны отец повел меня фотографировать, чтоб взять на фронт мою карточку. Посмеиваясь, бабушка говорила, что когда меня перед съемкой охорашивали — подравнивали «чуб» и причесывали, я упорно зажмурил глаза. Боялся смотреть в зеркало. Бабушка лукаво улыбалась. «Ну ладно, тогда ты боялся, что волосы в глаза попадут, но вот я заметила, что ты, дурачишка, по сей день в зеркало никогда не смотришься — как собачонка на него косишься. Отчего так, внучек? — спрашивала она уже серьезно. — Объясни, мне это интересно, ну давай». Я помолчал, помялся и, дабы прояснить вопрос, подошел к зеркалу. Со знакомым уже выражением переживания я смотрел в него и не мог понять, что есть общего между этим выражением и мною. Бабушка меня подзадоривала: «Ну что там за тайны такие, видимые-невидимые? Язычник ты, что ли?» — совсем уж смеялась она. Мне радостно было, что бабушка смеется, и сам я вроде улыбался, но, еще улыбаясь, задумался. Несколько минут ворочал я в себе очень сложные вещи, вещи невыразимые для шестилетней души, ибо то, что я считал собою, включало в себя почти все, что волновало мое воображение. Тут были и дожди — то кроткие, то вспыльчивые, тут был и таинственный туман, похожий на божье сотворение мира, и беспощадно ясное солнце, похожее на конец его. Тут были и замедляющие жизнь морозы, и убыстряющие ее ослепительные ручьи; тут были и тревожащие мир мятежные птицы, и успокаивающая его, на все согласная Белая — родная моя река. Тут были и неожиданные вспышки глубочайшей, головокружительно-внезапной нежности к людям, совсем разным, даже незнакомым прохожим. Была нежность даже к тому, с чем соприкасались их душа, тело, взор; так, я испытывал любовь к пальтишку (я его даже гладил), которое согревало маму, и испытывал благодарность к своему тополю за то, что мама взглядывает на него порою, словно припоминая что-то хорошее и надежное.

И еще было одно ощущение: мне казалось в те военные времена, что совсем разные вещи — и дожди, и туманы, и даже розовые солнечные снега, и задумавшиеся люди, и озябшие старушки, и важничающие щенки, и вербочки, и осиротевшие книги — все важное и значительное, что меня волновало, было освещено (или подсвечено) неярким светом плакучей свечечки, которая, погибая и возрождаясь, светила нам всю войну в медном, стареньком, «еще из Ростова», дореволюционном бабушкином подсвечнике. Словно бы та, ушедшая из этой жизни Россия, зная о нас и о войне, посылала нам молчаливый, неяркий и, как выяснилось позднее, никогда не гасимый свет. Ну как я мог в неполные шесть лет объяснить бабушке эти переполнявшие меня чувства, ощущения, предчувствия, но их-то я и считал собою. Но отвечать было надо, и простодушная бабушкина заинтересованность и ее искреннее любопытство к моей персоне, вероятно, впервые в жизни подвигло меня на «обобщение». Внезапно я сказал, что зеркало показывает не меня, а мое лицо. Очевидно, бабушка меня поняла: она встала, ближе подошла к окну и, слабо прищурясь, стала смотреть на мой тополь. Я тоже затих, при-

слушиваясь к тишине во дворе, в душе и в доме. Помолчав, бабушка сказала с той тихой, искренней простотой, которая при внешней нейтральности тона как-то неожиданно и естественно превращается в сердечность: «Я тоже так думаю». Мы помолчали немного и продолжили кроткую радость дела несомненного и полезного.

Внезапно (мы аж вздрогнули) в нашу дверь что-то сильно ударило — так сильно, что она затрещала, потом еще и еще раздались удары, сотрясавшие не только дверь, но и стены. Бабушка подошла к зеркалу, поправила маленький локончик у большого уха, шальку на плечах и с «бесстрастным» лицом пошла узнавать причину грохота необыкновенного и наглого. Резко откинув крючок, бабушка вышла в сени, я вышмыгнул следом — перед нами отступил, открыв рот, покачивая головой и делая «сонные» глаза, совершенно хмельной Афзал Гимаевич — сосед и демобилизованный воин в новенькой гимнастерке с множеством наград. Он держал в руке помойное ведро со смерзшимися нечистотами, которым и колотил в нашу дверь — ошметки помоев валялись перед нею. «Что здесь происходит?» — спросила бабушка «спокойным» голосом. — Что вам угодно, Афзал Гимаевич?»

Решив, что выражение глаз следует изменить, Афзал Гимаевич вытаращил их совсем уж по-безумному и захрипел: «А-а, выползла, дворянская крыса, сука, падла белогвардейская, интеллигентка бродячая, испугалась пролетарского гнева. Что мне угодно? Мне угодно не жить под одной крышей с врагами народа, я — коммунист, я не могу, я кровь проливал за Савецку власть!» Далее пошли слова нецензурные, но все-таки, хоть и в истерике, он увидел бабушкин взгляд. Взгляд был очень светлый, и в выражении его коммунист, очевидно, увидел что-то такое, отчего истошный его хрип перешел в неясное бормотание, закончившееся икотой и рвотой уже во дворе. Бабушка стояла чрезвычайно прямо, вроде еще и еще выпрямляясь, стояла спокойно, но смотреть на нее было тяжело и страшно. Не сразу бабушка вздохнула, зашла в дом, взяла веник, ржавенький совочек и стала выметать нечистоты из сеней. Увидев, что я топчусь тут в носочках, бабушка меня прогнала.

Дома я оделся потеплее — несмотря на конец апреля, было холодно, и вышел во двор разузнать, отчего большинство жильцов нашего дома толпятся во дворе, у самых ворот. Оказалось, ждут свадьбу. Женился один из родичей Афзала Гимаевича, чем и объяснялось преждевременное его буйство и пьянство. Как и все дети, я не выносил пьяных и посему даже не стал смотреть, как несчастного и подлого Афзала приводили в чувство более трезвые его приятели. Мальчики и девочки объяснили мне, что невеста приедет из деревни, — свадьба будет «богатая», и зрителей будут одаривать конфетами и даже пирожками. Это показалось мне странным — все показное я считал стыдным, фальшивым и тайно-корыстным, Девочка Ира, большеглазая, белобровая и сопливая, с красными озябшими руками, доверительно сообщила мне, что «люди говорят» о необычайной красоте невесты и что ради нее-то она тут и «торчит». «А вовсе не из-за конфет», — добавила она с гордостью. Я живо с ней согласился, сразу же зауважав несокрушимую мощь бескорыстия, теплившуюся в промерзшем и худеньком теле маленькой девчонки. Поматывая из стороны в сторону бедовой своей головой, примчался Самогон (девочка Ира посторонилась), я почесал ему уши, он отдышался и умчался с таким видом, словно без него где-то там все пропадет.

Внезапно с дороги возле лесопилки раздались возгласы, призывающие людей на подмогу: свадебная полуторка забуксовала в грязи, украшенной узорами шин. Сколько ни рассматривал я людей, слезших с машины, я не видел ничего

похожего не только на красу, но даже на невесту. Ира объяснила, что невеста придет чуть позже, — «в легковушке же», а не в грузовике. Так и случилось: когда полуторку не без воплей выкатили на твердь, показалась легковушка — старенькая и смешная, но украшенная бумажными цветами и ленточками. Дело было у самых ворот нашего дома, и все ждали, что невеста тут-то и явится народу. Хотела этого, судя по ее движениям, и девушка, но дверь древней легковушки заклинило. Дело принимало оборот непредвиденный: потрепетавши как птица, невеста потихонечку успокоилась, но беспокойство «на воле» увеличилось — наиболее нетерпеливые притащили топоры и, даже не без торжественности, проплыл лом в притихшей от такого радикализма толпе. Последнее обстоятельство было причиной шуток, кои девочка Ира объяснила мне как «неприличные». В конце концов дверь как-то открыли и невеста вышла, опустив голову и внимательно смотря себе под ноги, — ступала она не то чтобы с радостью, а с неясным, но хорошо чувствуемым уважением и к людям, и к единственной в ее жизни ситуации. Сделав несколько шагов, она наконец подняла голову и оглядела, чуть поворачиваясь, удивительный наш дом.

Что-то открылось у меня в душе, и что-то не то в нее впорхнуло, не то из нее выпорхнуло, — я увидел неземную красоту. Впервые в жизни. У нее был чистый, выпуклый серьезный лоб с детскими подвижными бровями, небольшой нос, широкие и высокие скулы с немыслимой плавностью вливались в детское простодушие щек, щек не улыбающихся, но молчаливо-приветливых. При некоторых поворотах лицо ее казалось совершенно европейским, а при других было несомненно — это башкирка, это гордо-смирренная женственность Азии. И вот это редкое сочетание черт зрелой женственности с видом простодушно-ребяческим, это тончайшее созвучие форм европейской правильности с пластикой азиатской выразительности и было, видимо, той уводящей из этого мира прелестью, которой невольно светилось это божественно прекрасное лицо. Свет женственности и красы освещал, казалось, не только ее облик, но и всех нас, таких обычных, всю нашу окраину и весь весенний, еще не прогретый белый свет. С естественной грацией участвовала она в ритуале свадебной встречи — не манерничала, не печалилась, да и не очень, видимо, радовалась — а исполняла все очень просто, серьезно, деликатно, с какой-то очень тронувшей меня, дружелюбной облегченностью души.

Случайно я услышал имя — Нагима — ее ли было оно или ее подружки, не знал, но мне оно понравилось, и мысленно я так ее и называл.

Я перестал замечать внешние события, совершенно не имея сил отвести взор от созерцания удивительного лица, сошедшего в наш привычный мир с возмутительностью волшебной сказки. Из состояния сладостной завороченности чувств меня вывела девочка Ира. «Смотри, — тронула она меня за рукав, — жених-то какой страшный». Тут только я заметил и жениха: широкоскулый башкирский парень, желтоглазый, с тонким носом и крепкими ноздрями. Несмотря на холод, шинель его была «внакидку» — только на плечах, да и сам он, казалось, чувствовал себя не совсем уверенно. Потом раздавали конфеты в розовых бумажках — в рассеянности я взял одну. Девочка Ира, опустив голову, отказалась. «Спасибо», — прошептала она, но решительно шагнула назад. «Ты чего?» — спросил я ее. С лицом надменно-упрямым она ничего мне не ответила, но потом почти в ухо выдохнула мне тихонечко: «Ни-че-го я сроду не возьму от эн-ка-ве-дешников». Я задумался: я уже знал, кто такие энкаведешники, но демонстрация недружелюбия, но забвение приличий, но показная неучтивость всегда болезненно меня волновали.

Тут с горы стремительно сбежала моя мама — у нее было «окно» в расписании, и она забежала домой перекусить. Моментально во всем разобравшись и передав мне стопку тетрадей, мама поздравила молодых — невесту поцеловала, жениха потрогала по погону. «Повезло вам, Талгат, — такая красавица, такая скромница». Я поднял голову и увидел у мамы в глазах влагу растроганности — чтобы скрыть ее, она полушутя продекламировала: «Совет вам да любовь». Талгат кивал, очевидно, расчувствовавшись. Елена Григорьевна, которая тоже была тут, но в сторонке, в присутствии мамы осмелела, решилась поздравить молодых с присущей ей скромностью. Вдруг мама вернула меня на землю вопросом: «Шапки кончили?» В любых жизненных обстоятельствах мама никогда не забывала «о деле и долге» — от растроганности к деловитости она переходила с удивляющей меня скоростью.

Внезапно чердачное окошко растворилось, и в круглом его вырезе появился Афзал Гимаевич, спрятанный друзьями на чердаке ради всеобщего спокойствия и благолепия. Он обратился к обществу со словом своим пролетарским, со страстью своей партийною; но не совсем понятен и не совсем цензурен был пламенный глагол его — все потупились. Нагима подняла голову, и тут я заметил, что при взгляде вверх ее глаза чуточку косят, придавая взору некий оттенок грустной томности; чердачное напутствие она выслушала чуть приоткрыв рот, без улыбки, и вздохнула без всякого выражения.

Дома мы втроем поели оранжевой тыквенной каши, мама скрутила какую-то физическую таблицу и умчалась, попросившись уже за дверь. Мы с бабушкой опять сели за шапки. Но сейчас работа утратила тихую уютность добродетельного ритуала: все время воображение мое волновали различные выражения удивительного и прекрасного девичьего лица. Пропало спокойствие: даже выглядывая в окно на свой тополь, я думал не о том, как он выглядит, а видели ли ее глаза мое внезапно поскромневшее дерево. Я даже опечалился, что вот вроде бы предал своего друга — думаю не о нем, а об отношении к нему «новенькой». И тогда я почувствовал, а сейчас размышляю: зачем Господь посылает на землю такую, смущающую людские сердца, красоту. Однажды, через много лет, я задал этот вопрос самой Нагиме Асхатовне. Она ничего не ответила, только посмотрела на меня уклончивым взглядом доброжелательного естества, который как-то само собою из длинного моего вопроса оставил только два слова: «Господь посылает».

8

Проснувшись на другой день, я тотчас же вспомнил вчерашний праздник красоты и по привычке стал воображать чудесную девушку в ситуациях сказочных и волшебных. Но недолго пребывал я в мире прекрасном и правильном: нотка тревоги, исказившая журчание бесед между мамой и бабушкой, вернула меня на землю. Буквально, ибо спал я на печи, не столько из нужды, сколь для разнообразия. Постепенно прояснилось, что мама получила письмо, в коем отец просит не писать ему до тех пор, пока он не пришлет новый номер полевой почты. Тревога объяснилась: даже я знал, что новый номер полевой почты означает новый фронт, тем более невероятный, что наша армия штурмовала Берлин успешно и героически. «Степенно» (для оживления женщин) спустившись с печи, я старческой походкой доковылял до умывальника, поддержал немного нос под струйкой воды и, утираясь холстиной, спросил с мудрым равнодушием: «О чем гутарите, казачки?» — «Доброе утро», — сказала бабушка с укоризной. А мама ко мне нагнулась:

«Папа велел тебя поцеловать». — «Когда он придет?» — спросил я с живостью. Не без волнения мне объяснили, что отец, судя по всему, задержится на войне, и, средь противоречивости различных предположений, вдруг вспомнили, что товарищ Сталин обещал президенту Рузвельту (недавно усопшему) после окончания войны в Европе помочь Америке управиться с Японией. «Выполнить свой союзнический долг», — добавила бабушка с официальной строгостью.

Все это путало наши планы: мы ждали отца со дня на день, и вот, судя по всему, нам опять предстояло ждать и надеяться. «Ждать и надеяться» — сколько раз во всю мою жизнь мне приходилось то в большом, то в малом приравнивать эти слова к молитве. Сколько раз уже, бывало, так скрутит жизнь, что и жить-то не хочется, и вдруг увидишь одинокое дерево, обязательно с открученной, поникшей веткой, худенькое, кривенькое такое деревце — вроде бы беззащитное и слабенькое, а вот живет себе и живет, стоит себе и стоит, и растет еще потихонечку, — и как-то совестно станет, и окрепнет душа, и вновь готова она ждать и надеяться. Мы все притихли за утренним шиповником, я смотрел в окно на свой тополь, и он казался мне смущенным, как человек, не выполнивший обещания. Пока мама с бабушкой не ушли на работу, я вышел во двор «подышать», а по сути с тайной надеждою — увидеть легендарную красу.

Возле окон Елены Григорьевны Лобик усердно закапывал носом в землю то, что он, видимо, считал косточкой. Он так старался, что на мой подсвист только мельком оглянулся с рассеянной естественностью дружбы. Я стал с ним шутливо разговаривать, дабы внезапно появившаяся Нагима не подумала, что я жду именно ее. Я ждал не напрасно: она вышла на крыльцо с пожилой женщиной, и они вместе пошли к своему сарайчику. Что-то они там хлопотали, в сарайчике было темно, и Нагима выносила к дверям баночки и туески — рассматривать. Невероятно странно было видеть неземную, сказочную красу, занятую совершенно земным делом. Я смотрел во все глаза, догадываясь, что на моих глазах происходит событие такое же важное, как рассвет, дождь или снегопад: будничная «смирная» ее одежда высвечивала праздник ее красоты с какой-то неяркой, но фантастической выразительностью. Впоследствии я узнал, что это контраст — первопричина почти всех сильных впечатлений.

Дома, перед уходом, мама с бабушкой стали давать мне наставления, обилие коих придавало им характер чисто символический. Наконец я остался один, выслушав последние наставления из-за двери уже запертой. Радость свободного труда подвигнула меня на действия хаотические — хватался то за одно, то за другое, но постепенно я успокоился и составил план. Во исполнение первого его пункта я сел чистить картошку, и дело это было гораздо сложнее, чем представляется несведущему уму, ибо пользоваться ножом было (в целях безопасности) запрещено, а дозволенная скоблilка раздражала меня своей примитивностью. Я сел на кухне (кухней у нас назывался закуток за печкой) и, поглядывая в окно, стал скоблить; небо удивило меня странным своим видом: казалось, что с него вот-вот пойдет снег. Я чистил и чистил, то радуясь растущему количеству ошкурков, то сердясь на глупую скоблilку, то воображая спрятанный острый ножик. Мне очень хотелось посмотреть в окно на зимний вид весеннего неба, но я дал себе задание — посмотреть в окно только тогда, когда количество очищенных «картох» будет равно количеству пальцев на одной руке. Такие промежуточные условия разнообразят занятия, и я был горд, что сам додумался до украшения скучных дел. И еще меж трудов было очень интересно поджидать маленькие пузырьки, которые выпускает очищенная картошка в мисочке с водой.

Наконец можно было взглянуть в окно. Я ахнул: снег действительно пошел, он шел, но не ложился — таял. Возможно, оттого, что мои предчувствия насчет снега сбылись, я очень обрадовался и раза два лазил на печку переживать нечаянную свою радость, ибо резонно полагал, что сбудется и другое мое предчувствие, и отец живым и здоровым вернется с войны. Я часто вспоминал отца, хотя помнил его не совсем отчетливо: когда он в июле сорок первого ушел на фронт, мне не было еще и двух лет. Хорошо помнил только очень серые и очень веселые глаза, колючую щеку и внезапный, тихий и короткий хохоток, — все остальное заволакивалось общим ощущением неторопливо-степенной надежности. Закончив дела хозяйственные, я посидел немного под столом, поежился от уютного полумрака, спел песню о трех танкистах и, постепенно присмирив, стал вспоминать «прошлое». Это было любимым моим занятием. Прошлое всегда мило, и может быть оттого, что все сиюминутное слишком уж материально и таит в глубине своей неуверенное беспокойство предвкушения, планов и надежд. Я вспомнил, как во время зимней моей болезни бабушка читала мне сказки Пушкина. Как она склонялась над моей постелью, и как дружелюбно старался ради нас огонь в печи. Как было тихо, и как розово-голубые узоры на морозном окне получали различное значение в зависимости от бабушкиного чтения: они становились то сказочно заиндевелым лесом, то парчовыми разводами на боярских шубах, то просто морозным окном в одинокой лесной избушке.

Поежившись от уютных воспоминаний, я незаметно перешел к жажде познания, источником которого был растрепанный и толстенный павленковский словарь с картинками и бабушкиными пометками. Я разложил словарь на широком белом подоконнике и, поглядывая на тополь, стал рассматривать картинки — большей частью это были портретики, рисованные тончайшими штрихами; среди неизвестных мне физиономий императоров, полководцев и ученых неожиданно встретилось мне уже знакомое лицо Пушкина. Я обрадовался: «Здравствуйте». Под одним портретиком, изображавшим человека круглолицего, усатого и длинноволосого, я не без труда разобрал похвальное слово царю-реформатору: герой Полтавы, создал промышленность и флот, прорубил в Европу окно и построил на Неве новую столицу государства Российского. «Молодец», — подумал я и посмотрел в окно на недоступный мне сад, на тополь, волнующийся на рыжей горе, на тускло отсвечивающую крышу морга, на серое быстродвижущееся небо. Вдруг что-то двинулось в моей душе: ведь это — небо, тополь, морг, сад, гора, забор — тоже государство Российское. Я поразился. Я даже встал — за окошком было Отечество. Император — щекастый, усатый, твердоглазый — неуловимо, но несомненно подтверждал это мое предположение. Взволновавшись, я немного побегал по комнате, слазил на печку и потом полез под стол, дабы с чувством съесть один из оставленных мне бутербродиков с луком и селедкой, корки их бабушка натирала чесноком — «от микробов».

В дверь постучали. Это пришла Елена Григорьевна со своей дочкой. Люда должна была остаться у нас домовничать, а мы с Еленой Григорьевной должны были пойти «в одно место». Меня попросили умыться и одеться получше. Я повиновался не без удивления. Елена Григорьевна была в «парадной» шали и с сумкой. Она показалась мне решившейся на что-то значительное и торжественное. Мы пошли по набережной вдоль Белой, затем свернули направо, прошли мимо тополя, под которым на здании морга полыхал на ветру новенький, исключительной красы алый-алый флаг. Мы прошли мимо моста через Сутолоку и стали подниматься по некрутой горе. Дорога была мне знакома — по ней я ходил в детсад, пока меня из него не выгнали. Была целая история, коей мама попрекала меня

при очередном моем безобразии: вспыхнув, воспитательница ударила меня по щеке, я ответил ей той же монетой, за что был упрятан в темный чулан. Пока меня тащили и заталкивали в темницу, во мне еще теплилась искорка раскаянья, но из чулана я вышел совсем уж непримиримым к насилию и в детсад больше не пошел. Воспитателей почему-то ужасал не сам факт драки, а то, что, сидючи в чулане, я ободрял себя непристойными частушками, которые услышал от матросов на берегу родной моей реки.

Я волновался, не ведут ли меня в детсад — на мировую. Нет, мы не свернули направо, к улице Егора Сазонова (кстати, Россия единственная в мире страна, где улицы называются именами бандитов), а направились прямо к церкви. Церковь была мне знакома: несколько раз возвращаясь из детского сада по вечерам, я слышал плывущее из нее непривычное, совсем не похожее на радиомузыку, стройное, тихое и ласковое пение. Я полюбил это пение поразительно быстро, и оно уже не мнилось мне странным, а казалось естественным, как звуки жизни, и изначально родным, как глаза матери. У ограды садика, росшего у церкви с трех сторон, я останавливался, бывало, чтобы послушать это пение и еще раз испытать благодать сердечной растроганности. Дабы меня не заподозрили, что я слушаю именно церковное пение (как же, сын учительницы — позор), мне приходилось перешнуровывать ботинки или нетерпеливо озираться, делая вид, что я кого-то поджидаю. Первоначально игровое, это лицемерие постепенно искажало мой характер — я никогда не лгал, но никогда и ни с кем (кроме бабушки) не говорил о том, что меня действительно волнует и трогает. Я приучался жить в родной стране как в тылу врага — тайно, скрытно, молчаливо.

Мы подходили к церкви. С каждым шагом она становилась все больше и больше, и я невольно залюбовался ею: была она бирюзового цвета, стройная, с густосиними куполами и ажурным крестом, который сиял в ясные дни, а сейчас выделялся на фоне неба сложными и темными своими узорами. У самого порога храма мы остановились. Елена Григорьевна присела передо мной, оправила мое пальто и сказала, что сейчас меня будут крестить. Заметно волнуясь, она призвала меня к спокойствию и пояснила, что так делали со всеми русскими людьми сотни и сотни лет, что после крещения я стану настоящим русским мальчиком и всю оставшуюся жизнь меня будет вести и защищать Бог. Я вообще доверял Елене Григорьевне — доверял ее доброте, и незаметности, и тому пристальному вниманию к маленьким традициям жизни, которое так ценится детьми, — и поэтому послушно кивал и ее словам, и той интонации, с которой приобщают слушателя к хорошей и важной тайне. Смутившись горячей благодарностью, я глянул ей в глаза, — она была первым человеком, который не отделил меня, такого маленького, от того немыслимо великого, что называется Россией и христианской ее верой. Я почувствовал, что она поняла мой взгляд и как-то жалко растрогалась.

Мы вошли в храм.

Я — впервые в жизни. Елена Григорьевна сняла с меня картузик и, не машинально, а вроде благословляюще, замедляя движение руки, пригладила мне вихры, попросила обождать и куда-то ушла, озабоченно ссутулившись. Я огляделся и вздохнул: было красиво, но очень уж непривычно. Дома я видел голые беленые стены, на которых висели два отцовых пейзажа и портрет Сталина. Поэтому отсутствие чистых, не изукрашенных пространств показалось мне странным.

Я осматривал обилие красот, но невнимательно — предстоящее событие меня волновало. По этой причине я не отчетливо помнил обряд крещения: смутно помнилось, что сначала меня обнажили и поставили в таз с водою, потом очень старенький священник попросил меня присесть и поливал меня святой водою из

очень красивого ковшика. Я запомнил холодную щекотку воды, озноб моего стыда и слезы растроганности в глазах Елены Григорьевны. Она стояла с новеньким белым полотенцем наготове и тотчас же по окончании обряда вытерла меня, приговаривая что-то одобрительно-облегчающее. Затем она с наивною торжественностью передала мне сверток, в коем оказались ослепительно белая хрустящая нательная сорочка, такие же кальсончики и шерстяные белые носки. Елена Григорьевна сказала, что это подарок, и поцеловала и поздравила меня.

Впервые в жизни мне захотелось всплакнуть не от обиды, а слезами умиления и добра. Что говорить, такие мгновения (или воспоминания о них) и привыкают нас к этой жизни. Священник надел на меня оловянный крестик. Перед выходом из храма Елена Григорьевна дала мне денежку. Когда мы вышли под громадное небо, я понял для чего: на ступенях крыльца сидела бедная женщина с укутанным в тряпье ребенком. Она тихонечко пела. Около нее стояла кружечка. Елена Григорьевна опустила (именно опустила) в нее свою денежку, я — свою. По дороге домой я впервые назвал Елену Григорьевну крестной. Мы бодро шли по тугой весенней грязи, и было нам хорошо обоим. Мы знали, что участвовали в деле несомненном и праведном, а я через немыслимо сложные отражения времен и судеб не столько взором, сколько догадкою души увидел, впервые в жизни увидел неискаженное лицо Родины — милосердное, простое и вечное. Я впервые понял, что моя Родина — это не только гордый, алый, отважно взметнувшийся, не сдающийся флаг, но и смиренхонько притулившаяся нищенка, поющая колыбельную.

В общем-то (как я сейчас полагаю), произошло чудо: пшеничное зернышко догадалось, что оно — часть бывшего и, может быть, будущего урожая. Дома крестная, медленно и волнуясь, рассказала маме и бабушке о «таинстве» и сняла свои руки с моих плеч. Важные и сильные места из ее рассказа я дополнял жестами и мимикой. Нас выслушали и поздравили без особого воодушевления. Мама спросила, не видел ли нас кто, — она боялась, что сознательные граждане донесут «о религиозных предрассудках» и у нее будут неприятности в школе и техникуме, где она работала по совместительству. С несвойственной ей твердой суровостью крестная, не глядя на маму, сказала одно только слово «нет». Потом мы впятером попили шиповнику и стали ждать вечерней сводки фронтовых новостей. Ожидания наши были не напрасны: Берлин пал. Елене Григорьевне наши победы, приближавшие конец войны, напоминали мужнино вероломство, и поэтому, видимо, она участвовала в общей радости как-то в сторонке, словно смущаясь исключительным своим случаем. Я это заметил и перед их уходом простился с нею с особой сердечностью. Она поняла и обрадовалась — тихо, по своему обыкновению.

Мама села за свои тетради, я же залез на печку, тихонько разделся, позвал ее и бабушку и, демонстрируя новенькое, ладненькое, ослепительное белье, исполнил то, что казалось мне пляскою. Женщины поахали, пощупали, повосхищались, и бабушка, сокрушенно покачав головою, вроде бы соболезнующе проговорила: «Какое сердце у Елены Григорьевны, какое сердце». Радио еще раз передало весть о падении Берлина, и мы еще раз захлопали в ладоши, а мама слабенько крикнула: «Ура!» Она потом долго бормотала вроде бы про себя: «Ну, конец войне, конец», — и улыбалась странной улыбкой. Но мы еще не знали, что танкистам Рыбалко предстоит на днях освобождать Прагу. Потихонечку все присмирели: мама вернулась к своим тетрадям, а я лежал на печи, пытаюсь во всех подробностях представить, как полыхает над поверженным Берлином красное знамя. Тогда я еще не знал (даже бабушка не говорила), что у Отечества есть еще один флаг, и

вот сейчас мне кажется несправедливым, что над побежденным нами Берлином не светило отсветом былых побед родное, красно-сине-белое российское знамя. Бабушка сидела на кухне, о чем-то задумавшись, ее мощные руки лежали на коленях, кулаки были крепко-крепко сжаты. Голова ее заметно подрагивала с нервической горделивостью, и было у нее такое выражение, словно она кого-то доказательно упрекала — упрекала не злорадностью правоты, а несокрушимо естественностью фактов. Так, в сущности, оно и было: наше дело действительно оказалось «правым» — враг был разбит, и победа осталась за нами. Чего это нам стоило? «Цена» — тут совершенно неуместное слово. Братья мои, сестры, лучше глянем в глаза тем, кто остался, тем, кто пока еще жив. Разные они, совсем разные: но они вынесли, выстояли, спасли. Благослови Господь их имена, дела и судьбы — они просты и святы.

9

По заказу неких вельмож, вероятно уже с полгода, бабушка с великим усердием вышивала на холсте скатерть удивительной красоты. Бабушка с такой ответственностью отнеслась к этой работе, что сначала вышила фрагмент, который всегда служил мне примером творческой добросовестности. И в ребячестве, да и много позднее я поражался бабушкиному терпению и вкусу: она счастливо догадалась сочетать утонченную «дворянскую» вышивку гладью с холстом — очень грубым, темным и «сермяжно-простонародным». Контраст мешковины с нежными шелковыми нитками уравновешивался сочетанием цветов ярких и звонких, но гармонически между собою согласных. Изображены были цветы и фрукты. Мудрая бабушка: сочетание материально съедобных фруктов и отвлеченно прекрасных фиалочек подсознательно рифмовалось с рубищем основы и парчой тончайшего исполнения. Впоследствии мне, уже взрослому, было странно узнать, что за свой долгий, кропотливый и творческий труд бабушка получила кулечек крупы и ведро картошки. И была она, по словам ее, рада-радешенка. «А мне самой очень интересно было работать», — пояснила она, сделав совершенно детское движение уже совсем белой своей головою. Я дружески ей улыбнулся — это объясняло все. А тогда, в мае сорок пятого, с тщательно скрываемой гордостью творца бабушка показала маме, Елене Григорьевне и мне удивительную скатерть и не без тревоги засобиравшись к заказчику: подштопала свой вечный английский костюмчик, подполировала ногти особой, «еще из Ростова», пилочкой, подвила маленький локончик возле большого уха и, озабоченно поджав губы, ушла.

Я смотрел в кухонное окошко, как она с напряженной сосредоточенностью, прижав к груди сверток со скатертью, одолевает крутизну горы. Машинально, от сопереживания, я тоже что-то прижимал к груди и всеми силами своей души желал ей успеха. Я и сейчас вижу, как она, одолев гору и, возможно, почуяв напряжение моего сочувствия, вроде бы за поддержкой, обернулась в сторону нашего дома, к нашему маленькому кухонному окошку. Постояла немного. Пошла. Старенькая моя. Единственная. И вот сейчас, через серый тот день, через эти годы и годы, через холмик ее могилы, мне хочется крикнуть так, чтоб услышала добрая ее душа: «Бабушка, родная, если виноват в чем перед тобою — прости меня, грешного, если нет — то все равно ради радостного дня ты прости, за что — не знаю, только ты прости меня». А тот день действительно выдался радостным, вечером бабушка пришла окрыленная. «Вы представляете, что было, — говорила она, замедляя речь от волнения, — уже почти в сумерках я разложила скатерть на их

столе, все так расправила и попросила включить электрический свет. Какой был эффект! Все захлопали в ладоши, даже дети, даже старичок-паралитик сумел-таки выразить свое восхищение». — «Он, наверно, пукнул», — осквернил я своим реализмом романтизм мгновения редкого и счастливого. Бабушка прыснула, шутливо на меня замахнувшись, мама с назидательно-вопросительным бесстрастием повела на меня взором, и даже Елена Григорьевна улыбнулась.

Хороший выдался день, тем более мы еще не знали, что позднее по радио выступит товарищ Сталин и спокойно, почти бесстрастно, объявит о страстно ожидаемой Победе. Но все это будет вечером, а днем, проводив бабушку, я вышел во двор полюбоваться соседским садом, который еще не расцвел, но к этому готовился. Лучше всего было созерцать недоступный сад с крыши бабушкиного сарайчика-курятника, на которую я взбирался обычно с книгой. Множество часов провел я на этой крыше, упражняясь в первочтении книг, каждая из которых неожиданно, как поворот судьбы, перемещала меня в мир новый и совершенно особенный. Мой опыт чтения и созерцания таинств природы был невелик, но я уже догадался, что любоваться чем бы то ни было лучше всего внезапно, отвлекаясь от чтения или работы несуетной и привычной. Читаешь, переворачиваешь страницы и вдруг взглянешь неожиданно на сад, на белый свет и мгновенно поразишься процессу тихому и неспешному: день вечереет, сад чего-то ждет. Поразишься великому множеству еще полуголых ветвей с малыми детьми-сучочками, и как-то моргнет душа на хаос их переплетения и меж собою, и темнеющим воздухом, и заворуженностью тихих чувств. И вдруг опухнет нутро — может быть, радостью весны, а может быть, первобытностью детства, может быть, предвкушением земной нашей жизни, а может быть, предощущением вечного путешествия души. Я лег на спину и посмотрел в небо, его словно и не было — просто наверху казалось светлее, чем на земле, и все. Вернулся к «Каштанке», вновь погружившись в ощущения удивительно свежие. Много лет спустя, перечитав «Каштанку», я сызнова испытал почти те же чувства: читаешь, и вдруг мелькнет в голове некая оторопь: сам-то ты — собака или человек?

Увлечшись книгой, я выпустил из-под контроля маленький свой мячик, который часто мял для укрепления рук, — он покатился по крыше и упал в запретный сад. Посторонним не рекомендовалось попадать в его пределы — на них спускали с цепи собак, не столько злых, сколько нелюдимых и задерганных. Но я привык к бирюзовому мячику, считал его своим другом и, собравшись с мужеством, полез его выручать. Не без робости шуршал я в прошлогодней листве и вдруг услышал грозный окрик: «Щава нада?» Я поднял взор — ко мне неспешной развалочкой подходил один из членов образцового хулигански-стукаческого советского семейства Шамиль — в кожаной куртке, галифе и сапогах, шея его была шире головы. Я не очень испугался внешне грозного хозяина, ибо уже знал, что грубость и хамство — это просто пароль советского человека: «Я свой». Дружелюбно и вежливо я объяснил ему невольность своего вторжения. Он тоже присел на корточки и, раздумчиво побряхтывая, стал вместе со мною осматривать замечательный хаос подзаборных кустиков. Много лет спустя, точно так же побряхтывая, он, будучи секретарем по идеологии, с пресыщенной рассеянностью отыскивал крамолу в моем эскизе одной монументальной росписи. И тогда и раньше дело кончилось ко взаимному удовольствию: мячик нашелся, а крамола — нет. Когда я карабкался обратно, Шамиль, помогая мне, подшлепнул меня почти дружески.

Не вдруг вернулся я к чтению: возле лесопилки возникла драка Лобика с чужими собаками. Чувства мои разрывались между врожденной ненавистью к

дракам и страстным желанием Лобикиной победы. Видимо, смутное ощущение, что дела эти — борьба и победа — изначально порочны, и было причиной непонятной растрепанности моих чувств. Детские ощущения всегда правы: только жизнь неколебимо убедила меня в злой бессмыслице любой борьбы и великой тщете любых побед.

Взволнованный дракою, Лобик подбежал к сарайчику, и я слез его успокаивать. Тут же случился и маленький мальчик — чей-то родственник из деревни, все звали его просто «балякей» (маленький), он был раза в три младше меня, и я относился к нему со степенным покровительством. Он, видимо, испугался Лобика и собирался заплакать, исказив брови и глядя на меня с надеждою. Я прижал его к себе и, поглаживая его спину, маленькую совсем спину, приговаривал: «Балякей ты мой, балякей, родненький мой балякеюшка». Он успокоительно сопел, не поднимая счастливо потупленного взора и косясь черненьким своим глазом на блатного Шамиля, который, пытаясь улыбнуться, печально смотрел на нас из-за забора — своих детей у него не было. Потом мы вместе с «родненьким балякем» приласкали Лобика и, наслаждаясь дружескими чувствами, я полез на крышу продолжать чтение.

Господи, опять пришлось отвлечься: в саду появилась девочка Венера — младшая сестра Шамиля и ученица моей мамы. Не очень-то большая, эта девочка, по маминым словам, вмещала в себя почти все человеческие добродетели, и я с любопытством ее рассматривал. Девочка действительно была редкая: черты лица ее, вроде бы обычные, искренностью своих жизнепроявлений словно бы на глазах творили иную, свою собственную эстетику, со своими собственными законами выразительности и очарования — очарования опрятного и правильного. Я наблюдал за нею часто и дивился, что простота этого лица была многозначительна как притча и позволяла видеть почти любое лицо, рождающееся из обыкновенности нейтральных его черт. Даже в саду она гуляла с тетрадкой, в пионерском галстуке и аккуратных сандаликах, к которым совершенно не приставала грязь. Это было как фокус: в любой дождь-грязь-слякоть резиновые ее сапожки оставались совершенно чистыми. Удивительно. Проходя мимо сарайчика, Венера машинально на меня взглянула, и я ужаснулся спокойной мудрости ее светлых глаз. По сей день опасаюсь я мудрых женских взоров — есть в них что-то противоестественное, вроде красивого мужчины, наглого ребенка или игривой старухи.

Вроде дождь стал накрапывать, пришлось перебираться внутрь сарайчика. Там тоже было хорошо, но сумеречно, — пришлось зажигать строго запрещенную мне свечку. Было странно, но уютно сидеть в сарае днем при свече, читать и слушать, как дождь озвучивает крышу, сад, мир. Между чудесными этими звуками были и расстояния, как понял я впоследствии, слушая музыку Шнитке. Все сущее целно: однажды я увидел по телевизору святые глаза композитора и понял, почему чувства, будимые его музыкой, сопрягаемы с чувством Бога. Дождик то совсем затихал, то с величайшей деликатностью опять начинал простодушную свою мелодию. За дверью возникло какое-то движение: сопение, вздохи, царапанье. Я отложил книгу и впустил Лобика. Он обнюхал все углы, проникательно посмотрел в щелочку на внешний мир, встряхнулся, взобрался ко мне на топчан и лег у меня в ногах, свернувшись кренделем. Я тоже посмотрел в щелочку: день угасал, но тополь мой, судя по почкам, еле сдерживал нахлынувшие силы — была весна. Я чуть не взвизгнул от восхищения, когда дошел до того места, где Федюшка узнает в цирке свою собачку и кричит: «Каштанка, Каштанка!» Дочитав замечательную книгу, я радостно задумался о том, что Каштанка жизни интересной и сытой предпочла жизнь привычную и родную.

Вечером, уже после бабушкиного триумфа, поужинав, мы просто так сидели — спать готовились. Атмосфера почти бессловесной доброжелательности словно бы помогала маленькой свечке освещать невеликие пределы скромного нашего уюта. Мама первая встрепенулась от едва слышных позывных московского радио: «Широ-ка стра-на моя род-на-я». Бабушка встала, подошла к «тарелке», прибавила звук, стиснула могучие свои руки и замерла. Мама сидела, приложив ладонь к губам, и медленно-медленно раскачивалась. Долго волновала наши души государственная мелодия — очень долго. Я успел взглянуть на еле видный свой тополь. Он тоже ждал. Наконец выступил товарищ Сталин. Контраст между спокойным, бытовым тоном его речи и грандиознейшим смыслом сказанных им слов был разителен. Он объявил Победу.

Снаружи слышались крики. Мы вышли в коридор. Все семьи вышли. Все двери были открыты. В каждой комнате горела свеча или керосиновая лампа. Свет был желтый и теплый, тени почти черные и нервические. Они двигались, увеличиваясь и уменьшаясь, и, ломаясь, пересекаясь и переплетаясь, принимали формы самые разнообразные. Казалось, что среди нас, живых, мечутся, мучаясь, тени павших на фронтах воинов. Все обнимались и плакали. Особенно тяжело было видеть, как человек из последних сил сдерживал рыдания и, не стерпев, срывался, содрогаясь совсем уж беспомощно. Откуда-то явилась брага, называемая в наших краях кислушкой. Все вышли со своими посудинками. Афзал Гимаевич, уже выпивший, был «виночерпием». Прежде чем наполнить бабушкин стаканчик, он галантно поцеловал ей руку, бабушка улыбнулась, сделала ему шутливый «щелбан» и, наклонившись, что-то сказала ему на ухо, кивнув головой в конец коридора. «Ярар», — сказал Афзал Гимаевич и тоже взглянул в конец коридора с мгновенным прищуром сочувствия. А в конце коридора, у открытой своей двери, стояла, прислонившись к косяку, молодая бледная женщина. Все знали, что недавно она получила «похоронку». И вот теперь стояла она у своей двери и не плакала, а смотрела и слушала, но смотрела так, что лучше бы уж она плакала. К ней и пошла бабушка, осторожно неся через толпу полный стаканчик. Подошла, наклонила, здороваясь, голову и что-то сказала. Женщина опустила взор, видимо смутилась, и, отвернувшись, старалась спрятать лицо. Бабушка положила ей на спину свою руку, нагнулась к ней, и они вместе вошли во вдовью комнату. Я взобрался на картофельный ларь, чтобы лучше все видеть и слышать.

Говорили все одновременно и на самые разные темы, говорили и спокойно, и горячась, но единство происходящего меня поразило — я увидел человеческое братство. Впервые в жизни. Я сидел на ларе, завороченно поворачиваясь в сторону то одного, то другого разговора, и чувствовал, что все мы — родные и близкие, братья и сестры, семья человеческая. Благости святых этих чувств я больше никогда не испытывал. Вдруг я заметил, что «балякей» таинственными жестами приглашает меня вниз, к себе. Я спустился. Деликатно, но настойчиво малыш повлек меня через людей по длинному нашему коридору. Дойдя до свободного места, он потоптался и вдруг, встав на четвереньки и расширив глаза, сказал суровым голосом: «Ав-ав-ав». Я улыбнулся, но тотчас же сообразил, что в педагогических целях мне следует поужасаться. Очевидно, это получилось неплохо: смеялся «родненький балякей», смеялся, сгибаясь от радости. Среди всеобщего напряженно счастливого говора самой, казалось, истории как-то странно звучал звонкий его голосочек. Я пошел восвояси. Дверь наша все еще была открыта. Мама с Еленой Григорьевной сидели на порожке обнявшись и, соединившись головою, тихо пели: «Как бы мне, рябине, к дубу перебраться — я б тогда не стала гнуть-ся и качаться». Это была хорошая, но грустная песня.

Я сел на наш порог и задумался: день победы я представлял себе не совсем таким — очень уж много плакали. Раньше, когда шла война и я, то обстоятельно, то мельком мечтал о победе, мне казалось, что явится она как-то особенно: сияющим днем — днем бело-лимонно-голубым, с трепещущими алыми знаменами и грозно-веселыми песнями. Но случилось не так, и осветилось событие теплым, желтым, мирным светом свечей, изуродованным черными теньями, теньями мученическими. И зазвучало событие не бравой радостью воинской доблести, а тихой печалью осиротевшей души. И словно бы мудрость веков осенила простою и скромностью сиюминутную свежесть еще не осознанной победы. Я вошел в комнату — бабушка стояла перед портретом Сталина и смотрела на него с выражением неизъяснимым. Я долго лежал на печке и долго не мог уснуть: в сознании моем мелькали события великого дня — мелькали с удивительной отчетливостью. Я ни в чем не мог разобраться, но чувствовал, что в моей душе этот день — навеки.

Бабушка сидела на кухне и смотрела то перед собой, то в ночное окошко. Пришла мама, окликнула меня: «Ты тут», — и быстренько легла спать. А бабушка все сидела и сидела перед крохотной уже свечкою, и в выражении ее лица мне почудился стоицизм, тот застенчивый и деликатный стоицизм русской интеллигенции, который так поразил меня, когда я читал «Три сестры». Бабушка молчала, изредка приподнимая брови и вздыхая, — молчала, но сейчас мне кажется, что она повторяла про себя заключительные слова вечной этой драмы — слова Ольги Прозоровой: «Если бы знать, если бы знать».

10

Было едва светло, когда бабушка разбудила меня настойчивым шепотом. Я тихонечко оделся, бесшумно собрался и ушел рыбачить, бабушка осторожно заперла за мной двери. Молчаливое и еще сумеречное безлюдье словно бы уменьшало привычные размеры нашей окраины. Я шел по двору, бессознательно обходя хрустящие островки гравия и стараясь ступать по полоскам травы, не выйдя еще из осторожной и тихой домашней сонливости. Я спустился к реке и, подойдя к плотам, стал выбирать место для рыбалки. Места было много — плоты были широкие и тянулись в длину километра на два. Широчайшая возможность выбора — сиди где хочешь — была восхитительной и почти рассеяла дремотное мое состояние. Я выбрал место возле будочки плотогонов, сейчас пустой, присел и осмотрелся: все окружающее вроде бы чуть посветлело и расширилось. Я достал из коробочки червяка, стараясь не смотреть на его корчи, насадил его на крючок, вздохнул, плюнул и, перекрестившись, забросил леску. Теперь можно было заняться самым интересным: поглядывая мельком на поплавок, созерцать тайну рождения белого дня. День, как выяснилось, рождается сверху, когда земля еще совсем сумеречная. В небе начинаются цветные события. Я замер — мир медленно, но зримо менялся, небо становилось голубее и выше, земля золотистее и просторнее.

Утро совсем опустилось на землю, когда деревья на противоположном берегу внезапно озолотились и с удивительной отчетливостью отразились в тихих водах. Посмотрел направо: стал различим далекий-далекий железнодорожный мост со своими арками, блекло-голубые горы за ними почти сливались с сизым, еще не освещенным небом, и казалось, что в этой неяркой дали не только просторы родной земли, но и какая-то угасающая в цвете тайна. Я напрягся душой, услы-

шав сзади шаги людей. Из всех человеческих радостей (думаю я сейчас) счастье созерцания самое хрупкое: достаточно негармонической ассоциации, чтобы вспугнуть всеобъемлющее и беззвучное таинство творимого на глазах мироздания. Я уж не говорю о вторжении грубого материализма в ту тончайшую область, где в «гибком зеркале природы» отражается она сама. На сей раз материализм был представлен двумя очень бодрыми девушками, решившими искупаться в столь необычное время суток. Я озабочился, полагая, что пугающего рыбу шума будет более чем достаточно. И действительно, чего они только не делали — визжали, хохотали, брызгались — плот ходил ходуном. Затем, накрутив на головы свои платypiшки, они уплыли к близкому островку и оккупировали часть его территории с воплями не то восторга, не то ужаса. Там они тоже продолжали тешить бесов: кидались плоскими гальками, утробно смеясь, пытались ходить на руках и танцевали на мелкой воде «Яблочко». Я нагнулся к воде и сурово сказал, что если они не перестанут вопить, я утоплю их вещи. Девушки с ехидцей продемонстрировали мне свои платья. Я показал им их босоножки. Девушки стали плечом к плечу и, высоко поднимая ослепительные колени, стали маршировать в воде и, по-солдатски взмахивая руками, запели с комической угрозой: «Но сурово брови мы насупим, если враг захочет нас сломать». Сплочение их, как, впрочем, и все «сплочения», тоже было комическим, ибо поплыла за обувью только одна. Свои босоножки она с удивившей меня ловкостью прямо в воде надела на ноги, другие же взяла в руки и, скорчив мне гримаску, уплыла не без изящества. Потом с противоположного берега за ними примчалась моторка, они в нее запрыгнули и, помахав мне, умчались с затихающей песенкой.

И наступил на земле мир и покой. Я посмотрел на поплавок, реку, отражение деревьев на том берегу — все возвращалось в обычное свое состояние. Что-то туманно намечалось в памяти и, соразмерив расстояние от тех деревьев до меня, я вспомнил, что на том месте, где я сидел сейчас с удочкой, полгода назад, в декабре, в день отцовского возвращения с фронта, я стоял на лыжах и тоже дивился рассвету, но тогда — зимнему. Невольно я стал сравнивать рассветы зимние и летние, и почудилось мне, что зимние рассветы — вертикальные, а летние — горизонтальные. Тогда я даже головой встряхнул от такой странности. Но странно-сти не было, полагаю я сейчас: обязательной приметой зимних рассветов были высокие столбы дыма из печных труб — столбы то серые, то розовые, то синие. А длинные островки низких туманов таяли обычно в океане летних рассветов, и детское ощущение, как всегда, оказалось резонным. И еще вспомнилось, как я долго ходил на лыжах по Белой, дивясь странному свойству больших заснеженных пространств: невозможно было понять, ко мне или от меня движется далекая человеческая фигурка.

Это детское свое впечатление я вспомнил сорок лет спустя, когда благодетельная гласность, вернув народу ориентиры добра и зла, позволила нам разбираться в направлениях своих прошлых и будущих судеб. И странно было думать, что на том самом месте, где сейчас чуть колыхался красный бакен, я стоял тогда, опершись грудью на лыжные палки, смотрел на далекий и розовый наш дом сквозь пар своего дыхания. Пар возникал и таял, и от этой ритмической эфемерности казалось, что наш, еще дореволюционной постройки, дом стоит с особой устойчивостью, с неявной, но несокрушимой мощью охраняя от мороза, ветра и судьбы нечто теплое, смиренное и сердечное, что-то простодушное, трогательное и слабое, угревшееся в нем как бездомный щенок.

Я даже улыбнулся: там, в доме, у окошка, затянутого серой матовой изморозью, сидит бабушка в черном своем халатике, в пенсне и, сморщив губы, вышива-

ет белые розы на белом покрывале, бессознательно радуясь своему таланту, теплой печке и тишине морозного дня. Я знал, а иногда и наблюдал, задремывая на печке, что бабушка любит помечтать в одиночестве, меняя выражение лица и что-то про себя нашептывая. Очевидно, вспоминала своего мужа, своих братьев-военных, счастливую свою молодость. Явившись домой, я тихо обрадовался, что все обстояло так, как я и предполагал, любуясь издали нашим домом, хранившим в себе семейный уют и бабушкину мечтательность. Бабушка налила мне супу и опять села к окну в черном своем халатике, пожившись не от холода, а от удовольствия. По ее лицу я видел, что она опять вернулась к своим мыслям, — ненапряженные, ритмические смены выражений перемежались порою вопросительной, а иногда восклицательной миной: очевидно, она вспоминала стихи. И действительно, закончив стежок и воткнув иголочку в белый репс, она обернулась к серому окну и сказала вслух медленно — сожалеюще, но не печально: «И все равно надежда им лжет детским лепетом своим». И улыбнулась, обернувшись ко мне. Мне нечего было сказать по причине своего невежества, и я показал ей похвально чистую тарелку.

Весь вечер я рисовал — впервые я рисовал не танки, не пистолетики и даже не большеглазых собак, а попытался нарисовать свои впечатления от зимнего дня. По салатового цвета тетрадной корке я провел две темно-розовые вертикальные полосы, пририсовав внизу синие треугольнички — крыши. Рисунок я показал бабушке. Она надела пенсне: «Кес ке сэ?» Я забыл, как по-французски «зима», и отвечал по-русски. Бабушка внимательно отнеслась к рисунку и даже в кулак его рассматривала, но, возвращая его мне, сказала с оттенком терпеливой печали: «Это не зима, дружок, а генеральские штаны». Я обиделся и залез на печку искать и обдумывать свои возражения. Конечно же, я не нашел их ни тогда, ни впоследствии, ибо их не существует в природе.

Я опять глянул на поплавок, все было недвижно по-прежнему, и опять вернулся в декабрь сорок пятого, к счастливому окончанию памятного того дня — морозного, сердечного и невозвратного.

Я проснулся среди ночи. Бабушка голосом встревоженным и строгим допращивала кого-то через дверь, но открывать ее не спешила. «Да ведь это же Леша», — внезапно вскрикнула мама и стала торопливо одеваться. «Отец пришел!» — и меня разом пронзили два неуживчивых чувства — радости и неловкости. Я соскочил с постели и спрятался за печку. Стоя там, в потемках, я пытался бороться со своей застенчивостью и смутным ощущением чего-то довлеющего. Сейчас я понимаю: то была внезапность — родная сестра насилия. От души, не готовой к событию, проверяюще-оценочная внезапность требует не осмысленной реакции, а простейших рефлексов и, лишая выбора, является посему скрытой формой насилия. Ведь недаром же природа чужда внезапности почти во всех своих проявлениях: гром среди ясного неба гремит только в присказках. Но это я сейчас рассуждаю, а тогда, притаившись за печкой, я томился своей нелепостью и жадно слушал радостные и случайные звуки разговора, почти бессвязного. Постепенно восклицания поутихли, и возник шорох.

Я осторожно выглянул из-за печки. Отец выкладывал из вещмешка какие-то свертки, которые мама разворачивала с видом очень довольным, но намекающим на другую, более важную радость. Один раз, впрочем, она не удержалась и шепнула почти в ужасе: «Колбаса-а». «А кто это там из-за печки выглядывает?» — сказал отец, вроде бы не поднимая глаз, голосом, удивившим меня ноткой смущения. Я бросился к нему. Я все правильно про него помнил: глаза действительно были очень веселые и очень серые, и щека действительно была колючей, и хохот

ток был короткий и тихий. «Что же ты плачешь?» — спросила меня мама. Но, право же, я не плакал — меня просто пробирали озноб радости, и я не знал, куда спрятать лицо. Тут бабушкина занавеска отодвинулась, и бабушка появилась из своего закутка во всем самом «парадном» и даже с подвитым маленьким локончиком возле большого своего уха. Она подошла к отцу, и по церемонности, несколько замедленной степенности я догадался о ее взволнованности.

Поздоровавшись, бабушка в выражениях самых учтивых просила прощения за несвоевременно открытую дверь. Я заметил, что во время ее монолога отец с матерью украдкой переглянулись юмористически. Я почувствовал: отношения у отца с бабушкой будут не простые. Не без робости пришла Елена Григорьевна узнать причину ночного нашего возбуждения. Она поахала, поздоровалась и, не вдруг отыскав выход, ушла за своей настоечкой. Потом мы устроили ночной пир. Отец рассказывал свою фронтовую жизнь, мы — свою. Разговоры не утихали — никогда еще в нашей комнате не было такого оживления, не было столько улыбок, смеха и радости. Впервые в жизни я ел колбасу и тушенку. Но, несмотря на веселье, я почувствовал, что в семье произошел раскол: с одной стороны были отец с матерью, глаз друг с друга не сводившие, с другой стороны оказались мы с бабушкой как люди странные и своеобразные — все немного над нами подсмеивались.

Средь разговоров я, позабывшись, назвал Елену Григорьевну крестной. Отец с холодным недоумением шевельнул бровью: «Что такое?» Крестная покраснела и смутилась: «Как хочешь, Леша, а я его окрестила». Я испугался за кроткого моего друга, но ничего не произошло — после маленькой заминки вопросы и ответы, ахи и вздохи, шуточки и возгласы продолжались как ни в чем не бывало. «Пронесло», — решил я и не успел ничего подумать, только тень сожаления мелькнула в душе, как чей-то недобрый взгляд. Была уже глубокая ночь, и я искусственно поддерживал себя в состоянии бодрости: неестественно расширял глаза, дергал себя за челочку и все время ел. На другой день это мое противоборство с сонливостью бабушка показывала в лицах, и особенно смешно у нее получилось, когда меня, все-таки уснувшего, «оттарабанили» на печку в отцовую шапку и с колбасой в руке. Пели песни: «Случайный вальс», «Синий платочек», «Огонек», «Рябину» конечно. Это хорошие песни: скудость одинокой растроганности они чудесно превращали в спокойную естественность неоглядно-просторной нашей общей судьбы. «И врага ненави-и-сна-ва, — словно бы отрицательно покачивая из стороны в сторону головой, голосила мама, — крепче бьет паренек, за Советскую родину, за родной огонек». Я смотрел на плакучую нашу свечку в старинном бабушкином подсвечнике, и мне казалось, что это тот самый огонек. Потом все утешали крестную.

Я улыбаясь смотрел на поплавок, пытаясь вспомнить шутку, которой бабушка развеселила-таки Елену Григорьевну, и вдруг поплавок мой ушел под воду. Я переждал волнение и, наслаждаясь своим спокойствием, вытащил рыбешку совсем неизвестной породы. Когда я крутился, высвобождая из нее крючок, на плот осторожно взойшла Нагима с бельевой корзинкой и синим тазиком. За ее плечом мелькнула на косогоре фигурка девочки Иры. Она копошилась в земле и обернулась, глядя в спину осторожно ступающей красавицы со странным напряжением шеи, лица и взгляда. В присутствии девочки Иры я всегда ощущал тревогу, которую вызывает человек талантливый и фанатический. Но свет Нагимы был гораздо сильнее темных Иркиных сложностей, и я тотчас перестал их чувствовать.

Нагима присела полоскать. Тихий плеск воды прерывался порюю тихими ее вздохами. Пока я рыбачил, думал и вспоминал, я чувствовал спиной незримую

красу нежного ее присутствия. Это летнее, вполне расцветшее утро располагало почему-то все к зимним воспоминаниям, и вспомнилось мне, как в крещенский мороз с маленькими своими ведрышками я пошел «по воду». Колонка была далеко и, главное, на довольно крутой горе, так что ходить туда и особенно возвращаться с полными ведрами было интересно даже в спортивном отношении.

Но самым интересным был вид с высокой горы — всегда разный в разное время года. Вроде бы обычное дело — разный вид. Но тут был особый случай: летом открывавшиеся пространства почти закрывались листвою близких деревьев и открывались над бесснежными крышами. Зимой же громадные сугробы на этих крышах частично перекрывали пронзительную даль, которая все-таки виднелась сквозь обнаженные ветви деревьев. Наполнив свое ведро, я не сразу сошел с обледенелого возвышения колонки, оцепенев от непривычности увиденного: отягощенные боярскими шапками снега крыши нашей окраины словно бы нависали над простертыми глубоко внизу гребешками снежных барханов на студеных просторах реки, исчезающих не на горизонте, а в розовом мареве гулкого морозного тумана.

Пока я пытался осознать диковинное сочетание мороза, цвета и пространства, пока я пытался привыкнуть к странности знакомых звуков, валенки мои вмерзли в лед — очевидно, я наступил в собственные росплески. Я не мог сделать ни шагу: решительность была бесполезною — валенки были старенькие, подшитые, и энергия освобождения могла оставить меня только при голенищах, совершенно недостаточных при крепком таком морозе. Поставив ведро, я глубоко засунул руки в карманы «зипуна» и положился на волю Божью, людскую помощь и человеческое любопытство. Последнее не подвело. Когда я уже совсем стал зябнуть, появилась полная румяная женщина (очевидно, в окно увидела) с вопросом — работает ли колонка. Работает, сказал я ей и объяснил бедственность своего положения. Женщина ушла и вернулась с огромными ведрами и маленьким топориком.

Пока она меня вырубала, я решил, что, вернувшись домой, нарисую мороз в виде мягких голубых шариков с остренькими розовыми шипами. Когда добрая женщина разогнулась и совместными усилиями я был освобожден, нас обоих разобрал смех, такой веселый, дружеский и странно на морозе звучащий, что ради него можно было и попереживать и померзнуть. Явившись домой, я кратко доложил о причине столь долгого своего отсутствия. Бабушка тут же все это изобразила, украсив вынужденное мое истуканство цветами своей фантазии. Тут были и воробы, которые гадили на меня, как на памятник, и невыносимые труды народа, сдвигавшего меня, как Царь-колокол, и вероятная смертельность моих рукопожатий.

Тут вспомнилось мне, что отец собирался взять меня на этюды, и я, сматывая удочку, засобиравшись домой. Когда я шел восвояси по уже теплым бревнам плота, Нагима еще полоскала. Она была беременна и сидела как-то набочок, слабая ее шея беспомощно, простодушно и по-домашнему выступала из нелепого воротничка выцветшего ее платя. Рядом с ней стояли ее новенькие галошки, ослепительно черные, остроносые, светясь изнутри ярко-розовой, нежно-ворсистой байкой. Услышав мои шаги, она вроде бы напряглась спиною и поджала пальцы на ногах, — что-то беззащитное и босоного-сиротское в согбенном ее облике защемило мне сердце не то чтобы жалостью, а пронзительным чувством узнаваемости, какое бывает, когда среди чуждой толпы вдруг увидишь внезапно родное лицо. Мне страшно захотелось сказать ей что-нибудь нежное, ласковое и ободряющее. Но вот ведь не скажешь же так, ни с того ни с сего. Я поступил проще: поздоровал-

ся с ней не по-русски, а по-татарски. «Исамысыз», — вежливо ответила она, и на меня глянули ее глаза, вопрошающие, чуть косящие; тут же меня узнало и все ее лицо, сказочное, бледное, чуть отекшее, — обреченное на несказочную жизнь лицо.

Я поднимался по косогору, думая о предстоящем нам с отцом походе на этюды. Поперек тропинки была просыпана полоска золы, ветерок, встрепенув ее, сделал похожей на пепельное облачко формы стремительной и тающей. Я не успел обдумать, на что похоже это серое облачко на бежевой, в трещинах, земле, как раздался остерегающий детский возглас. Я обернулся: около лесопилкиных бревен переминалась девочка Ира, приглашая меня к себе жестами суетливыми и таинственными. Я подошел и дружелюбно помолчал вместо приветствия. «Пройди тут, а через золу не ходи», — сказала она мне шепотом и с выражением туповатого ужаса. Лобик, рыча и медленно подвигаясь к ней, скалил зубы на встревоженную девочку, я его отогнал и стал слушать ее диковинные объяснения. Выяснилось, что девочка «колдует» против Нагимы за ее принадлежность к семье энкаведешников — «и вообще». «И вообще», — особым расширением глаз усугубила девочка свое выражение нерассуждающе-идиотской преданности чему-то неясному, но для нее, несомненно, существующему. О как часто встречал я впоследствии это пугающее выражение тупой и нерассуждающей преданности «чему-то» — суеверию, стоящему над простотой обычных чувств и ясностью здравого смысла.

Я молчал, подавленный страстной и непонятной ненавистью замурзанной девчонки к невинной женщине, и, словно за поддержкой, обернулся к реке. Нагима, оглянувшись на пароход, шедший по ту сторону островка, не глядя опустила в воду белье, совсем взволновав беспокойное свое отражение. «Ничего Ирка ей не сделает, — подумалось мне. — Бог ее защитит — такую кроткую». Когда я обернулся к ней, девочка сменила тон и вид. «А ты, — сказала она почти улыбочиво, — влюбился в эту татарку». Подумав, я легонечко постучал кончиком удилица по белой ее голове и неожиданно даже для себя сказал: «Нагима Асхатовна красивая и благородная, и если у нее родится дочка, я на ней обязательно женюсь». Девочка Ира сделала обморочное лицо и, широко расставив руки, стала медленно оседать, отступая к ближнему чурбачку. «У-го-ра-ю», — стонала она в изнеможении. Лобик, вынырнув из какого-то бездонного и ржавого ведра, возобновил свои угрозы ребенку, маявшемуся в приступе веселого изумления. Я его подсвистнул, успокоил и пошел домой, думая о том, как хорошо было рыбачить в сумеречном одиночестве, дивясь на вещи волнующие, но смирные — воду, землю, тишину и зримую неторопливость детски простодушного рассвета.

Почему-то меня встревожила девчачья ворожба, и, пока мы с отцом шли на этюды, я несколько раз порывался спросить его, может ли колдовство изменить человеческую судьбу. Наконец, когда мы по понтонному мосту переходили через Белую, я осмелился и спросил. «Нет, — сказал отец беззаботно, — чепуха все это». Я подумал и сказал свой главный довод в пользу потусторонних сил. «Если нет волшебства, то откуда собаки знают, какой человек хороший, а какой плохой?» — «А они знают?» — спросил отец усмешливо. «Знают», — отвечал я с величайшей твердостью. Убежден я в этом, кстати, и сейчас. «Не знают», — отвечал отец рассеянно. Я разочарованно молчал, не впервые и с удивлением чувствуя, что отец просто не знает, как со мной разговаривать, и, считая меня совсем уж маленьким, отделяется от меня словами случайными.

Пройдя недолго по пыльной дороге, мы свернули влево и пошли по полю к одиноко темневшему вдаль островку-лесочку. Войдя в него, мы увидели, что лесочек — просто группа высоких лип, окружающая небольшое озерцо с черной,

казалось, водою. Пока отец расставлял этюдник, я обошел вокруг озера, берега которого щетинились светло-желтым камышом. Особые впечатления тайно меня волновали: я привык к движущемуся простору реки, и спрятавшееся в тени высоких деревьев тихое, недвижимое и маленькое озерцо показалось мне трогательным, как щенок, укрывшийся от дождя под перевернутой лодкой. Я решился сказать отцу об этом своем ощущении. Он быстро взглянул на меня, усмешливо шевельнул бровями, согласился и затих вроде бы уважительно.

Умаявшись с утра, я прилег под деревом и стал смотреть, как отец работает. Это было как-то успокоительно-интересно: сначала, пока он осознавал себя в житейской будничности, выражение его было обычное — он покачивал головою, хмурился, щурился и покуривал вроде бы с досадой. Но постепенно на лице его засветилась поглощенность работою, отрешенное такое выражение, казалось, что он видит не только небеса, деревья, озерцо, но и всю природу, и суть вещей. Иногда он отступал на шаг от этюдника, не глядя вытирал кисть о тряпицу и, запрокинув голову, торопливо моргал, словно пытаясь постичь что-то неуловимо ускользающее. Я радовался, чувствуя, что в этом самозабвении он переживает лучшие свои часы. Мне нравилось смотреть на отца: какой он крепкий, ладный, в еще фронтальной гимнастерке, кудрявый, сероглазый, — тепло было на душе и на воле.

В небе появились облачка — одно, второе, третье... Сладкая полудрема смежала мне ресницы, но новизна обстановки, не давая мне окончательно уснуть, как на речной волне качала меня между сном и сознанием. То мне чудилась рассудительная мордочка Лобика, которая, не меняя невозмутимо добродушного своего вида, но увеличиваясь и увеличиваясь в размерах, вытесняла собою куда-то вправо беззащитно и страдальчески оскалившуюся рожицу девочки Иры; то мнилось мне, что невероятно прекрасное лицо Нагимы воспаленно запрокидывалось к небесам, которые оказывались травой; то отец осторожно касался кисточкой странно маленьких, но живых, натуральных деревьев, — я засыпал.

(Окончание следует)

Попрошу безоблачного дня...

60
лет

ЛЮБОВЬ*

«Зачем ты явилась, любовь? — я спросила печально. —
Зима за окошком бушует, и юность прошла...»
И снегом укутав, как будто фатой венчальной,
В сундучном сугробе навеки ее заперла.

Но что это?! Лопнули вдруг ледяные засовы,
Скворец засвистал, разгоня метельные сны,
И синий подснежник в сиянии завис невесомо
Среди вдохновенно цветущей, поющей весны!

С собой совладать не сумев, я вскипела от гнева,
Под камень колдунью столкнула ночью порой.
А утром взглянула — из камня до самого неба
Взлетела береза, белея нежнейшей корой!

Я бросилась к морю, на скалы вскарабкалась гибко
И в бездну швырнула любовь! Но со дна глубины
Вернулась она — золотою веселою рыбкой
На гальку прибрежную выпав из пасти волны...

Ну что за напасть? Я противиться больше не в силах.
Я в жизни желаю покоя и тихих отрад.
И в небо, как птицу, кудесницу я запустила, —
Пуškai улетает, пускай не вернется назад!

* Перевод Н. Лясковской.

Гульфия Азнагуловна Юнусова (Идельбаева) родилась 10 сентября 1948 года в дер. Са-рышево Альшеевского района Башкортостана. Окончила филологический факультет Башгос-университета. Первые сборники «Мне всего три годика» и «Голубой мячик» вышли еще в студенческие годы поэтессы. Работала в редакциях газеты «Совет Башкортостаны» и журнала «Пионер». С 1978 по 1999 год — главный редактор журнала «Башкортостан кызы». Подборки стихотворений Гульфии Юнусовой печатались в таких изданиях, как «Огонек», «Дружба народов», «Юность», «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина», «Пионер», «Мурзилка», «Наш современник», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Комсомольская правда», и на страницах региональных изданий. Гульфия Юнусова — кавалер ордена «Знак Почета», удостоена Почетной грамоты РБ, знака «Отличник просвещения РБ», званий «Заслуженный работник культуры РФ», «Заслуженный работник культуры РБ», премии имени М. Акмуллы.

Гульфия

Но надвое небо внезапно со стоном распалось,
Две молнии быстрых вонзились в песок острием,
И в грома раскатах победно любовь возвращалась.
Куда мне бежать, где мне скрыться теперь от нее?

* * *

Ты посмотри — в огне зори*
Мелькает птаха и поет,
То камнем мчится до земли,
То вновь летит под небосвод.

По ветвям дуба — прыг да скок! —
Щебечет ласковый напев,
То перепрыгнет на цветок,
И гнется тот, оторопев.

Прислушайся, поет о чем,
И ошалелой не зови —
В ней просто радость бьет ключом
И сердце рвется от любви.

БЕСПЕЧНОСТЬ**

Беспечность — как пыль оседает на лица.
Беспечность — как пыль проникает в сердца.
Бывает, что пыль вместо сердца клубится,
Сотрешь — и за ней не увидишь лица.

Беспечность — как ржавчина. Стоит поддаться —
Стальные слова обратятся в труху,
И мысли глобальные в прах измельчатся,
И ржавая кровь потечет по стиху.

Беспечность... Но кто до беды неминучей
На пыльном пути не впадал в забытье?
Беспечность — она потому и живуча,
Что сами же мы защищаем ее.

Беспечность одна оставаться боится,
Вот снова она промелькнула в толпе.
О, как она щедро предложит напиться,
А яда и капельки хватит тебе.

* Перевод В. Широкова.

** Перевод Л. Дубаева.

* * *

В мыльной пене*
Детское бельишко,
И рукам отрадно и легко.
Спят мои
Веселые мальчишки.
Месяц над дорогой высоко.

Проведу в воде,
Прохладной, чистой,
И на ветви вывешу белье.
В сердце
Радость тихая стучится,
В песню
Счастье просится мое.

С этой песней
Встану на рассвете.
Попрошу безоблачного дня,
Попрошу
Дороги доброй
Детям
У воды,
У суши,
У огня...

ЗНОЙ**

Земля белесым маревом одета,
Мертвящим зноем все опалено.
А вдалеке, на горизонте где-то
Маячит в небе облачко одно.

Висит оно, не двигаясь, не тая,
И на него с обидой и тоской
Глядит в сердцах береза молодая,
Под солнцем изнывая день-деньской.

И облако вздыхает издалека:
— Красавица, ты на меня не злись!
И мне бы лучше,
Чем висеть без прока,
Косым дождем упасть скорее вниз.

* Перевод Л. Шикиной.

** Переводы Я. Серпина.

Ты б ветру, что с тобою то и дело
В логу играет, ты бы повелела:
Пусть зря не сушит душу он твою.
Пусть, коль и вправду дорожит тобою,
Даст крылья мне — и я живой водою
Тебя в горящий полдень напою!

ДОВЕРЬЕ

Не спрашивай, какой он — цвет измены:
Она, таясь, скрывать свой цвет должна,
И потому бесцветная она.
И свой удар наносит неизменно
Из-за угла, неожиданна и страшна.

Нет на земле измен больших и малых,
Любая — бесконечно велика.
Равно неискушенным и бывалым
Грозит ее незримая рука.

Пусть враг предаст —
Как ни пришлось бы туго,
От недруга не ждем мы доброты.
Но стынет сердце от измены друга,
Которому всем сердцем верил ты.

Мне люди изменяли.
Но в надежде
На совесть их и честь
Без громких фраз
Доверье, ими раненное прежде,
Я людям возвращала всякий раз.

ГУСИ

Спешат студеным утром гуси к югу —
В далекие и теплые края.
И, грусти расставанья не тая,
Тревожат голосами всю округу.

Я им кричу,
Пока не улетели
Они за гребни выщербленных скал:
— Не забывайте синей Агидели,
Скорее возвращайтесь на Урал!

Из белых перьев крылья,
И едва ли

Ты перья те сочтешь,
Им нет числа.
Мне гуси за околицей села
В осеннем небе что-то начертали...
Но слов заветных я не поняла.

ЛЕЙСЯН

Идет лейсян — дождь солнечный идет,
Блестит земля,
Над ней в прозрачном дыме
Летучих тучек быстрый хоровод
И ласковое солнце между ними.

И радуга встает дугой крутой,
И в жизни нет дороги интересней,
Чем вдаль шагать по радуге по той
Под солнечным дождем с веселой песней.

И белый свет,
И вешний небосвод,
Бездонный от рассвета до заката —
Все возвращается из года в год,
И только жизнь уходит без возврата.

Благословенная Уфа

В Уфу наша семья приехала в 1909 году. Здесь я учился и в 1917 году окончил гимназический курс. Эту Уфу, сравнительно давнюю, я хорошо знаю. Ее сейчас нет, есть другая Уфа, ничем не похожая на прежнюю. Начиная рассказ о той, исчезнувшей Уфе, я чувствую себя этаким чудом уцелевшим жителем Китеж-града, вынырнувшим со дна озера и решившим поведать людям о бесследно стигнувшем мире. Пожалуй, так оно и есть? Только не надо думать, что этот мир исчез бесследно. Есть неисчислимое наследство, несмотря на пожары и войны, несмотря на разрушения, на святотатство осквернителей могил и беспощадную работу времени. Нетленно богатство России, как его ни истребляли, и мы – счастливые наследники величайших ценностей, неисчерпаемых богатств.

Когда мы приехали в Уфу, я донимал отца вопросами:

– А почему мы раньше никогда не жили в Уфе? Разве ее не было? Или мы мимо ездили, а в нее все не попадали? Почему?

Приятелей-мальчишек я расспрашивал, давно ли они живут в Уфе и какая Уфа была, например, в прошлом году. На меня таращили глаза:

– Какая! Такая же и была!

Я не мог объяснить, но знал, чувствовал нутром: такая же, да не такая! Я и сам не понимал, чего я хочу, чего добиваюсь. Только сейчас мне понятно, что это был жгучий интерес к людям, к истории, который сохранился во мне навсегда.

Все, что я видел в уфимской гимназии, тоже нужно знать. И тем, кого волнует и привлекает судьба России, и нашим уважаемым педагогам. Кое-что им не понравится в прежних методах преподавания и порядках, кое-что они с негодованием отвергнут, но кое-что заставит призадуматься, и, может быть, нехотя, скрепя сердце, но признать более удачным, чем некоторые современные штампы.

А что? У старой гимназии есть чему поучиться, есть что позаимствовать. В 1927 году, тридцатилетним, но все еще незрелым человеком, я написал роман о

Борис Дмитриевич Четвериков родился в городе Уральске. Учился в уфимской гимназии, первое стихотворение напечатал в гимназическом журнале «Мозаика»; в 1915 году выступил в уфимской газете. В годы Гражданской войны работал корректором в газете в Омске. В 1922 году приехал в Петроград, где через два года выпустил первую книгу рассказов «Сытая земля». В апреле 1945-го по доносу из литературной среды Четвериков был арестован и одиннадцать лет провел в тюрьмах и лагерях. В 1957 году вышла «Повесть о Котовском», в 1964 году – «Повести и рассказы» и большой роман «Котовский». В 1981 – 1982 годах издательство «Современник» выпустило «Избранное в трех томах». Воспоминания Бориса Дмитриевича «Благословенная Уфа» впервые были напечатаны в 1997 году в 4 томе сборника «Башкирия в русской литературе».

гимназистах «Синяя говядина». Теперь, на закате своей жизни, я жалею, что там я охаял гимназию – всю целиком. Это несправедливо, и случилось это потому, что писал я «Синюю говядину» в двадцатые годы, когда модно было отрицать все старое, писал по своим гимназическим дневникам, не задумываясь над фактами, не оценивая их и выплескивая из ванны вместе с водой и ребенка. Сейчас, на расстоянии лет, глазами много испытавшего умудренного человека я иначе расцениваю гимназическое преподавание и, в частности, обстановку той гимназии, которую я окончил. Сейчас я вижу, как много дала мне моя гимназия, вырастившая в своих стенах очень многих людей, достойных того, чтобы о них вспомнить...

Мог ли я, ученик 3 – 4-го класса уфимской гимназии, вообразить, что здесь произойдет еще немало сражений, что настанет день, когда в тихой, провинциальной Уфе загрохочут орудия, затрещат пулеметы, разразится кровавая Гражданская война и все перевернется вверх дном? В мои гимназические годы в Уфе было такое затишье, такая безмятежность. Было много снега. Были бурные вёсны. Цвела липа. Благоухала сирень.

Итак, мы приехали в Уфу в августе 1909 года и поместились в казенной квартире на Телеграфной улице, дом 6, в том же красном кирпичном здании, где размещался Учительский институт. Хорошая квартира, в нижнем этаже, в левой части, если лицом повернуться к дому. Только наша малышня – Вера и Толя, которых мы звали Бим-Бомами, они были неразлучны и ходили всегда взявшись за руки, – наша малышня боялась на прогулках ненормального мальчика, который жил где-то по соседству. Говорят, это был сын богача Красовского. Он гулял в сопровождении няни, но очень пугал детей, стараясь их схватить, и при этом кричал и смеялся.

По правую сторону института стоял двухэтажный деревянный дом, где находилась квартира директора института Лисовского. Он был холостяк, жил вдвоем с дочерью Ларисой. Все, кто его знал, в один голос говорили: хороший человек.

Отец пошел сразу по приезду к нему представляться, и Лисовский в первую же встречу предупредил отца, что за ним учрежден негласный надзор полиции и что из учительского персонала наблюдение поручено учителю географии Сухотину и законоучителю Боголюбову, о чем он, Лисовский, считает долгом уведомить Дмитрия Никаноровича.

Здание гимназии оказалось поблизости. Не так далеко была и река Белая. И вообще, что ни возьми, все было рядом: и магазины, и базар. А когда настала зима, выяснилось, что и городской каток в Видинеевском саду тоже находится поблизости.

Мой отец преподавал в Учительском институте и вел один класс в городском училище – от младшего возраста и дальше, из класса в класс. Как ни гоняли его из города в город, он остался таким же неугомонным и строптивым, таким же смелым в подаче материала, таким же свободомыслящим и упрямым в пропаганде своих взглядов и убеждений среди молодежи. В городском училище народ подобрался особенно дружный, мне рассказывал об этом один из учеников отца – Леонид Петрович Гнедков (в пятидесятые годы он был заместителем главного редактора газеты «Советская Башкирия»). Весь их класс поклялся, чтоб не выдать учителя, когда он увлекался и говорил на уроках истории совсем не то и не так, что и как полагалось говорить по официальной трактовке темы. И ведь не двое, не трое – целый класс дал клятву, что все будет строго конспиративно. Был среди них один ненадежный мальчишка – сын торговца. Но с ним поговорили по душам, что если он только пикнет... И ничего, молчал как миленький. Знал мальчик, что ребята не шутят и ссориться с ними – упаси бог.

Гнедков же мне рассказывал, как однажды (а может быть, и не один раз) они выручили своего учителя из беды, я даже использовал это происшествие в романе. Дело в том, что неясные слухи о крамольном учителе Четверикове все-таки дошли до начальства, недаром же его предупреждал Лисовский о негласном надзоре. И вот для проверки внезапно, без предупреждения пришел на урок Дмитрия Никаноровича сам попечитель округа в сопровождении инспектора. Вошли. В середине урока. Ученики встали, как положено. Начальство замахало на них руками. Все сели. Но один остался стоять, будто продолжая отвечать урок. Дмитрий Никанорович, увлекшись рассказом о гнилости и исторической обреченности царского строя, забыв, а что же полагается сегодня по программе. И вдруг услышал от смышленного ученика-башкира: «Смутная время была ошчень смутная...» Замешательство Дмитрия Никаноровича прошло, ученик знал задание на зубок и отчеканил свой рассказ с акцентом, но без запинки. Попечителю округа ничего не оставалось, как только поблагодарить Дмитрия Никаноровича за отличную постановку дела. А у нас в семье эта фраза о смутном времени навсегда осталась в ходу, как и многие другие.

Но я все отвлекаюсь и отвлекаюсь. А речь моя – о гимназии, о МОЕЙ гимназии, о моей ЛЮБИМОЙ гимназии.

Немало написано о гимназии и гимназистах писателями и просто любителями воспоминаний и очерков, причем большею частью написано это без лишних похвал. Мне почему-то из этих книг больше всего запомнились «Гимназисты» Гарина.

Учителя были разные, многие мне нравились, хотя и не все. Но самой большой достопримечательностью в нашей гимназии был, конечно, директор – Владимир Николаевич Матвеев. Он был и не стар, но как-то весь соединялся в моем представлении с обликом гимназии, так что мне казалось, что и гимназию-то создал он и сколько она существует, столько существует и он.

Владимира Николаевича Матвеева я свято чту. Чтобы понять и оценить всю его мудрость, всю глубину его любви к человеку, мне потребовалось немало времени. Он занимал, в сущности, не бог весть какой пост. Но через его опеку проходили целые поколения, его заботами выращивалась будущая русская интеллигенция. Вся жизнь Владимира Николаевича была в нас, гимназистах. Гимназия была его держава, его детище, и он любил ее всей душой. Никакие циркуляры не могли хотя бы на миллиметр сдвинуть его личных убеждений или его решений по любому вопросу. Может быть, он веровал в Бога. Но не думаю, что веровал в Министерство народного просвещения. Министерство народного просвещения само по себе – Владимир Николаевич сам по себе. У него свои оценки, он по-своему смотрел на воспитание юношества, по-своему решал, что дозволено, что нет.

Но некоторые случаи из моей гимназической жизни повергают меня в недоумение, потому что при анализе их Владимир Николаевич Матвеев вырастает в какого-то рыцаря правды.

Например, в истории с «Крысой» – с инспектором гимназии Соколовским.

С этим субъектом мне довелось познакомиться еще в Троицке. Там я узнал, как гимназисты, уже получившие аттестаты, отомстили инспектору Соколовскому, по прозвищу Крыса, за все жестокости, за все унижения. И надо же было случиться, что мы всей семьей переехали в Уфу – и сюда же, чтобы замести следы неприятного происшествия, убрали инспектора Соколовского!

Урок, полученный Соколовским в Троицке, не пошел ему впрок. Он и здесь, в уфимской гимназии, продолжал травить гимназистов, подслушивать, придираться, даже сажать в карцер за мельчайшую провинность, хотя карцер давненько

был вычеркнут из комплекса воспитательной работы. Инспектор устраивал обыски, обшаривая наши шинели, висевшие внизу, на вешалке, где не было ни номерков, ни специального гардеробщика. Сделав обыск, инспектор производил потом безобразные судилища за найденные в карманах портсигары или пачки папирос, за любовные и совершенно невинные записочки, за использованные, но по рассеянности не выброшенные билеты на спектакли, которые нам запрещалось смотреть.

И вот здесь во мне обнаружился боевой дух, коего я и сам в себе не подозревал: я организовал «крысиный бунт», причем был удивлен и обрадован, что нашлось много помощников, много изобретательных бунтовщиков среди, казалось бы, таких тихих гимназистов.

Штаб бунта находился у меня дома, в моей комнате. Ближайшие мои друзья – такие, как Саша Федоров, Гиравитис, Никита Башилов (должен заметить, что как его отец – губернатор – понравился моему отцу, так Никита нравился мне, это был исключительно хороший, исключительно талантливый и порядочный юноша, мы замечательно дружили) – так вот, мои друзья быстро привлекли к делу еще добрый десяток смельчаков. Включилось несколько человек из числа оркестрантов, там был отчаянный народ. Мы не заседали, не произносили зажигательных речей, мы действовали.

Все началось с утра, еще до начала уроков. Загрохотали взрывы, взвились воздушные шары с призывами «Долой Крысу!». Стены покрылись трудно смываемыми надписями. Сторожа сбились с ног, срывая плакаты и отскабливая надписи со стен. Кто-то из надзирателей без всякого успеха пытался шваброй достать воздушные шары, торчавшие у потолка. На всех идущих по лестнице сыпались сверху листки с воззваниями. Педагоги, выглянув из учительской, снова скрывались там. На лицах некоторых из них сияло явное одобрение и удовольствие: Соколовский и учителей не оставлял в покое, доносил на них, ябедничал, читал мораль на заседаниях педагогического совета.

Разнесся слух: приехал сам попечитель округа. Теперь все зависело от директора, от того, какое он даст освещение всем этим крайне необычным, даже небывалым событиям. Попечитель, испуганно озираясь на клубы дыма, на разноцветные воздушные шары под потолком, быстро прошествовал к выходной двери.

И что же дальше? Были расследования? Искали зачинщиков? Прочесывали? Допрашивали? Наказывали? Ничего подобного!

Занятия мирно продолжались. Соколовского сняли с должности инспектора и оставили простым преподавателем латинского языка.

Я не сомневаюсь, что директор отлично знал, кто руководил «крысиным бунтом». И я думаю: где бы могло все так гладко обойтись? Где бы не воспоследовало исключений из гимназии, суровых кар, репрессивных мер? Просто невероятно! И у меня зарождается подозрение: не хотелось ли и самому Владимиру Николаевичу запустить хотя бы один воздушный шарик с призывом «Долой Крысу!».

Вспоминается еще один эпизод, тоже очень значительный, оставивший во мне большой след. Он связан с преподавателем модной тогда Сокольской гимнастики, приглашенным в гимназию для занятий с нами.

Это был чех Терек (или Герик? Не знаю точно). Он довольно хорошо говорил по-русски, хотя и коверкал некоторые слова на свой лад. По-видимому, он привык командовать и покрикивать на учеников там, у себя на родине. Был он небольшого роста, но весь слеплен из сильно развитых мускулов.

В этот день он пришел к нам на свой первый урок. Мы построились в шеренгу, поздоровались с ним дружно, когда он вошел, и сразу же Терек приступил к заня-

тиям, причем выбор его остановился почему-то на мне, может быть из-за моего хорошего роста. Он что-то скомандовал, но что именно – трудно было понять. Я неподвижно стоял и старался вникнуть в смысл этих слов, чтобы понять, что надо сделать.

– Болван! – вскричал вдруг Терек. – Ты слушай моя команда?

Эти слова я понял отлично. После мне рассказывали, что сначала я густо покраснел, затем стал бледным-бледным. Бросив презрительный, как мне казалось, взгляд на Терека, я молча повернулся и твердой походкой, но не спеша вышел из класса.

Преподаватель гимнастики пожаловался на меня директору. Я ожидал, что меня вызовут к нему. Но прошло несколько дней, и никто меня не вызывал.

В конце недели я спускался по лестнице, направляясь в раздевалку, и очутился рядом с директором, который тоже шел вниз. Я поздоровался, и мы пошли рядом.

Помедлив, Владимир Николаевич как бы мимоходом спросил меня:

– Что у вас случилось на уроке гимнастики?

Я с некоторой даже горячностью стал рассказывать. Говорил о том, что у нас в семье никогда не ругаются, в гимназии тоже всем говорят «вы», а учитель гимнастики накричал на меня и назвал болваном. И что рассердился преподаватель гимнастики напрасно, потому что я не понял, что он говорил, да и все не поняли, потому что были произнесены какие-то слова, смысла которых мы не знали.

Некоторое время мы шли рядом и оба молчали.

Затем так же спокойно и просто директор произнес:

– Можете не ходить на уроки гимнастики.

Я был потрясен. Вообще-то я ожидал почему-то, что Владимир Николаевич все поймет и все рассудит правильно. И я не ошибся. Но такого ответа я все-таки не ожидал и настолько был ошеломлен им, что даже не сумел ничего ответить, хотя бы сказать спасибо.

Но рефераты рефератами, гимназия гимназией, а мое описание жизни в Уфе будет неполным, если я не коснусь нашего, ну что ли пригородного, хозяйства в районе станции Черниковка, – мы-то называли его «хутор».

Я не нашел никаких его следов, когда в пятидесятые-шестидесятые годы приезжал на свидание с моей Уфой и специально ездил по этим местам. Все застроено-перестроено – не узнать. Сплошные здания, железнодорожные пути, переезды, улицы, магистрали... Людно, шумно... Не только хутора – окрестных деревень и то не нашел. Ни Каловки, ни Курочкиной, ни Глумилиной, ни Чесноковки – ничегошеньки! Даже села Богородского и речки Шугуровки в помине нет. Единственное, что я обнаружил, – это горюшку вдалеке, за зданиями: когда-то она стояла посреди чистого поля, и по ее склонам я мальчишкой собирал землянику...

А взять саму Уфу? Она хороша, красива, в ней много новых высоких зданий. Но я бы сказал, это новый город, построенный на месте прежней Уфы! Достаточно сказать, что в городе взорваны чуть ли не все 27 церквей. Одно это меняет облик города. Улицы переименованы. Маленькие домики – с палисадниками, яблоневыми садами и необычно пышной сиренью – снесены с лица земли. Улицы залиты асфальтом, постройки хороши, но производят впечатление некоторой гигантомании. А я думаю: почему бы новый город не построить на новом месте? Что за скверная привычка – прежде чем начать строить, обязательно крушить все и ломать?

Шаляпин в зените славы, в полном благополучии и семейном уюте жил в Париже и все вспоминал, тоскуя, о каком-то российском сеновале, где он когда-

то в давнюю пору ночевал. И у каждого есть свой такой сеновал – чудесный, врезавшийся в память на всю жизнь. Если разобраться, все мои воспоминания – это лирическое повествование о каком-то моем сеновале. Но уж извините, за этой сеновальной лирикой вы найдете много выстраданного, много значительного для каждого непредубежденного ума и сердца.

Итак, хутор.

Три с половиной десятины «неудобной» земли были куплены задешево (по 125 рублей) и в рассрочку через земельный банк. Три рощицы – или как еще называть три болотца, поросшие деревьями и непролазным кустарником? И примыкает наш участок вплотную к железной дороге. А со всех остальных трех сторон мы были окружены ржаными, овсяными, гречушными полями. Представляете?

Задуман был отцом этот хутор всего лишь как подспорье, приработок, наконец, корм нашим всегда голодным ртам. Семейка-то была ничего себе: папа с мамой, нас целая пятерка, Мардыгалим, папин ученик и воспитанник, тоже давно зачисленный в нашу роту, в состав нашей семьи, да дядя Володя – папин брат, который после нашего переезда в Уфу поселился с нами.

Девять человек, конечно, нелегко было прокормить, и подсобное хозяйство было весьма не лишним. Но отец еще и другое имел в виду, покупая участок: приучить детей к физическому труду, дать им сельскохозяйственные навыки, образовывать нечто вроде семейной трудовой коммуны.

Хутор... Произнесешь это слово – и повеет на тебя запахами ржи, цветущей гречихи, свежевспаханной земли, болотным дурманом... А деревья! Надо возле них и среди них пожить, чтобы различать волнующий запах березы, терпкий запах черемухи... И у каждого дерева и куста, у каждой травинки и былинки свое особое приметное дыхание, свой нрав, свой облик, которые научаешься различать и начинаешь прочно, глубоко любить не просто лес, а множество знакомцев, множество зеленых друзей.

Купили мы в деревне на снос избу. Перевезли ее. С одного боку соорудили дощатую пристройку, где жил я, с другого боку построили теплицу. Отец выращивал в ней среди другого-прочего раннюю клубнику и любил удивлять друзей: дарил им в горшочке клубничный кустик с уже созревшей ягодой – и это когда – на Пасху, когда никакой ягодой ни у кого еще и не пахло! Фурор был полный!

Поблизости от избы был вырыт колодец – сажень на сажень, хороший колодец, с воротом, чтобы крутить ручку и спускать привязанное на веревку ведро, пока оно не захлебнется, зачерпнув воду. И еще был построен, как в деревнях, большой навес, частично включавший в себя конюшню, погреб, и во всю длину этого навеса, то есть крытого пространства, укрепленного на прочных столбах, находился под самой его крышей просторный сеновал. Сено мы косили сами. И сами там спали. И сами радовались.

Я пробовал впечатления от хутора воплотить в повесть «Золотой Клин», рассказал о хуторе в повести «Синяя говядина». А все кажется, что я еще ничего о нем не рассказал. Да и возможно ли все о нем рассказать, если это неисчерпаемо много? Легче было выкачать всю воду из нашего колодца, а мы в дни больших поливок это делали, причем поливка производилась вечером, после захода солнца, чтобы растения вдосталь напились, и вода не испарилась, вся пошла на благо кочанов капусты, кустов помидоров, участков виктории (так в Уфе называли садовую клубнику в отличие от полевой). Тяжелая это работа, да еще одолевают комары, а руки заняты, в каждой по ведру или ведерной лейке. И все бегом, и все слышен голос отца, отец организовал этот поливочный аврал, подбадривает нас, работает сам и досадует, что вот-вот вычерпаем весь колодец: столько народу, что

можно бы еще поливать и поливать, а как это необходимо в такие жаркие засушливые дни.

Между прочим, как это ни странно, помидоры в те времена в некоторых деревнях Приуралья не выращивали и даже сроду их не видели. С первых же дней, как мы расположились на хуторе, к нам стали приходить крестьяне из соседних сел и деревень. Приходили какие-то настороженные, как будто входили в клетку льва. Здоровались. Тоже сдержанно. Слово за слово, разговорившись, оценив уважительное к ним отношение, слушали рассказы отца о сортах малины, земляники, овощей.

Я видел, как наши гости косятся на тарелку, полную спелых сортовых помидоров. Косятся, но ни один не желает показать себя неучем, дураком и не спрашивает, что это за штука.

Отец сначала не понял, что помидоров они вообще не видывали. Он думал, их занимает, что это за сорт и каковы они на вкус. Отец назвал сорт и предложил им попробовать, тут же потребовав уксус, соль, лук, сметану, хлеб, тарелки и вилки.

Мужики присматривались, не вышучивает ли их приезжий учитель: разве ЭТО едят?

Между тем отец наложил в тарелки по несколько кусочков помидоров, приправленных перчиком, уксусом, репчатым луком, а в своей тарелке залил все сметаной.

– На мой вкус, – объяснял отец, как бы совершенно не замечая ни замешательства, ни недоверия мужиков, – вот эти хороши. Вы не смотрите, что они желтые, это не значит, что не дозрели, это сорт такой. Некоторые не любят со сметаной, а едят просто с солью, – кто как. А я вот с лучком да с уксусом... Вкуснота! Говорят, что уксус со сметаной несовместимы, а у меня так очень совместимы, я и пельмени так ем – и с уксусом, и со сметаной.

Видя, что отец ест и похваливает, один из мужиков – рослый такой великан, черный и, видать, сильный, даже стесняется своей силищи – крикнул, махнул этак рукой, дескать, где наша не пропадала, и, как будто собирался на кулачки схватиться, сказал:

– Давай!

Сел на табуретку и, неуклюже ковырнув вилкой, подцепил кусочек желтого помидора, и осторожно откусил от него. Все остальные деревенские пришельцы испытующе смотрели на него.

– А что? – сказал великан. – Огурец не огурец, яблоко не яблоко, а как бы это сказать... Скусно!

– Скажи ты! – удивился самый невидный из всех, но, видать, весельчак и балагур. – Ничего?

– Да ты не жмись, Арсентий, – несколько пренебрежительно цыкнул на него великан. – Боисся – отрависся и помрешь? Невелика потеря.

– Я это боюсь? Да я, Иван, поди давно истратил все боялки, остались одни наплевалки.

И тут Арсентий юркнул за стол, бойко придвинул к себе тарелку, взял кусок хлеба, перекрестил лоб и стал за обе щеки уплетать помидоры.

– Конечно, это не пища, – ораторствовал отец, – это приправа к мясному. Например, к телятине, к котлетам...

– Прохаживались по котлетам, да, кажись, прошлым летом, – прожевав и проглотив, нараспев отозвался Арсентий.

– Пошел! Теперя не остановишь! – хохотнул великан.

– Нам останавливаться нельзя, – отозвался Арсентий. – За остановки не поглядят по головке.

Мужики обернулись к отцу:

– Он у нас такой, не обращайтесь внимания.

– Да нешто. С него что взять – голь перекатная.

...Хутор был школой, программа этой школы была обширна, а профессорский состав пестр: ректор – лес, учителя – Арсентий из деревни Курочкиной, Иван Кузьмич Хворостинин из села Богородского, Николай Иванович Ключарев, пчеловод, Анна Васильевна, мастерица делать медовую кислушку. Невзрачный мужичонка Арсентий без назидательных вступительных слов, так, вроде бы мимоходом, научил меня слышать то, что слышно, но почему-то не улавливается многими людьми, особенно горожанами. Оказывается, слышно, как режут в полете воздух крылья птиц, и можно по этому признаку различить, какая птица пролетела, даже если ты не увидел ее. Оказывается, слышно, как на заре раскрываются назревшие бутоны полевых цветов, слышно, как шуршит ящерица по камням и песку, слышно издали, как надвигается ливень... И множество других, как будто неуловимых звуков заполняют мир. Научиться слышать – значит как бы войти в царство живых, приобщиться к порядкам, нравам, навыкам всего живого населения лесов и полей, рек и песчаных отмелей, проезжих дорог и лесных тропинок.

– Слыхал? – таинственно спрашивал Арсентий. – Это медуница, лесная пчела пролетела, – Арсентий смеялся счастливым смехом. – Тяжело летит. Набрала веточных соков свыше меры, дуреха.

Он же научил меня различать запахи.

Оказывается, издали можно унюхать, что впереди река. Оказывается, вечером можно учуять далекую грозу. Ее пока не видно и не слышно, однако остерегайся завтра поутру забираться куда-нибудь далеко, в места, где негде от грозы укрыться.

И вот я стал домашним каждый вечер предсказывать погоду.

– Дождь? – насмехался брат Виталий. – Ну какой может быть дождь, когда солнце не село в синюю пелену, когда в небе ни-ни, ни тебе облачка, ни тебе хоть какой-нибудь малюсенькой дымки.

Я снова отходил от всех в сторону, слушал, принимался, вглядывался и возвещал:

– К полдню у нас ливни пройдут. Да вы послушайте, как лягушки надрываются! Вы завтра собираетесь в город? Не забудьте взять зонт.

Один отец понимал меня. Он тоже умел предсказывать, предчувствовать дождь и был рад, что я научился этому.

Нет, это не знахарство, не колдовство. Надо научиться (именно научиться!) различать запахи, ими всегда наполнен деревенский воздух. Конечно, береза пахнет не так, как осина. А запах вереска? Запах спелой ржи? По запаху можно на большом расстоянии определить, что там, чуть не на горизонте, движется: воз сена или пустая телега, в которой сидит ослотивший шалый мужик, отметивший в городе «сороковкой» удачную продажу кочанной капусты. Надо пользоваться носом, коли он у вас есть. Видеть, обонять, слышать – значит включиться в окружающее, значит узнать о многом, чего раньше не замечал, стать побратимом трав, кустам, птицам и зверюшкам, облакам и ветрам, молниям и солнцепеку.

Война, начавшаяся в августе 1914 года, конечно, нарушила наше беспечное существование. Мы сразу повзрослели, о многом задумались и уже почувство-

вали, что это такое война. Далеко стоит Приуралье от Перемышля и Карпат, а стоны умирающих доносились и до Уфы. В те времена полагалось убитых доставлять родственникам. Привезли и в Уфу мертвецов – бывших гимназистов уфимской гимназии. Мы тогда еще не привыкли к такому, и похороны произвели на нас тягчайшее впечатление. Слишком близко сверкнула коса безглазого всадника – Смерти. Это было потрясение. Взрыв. Менялись все понятия, все менялось. Жизнь развивала невиданные скорости. Все летело кувырком.

Облик Уфы тоже менялся. На улицах города появились пленные австрийские офицеры – в необычного покроя мундирах, при шпагах и в невероятных головных уборах. А тут в Уфу привезли партию раненых: 800 человек, затем еще 200. Все наиболее вместительные здания были отведены под лазареты, в первую очередь заняли ими учебные заведения. Вдобавок решено было сделать Уфу сборным пунктом новобранцев. Вот когда мы своими глазами увидели пусть какой-то краешек, но краешек войны...

Кто видел хоть раз серые землистые лица этих несчастных парнишек, искалеченных на полях битв, томящихся в лазаретах, – тот не забудет их. Как они тоскуют! Как они морщатся от боли, когда при перевязке отдирают у них присохшие кровавые бинты! С каким детским удивлением смотрят на горожан, слушают пришедших к ним артистов, читающих для них чеховские рассказы!

Гимназисты тоже шли в лазареты, пряча под гимназические шинели гитары, балалайки, мандолины, опасаясь, как бы на морозе не лопнули струны. И вот эти парни – в тапочках, в больничных халатах – спешили в бывшую учительскую, превращенную в концертный зал. Гимназисты настраивали музыкальные инструменты, а зрители – кто постукивал костылями, кто передвигался ползком, некоторых приносили на носилках. И гимназисты, напуганные необычным составом публики, старательно исполняли вальс «Амурские волны», полонез Огинского и «Коробейников».

Пришел черед и нашей мужской гимназии. Здание передали военному ведомству, занятия стали производиться в помещении 2-й женской гимназии, во вторую смену, с двух с половиной часов дня до половины седьмого с сокращением продолжительности каждого урока до сорока минут. Заниматься вечерами было трудно и непривычно, весь день был как бы сломан. Какие там уроки, все эти Овидии и Цицероны и в голову не шли, тем более что все больше разговоров было о мобилизации выпускников-гимназистов в армию...

Семейство Четвериковых, если не вспоминать давние молодые годы Дмитрия Никаноровича, всегда слыло безбожным. Никаких таких обрядов мы не признавали, в церковь не ходили и только по требованию гимназического начальства являлись на исповедь и получали справку, что ученик такого-то класса исповедовался и причащался. Это принуждение тем более вызывало протест, возмущение.

У нас в гимназии был умный, со значком Духовной академии на рясе священник-законоучитель. Он сразу же понял, что я не верю ни в сон, ни в чох, и глубоко меня возненавидел. Ненавидел в младших классах гимназии, ненавидел в старших классах – все восемь лет моей учебы в Уфе. Нет, он не донимал меня придирками, какими-нибудь трудными вопросами, он просто не замечал меня, смотрел как на пустое место. Я мог готовить заданное, мог не готовить, он ни разу за все эти годы не вызывал меня отвечать урок и неизменно ставил мне неслышанно низкие для его предмета отметки за год, что мне изрядно попортило аттестат зрелости.

А вот Вера, моя сестра, вспоминает гимназического батюшку тепло, с любовью. До сих пор она рассказывает со смехом, как, будучи приготовишкой, она

неслась в большую перемену по залу и на всем лету врезалась головой... прямо батюшке в живот. И его ушибла, и сама ушиблась, даже упала. Когда увидела, на кого она наткнулась, Вера помертвела от страха: что-то теперь будет... А батюшка – ничего. Поднял ее, погладил по головке и сказал ласково: «Потише надо бегать, милая».

И моя мама была безбожной. Однако, сажая пирог в печь, непременно крестила лист, на котором размещалось волшебное произведение искусства: калиновый... или капустный... или рыбный с вязигой и рисом... или мясной, благоухавший приправами и сдобой... – словом, роскошный, аппетитный, огромный именинный пирог.

Мы, конечно, были безбожниками, и все так и считали, что мы безбожники. Но, видимо, нам хотелось чего-то необычного, загадочного, нарядного. Ведь никто нас не заставлял поститься, слушать церковную службу, а вот надумали, потянуло нас к этому. И каким благодостным показался нам пасхальный стол!

У нас так было заведено: в страстную субботу вечером мы надевали новые рубашки, начищали до ослепительного блеска ботинки и шли с отцом бродить по городу. Улицы были тогда слабо освещены, и тем поразительней выступали из тьмы двадцать семь городских церквей в фонариках иллюминации. Каждая церковь хотела выглядеть в пасхальную ночь наряднее других. Разноцветные фонарики, гирлянды огоньков освещали церковные здания до самого купола. Да и сами церкви были разной формы, разной окраски. Например, Успенская церковь была светло-зеленая. А какая-то церковь была построена в форме пасхальницы. Спасская церковь красовалась над оврагом своими белыми колоннами. Кафедральный собор массивен и величав, создавали особое впечатление зажженные площадки, расставленные на Соборной площади, их пламя создавало живые полосы света, все мерцало, казалась необычной толпа, стоящая перед входом в собор, который не вмещал всех прихожан.

Самая необычность этой ночной прогулки да еще не такое частое у нас общение с отцом – все это радовало, будоражило. Красивое было зрелище, когда духовенство со свечами, с хоругвями обходило вокруг церкви, а затем священник в сверкающем праздничном одеянии выходил на крыльцо и внятно, эффектно произносил, обращаясь ко всем: «Христос воскрес!», трижды произносил, и толпа все три раза гулко, мощно отвечала ему, как полагалось согласно обряду: «Воистину воскрес!» И тут все двадцать семь церквей поднимали многоголосый целодневный особенно напевный звон во все колокола... Как мне жаль людей, которые никогда не слышали этой ни на что другое не похожей, изумительной музыки, потрясающей все существо! Не слышали и вряд ли уже услышат...

О духовенстве, об уфимских церквях и вообще об Уфе я много узнал уже позднее от дочери дьякона (а потом, кажется, священника) Августы Владимировны Колокольцовой, по мужу Матвеевой. Эта хорошая женщина, самая настоящая, подлинная поповна, нарасказывала мне всяческих историй – слушать не переслушать... Рассказы Августы Владимировны не меркнут в моей памяти. Много она и про учебу свою рассказывала, про детство. А я невольно вспоминал Помяловского, Воронского, только Августа Владимировна училась, конечно, не в бурсе, а в епархиальном училище, предназначенном для дочерей духовенства.

Как-то мы бродили по городу, ездили в разные его концы, и Августа Владимировна рассказывала про Уфу, что помнила сама или что слышала от других. Я знал давнюю Уфу, но Августа Владимировна показывала ЕЕ город, и он был для меня вновь, а главное – показывала то, что вот-вот сгинет, если еще не успело исчезнуть, разветься в прах.

Показала, например, особняк Молло, уверяя, что Молло – француженка, родственница знаменитого парижского юриста, написавшего книгу об адвокатской чести и совести.

Потом она показала, где жил редактор газеты «Уфимская жизнь» Ница – на Ильинской улице, где жил Чудинов – на Телеграфной, между Приютской и Уфимской, нельзя сказать, что в самом центре города. Все улицы Августа Владимировна называла по-старому, как они раньше назывались, и это придавало ее рассказам особый оттенок.

Заметив, что упоминание Чудинова вызвало на моем лице какое-то движение, Августа Владимировна пояснила:

– Да, да, тот самый, которому поручили в восемнадцатом году перевезти царскую семью из Тобольска в Екатеринбург.

И еще раз удивила меня: вдруг остановилась – специально чтобы заглянуть мне в лицо, внимательно посмотрела на меня своими выпуклыми, немного навывкате (базедова болезнь?) глазами и, вздохнув, сказала со святой наивностью:

– Суворовскую улицу переименовали... А ведь Суворов известный был фельдмаршал, и в Уфу он приезжал – не зря назвали улицу-то... И что такого, если в Уфе была Ломоносовская улица? Зачем ее Краснодонской называть? Чем это лучше-то? Или тоже пошла мода называть улицы фамилиями умерших людей. Это на кладбище хорошо, идешь и читаешь: здесь погребен раб божий Михайлов, а здесь – раба божья Курочкина... Я бы давала улицам веселые названия: Солнечная, Радостная, Цветущая... Вы не согласны? А по-моему, дурость какая-то: вы вот много ездите, наверное, скажите, видели хоть один город или даже райцентр, где бы не было улицы Ленина? Одно и то же, одно и то же кругом – тошнехонько! Вон и мы теперь на улице Фрунзе живем. А кому помешала – Ильинская? А Ушаковский парк кому помешал, что его сделали Матросовским? Матросов, что ли, его создавал?

Я с улыбкой слушал запальчивые речи Августы Владимировны: надо же – поповская дочка заступает за Суворова, за Ушакова! Наша прогулка продолжалась, а когда я все-таки намекнул, что ее рассуждения – это своего рода критика государственных мужей, кои критике не подлежат, Августа Владимировна усмехнулась:

– На дуре не взыщут!

Вернемся, однако, к Уфе 1909 – 1917 годов. Мне осталось рассказать еще об одном существенном, на мой взгляд, эпизоде из моей уфимской жизни. Даже не эпизоде, а периоде, что ли, вернее сказать.

Не помню, как и когда я познакомился со Всеволодом Ивановичем Поповым. Во всяком случае это было еще до войны, но я был уже в старших классах гимназии. Кажется, это было в то время, когда у меня нашли какое-то нервное заболевание или переутомление и на целый год запретили мне учебные занятия. Значит, это был 1912-1913 год.

Я был предоставлен сам себе. Много читал. Писал дневники, их накопилась большая стопка клеенчатых тетрадей. Бесцельно бродил по улицам, иногда уезжал на несколько дней на хутор. И необычайно остро воспринимал все происходящее вокруг, даже самые мелочи.

Тяжелая была пора. Смутные предчувствия. Смутная тревога. Тихо, как перед грозой. Солнце сверкает, но какой странный неестественный блеск. Желтая мгла стоит в воздухе, как будто где-то горят леса. Ни грома еще, ни молнии. Но лиловая туча уже наползает по горизонту. Гнетущая неподвижность. Люди, как потерянные, ходят, разговаривают, хлопочут о каких-то своих делах. А участь многих уже решена...

В августе 1914 года началась война с Германией. Назревали события, коим суждено было свершиться в роковом семнадцатом году... Но пока наш город сохранял свой обычный облик. Так же были пыльны улицы. Так же бурна весна и томителен летний зной. Так же разгульна мокропогодица. Так же в магазине Блохина на Центральной улице продавались общие тетради в клеенчатых обложках, а рядом – в Дворянском собрании на углу Центральной и Пушкинской – устраивались танцы и благотворительные вечера в пользу неимущих учащихся гимназии.

Я, по-видимому, был действительно болен. И лучшим лекарством для меня стали блуждания по городу. То я часами смотрел, как внешние воды реки Белой напористо мчатся и мчатся, унося в беспредельную даль сверкающие льдины. То сидел где-нибудь в отдаленной аллее Ушаковского парка и слушал, как соборный колокол в пятьсот пудов весом, пожертвованный городу елабужским купцом Стахеевым, размеренно и протяжно гудит в надвигающихся сумерках. То ехал на хутор и наслаждался там тишиной и отрешенностью от всего на свете.

Всеволод Иванович пригласил меня к себе. Дома у него совсем не так, как у нас. Все солидное, дорогое. Даже воздух в его квартире особенный, пряный, благоуханный, и стоит такая тишина, что мы сидим с ним на диване в кабинете, но слышно, как тикают рядом, в столовой, большие, в дубовом футляре, тоже очень солидные и неторопливые часы.

Главное в квартире Всеволода Ивановича, что произвело на меня потрясающее впечатление, – это, конечно, книги. Как я ими зачитывался! Как упивался! А книжечку Бальмонта «Поэзия как волшебство» я купил в магазине Блохина, эта книжка стала у меня настольной. Передо мной открылся новый мир: оказалось, что каждая буква что-нибудь означает! В каждом слове – музыка! Я с ней долго не разлучался, во всяком случае до той поры, когда жизнь закрутила меня, как щепку, брошенную в самую быстрину, в самый водоворот.

Для домашних я стал невыносим. Я зажмуривал глаза – в точности как Всеволод Иванович, и, требуя общего внимания, декламировал:

– Милый мой, милый! / Светло, Сладко от беглого взгляда...

Затем без всякой паузы:

– Я с тобой не буду пить вино, / Потому что ты мальчишка озорной...

Мама шептала в ужасе:

– Милостивый Бог, никак, он уже и вино пить научился!

А меня волны поэзии влекли дальше. Я таращил глаза, вращал белками и рычал:

– Сарынь на кичку!

Ядреный лапотъ / Пошел шататься по берегам!

И вдруг – с наигранной развязностью:

– Послушайте, господин Бог! / Как вам не скучно / В облачный кисель / Ежедневно обмакивать / Раздобревшие глаза?.

Вообще в Уфе я всерьез занимался творчеством. Писал, правда, за редким исключением плохо, насколько я вижу и оцениваю это сейчас. Но какое ни есть, а начало моего творчества – именно в Уфе, где я печатался почти в каждом номере гимназического журнала «Мозаика», публиковал в местной газете очерки об уфимских нравах – первые, так сказать, прозаические свои этюды, и даже осмелился написать Рубакину, писателю, который много и активно помогал в те годы начинающим, пробующим свои силы в литературе молодым людям.

Как раз в ту пору, когда я целыми ночами писал дневники и сочинял стихи, когда читал и читал – запоем, неумно, когда я входил в мир творчества, сочини-

тельства и когда усердно прорабатывал бальмонтовскую книгу, – в наш город приехал и сам Бальмонт, совершающий турне по российским городам. И хотя я знал, что на такие концерты нам, гимназистам, ходить не разрешается, я, конечно, был в зрительном зале в тот памятный вечер 11-го ноября 1915 года.

Я очень волновался. Меня охватывало нетерпение поскорей увидеть своего кумира. Он мне представлялся неземным существом, сказочным красавцем.

Вероятно, Бальмонт и был таким обаятельным в годы своего расцвета. Но годы, когда он был интересен и эффектен, минули безвозвратно. И теперь меня постигло горькое разочарование, когда на сцену вышел невзрачный, непредставительный субъект с острым подбородком и мелкими птичьими глазками. Сначала я даже подумал, что это не Бальмонт, а кто-то из местных, например, администратор театра, вышедший объявить о начале концерта. Нет, это был сам поэт.

– Будем как солнце! – предлагал он.

Но я никак не мог представить, чтобы этот рыжеватый мужчина в возрасте этак под пятьдесят ухитрился превратиться в солнце.

А Бальмонт не ограничился и этим.

– Хочу быть дерзким, хочу быть смелым! – заявлял он.

Наша провинциальная публика, видимо, не желала воспринимать поэзию как волшебство.

– Куда уж ему! – проворчал кто-то в зале, вздыхая.

– Оно бы и очень можно, да никак нельзя, – добавил еще кто-то, вызвав сдержанный смехок.

Тогда я обиделся за Бальмонта. Ведь это как-никак большой, известный поэт, о нем и Всеволод Иванович много рассказывал, правда добавляя, что была такая мода у поэтов-символистов – изображать демонов, напускать на себя чертовщину, позволять себе больше, чем позволено: я, дескать, поэт, мне все можно. Всеволод Иванович рассказывал о бесчисленных «романах» Бальмонта, – значит, он чем-то нравился женщинам? И я снова вглядывался в его черты. Лоб большой... Глаза какие-то странные. Шевелюра... Крахмальный высокий воротник подчеркивает рыжий оттенок бородки... Нет, конечно, он своеобразен. Кроме того, очень самоуверен. Но зачем он возит с собой в турне эту чахлую поэтессу? Или не поэтессу, а музыкантшу? Она-то и портила общее впечатление. Всеволод Иванович уверял, что она – импресарио. Очень может быть.

Бальмонт запросто побывал у Всеволода Ивановича. Оказался в этот вечер приглашенным и я.

Я внимательно и почтительно, с любопытством и некоторым недоумением смотрел, как знаменитый поэт откусывает желтыми беличьими зубками от бутерброда с сыром, как пьет чай, с шумом втягивая его в себя, как одновременно прожевывает и что-то рассказывает о петербургской жизни и ругает скотиной какого-то издателя.

– Представьте, Константин Дмитриевич, – уловив удобный момент и показывая на меня, сказал Всеволод Иванович, – этот молодой человек пишет очень недурные стихи.

– Вот как? – отозвался Бальмонт. – А тут что у вас? Балычок? Пройдемся по балычку, это я люблю. Стихи, говорите? Все гимназисты пишут стихи...

Когда я в 1922 году очутился в самой гуще литературной жизни, переехав в Петроград, одним из сильнейших моих впечатлений тех лет был доклад Валерия Брюсова в Доме печати «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии». Как подхватывала каждое слово докладчика молодая аудитория! Как выразительно было аскетическое лицо Брюсова! И как запомнились мне его жестокие слова о моем

бывшем кумире, о существе, казавшемся мне в те давние гимназические годы загадочным, неземным: «Константин Дмитриевич Бальмонт уже лет пятнадцать назад стал превращаться в заурядного графомана, а книжки его стихов, вышедшие в революционные годы, прямо оскорбляют убожеством содержания и формы, отсутствием даже проблесков когда-то яркого дарования».

Пусть Брюсов побранил Бальмонта, от этого Бальмонт не стал ни хуже, ни лучше. Он блистал в свое время. И нельзя отрицать, что он талантлив и своеобразен. Это хороший, яркий русский поэт.

А я ему еще и обязан: ведь это он научил меня прислушиваться к звучанию каждой буквы, вдумываться и понимать, как и из чего лепится художественное произведение. И что там ни говорите, а я целиком и полностью готов признать поэзию как волшебство. Да она и есть удивительное, счастливое, лучезарное волшебство.

Вообще об уфимском периоде жизни – особенно до 1914 года – у меня самые светлые, самые восторженные воспоминания. Может быть, потому, что на склоне лет юность всегда вспоминается с восторгом и умилением.

Февраль семнадцатого года прошел в Уфе как-то незаметно, и в апреле мама пишет в одном из писем:

«...Теперь настроение часто мрачное: тяжело больно жить материально. Я поступила на службу в Земство. Это стоило мне большой душевной ломки: тяжело было решиться бросать ежедневно на полдня ребят, особенно малых Толю и Веру, которые до сих пор без призора моего никогда не жили. Но лишние 90 рублей в месяц были очень нужны, тем более что Митя так устал, что ему пришлось сократить работу. И вот до 3-х я в Управе, а остальное время суета по дому, шитье и т. д. и так дни летят незаметно, только в праздник маленькая остановка от этого круговорота.

Последние события первое время прямо ошеломили, так все неожиданно. У нас все удивительно спокойно, в городе работают уже организованные общества, в уезде организуются, все тихо пока, хорошо... У нас здесь было много митингов, между прочим, был женский митинг, в организации которого и я принимала участие. Читали женщины доклады на темы: «Женщина и политическая борьба», участие женщины в этой борьбе, о том, что женщина давно уже заслужила равные права в избирательных правах в Учредительное собрание. Я дала ряд женских образов: Перовской, Засулич, Брешко-Брешковской, Волкенштейн, Веры Фигнер и Маруси Спиридоновой – этих великих женщин, борцов за свободу. Народу было тысячи полторы мужчин и женщин. Прошел митинг очень удачно.

Кстати: через Уфу из Сибири проезжала «революционная бабушка» Брешковская, пробывшая в ссылке и каторге да по тюрьмам чуть не 50 лет, и уфимцы устроили ей торжественную встречу с оркестром музыки. Народу было тысяч пять, я стояла около этой великой бабушки и со слезами слушала ее проникновенные простые речи, смотрела на ее милое лицо, то полное выражения глубокого страдания, то все светившееся ясной лаской и радостью. Было 30 делегаций от разных обществ, говорили бабушке горячие речи, она каждого делегата целовала, каждому отвечала, стоя на столе. Минута была необыкновенно торжественная, все плакали. Эта старая женщина поражала и умиляла величием своей души, стойкостью и колоссальной энергией, каким-то чудом в ней уцелевшими. Бабушка пробыла в Уфе целые сутки, посетила 4 митинга, везде говорила горячие речи. Никакие страдания не могут сломать этих поистине великих людей, наших борцов...»

Итак, общественная жизнь в Уфе, судя по письмам мамы, бурлила. Но внешне после февраля 1917 года в городе не произошло никаких особых перемен. Не было и столкновений. Так что создавалось впечатление, что в стране ничего такого не случилось. И я, как раз в семнадцатом году окончив гимназию, да еще женившись сдуру на Шуре Алатырцевой, спокойноенько поехал (вместе с этой Шурой) сначала погостить в Уральск к крестной, а потом поступать в университет, да не куда-нибудь, а в Томск, благодаря чему попал в самую колчаковскую заваруху и еле остался жив...

А пока... Пока была мирная уфимская обстановка, вся семья была еще в куче, почти в прежнем составе (только уехал Виталий, а у нас поселилась моя Шура), все было привычно, знакомо, и иллюзия полного благополучия умиротворяла и убаюкивала.

Я бродил по полям, широким лугам, нарядным перелескам в окрестностях хутора. Я любил, стоя на берегу Уфимки, протекавшей здесь же неподалеку, вглядываться в искрящуюся отблесками солнца лиловую даль. Там Миньяр, Сатка, Кропачево... а дальше – Златоуст, Миасс, Челябинск... еще дальше – и Томск, куда я собирался ехать... С любовью и нежностью перебирал я эти близкие мне и в то же время загадочные, неразгаданные названия. Мой милый красавец Урал! Я навеки привязан золотыми нитями родства к тебе, сказочный Урал, с твоей нерастраченной свежестью, с твоей безыскусной врожденной прелестью. Но меня манили и новые места, влекли ближние и дальние края, окутанные тайнами и загадками.

Река блистала. Ветер запутался в ветках берез. Облако разлохматилось и было похоже на старое ватное одеяло, во все дыры которого лезут солнечные лучи. Я вглядывался в заречные дали, в бездонные небеса и думал о своем будущем, о новой полосе жизни, открывающейся передо мной. Что-то ждет меня? Что будет завтра? Судя по стихотворению, которое сохранилось у крестной в подлиннике, написанное моим почерком и мною подписанное, с датой «29 м. 1917 года» («м», вероятно, означает «март». Или «май»? Нет, думаю, что «март»), – так судя по этому стихотворению, настроение у меня в те весенние месяцы было самое безмятежное и радужное:

– Последнюю весну встречаю гимназистом. Последнюю весну – и светлую весну. А дальше впереди, как в летнем небе чистом, Так близко к сказке все, к виденью, грезе, сну... Там, впереди, манят свободной жизни годы, Там, впереди, простор, рожденье в жизнь мечты, Там царство красоты, там творчество свободы, Там солнечная жизнь, там яркие цветы.

Я верил в свою звезду, в свое светлое завтра. Я готов был бесстрашно вступить в это завтра, в новое, какое оно будет, какое сочинит неистощимая выдумщица Жизнь. А она сочинила страшное, если прикинуть объективно и беспристрастно, если трезво, без лозунгов и трафаретов осмыслить все произошедшее с нашей страной...

Пояснения к тексту:

В здании бывшего Учительского института на Телеграфной (Цюрупы) ныне Академия искусств.

Приютская улица – ныне Кирова, Уфимская – Чернышевского, Суворовская – Крупской. Видинеевский сад – сад С. Т. Аксакова.

Последний огонь семафора...

ОСЕНЬ

По ладоням остывшего города,
По реке неудач и побед,
Среди осени, снега и холода
Мы плывем на невидимый свет.

Тихий ветер вздыхает украдкой
Над погасшею летней свечой,
Для которой осталось загадкой,
Что мы сделали с нашей душой...

Убежавшие дни не запомнятся,
Иней сверху на них упадет,
И останутся сны и бессонницы
Да туманный осенний восход.

Я ищу тебя в мерзнувших улицах,
По ржавеющим лужам бродя,
Словно кошка лукавая, жмурится
Лучик солнца сквозь веер дождя...

Посмотри, как ноябрь просыпается,
Рассыпая вокруг кружева,
И платком на плечо опускается
Шелестящая песню листва.

Нет, любовь не кончается осенью,
Чистой, свежей и желтой порой,
А в объятья твои мне не броситься
Даже самой горячей весной.

Родилась 20 июля 1987 года, училась в 82-й гимназии, питерском университете профсоюзов (2 курса), питерском институте культуры и искусств (1 курс), Академии искусств им. З. Исмагилова (первый курс). Опыт работы: продавец-консультант в сети магазинов «Буквоед» (Санкт-Петербург), художник-декоратор в театре оперы и балета (Уфа).

ноябрь

КАФЕ НА ГРИБОЕДОВЕ

Кафе на Грибоедове. В канале
Топорщились, толкаясь, катера.
И листья друг от друга отдирали
Деревья – что так просто отодрать.

Кафе на Грибоедове. Углами
Расходятся и сходятся мосты.
Еще вчера был август. Август и
Сегодня. Из сюрпризов панораме
Есть новые беретки и куртки
Да где-нибудь мелькающий зонт.
Возможно, понимая, смотрят утки
На ветер, вылетающий из-под
Сутулящихся арок, что похоже
На речи, отпускаемые прочь.
Держи меня, держи меня подольше,
Что позже будет якобы источ-
Ником для чьих-то ярких впечатлений,
Но сколько лжи потом ни городи,
Меня беспокоит боль в колене
Сильней, чем резь в надсаженной груди.

Кафе на Грибоедове. Прости мне
То, что тебя не трогает вполне.
Кораблик с отпечатком древних римлян
Проходит по аляпистой волне.

* * *

Посвящается матери

Подскажите: быть может, здесь кто-то найдется мудрей –
Почему я прошу непришедшего: «Милый, любимый, останься!»,
Словно девочка шепчет в поруганной боли своей
Горьким голосом самые сладкие фразы романа.

Мой романс завершен, и по клавишам бродит рука,
Как блуждает по лесу назначенный новый лесничий,
И в глубинах рояля, как будто бы от ветерка,
Струны тонут в вибрации, хором теряя приличие.

И, теряя последнее, бедная девочка вдруг
Разбежится, раскинется, замертво рухнет на крышку.
За окном разразился буран, и буран так упруг,
Что скрипят в геосердце основы столба телевизки.

Будто мертвое тело желая смести на порог,
Непогода окно распахнула с сентябрьским громом.

Невесомый снежок ледяное лицо обволок,
И лицо самое стало вслед за снежком невесомым.

Первой в воздух взлетела помятая розочка губ,
И ресницы за ней, оттененные бархотной тушью.
Фотографии разных, пятнисто-аляпистых групп
Из альбомов пытаются тщетно прорваться наружу.

В каждой группе она — всех красивее, всех веселей,
Там на ней сарафан, здесь — с любовника снятые брюки...
Тут ей мальчик поет в безответности боли своей,
А она умирает, опять умирает со скуки.

Хорошо, когда навыки есть: умирать не впервой.
Но и числам смертей постепенно приходят пределы.
И когда в сотый раз умереть поспешила душой,
То, превысив лимит, умерла своим розданным телом.

Подскажите, быть может, здесь кто-то найдется мудрей,
Отчего я прошу непришедшего:
«Не покидай меня, счастье!»,
И слова входят в воздух, как тихая, старая дрель,
А в ответ тишина, словно в арке пропели схоласты.

ВИНОГРАД

Там, где цвел виноград от небес до земли
И волна во дворы заносила ракушки,
Там качались фонарики, как мотыли,
Над песком ароматным и теплым, как стружка,
Там, где цвел виноград от небес до земли.

Там, где цвел виноград от небес до земли,
А теперь он цветет, верно, выше, чем небо,
Там, где воздух орехом насквозь пропекли,
Я хочу с Вами жить под навесом из крепа —
Где цветет виноград, верно, глубже земли.

Где цветет виноград и цветы на весу
Задевают друг друга в сиреневых лозах,
Где, шепнув королеве: «Я Вас увезу»,
Не бросают ее на камнях, а увозят, —
Там цветет виноград между прутьев в лазу.

Там цветет виноград между прутьев в лазу —
Безохватным и всеукрывающим лесом.
Я хочу с Вами жить в этом синем лесу,
Я хочу с Вами жить под бескрайним навесом,
Где цветет виноград между прутьев в лазу...

ЛЕСТНИЦА

Море ступенек и море площадок –
Лестница – помню – длинна и крива.
Блузка без выреза, юбка без складок...
Только чугунного гордого льва
Треплют за гриву мои рукава.

Море ступенек и море площадок,
Море – в руках у гуляющих – книг.
Мне подошло бы крыло из закладок,
Собранных за вечер, – лишь протяни
Пальцы – и чьих-то коснешься в тени...

Море ступенек и море площадок,
К морю воды – слой иголок и спор...
Запах остался – ни солон, ни сладок,
Столько морей пересохло с тех пор,
Встретив чугунные руку и взор...

СОН О НЕГАСНУЩЕМ ВЗГЛЯДЕ

Э. Э.

Где кончаются белые рельсы,
И последний огонь семафора
Исчезает за прядями леса,
И в тени бесконечной забора,

Где цветы не топтались ногами.
И не вяли от гари и дыма,
Что-то давно между нами,
Извини, только что, я забыла...

Где рассвет не встает над полями,
А плывет по озерным оконцам,
Где твоими морскими глазами
Я впервые увидела солнце...

Буренушка

Роман

(Продолжение. Начало в N 7, 8)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОТЧЕГО СОЛОВУШКЕ НЕ ПОЕТСЯ

Глава первая

— Хай, хай, хай, хай... — Капелла — выстроившиеся в несколько рядов мужчины в черных костюмах поверх белых рубашек — ритмично повторяет одно и то же звукосочетание, настраивает, прочищает голоса. — Хай, хай, хай... — Смущенная Мадина, стоя за дирижерским пультом, притронулась рукой к лежащей перед ней партитуре. «Поэма» Хачатуряна. Но не успела она объявить, что исполнят это произведение, — рядом, как черт из табакерки, возник горбатый профессор.

— Нельзя! Запрещено!

Мадина, чувствуя себя неловко перед устремившим на нее взоры хоровым коллективом, кладет перед собой другую партитуру.

— Прокофьев. Шестая симфония...

И опять не успела она взмахнуть дирижерской палочкой — сердито блеснули казавшиеся за толстыми стеклами очков неестественно большими глаза горбуна.

— Нельзя! Запрещено!

На лбу Мадина выступил пот. Капелла продолжала:

— Хай, хай, хай...

Теперь уж неуверенный голос Мадина прозвучал еле слышно:

— Увертюра к опере Мурадели «Великая дружба»...

На сей раз лысый горбун в ярости схватил партитуру, принялся рвать ее и бросать клочья нотной бумаги в лицо Мадина.

— Ты, Ирназарова, не прочитала постановление ЦК ВКП(б) о проявлениях декадентских взглядов в советской музыке! На тебе сказало влияние твоего мужа. Да, да! Врагам народа нет места в нашей консерватории!

Мадина, пытаясь защитить лицо, попятилась и, сорвавшись со сцены, полетела в оркестровую яму...

— Ах!.. — вскрикнула она и открыла глаза.

Понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, где она находится. Обвела взглядом помещение. Узенькая дверь, печь с мерцающим в ней огнем, на укрепленном перед печью шесте сушится какая-то одежда. Бэй, она, оказывается, лежит в караулке на ферме! Мадина приподнялась. Сегодня она дежурная на ферме. Начался отел, доярки поочередно дежурят по ночам, чтобы не случилась какая-нибудь неприятность с коровами. Прилегла отдохнуть, не сбросив с себя шаль и стеганку, и надо же — уснула. Шаль затянулась на шее, душила, оттого, видно, и приснился страшный сон, в котором смешались быль и небыль... А где же караульщик, Галяутдин? Хорошо, если поглядывал на коров, пока она спала...

За дверью послышались шаги. Мадина торопливо спустила ноги с нар, поправила задрывшуюся юбку. В караулку, смахивая шапкой налипший на полушубок снег, вошел Галяутдин.

— Ну, разверзлись небеса! — сказал он возбужденно. — Мадина, никак ты не поспала?

— Поспала. Только что проснулась. Пойду на коров взгляну...

— Да я как раз оттуда!

— Как там моя Буренушка? Жвачку жует?

— Вроде бы... Но через часок-другой, может быть, отелится.

— Ой, схожу все же!

— погоди, не спеши. Я в горячую золу картошку закопал, должно быть, уже испеклась. Вот и чай вскипел...

Крышка медного чайника, стоявшего в печи возле жарких углей, дребезжала, выпуская пар. Галяутдин поставил на стол, сколоченный из нестроганных досок, две кружки, достал щипцами из печи несколько картофелин.

— Ух, горячие!.. Давай-ка сними свою стеганку, пусть тело отдохнет, и садись к столу. Такую вкуснятину твоим московским профессорам, наверно, и пробовать не доводилось. Айда, айда!

Мадина разломила пыхнувшую парком картофелину, но не сразу приступила к еде, сидела вялая после сна. В ушах у нее все еще звучало ритмичное «хай, хай, хай...», только казалось теперь, что звуки эти исходят от окрестных гор и скал, от стоящих там столетних деревьев.

— Галяутдин-агай, как думаешь, не начнется буран? — спросила она.

— Да нет... Просто снег идет... Тихий снегопад...

Его ответ не успокоил Мадину. У нее был чуткий ко всяким звукам слух, но не столько слухом, сколько сердцем она, казалось, улавливала гул надвигающейся откуда-то издалека непогоды.

— Сколько, интересно, подвод сегодня за сеном пошлют?

— Не знаю... Как Саяф скажет... — Увлеченный печеной картошкой Галяутдин не обратил внимания на тревогу в голосе Мадины.

— Пойду-ка я в коровник. Когда придет Саяф, скажу, что надо на ферме сеном запастись. Чувствую — буран разразится. И надолго.

— Да не печалься ты! Ничего с колхозным скотом не случится. Не дадут ему пропасть, найдут выход, — ответил Галяутдин безмятежно.

* * *

В это время тиряклинцы досматривали предрассветные сны. Лишь в пяти-шести домах, где живут доярки и скотники, горел свет. Работники фермы поднимаются раньше всех.

Уже к середине зимы дома в ауле наполовину занесло снегом, а самые низкие строения завалило по самые крыши. Иногда в просвете между тяжелыми, навесающими тревогу тучами показывалась луна, освещала обьятное сном селение, и тогда с возвышенности, на которой расположена ферма, оно было видно как на ладони. Когда луна в очередной раз выглянула на минутку из-за клубящихся туч, Мадина посмотрела свою избу. В обращенном в сторону фермы окошке мелькнул свет. Должно быть, Магинур-инэй решила развести огонь в очаге, согреть остывшую избу, чтобы не озяб Даут. Когда рядом с сыном Магинур-инэй, Мадина может за него не беспокоиться. Единственное, что ее сейчас тревожило, — положение на ферме.

Засветились и окна дома Мирхайдарова. Он тоже встает рано. Не Саяф, так председатель уж точно должен позаботиться насчет запаса кормов на случай затяжного бурана, подумала Мадина. У входа в темный коровник она нащупала в кармане стеганки спички. Надо скорей зажечь фонарь, висящий в тамбуре, и оглядеть коров. Если какая-нибудь из них съест, отелившись, послед, молока у нее, говорят, не будет.

Снегопад внезапно прекратился, но тревога в душе Мадины не унималась.

* * *

По ночам Ихсанбая стали мучить бессонница и неизбежные при этом мрачные мысли. Боясь появляться на людях и вызывать своим видом отвращение, он отсыпался днем. Не позволял Раузе открывать ставни. Так он чувствовал себя в какой-то мере защищенным от внешнего мира.

Когда-то мать говорила ему, что на двух плечах каждого человека сидят два ангела-хранителя. Но ангелы Ихсанбая оказались слабоватыми. Не оберегли его от ошибок, обернувшихся в конце концов леденящим душу страхом. Он попытался спастись от страха бегством и дорого за это заплатил: теперь и человеком-то его можно назвать лишь с большой натяжкой.

И рядом нет никого, кто мог бы утешить его, помог обрести душевный покой. Рауза — чистая сорока, готова каждому встречному настрекотать, как им живется. Прогнал бы ее Ихсанбай, да боится остаться в полном одиночестве, к тому же без добровольной прислуги.

Да, смутен душевный мир Ихсанбая. И в стране происходит что-то неладное, привычный порядок нарушился. При Сталине кружили над головой коршуны, хватая то того, то этого, зато дисциплина была крепкая. Государство выпалывало, как сорную траву, людей, сомневающихся в правильности избранного пути, в основном, образованных, прихватывало при этом и ни в чем не повинных, а таких, как Ихсанбай, пусть и невежественных, но знающих свое дело недоучек не трогало. Правда, и на него приезжавшие из района начальники точили зубы, однако Ихсанбай раскладывал перед ними бумаги с показателями по сельсовету, и его оставляли в покое. Он вызнавал показатели по другим сельсоветам, сопоставлял со своими и любой ценой добивался, чтобы его сельсовет выглядел чуть-чуть лучше остальных, это спасало его от многих бед.

Теперь вот поставили во главе правительства страны какого-то Маленкова. Одни лишь клички прежних вождей — Ленин, Сталин — вызывали трепет. А фамилия этого бедняги прямо-таки кричит, что человек он маленький. Не подходящая она для руководителя великого государства. Не выйдет у Маленкова ничего, сменит его кто-нибудь другой. Но кто? Народ в России привык к крепкой узде, ему нужен волевой, сильный предводитель с твердой рукой.

Недоволен Ихсанбай и тиряклинскими руководителями. Что представляет из себя Мирхайдаров? Был школьным учителем, так и оставался бы им! Став председателем колхоза, не отрешился он от своих учительских пристрастий. Кто красиво говорит, того и слушает, поддерживает, хвалит. А дельный человек обычно немногословен, красноречием особо не блещет. Ты, если не глуп, поинтересуйся сначала, какие у человека показатели, только после этого возвышай его, хвали. Так нет же, ошибочную линию ведет Азат. Директор школы Сынтимер Аглиевич Мирхайдаров был намного сильнее председателя колхоза Азата Аглиевича Мирхайдарова. Хотя это — одно и то же лицо. Должно быть, имя «Сынтимер», кото-

рым нарек Мирхайдарова мулла, придавало ему больше сил. В свидетельстве о рождении он значился Азатом*, так записал его принявший сторону красных отец. Не узаконенное имя на зафиксированное в метрике Мирхайдаров сменил уже в зрелом возрасте.

Колхоз под его руководством топчется на месте, как заболевшая вертячкой овца, хотя МТС** предоставляет теперь хозяйству мощную технику — трактора и комбайны. Эх, распорядись ими Ихсанбай — распахал бы и засеял все окрестные залежные земли. Кинув всех на выращивание овощей и фруктов, на торговлю ими, сказочно обогатил бы колхоз. В Тирыклах до сих пор нет электричества. Срамота! Нет приличных хранилищ даже для получаемого в нынешних условиях урожая. В свое время был в колхозе тайный амбар, скрываемый от районного начальства. Убедил Ишмухамета в его необходимости Ихсанбай. Сильно, конечно, рисковали, припрятывая часть зерна, зато весной не ходили с протянутой рукой, выпрашивая семена у районных властей. В любом деле нужны смекалка и предприимчивость. Во время войны многих тирыклинцев спасла от голодной смерти их богатая рыбой речка. Запрудить бы ее сейчас, заняться рыбоводством, и пожалуйста — превращай дармовое богатство в деньги! Поделиться, что ли, этими соображениями с Мирхайдаровым? Нет, не поймет он Ихсанбая. Ответит любимым интеллигентским словечком: утопия!

Нет у Азата хозяйской хватки, да и откуда взяться в выходце из бедняцкого сословия качеству, которое вырабатывалось и передавалось по наследству лишь в состоятельных семьях? Не скоро еще пришедшие ныне к власти люди, кичащиеся своим происхождением из бедняков, станут настоящими хозяевами. По приговору, пока жеребенка превратишь в коня, сам превратишься в собаку. Так и тут.

От этих мыслей на душе Ихсанбая стало еще мутрней. Захотелось выпить. Но выпивки на дне большой аптечной бутылки, хранимой в подполе, осталось совсем немного...

Происхождение этой бутылки — одна из тайн Ихсанбая. Зарубив корову Маддины, он нажил себе уйму хлопот. Когда освежевал тушу и срезал мясо с костей, оказалось его чуть ли не два центнера. Кости и всякие прочие отходы закопал ночью на дальнем конце огорода, а как с мясом быть? На дворе разгорается лето, ледника в погребе нет. Как скрыть его от посторонних глаз и уберечь от порчи? Но выход нашелся. Башкиры издревле вялили мясо впрок. Дело не очень хитрое. Ихсанбай развесил куски мяса на чердаке дома, устроил там сквознячок. Благо мухи к этому времени еще не успели расплодиться. Мясо хорошо завялилось. После этого пришло Ихсанбаю на ум, что часть добычи надо сбыть с выгодой для себя. И тут помогла ему смекалка. Отправился в деревню Казанку, навистил там мужика, которого знал по прежним временам как заядлого самогонщика, рассказал ему по секрету байку: я, мол, завалил в лесу сохатого, мясо завялил, есть теперь закуска, да выпивки нет, давай совершим сделку, я тебе — хоть пуд, хоть два, хоть три вяленой лосятины, ты мне — самогон. Выложил для пробы кусок этой самой «лосятины». Мужик налил по стакану своей продукции, выпили-закусили. Закуска казанцу понравилась, предложение принял и сам вызвался отвезти Ихсанбая домой с бутылкой самогона, а от него уехал с двумя мешками вяленого мяса. Условились, что оба насчет сделки будут помалкивать.

*Азат — свободный.

** МТС — машинно-тракторные станции, обслуживавшие колхозы на договорной основе.

Взяв на себя хозяйство Ихсанбая, Рауза обнаружила его приобретение и, конечно, поинтересовалась, откуда у него взялось столько выпивки. Пришлось рыкнуть на нее, чтобы не совала нос куда не надо и держала язык за зубами. «Твое дело — только наливать мне, когда захочется выпить», — сказал Ихсанбай и на этом поставил точку.

Вот и сейчас он решил окликнуть ее, чтобы слезила в подпол за самогоном. Рауза, спавшая в передней комнате, не отозвалась. Ну и здорова дрыхнуть! Засунь ее в медвежью берлогу, так на всю зиму уйдет в спячку!

— Жена! — крикнул Ихсанбай повторно. На сей раз его голос прозвучал басовито, сипа-хрипа в нем вроде бы поубавилось.

— А? — Рауза поднялась — заскрипели доски ее лежанки. — Атак, это ты, Ишмухамет? Мне снилось, будто я в сельсовете собираюсь затопить печь. Потянулась к вьюшке, а этот пельменной жеребец Ихсанбай хватать меня сзади за талию...

— Ладно, придержи язык! Я не старуха, чтобы сны твои выслушивать. Слазай в подпол, достань мне...

— Ах-ах, там, наверно, уже нет, не бездонный колодец...

— Сказано тебе — слазай! — Угрожающий, как шипенье змеи, голос Ихсанбая заставил Раузу вздрогнуть.

— Сейчас...

Рауза зажгла лампу, открыла лаз и проворно, как барсук, нырнувший в свою нору, скрылась в подполе. Вылезла оттуда, перелив остаток самогона из бутылки в ковш, поставила перед сидевшим в подштанниках, спустив ноги на пол, Ихсанбаем и тут же легла на свое место, закуталась с головой в лоскутное одеяло — в доме было прохладно.

— Рауза... — Хлебнув «шайтановой слюны», Ихсанбай несколько успокоился, и голос у него подобрел.

— Чего еще?

— Мирхайдаров тебя обо мне не расспрашивал?

— Только и забот у него, что о тебе думать.

Ихсанбаю захотелось поговорить, и он, хотя и почувствовал, что у Раузы такого желания нет, продолжал допытываться:

— А народ?

— У тех, кто приходит ко мне в капират, на уме покупки, а не ты.

— Заважничала ты, что ли? Грубишь, толком со мной не разговариваешь...

— Ай, Аллах мой! Кому охота разговаривать среди ночи, когда самое время спать? Ты-то можешь просидеть всю ночь, как сыч, и отоспаться днем, а мне с утра — на работу.

— Не камни там ворочаешь...

— Ну и что ж, что не камни!.. Работа у меня умственная, весь аул, считай, от меня зависит.

— Ладно, ладно! Уж и слова тебе не скажи! О чем еще я хотел спросить? Да, корова Мадины так и не нашлась?

— Какое тебе дело до коровы Мадины? Не то что корова — люди, как иголка, угодившая в щель в полу, пропадают. Старуха Фаузия, Ихсанбай, Сабиля, Зарифа, братишки опять же Мадины... Одно дело, кабы о них, раз не спится, думал, а то — корова!

— Ну, хватит! — разозлился Ихсанбай. — Умолкни!

— Хватит так хватит...

Рауза умолкла и вскоре засопела, засыпая. Лампа в это время замигала и погасла — керосин в ней кончился. В доме стало темно, как в пещере. Ихсанбай про-

вел рукой по своей подстилке. Войлок. А там, в пещере, он спал на шкурах. И стены там обтянуты шкурами, хранили тепло, исходившее из чучала. С одной стороны, было в пещере тихо и спокойно, с другой...

Ихсанбай встал, в темноте добрался до печи, открыл вьюшку, закурил. Торопливо затягиваясь, почувствовал озноб. Казалось, не тело — сердце у него озябло. Тьма в доме крошечная, как в могиле, подумал он. И от самой жизни веет могильным холодом. На кой черт нужна такая жизнь, что в ней его удерживает? Может быть, мечта о Мадине? У нее сейчас трудная пора, то ли дождется мужа, то ли нет, отец — в тюрьме. Если бы он, Ихсанбай, не покалечился так... Впрочем, Мадина ведь уже не девочка-недотрога, а женщина, познавшая мужчину, и ее плоть тоже своего требует. Заарканишь женщину, овладеешь ею разок — и все, она твоя... Лучше бы вместо того, чтобы ломать голову над проблемами колхоза, пропади он пропадом, хорошенько обдумал это.

Ихсанбай, забыв закрыть вьюшку, допил оставшийся в ковше самогон и свалился на свою постель. В печной трубе завывал ветер, было похоже это на волчий вой. Ихсанбаю вдруг вспомнилась Кукбуре. Вот и ее не хватает ему, что ли? Ох-раняй его она — возможно, спал бы спокойно.

* * *

С очередной сессии райсовета Камалетдинов вынес лишь головную боль. С докладом «О мерах по обеспечению сохранности скота и приплода в зимний период, повышению продуктивности животноводства» на сессии выступил главный зоотехник района. Все в докладе было сказано вроде бы верно. Кормов заготовили достаточно, скотоводческие помещения утеплены, работниками фермы укомплектованы. Почему же надой молока низки, молодняк гибнет, животные, поставленные на откорм, не достигают к моменту сдачи на мясокомбинат должного веса и упитанности? Причину такого положения не только в районе, но, пожалуй, и во всей стране аналитики видят в отсутствии у колхозников личной заинтересованности в высоких результатах труда. Один человек работает добросовестно, другой спустя рукава — ощутимой разницы в их заработках нет, оба живут бедно. Для морального хотя бы поощрения старательных работников Камалетдинов добился учреждения во всех колхозах «Досок почета», портреты лучших колхозников вывешиваются и перед райкомом партии, а показатели в хозяйствах — все те же...

Увидев у входа в райком тиряклинского председателя, Камалетдинов оживился.

— Ага, ты, оказывается, еще не уехал! Айда заходи, поговорим...

Мирхайдаров, поджидавший Камалетдинова, обрадовался:

— Раз уж приехал, сам хотел напроситься...

Камалетдинову показалось забавным, что Мирхайдаров оглядел его кабинет, будто попав в него впервые.

— Что-нибудь тут у меня переменялось?

— Сейчас переменам особо удивляться не приходится. Был Маленков, теперь Хрущев всплыл. Смотрю, не сменился ли в кабинете портрет...

— Уж и не знаю, Азат Аглиевич, что тебе по этому поводу сказать. Маленков начал неплохо. Порадовал народ, выкинув на прилавки товары из госрезервов. Заговорили при нем о материальном стимулировании труда крестьян. А то ведь одними лишь словами да бумагами поощряли. Но вот и в работе Маленкова буд-

то бы обнаружили ошибки. Что ни день, то новость... Однако давай спустимся из высоких сфер на землю. Что-то и у вас в колхозе не видно подвижек в лучшую сторону. В чем дело?

— Откровенно говоря, устал я. Отпустите меня из председателей!

— Ну, если уж и ты так настроен, на кого мне надеяться?

— Я же учитель. В школе был на своем месте. А тащить колхоз силенок мало-вато.

— До сих пор охов-вздохов слышать от тебя не доводилось.

— Возраст, должно быть, дает знать о себе. Есть фронтовики помоложе, пусть они попробуют...

— Это не мне решать. Что колхозники скажут... А пока объясни, почему у вас надои резко снизились.

— Многие коровы в запуске.

— А может, доярки и скотники работают с ленцой?

— Нет, упрекнуть их в этом не могу.

— Как там Мадина?

— Она приняла группу первотелок и намаялась с ними летом.

— Намаялась, говоришь?

— Как было не намаяться? Первотелок надо к дойке приучить, а тут еще жара, оводы, слепни, мухи... И отец ее не вернулся. Странноватый он человек, но вреда никому не причинял. И все-таки посадили его. Гибель тех мальчишек-близнецов на него свалили, что ли?

Камалетдинов на вопрос не ответил. Попытался он выручить отца Мадины, но его власти для этого не хватило. Слишком большую силу обрели карательные органы при Сталине, можно сказать, встали над партией, по меньшей мере, над ее низовыми звеньями. Хотя НКВД преобразовали в два министерства — внутренних дел и госбезопасности, методы дознания в них сохранились прежние. Если уж кто-то угодил в их сеть, пусть даже безвинный, считай, легким испугом не отделается. Могут подвести и под срок, и под расстрел. Не зря следователи зло-веще шутят: был бы человек, статья для него найдется...

Не дождавшись ответа, Мирхайдаров вздохнул и сменил тему разговора:

— Давно уж ты, Аюп Газизович, у нас не показывался. Если придет большой начальник и поговорит с народом, народ начинает шевелиться усердней.

Камалетдинов полистал настольный календарь.

— Дату колхозного отчетно-выборного собрания не изменили? Приеду на собрание. Но с условием: чтоб насчет ухода с поста председателя я от тебя больше не слышал!

Мирхайдаров тяжело поднялся с места. Оставалось только поднести руку к виску и ответить: «Слушаюсь, товарищ генерал!». Но вместо этого он сказал:

— На улице метет. Как бы буран не разыгрался...

Камалетдинов тоже встал и, прощаясь, полушутливо предупредил:

— На улучшение показателей колхоза даю тебе, Азат Аглиевич, месяц!

Аюп Газизович в самом деле давно не появлялся в Тиряклах, и причиной тому была... Мадина. Он часто думал о ней, носил это короткое, из шести букв, имя в сердце, и оно вызывало то радость, то грусть. Упоминание о Мадине в разговоре с Мирхайдаровым приподняло настроение Аюпа Газизовича, но тут же он снова загрустил. Ну почему, почему свое неожиданно вспыхнувшее чувство он должен держать за семью замками, жить, борясь с самим собой, отказываться от поездки в Тиряклы из опасения встретиться с Мاديной? Да, она — жена его друга, и он не собирается открыться ей, просто любит ее, и с этим ничего не поделаешь. Любит,

как никого еще не любил. А дочку? Разве маленькая Флорида для него не дороже кого бы то ни было? «Ты, Аюп, сходишь с ума!» — сказал он сам себе. Сел, вернувшись за свой стол, зажал голову руками, простонал:

— Человек ты, товарищ Камалетдинов, или не человек?

* * *

После того, как Малика трижды побывала с дочкой у старухи-знахарки, Флорида повеселела, потянулась к игрушкам, стала хорошо кушать. Щечки у нее разалелись, в глазах вспыхивали шаловливые искорки. Только вот не говорила она, и это тревожило Малику. Сынок Лукмана Талиповича и Рашиды тараторит без умолку, а ее девочка молчит. Поделилась бы тревогой с мужем, да боится, что он вспылит.

Хлопнула входная дверь. Ага, вот и он сам. Малика торопливо вспушила волосы, чуточку надушила их стоявшей на комод «Красной Москвой» и, напустив на лицо улыбку, вышла в переднюю комнату.

— Оказывается, папочка наш пришел, а я...

— Ужин готов?

— Ой, Аюпушка, когда же твоя жена встречала тебя без готового обеда или ужина?

— Вот и хорошо.

Пока муж мыл руки, Малика принесла тщательно отглаженное полотенце. Старание жены угодить ему не осталось незамеченным: Аюп коснулся губами ее душистых волос. Стосковавшейся по ласке Малике хватило и этого. Она приникла выпиравшими из-под халата грудями к груди мужа, привстав на цыпочки, поцеловала его в подборевшие глаза.

— Рано ты сегодня. Как это тебе удалось вырваться?

— Флорида...

— Она спит...

Потеплевшие было отношения между мужем и женой дальнейшего развития не получили, причиной тому стали слова Аюпа:

— Сессия прошла напряженно. Дела в хозяйствах не ладятся. Да еще Мирхайдаров в отставку просится. Придется съездить в Тиряклы... — Должно быть, глянув поверх головы Малики в зеркало, висящее на стене, он добавил: — Волосы у меня, оказывается, сильно отросли...

Малика отстранилась от него. Холодок в его голосе остудил ее и вызвал смутное подозрение. Неожиданно для нее самой вырвался вопрос:

— Не замечал, что волосы отросли чуть ли не до пояса, пока не собрался съездить в Тиряклы?

Аюп, прищурив глаза, глянул на нее из-под густых, вскинувшихся, как крылья ласточки, бровей, вздохнул и направился к столу.

— Налей мне супу.

— Сейчас.

Опасаясь еще сильнее рассердить мужа, Малика больше ничего не сказала. Взяв тряпку для вытирания пыли, ушла в дальнюю комнату. Вернулась, услышав, что муж отодвинул опустевшую тарелку.

— Слушай, — сказала она, наливая ему чай, — пока есть кому присмотреть за ребенком, то есть пока ты дома, схожу-ка я на Кривую улицу, ладно?

— Зачем?

— Во-первых, надо отблагодарить старуху. Во-вторых, посоветоваться. Сын Лукмана Талиповича Абубакир уже вовсю разговаривает, а наша дочка ни слова еще не произнесла, хотя пора бы...

— А почему в больнице не проконсультироваться?

— Аю-у-уп! — умоляюще протянула Малика. — Сколько мы к врачам обращались, когда ее мучила бессонница, а толку!..

— Да... это так. Ладно. Может, машину вызвать?

У райкома была теперь легковая машина.

— Нет-нет, — возразила Малика. — Мне ведь тоже надо немного свежим воздухом подышать.

Когда за женой захлопнулась дверь, Аюп вздохнул облегченно. Пройдя в дальнюю комнату, постоял возле спящей Флориды, затем устроился в кресле с газетой в руках. Однако скользил взглядом по газетным строчкам, не улавливая их смысла, — в душе, жаждавшей встречи с любимой женщиной, вновь взвихрились противоречивые чувства. Представала перед глазами Мадина, то воодушевленная, со счастливым лицом, какой ее увидел в Москве, то уверенно сидевшая в седле на Саврасом. У нее на шее, как раз над верхней застежкой платья есть, кажется, маленькая круглая родинка. А может быть, и нет, просто причудилась ему. Вот родинку на лице он точно помнит...

Чтобы избавиться от этого наваждения, переключить мысли на что-нибудь другое, Аюп встал, подошел к окну. На улице кружились крупные хлопья снега. Буран может разыграться. Подтянули в хозяйствах стога к фермам, нет ли?..

* * *

С наступлением зимы Фаузия-Барсынбика погрузилась в чтение книг, оставшихся от Муглифы. Хорошо, что в детстве, благодаря бабушке, нанявшей мугалимов, она овладела арабским языком и фарси. В колготную пору жизни в Тиряклах многое выветрилось из ее памяти, но знания, полученные в детстве, оказываются, не забываются.

Удивляется Фаузия: как Муглифе удалось собрать столько старинных книг и сохранить их? В одной из них она прочитала надпись: «Дорогая моя! Милости Аллаха безграничны. Память у тебя цепкая, ум светлый. Надеюсь, идя по пути, пройденному мной, ты вберешь в сердце наставления этой книги и передашь ее пришедшей в этот мир после тебя девочке».

Эти слова, казалось, были обращены непосредственно к Барсынбике, но имелась в виду, конечно же, не она. А кто? Фаузия задумалась. Чтобы хотя бы приблизительно представить себе, кому адресована надпись в книге, надо было тихонечко размотать клубок памяти, поплавать мысленно в житейском море, поглотившем множество судеб, жизней, переживаний...

За окном скрипнула калитка, тронутая то ли ветром, то ли человеком. Собаки не залаяли, должно быть, умотались куда-то. Решив проверить, не пришел ли к ней кто-нибудь, Фаузия, на ходу сунув ноги в кожаные галоши, вышла в сени, толкнула, сдвинув щеколду, дверь, запертую с тем, чтобы не распахнул ее ветер.

— Ах, Малика, это ты, дочка?

— Я, инэй... Вот опять я у твоей двери...

— Заходи. На то и дверь, чтоб в нее входили-выходили.

Войдя в дом, модно одетая ханум принялась выкладывать из сумки на нары гостинцы.

- Ну навалила! Кто тут столько съест? — проворчала старуха.
- Зима долга, на холоде продукты не испортятся.
- Что верно, то верно... Раздевайся, садись, рассказывай...

Пока Малика раздумывала, с чего начать разговор, старуха, пробормотав краткую молитву, взяла в руки небольшой кисет и высыпала из него на палас какие-то камешки.

- Что это, инэй?
- Камешки для гаданья. Возникла у меня одна мысль, проверю ее сейчас.
- Мысль? Насчет меня?
- Потерпи...

У Фаузии, видимо, не хватило духу сразу выложить то, что ей открылось или пришло на ум при ворожбе. Не одна она, оказывается, обижена немилосердной судьбой — чего только не пережила сидящая перед ней сравнительно молодая женщина, и сколько еще предстоит ей пережить!..

— Давай-ка, дочка, чайку попьем, — сказала Фаузия. — Самовар у меня горячий, лишь немного приглушила, оживлю угли, и сейчас же он запоеет.

Старуха быстренько унесла самовар в сени, а Малика, не зная что и подумать, застыла, сидя на краешке нар. Сидеть бы ей и сидеть бездумно, подобно каменным статуям в Сибири, где она родилась. Стоят те статуи, уставившись в небо незрячими глазами, и ничего им не нужно, ничто их не волнует...

Наука утверждает, что человек произошел от обезьяны. Удивляет это Малику: если утверждение ученых верно, то почему древние статуи схожи с людьми, а не с обезьянами? Она часто думала об этом, когда была беременна, и тревожилась: как бы ее ребенку не передался облик тех далеких предков. А то родишь обезьянку людям на смех, себе на горе. Но родилась у нее не обезьянка, а красивая, как куколка, девочка, только вот хлопот с ней...

- О чем задумалась, дочка?

Вернувшаяся из сеней старуха разостлала на нарах скатерть, поставила на нее поднос, на поднос — самовар и принялась расставлять посуду для чаепития.

— Я, инэй, часто думаю, откуда на земле взялись люди. Ученые пишут, что человек произошел от обезьяны...

— От обезьяны? — Старуха, прикрыв рот уголком платка, хохотнула. — Я ничего насчет этого не слышала. Одно могу сказать: многие науки ныне ложны. Самая древняя на свете книга — «Иске гахед»*. Ни о каких обезьянах в ней не говорится, а сказано, что отец рода человеческого — Адам, мать — Ева. Дожив до преклонных лет, я ни разу не видела, чтобы, например, корова превратилась в лошадь, а лошадь — в корову... А вот невежество порождается невежеством, люди не читают древние книги, это на руку правителям: невежественным народом управлять проще...

— Мне Аюп велит читать больше, но я все равно мало что знаю. А ты такая умная, инэй! Я родом из Сибири, там, помню, тоже были знахарки вроде тебя.

Фаузия усмехнулась.

— Таких старух в любом краю немало... Ты пей-ка чай и ешь, не стесняйся. Моя бабушка говорила: кто поест свои гостинцы, у того жизнь будет долгой.

— Спасибо, инэй. Я чувствую себя здесь одинокой. Как поговорю с тобой, на душе становится легче.

*Пересказ Ветхого Завета на языке тюрки.

— Издалека, значит, приехала ты в наши края. А ведь тебе, детка, предстоит снова проделать этот путь...

— Снова? Но там же у меня никого из близких теперь не осталось! — Малика растерянно уставилась в темные глаза старухи.

— Выпей-ка свой чай, а то остынет. Я добавила к заварке успокоительную травку.

— Я уже успокоилась. Говори, инэй, я все выдержу... ради Флориды...

— Сказано в старых книгах: человек не ляжет в могилу, пока не познает все, что ему предназначено. А тебя еще многое ждет впереди...

Малика перевела взгляд со старухи на начищенный до зеркального блеска самовар, увидела свое искаженное отражение — вытянутое лицо, расширившиеся глаза — и, стараясь подавить волнение, приготовилась выслушать прорицания знахарки...

* * *

Небо как будто прохудилось — валил и валил снег.

Передав насосавшегося досыта ребенка названной матери, Мадина потянулась к своей стеганке. Магинур глянула на нее удивленно.

— Уже уходишь? Рано ведь еще на вечернюю дойку.

— Пойду, душа у меня не на месте. Все трактора, оказывается, отправили на лесозаготовку, сумеют подвезти сено на санях по такому снегу, нет ли...

— Аллах мой, чем же будете кормить столько скота, если запас на ферме кончится?

— Поэтому я и беспокоюсь. Если задержусь там надолго, накорми Даута кашей.

Мадина еще издали углядела своих первотелок. Несмотря на снегопад, все стадо стояло на выгулочной площадке: коровы других доярок — вразброд, а подопечные Мадины — сбившись в ожидании хозяйки в кучу. Едва увидят скотиночки вдали ее белую пуховую шаль — начинают мычать, нетерпеливо теснятся у ворот площадки, а когда она подойдет, Буренушка норовит лизнуть ее в лицо.

Нелегко далась Мадине эта взаимная приязнь. Взять на себя тяжелую обузу — раздаивать группу первотелок — не каждая доярка согласится, а Мадина согласилась — потому, собственно, что ничего другого ей на ферме и не предложили. Ну, пока скот содержали в коровнике, еще куда ни шло, лишь лягнули ее пару раз нервными подопечными. Настоящая маета началась после перевода стада в летний лагерь. Показали ей там первотелки, почем фунт лиха. Чего только не выкидывала лижущая теперь ее лицо Буренушка. Даже самые смирные первотелки с появлением кровососущих насекомых взбеленились. Взбрыкивали, лягались, не давали выдоить молоко до конца.

Буренушка возвращалась с пастбища в летний загон во главе стада, но Мадина доила ее, если это удавалось, самой последней из своей группы. Пока она управлялась с остальными первотелками, взбалмошная Буренушка следила краем глаза за ее действиями, возможно раздумывая, что бы такое еще выкинуть. Сейчас положение изменилось. Загнав группу в коровник и разложив по кормушкам соль, Мадина в первую очередь подошла с подойником к Буренушке. У нее молока много, ждет дойки с нетерпением. Она теперь послушна, любит ласку и сама ласкова. Когда из ее податливых сосков белыми нитями заструилось молоко и в подойнике зазвучала своеобразная, радующая слух музыка, Мадина, действуя уже машинально, предалась воспоминаниям о пережитом в летнем лагере...

...Другие доярки уже закончили дойку, готовили ужин — по загону разносился от костра горьковатый дым, а хлопотам Мадины еще конца не было видно. К ней подходили товарки, предлагали помощь, но разве же своенравные первотелки подпустят их к себе! И Мадине-то, уже не первый день работающей с ними, удастся выдоить у иной лишь половину скопившегося в вымени молока.

Наконец очередь дошла до Буренушки.

— Ну, красавица моя, постой спокойно...

Мадина погладила ее по шее, затем, поглаживая бок, передвинулась к вымени, подставила под него подойник, опустилась на корточки, протянула руки к набухшим соскам. Но тут ветер изменил направление, дым отнесло в сторону, на Буренушку, видимо, налетели какие-то насекомые — она дернулась, ударом копыта отбросила подойник.

— Ай, скотинушка, до чего же ты нетерпеливая!

Один из пастухов, молча наблюдавших за тем, как мается Мадина, посоветовал наложить на задние ноги Буренушки путы. Она не согласилась. Если корова привыкнет к путам, хлопот с ней добавится и характер у нее может совсем испортиться, надо приучить ее к нормальной дойке.

Пастухи, чтобы разогнать кровососущую нечисть, разожгли три дымных костерка. Мадина снова подошла к Буренушке.

— Потерпи, пожалуйста! Тебе же, глупенькая, самой будет плохо, если не подою!

У Буренушки, конечно же, болит разбухшее вымя. У раздоенных коров в таких случаях молоко само по себе брызжет из сосков, а у этой молочные каналы еще не раскрылись как следует.

Мадина опять присела, теперь уже решительно обеими руками взялась за соски. Взмолилась мысленно: «Господи, помоги!» Если действовать быстро... Но и на этот раз постигла ее неудача. Буренка, вздрогнув, хлестнула хвостом по лицу Мадины.

— Стой спокойно! — жестко приказала она.

Нет, не послушалась Буренушка. Шарахнула копытом по подойнику и отошла в сторонку.

— Попробуй положить перед ней какой-нибудь корм, — посоветовал один из пастухов.

— А что я положу? Есть, правда, у меня немного муки, болтушку ей, что ли, сделать?

— Ага! Потом она каждый день будет ждать болтушку!

— Не сможешь ты ее раздоить. От таких первотелок доярки обычно отказываются.

— Да как же я от нее откажусь? — Мадина переводила взгляд то на стоявшую в сторонке первотелку, то на пастухов. — Кто ее возьмет?

— А надо сдать ее на мясо! Пусть на себя пеняет!

— Нет уж! Вот увидите, Буренушка станет самой удоистой коровой в моей группе. Она — из потомства Бильдяш, которую отняли у нас во время войны.

— Ну раз так, мучайся с ней, а мы не можем торчать тут всю ночь из-за этой твари.

В тот вечер подоить Буренушку так и не удалось. Наутро объявился Саяф, распорядился:

— Привяжите ее крепко к столбу, наложите путы и на передние, и на задние ноги, — пусть попробует тогда пофордыбачить!

— А потом все время доить ее так?

Мадина испугалась за свою подопечную: пропадет скотинушка! Решила предпринять еще одну попытку подоить ее не связывая. Направилась к Буренушке с ломтем хлеба в руке.

— На хлебушка, постой уж спокойно, а то погибнешь, детка!

Корова сделала пару шагов ей навстречу, мыкнула, уловив запах хлеба, и охотно приняла гостинец. Но едва Мадина прикоснулась к ее разбухшему вымени, как получила удар чугунной крепости копытом в грудь. В глазах у нее вспыхнули искры, затем мир обьяла тьма.

Очнулась Мадина в шалаше. Рядом столпились доярки. Мадина попыталась привстать — боль в груди не позволила. Закашлялась и выхаркнула кровь.

— Что со мной?.. Буренушку не подоили?..

— Да кому же она поддастся? Ушла со стадом на пастбище. Не переживай, такое, когда раздаиваешь первотелок, частенько случается... — Пожилая доярка Шамсинур подсунула руку под голову Мадины, чуть-чуть приподняла ее: — На-ка выпей травяной отвар. Пей, пей, все выпей!

Хотя снова в груди резанула острая боль, Мадина выпила. Тут же ее затошнило.

— Тазик... тазик дайте. Вырвет сейчас...

Поднесли латунный тазик. Из рта Мадины хлынул в него выпитый отвар со сгустками крови.

— Давай еще, еще! Чтобы болезнь не осталась в тебе.

Мадине стало легче. Шамсинур опустила ее голову на подушку.

— Теперь лежи спокойно, не двигайся. Маленько погодя смажу тебе грудь целебной мазью, есть у меня... Пей этот отвар, больше не затошнит. Ты молодая, скоро поправишься.

Доярки ушли. Мадина лежала, разглядывая каркас шалаша. На жерди были срублены молодые деревца, на них засохли зеленые, едва успевшие раскрыться листочки. Вот и ты, смолоду придавленная нуждой, увянешь еще зеленой, подумала о себе Мадина.

У нее начали слипаться глаза. В последнее время она постоянно недосыпала, глаза из-за этого покраснели. Надо бы дать им отдохнуть. Сегодня вечернюю дойку, наверно, возьмет на себя Шамсинур-апай, и она, Мадина, поспит вдоволь. Если лежать не шевелясь, боль вроде бы особо не беспокоит.

Вскоре она заснула и проснулась оттого, что перед шалашом жалобно замычала корова. Мычание повторилось. В переводе на человеческий язык оно, кажется, выражало нестерпимую муку.

Буренушка?

— Ы-ых... — Превозмогая боль, Мадина передвинулась к выходу из шалаша, приподняла прикрывавшую его ткань. И тут же к ней посунулась Буренушка, лизнула ее волосы.

— Ой, детка, подоить просишь?.. Шамсинур-апай, принеси мне, пожалуйста, подойник и скамеечку!

— Господи, таки подняла она тебя, Мадина!

— Пропадет ведь скотинушка... Еще бы тряпку и теплую воду...

После того, как Мадина, постанывая, обмыла теплой водой вымя Буренушки, та позволила прикоснуться к соскам. В подойник тоненькими ниточками заструилось молоко. Выдоив его, можно сказать, досуха, Мадина вернулась в шалаш и свалилась на свою постель. Голова у нее кружилась, перед глазами как будто мельтешил рой черных мошек.

Снаружи доносился голос Шамсинур-апай, она бранилась, пытаясь подоить первотелок, а те противились. Беззастенчиво матерились пастухи. Если бы животные понимали человеческий язык, честное слово, со стыда бы сгорели.

Усталая Шамсинур забралась в шалаш, когда уже стемнело, легла спать не поужинав.

Утром Мадину опять разбудило мычание. Шамсинур повернулась на другой бок, пробормотала:

— А ну их!..

— Буренушка! — окликнула Мадина, и та обрадованно мыкнула в ответ. Выбравшись из шалаша, Мадина чуть не присела от удивления: за Буренушкой столпились остальные первотелки.

— Ай, скотинушки... — На глаза Мадины навернулись слезы. Приласкала Буренушку, погладив ее по морде. — Глупышка ты моя!..

Животные, словно почувствовав беду, случившуюся с их опекуней, с этого дня стали послушней. Нельзя сказать, что в дальнейшем все пошло гладко. Несмотря на старания Мадины, у Буренушки засох один сосок. Правда, все равно молока она дает вдвое, а то и втрое больше, чем другие первотелки. И все-таки... Буренушка лишилась одного соска, Мадина — голоса. Разговаривать она разговаривает, а петь не может. Попытки спеть заканчивались тем, что у нее горлом шла кровь. Магинур-инэй поит ее отварами трав, болезнь, говорит, пройдет, да Мадине не очень в это верится. Раньше, бывало, если становилось грустно, нападала тоска, утешала ее песня. Теперь заглушить тоску она может только работой...

...Закончив дойку, Мадина решила заглянуть в «красный уголок», повидаться с заведующим фермой. Саяф, похоже, был не в духе, сидел, нервно перекидывая сигарку из одного уголка рта в другой.

— Саяф-агай, я глянула, сколько на ферме сена осталось. Не более чем на два дня.

— Ну и?..

— Что будем делать, если забуранит?

— Ты, Мадина, кем тут работаешь?

— Как то есть кем? Дояркой.

— Вот и иди, занимайся своими коровами. Запас сена — не твоя забота.

— Пока вы озаботитесь, того и гляди поздно будет.

— Что ты ко мне привязалась? Сказано же тебе...

Мадине ничего другого не оставалось, как повернуться и уйти. Обидно стало ей до слез. Должна же она хоть не обо всей ферме, так о своих подопечных позаботиться! Не сходить ли, подумала, к Мирхайдарову? А если и он выставит ее, как Саяф? Может, в самом деле много она на себя берет? Может, зря паникует? Руководители хозяйства ведь люди сельские, не первый год занимаются животноводством, дело свое знают, потому, наверно, и не волнуются.

Не пошла Мадина к председателю, поделилась тревогой только с Магинур-инэй. А когда та мягко поборонила ее, — мол, сама себе головную боль ищешь, — успокоилась, посадила Даута на колени, выпростала из-под платья набрякшую грудь...

* * *

В Таулах рядом с близким человеком жизнь Кукбуре потекла спокойней. Иногда, правда, она злилась на Карабаша, но лохматый черный пес был покладист. Чутко улавливал, чего подружка хочет и чего не хочет, не забывая, что Кукбуре — лесная хищница, то есть в природной иерархии занимает более высокое, чем у

него, положение. Нет-нет да охотились они вдвоем в окрестных лесах. Случалось, поймают лисицу, зайца, куропатку, на худой конец — зазевавшуюся сороку. Карабаш никогда не кидался на добычу первым, уступал ее Кукбуре. Потому они и ладили меж собой. Лишь в тех случаях, когда Кукбуре норовила убежать слишком далеко от дома, Карабаш, оскалив зубы, предупреждал: нельзя! Она все же убегала куда-то и возвращалась день-другой спустя.

В один из предвесенних буранных дней Кукбуре почувствовала беспокойство и поздно вечером ушла со двора одна. Посидела на холме за околицей, издала тоскливый волчий вой и крупными скачками двинулась в ту сторону, где жила прежде.

Верно замечено: сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит. Инстинкты, заложенные в зверя природой, можно приглушить, но полностью вытравить невозможно. Достигнув к утру Глубокого лога, Кукбуре увидела волчьи следы, еще не занесенные снегом, и по запаху определила, что совсем недавно здесь прошла стая Белолобого. Белолобый силен и сноровист, как Бывалый, но, в отличие от отца, чрезвычайно жесток: отверг Кукбуре, свою мать, и вся стая отвергла ее, потому что после гибели Бывалого стала она просто одинокой, обременительной для стаи сукой. Вспомнив об этом, Кукбуре присела и горестно завывала.

Однако прибежала она сюда не для того, чтобы вернуться в стаю. Кукбуре и до этого несколько раз побывала в Тиряклах и однажды уловила знакомый, сильно взволновавший ее запах. Он не был так резок, отчетлив, как прежде. К нему примешались другие запахи — навоза, лошадей, сбруи, дегтя. Но Кукбуре выделила из этой смеси запах, который был присущ лишь одному человеку — ее Хозяину. И на сей раз, несмотря на непогоду, побежала в Тиряклы с тем, чтобы отыскать его. Пусть он сажал ее на цепь, сурово учил подчиняться приказам, зато не страдала она от голода и холода. Если в то еще время, когда она была щенком, увязывалась за ним, собравшимся съездить в соседний аул, Хозяин брал ее в свою повозку, защищал от бродячих собак и вообще в обиду не давал...

Наверху, на горе, ударил навстречу снежный заряд. Но для Кукбуре он не страшен. На дороге нет ни души. Люди, признав свое бессилие перед неистовством природы, попрятались в своих укрытиях, притихли. Да, человек слаб в сравнении с силой стихий. А Кукбуре торжествует, ей весело мчаться сквозь буран, чувствуя свою нерасторжимую связь с природой, слитность с ней.

А вон и аул. Погруженный в снега, в буранной мгле он кажется более приземистым, чем на самом деле, съезжившимся в испуге. Со стороны молочной фермы ветер доносил резкие запахи, в том числе запах сукровицы, хорошо знакомый Кукбуре. Это был запах, связанный с появлением приплода, началом новых жизней. Такой же запах распространялся вокруг и тогда, когда щенилась она сама. Сейчас он пробудил в ней инстинкт продолжения рода, и Кукбуре непроизвольно, забыв об осторожности, завывала, призывая самца...

* * *

После посещения знахарки Малика места себе не находила, все у нее валилось из рук. Не поверила бы старухе, но та в общих чертах всю ее прошлую жизнь обрисовала верно, будто проектором высветила темные полосы в ней.

— Есть опасность, что дочка твоя никогда не заговорит, — сказала старуха.

— Ах, инэй!..

— Я это поняла еще при прежних наших встречах, но не сказала тебе сразу, надо было подумать, как быть — нужного лекарства ни у меня, ни поблизости нет.

— Лекарства? Значит... — Малика, выпрямившись, с надеждой смотрела на старуху, ожидая, что еще она скажет.

Старуха не спешила. Промочила горло глотком чая, посидела, устремив взгляд куда-то вдаль.

— Твоя прошлая жизнь была нелегка, — заговорила она наконец. — Ты хранишь в душе глубокую обиду на близкого тебе человека, винишь его во всех своих бедах. Из-за него покинула родной дом, с этого начался твой ошибочный путь...

Из глаз Малики брызнули слезы, она уткнулась, зарывав, в лежавшую рядом подушку.

— Что же мне делать, инэй? — спросила она, несколько успокоившись.

— Больше я тебе ничего не скажу. Пусть ко мне придет твой муж.

— И ты все, что знаешь обо мне, расскажешь ему?

— С чего это я расскажу? Мне надо повидаться с ним потому, что помочь нам кое в чем может только он.

— Ты имеешь в виду лечение Флориды?

— Да, и это...

...Сегодня Аюп не придет домой, рано утром уехал в Уфу. На улице разбушевался буран. Убаюканная его гулом, Флорида уснула. А Малику этот гул пугает. Даже в Сибири не видела она таких снежных бурь. Ветер шумно прорывается на чердак, свистит в щелях ставен, по-звериному воем в печной трубе. Если бы рядом не посапывала спящая дочка, Малика, пожалуй, со страху попросилась бы ночевать к соседям. Поглядывая на Флориду, она задумалась. Мелькнувшая в голове мысль о Сибири потянула за собой цепочку воспоминаний о прожитых там годах.

Маму свою она не помнит. Знала со слов тетки, что звали ее Гайшой. Умерла при родах. Отец, приказчик Абдрахман, сильно из-за этого загоревал и, даже не взглянув на младенца, то есть на Малику, повинную в смерти его горячо любимой жены, сказал бездетной свояченице Камиле: «Забери ее себе, если хочешь, мне она не нужна».

Тетя Камила Малику в детстве особо не обижала, но и не баловала. В нэповские времена эта предприимчивая ханум содержала в большом сибирском селеении Кызылкаш лавку и заезжий двор. Если первой ее заботой было вести дело прибыльно, то второй — не спускать глаз с молодого, склонного к распутству мужа. Малика пошла в сельскую школу поздно, когда ей исполнилось десять лет, но едва научилась читать, писать и считать, овладела знаниями, достаточными, как говорится, для того чтобы заработать на хлеб, на соль, тетка отлучила ее от учебы, определила в помощницы по хозяйству, фактически — в прислуги.

Уборка, стирка, мытье посуды, уход за скотом легли на плечи хрупкой еще девочки. Малика уставала так, что ночью долго не могла уснуть, а как только обозначался рассвет, в ворота стучал кнутовищем водовоз:

— Эй, красавица, вставай, прими воду!..

Трудно сказать, сколько продолжалась бы такая жизнь, если бы Малика к пятнадцати годам не выделилась среди сверстниц высоким ростом, крутыми плечами, заметно налившимися бугорками грудей. На нее стали заинтересованно поглядывать представители противоположного пола, и самым беззастенчивым из них оказался дядя Шафик, муж тетки.

Сначала Малика воспринимала внимание езнэ как естественное стремление защитить ее от нескромных взглядов и смутно еще понимаемых ею посягательств.

Но однажды, когда она, слегка простудившись, лежала в постели, Шафик подошел к ней и, похлопывая ее по спине, пропел:

*Грудки твои туги,
Щечки румяны,
Ах, взглянув на тебя,
Я хожу как пьяный...*

Он и в самом деле был нетрезв. Малика откинула его руку, отодвинулась к стене.

— Отойди, а то тетю позову!

— Она ушла, не скоро вернется. В доме только ты да я... — Шафик приник к ней, забормотал, обдавая водочным перегаром и запахом чеснока: — Нам обоим будет хорошо... Ты ведь еще не знаешь вкуса любви... Я сделаю тебя счастливой...

Малика растерялась. Всю жизнь она смотрела на Шафика как на человека, заменившего ей отца, и его поведение сейчас не укладывалось в ее сознании. Сознание еще оставалось детским, хотя внешне Малика выглядела почти взрослой девушкой. Она поняла только, что ей грозит нечто ужасное с не менее ужасными последствиями, и взмолилась:

— Дядя, что плохого я тебе сделала? Раз так, отправьте меня к отцу!

— Как же, ждет не дожидается тебя отец! Ха-ха! Хоть бы раз поинтересовался тобой, навестил! Только я тебя люблю...

Мольба простодушной девчонки еще больше распалила Шафика, оскотинившегося в баловстве с женщинами. Он впился губами в губы Малики.

— Уйди, дядя... меня тошнит...

Она сблевала на пол и откинулась на подушку. У нее уже не было сил сопротивляться, Шафик добился своего. Малика ничего, кроме боли и жгучего стыда, не испытала.

Наутро тетка, когда Малика принесла ей в спальню ранний чай, заметила под ее глазами подозрительную синеву, спросила, стараясь сохранить спокойный тон:

— Веки у тебя припухли. Плакала?

Малике захотелось откровенно рассказать ей о том, что произошло накануне вечером, поплакать, припав к ее груди. Но тут тетка, изменив своей обычной сдержанности, зло прошипела:

— Говорят, воспитав теленка, будешь хлеб с маслом есть, воспитав сиротку — локти себе кусать. Смотри, девчонка, не опозорь меня! У тети Камилы терпение долгое, суд короткий. Поняла?

Ушла Малика из теткиной спальни закусив губу.

Если бы Шафик больше не приставал, Малика, толком не осознавая, какая с ней стряслась напасть, жила бы и жила при тетке. Но распутный езнэ, познав вкус молодого тела, не собиравшись поставить на этом точку. И однажды вечером, когда Малика пошла в сарай доить корову, вошел следом, обнял ее сзади.

— Соскучился я по тебе, ягодка моя!

— Отпусти, дядя, закричу!

— И чего добьешься? Прогонит тетка со двора — куда пойдешь? Ну куда?..

Почувствовав на лице его горячее дыхание, жар впившихся в ее губы губ, Малика вдруг обмякла, выронила подойник — зазвенев, он откатился в сторону.

— Ах, дядя... Хватит!

— Не хватит. Это — только начало... — Шафик неожиданно поднял ее, отнес на ворох сена, торопливо расстегнул свой полушубок и ворот ее платья, осыпал

поцелуями ее открывшиеся грудки. — Сейчас... Ты еще не знаешь... не познала счастья. На этот раз тебе не будет больно. Ягодка моя, лебедушка!..

По телу Малики пробежала дрожь, ей захотелось поскорей познать обещанное счастье.

— Ах, дядя! Не мучай меня! Умру! Ах!..

Два тела соединились, две души как бы слились в единую. Если бы даже рядом вдруг возникла Камила, они уже не смогли бы остановиться. Малика содрогнулась, впервые испытав оргазм, и, немного придя в себя, услышала возле уха шепот:

— Я тебя, душенька, не насиловал, ты сама отдалась...

Малика слабо улыбнулась, истолковав слова Шафика в том смысле, что теперь она взрослая, сама себе хозяйка, но не хозяйкой она стала, а рабой наслаждения, которым одарил и будет одаривать ее эзнэ.

Говорят, любому удовольствию сопутствует неприятность. Неприятности, более того — страдания, начались позже, когда Малика поняла, что беременна. Тетя, конечно, не могла не заметить перемену в ее фигуре, но почему-то молчала. Молчала долго, несмотря на то, что неотвратимо приближался срок родов.

Разговор с ней с глазу на глаз стал одним из самых тяжелых моментов тогдашней жизни Малики. Шафика не было дома, уехал по каким-то делам в город. Тетя Камила, должно быть, намеренно выбрала для разговора это время.

День прошел спокойно. Сели за вечерний чай. Малика разливала чай, не поднимая глаз на тетю. Если не принимать во внимание шумок, исходивший от самовара, в доме царила глубокая тишина. Неожиданно с комода ни с того ни с сего упала на пол кукла, с которой Малика играла в детстве. Она торопливо нагнулась, взяла ее в руки. И тетя первый раз с тех пор, как сели за стол, разомкнула губы.

— Кукла... Я выменяла ее для тебя у приехавших из города торговцев на олений рог...

Малика, промолчав, лишь еще ниже опустила голову.

— Когда я взяла тебя к себе, ты была трехдневным младенцем. Думала, станешь мне опорой на склоне лет...

Малика застыла с куклой в руке. Тетя выносит ей приговор. Она давно со страхом ждала этого часа, этой минуты. Что ж, тетя вправе осудить ее, да, вправе...

— Почему молчишь?

Малика вздрогнула, но не ответила на вопрос.

— Твой отец ни разу не поинтересовался, жива ты или нет, — продолжала тетя. — Вот теперь пусть увидит дочку. Короче, завтра рано утром подъедет к воротам возок. Дорога предстоит тебе дальняя, оденься потеплей, возьми тулуп, еду... Возница знает, где тебя оставить. Что бы тебя там ни ожидало, на мой порог больше не ступишь. Щадя твою молодость, не проклинаю тебя, но и благословить не могу.

По щекам Малики хлынули слезы, закапали в чашку с недопитым чаем, на розовое лицо куклы. Тетя опрокинула свою чашку на блюдо и, волоча ноги заметней, чем обычно, ушла в свою спальню, закрылась там.

Утром, даже после того, как раздался стук в ворота, Малика все еще надеялась, что тетя выйдет, скажет, притронувшись к ее пылающему лбу: «Ладно, останься. Не одна ты виновата. Еще одного ребенка как-нибудь выкормим». Но тетя не вышла. Малике не оставалось ничего другого, кроме как сесть, завернувшись в тулуп, в кошевку. Из еды на дорогу она взяла краюху хлеба.

В деревню, где должна была определиться дальнейшая судьба Малики, приехали под вечер. Перед домом, возле которого остановился возок, росло дерево,

показавшееся Малике необычайно высоким и раскидистым. Заметив ее удивление, возница сказал:

— Кедр. Орехи с таких собирают... — Затем, повернув лошадь в обратную сторону, добавил: — Постучи в ворота, тут твой отец живет. — И уехал.

На несмелый стук Малики вышла из дома дородная женщина. Повозившись с запором, открыла калитку, устала на нее:

— Чего тебе?

— Мне нужен человек по имени Абдрахман.

— Абдрахман? Зачем он тебе понадобился?

Во дворе, загредев цепью, зашла в лае собака. То ли испугавшись лая, то ли оробев перед хозяйкой, вцепившейся жирной рукой в ручку калитки так, будто от этого зависела судьба мира, Малика проговорила еле слышно:

— Он... мой отец.

— Отец? Кабы у него была дочь вроде тебя, я бы знала. Слава Аллаху, живу в этом доме шестнадцать лет!

Пока Малика раскрыла рот, чтобы объяснить что и как, калитка захлопнулась. Вскоре во дворе у самых ворот забесновалась спущенная с цепи собака. Малика, ничего не видя, поспешила прочь от этого двора и как-то неосознанно затесалась в колонну людей, устало шагавших по заснеженной улице.

Из калиток стали высовываться жители деревни, кое-кто вышел на улицу, рядом со взрослыми засновали любопытные ребятишки. Послышался зычный голос:

— Посторонним к колонне не подходить! Заключенным не останавливаться! Шаг влево, шаг вправо от колонны считается побегом, будем стрелять без предупреждения!

Колонну сопровождал вооруженный конвой. Как конвоиры ухитрились не заметить, что к заключенным присоединилась посторонняя девушка? Это можно объяснить лишь тем, что их внимание переключилось на жителей деревни. А Малике в тот момент было все равно, куда и с кем идти, вот она на изгибе улицы и оказалась рядом с мужчиной, которого звали, как выяснилось позже, Павел. Лишь он один посмотрел на нее, удивленно вскинув брови, но ничего не сказал, и Малика побрела вместе с этими изможденными людьми навстречу неведомой судьбе.

За деревней, в некотором отдалении от нее, колонну остановили у длинного строения барачного типа. Оно служило, видимо, промежуточным пунктом остановки на пути заключенных с железнодорожной станции в раскиданные по тайге номерные учреждения, проще сказать — лагеря. При пункте содержался небольшой спецперсонал, была кухня. Внутри строения были сооружены нары, застеленные соломой. Прежде чем завести пригнанных зеков туда, провели перекличку. Выкрикивались фамилия и имя заключенного, в ответ слышалось короткое «Я!».

— Иванова Анастасия!

— Это тебя, — сказал Павел, подтолкнув Малику в бок, и она, несомая течением жизни невеста куда, тоже откликнулась:

— Я!

И стала Анастасией Петровной Ивановой. Куда делась подлинная Анастасия Иванова — Малика и поныне не знает. Может быть, сбежала как раз в тот день, и Павел подтолкнул Малику в бок, чтобы побег не обнаружился. Иначе поднялся бы переполох, охрана ожесточилась, положение и без того измученных заключенных стало бы еще хуже.

Вообще-то Павел, земля ему пухом, не хотел, наверно, причинить Малике зло, напротив, был к ней участлив. Когда заключенных запустили в освещенный керосиновыми фонарями барак и раздали бачки с жидкой похлебкой, все жадно набросились на горячую еду, только Малика не притронулась к ложке.

— Ты что, Настя, не ешь? Тебе плохо? — спросил Павел.

Малику скрючила жуткая боль в пояснице.

— Ой, мамочка, умру сейчас!..

Немного погодя она издала дикий вопль, покатила по соломе, схватившись за живот.

— Да у тебя схватки начались! — догадался Павел. — Снимай штаны! Давай, давай, не стесняйся! У меня было двое детей, не впервой такое вижу...

На вопль прибежал один из охранников. Поняв, в чем дело, цыкнул слюной сквозь зубы, сказал равнодушно:

— Ладно, пускай рожает.

Разрешил, стало быть, родить и ушел. К человеческим страданиям он уже привык, не раз в пути у него на глазах падал и умирал от истощения человек — что ж ему, переживать из-за каждого?..

Малика мучилась не очень долго, ребенок под утро выскользнул из материнского чрева. Младенца завернули в ее узорчатый — алые вишни по синему полю — платок и сверху еще обмотали чьим-то теплым шарфом.

— Мальчик у тебя! — сказал Павел, накрыв Малику своей телогрейкой. «Почему он не родился до того, как тетя прогнала меня? Она сожалела, что нет у них сына. Вот родился мальчик, пусть бы там остался, мне он не нужен, я не знаю, что ждет меня завтра...» Так или примерно так подумала Малика и заснула.

А спустя часа два колонну погнали дальше. Ребенка нес Павел, с его подсказки двое других мужчин, поддерживая под руки, вели Малику. Километра два три прошла она в полубморочном состоянии и простонала:

— Все, больше не могу! Застрелят так застрелят — оставьте меня здесь!..

— У тебя теперь есть ребенок. Потерпи! — приказал Павел.

Дошли до какого-то поселка. На улице кучками стояли местные жители. Конвоиры грозными окриками предупреждали их, что передавать что-либо заключенным запрещается, — в случае нарушения запрета будут стрелять. И все же одна сердобольная девочка лет десяти-двенадцати бросила поравнявшейся с ней Малике краюшку хлеба. Малика не сумела поймать ее, краюшка упала под ноги и по наледи скользнула к обочине дороги. Павел метнулся за ней, оторвался от колонны, и в ту же секунду громохнул выстрел. Пока Малика сообразила, что произошло, Павел, с ребенком на одной руке и краюхой в другой, упал, снег рядом с ним обагрила кровь.

— А-а-а! — закричала Малика и рванулась было туда, но кто-то крепко схватил ее за предплечье.

— Дура!..

Двое опекунов потащили ее дальше. Колонну не остановили, она продолжала свой путь, как будто ничего не случилось.

— Шагай, девка, — сказал один из поддерживавших ее мужчин, — если ребенок жив, может, кто-нибудь из местных его подберет и спасет, а тут он не сегодня, так завтра все равно бы помер.

Утрата ребенка не обернулась для Малики безутешным горем. Не возникло у нее тогда материнское чувство: может быть, оттого, что была еще слишком молода, да и ни разу не покормила младенца грудью, не ощутила тепло маленького тельца.

Жизнь в лагере сложилась для нее поначалу сносно. Подлечив в лазарете, назначили Малику кухонной работницей в лагерной столовой. Грязная работа с раннего утра до позднего вечера была нелегка, но все же легче, чем на лесоповале.

Молодость брала свое: Малика постепенно окрепла, налилась, как спелая вишенка, соком, превратилась в стройную, красивую девушку и получила прозвище «Кралья». Затем прозвище это сменили другие — «Курва», «Дешевка», «Полковничья подстилка». На ее броскую красоту обратил внимание Хозяин — начальник лагеря. Нет, сам он не попользовался ее телом, но над каждым начальником есть еще начальники, им надо угождать. Стал Хозяин «подкладывать» красавицу под наезжавших в лагерь время от времени инспекторов в полковничьем, как правило, чине. Бесправная Малика, низведенная фактически до положения рабыни, противиться не могла. Шило в мешке не утаить: о том, что Анастасию Иванову взял под личную опеку сам Хозяин, знали и подчиненные ему офицеры, и лагерные паханы. Это имело и свою положительную сторону: Малика не голодала, носила опрятную одежду, была ограждена от изнасилований отпетыми уголовниками.

Она встречала в лагере уже третью весну, когда начальника сменили. К этому времени Малику перевели на обслуживание отдельной комнаты, где питался начсостав лагеря. Принеся обед новому начальнику, Малика остолбенела: он был поразительно похож на застреленного Павла. «Этого не может быть! Таких чудес не бывает!» — мелькнуло в голове Малики. Начальник заметил ее смятение.

— Что с вами? — спросил он. — Вы изменились в лице.

— Вы... похожи на одного очень хорошего человека... Его звали Павлом... — призналась Малика.

— Из каких краев был этот человек?

— Не знаю. Мы случайно встретились на этапе. Я родила в пути, он перерезал пуповину моего ребенка...

— Ребенка? Сколько вам лет?

— Девятнадцать. Почти...

— Постойте-ка! Я просматривал дела заключенных, ознакомился и с вашим. Там год рождения у вас...

— Я не Анастасия Иванова, — выпалила Малика.

— А кто?

— Малика Абдрахмановна Харисова.

— Странно! В этом надо разобраться.

Он оказался порядочным человеком, этот новый начальник. Вызвал Малику в свой кабинет, внимательно выслушал рассказ о ее злключениях. Был послан запрос в Кызылкаш. Оттуда пришел ответ: «В настоящее время в селе Кызылкаш Харисова Малика Абдрахмановна не проживает. Три года назад по неизвестной причине она уехала из села и более не возвращалась. Сведения получены от ее приемных родителей». К ответу была приложена фотокарточка четырнадцатилетней Малики.

Дело направили в суд. Суд установил, что Харисова попала в заключение случайно, подлежит немедленному освобождению.

Малика не чуяла под собой ног. Ее нигде не ждут, но она свободна! Начальник лагеря, вновь вызвав ее в свой кабинет, спросил:

— Может, останешься у нас вольнонаемной? Дадим тебе комнату...

— Нет, уеду.

— Куда отправишься?

— В Москву.

— У тебя там есть кто-нибудь?

- Да, младшая сестра матери. Попробую отыскать ее.
- Москва большая...
- Что ж, в большом городе и работу найти легче.
- Завтра по реке пройдет пароход. Я распоряжусь, чтобы тебя доставили на пристань...

Малика той ночью не сомкнула глаз. Тревожилась, что опоздает на пароход. Но в пять часов утра вольнонаемный кучер разбудил ее и в пролетке начальника отвез на пристань, расположенную в нескольких километрах от лагеря.

Как ни сэкономила Малика выданные ей на первое время деньги, все же, когда ступила на перрон московского вокзала, ни копейки у нее не было. Тетя Камила говорила, что ее младшая сестра Зайнаб живет в Москве на каком-то Арбате. Арбат Малика нашла, но найти там женщину по имени Зайнаб оказалось не проще, чем отыскать иголку в стогу сена. Стало ясно, что дело это безнадежное.

Пришлось вернуться на вокзал, провести ночь в тамошней толкотне. На следующий день, голодная, крутилась близ буфета и женщин, торговавших пирожками. На нее обратила внимание уборщица буфета, сказала, покачав головой:

— Такая красивая, а глаза голодные. Куда это годится? Есть у тебя к кому пойти?

- Нет.
- А документы есть?
- Нет.

Была у Малики справка с лагерной печатью, но признаться в этом она не решилась. Спросила робко:

- У вас тут какая-нибудь работа не найдется? Хотя бы на кухне.
- Для устройства на работу везде нужны паспорт и прописка.
- Что же мне делать?
- Идем, напоем чаем. Вечером сведу тебя с одной женщиной, которая такими, как ты, интересуется...

В тот вечер Малика открыла новую страницу своей непутевой жизни. Уборщица привела ее к модно одетой женщине с чрезмерно накрашенным и напудренным лицом — некой Магде. Магда, убедив Малику в том, что иной возможности, кроме как зарабатывать телом, у нее нет, принарядила ее и устроила встречу с богатой, судя по всему, дамой по имени (а может быть, по кличке) Клеопатра. После этого в течение месяца Малика, можно сказать, отдыхала. Ее познакомили с другими красивыми девушками, водили по магазинам и ресторанам, учили светским манерам, приемам обольщения мужчин и способам предохранения от беременности, — словом, прошла она курс подготовки профессиональной проститутки высокого класса. Присвоили ей кличку «Белый пудель», должно быть, этому поспособствовали ее выбеленные под блондинку волосы. Вскоре Малика стала приносить хозяйке солидный доход. Появились деньги и у нее самой. Хозяйка, имевшая обширные связи, добыла ей паспорт. Лагерную справку с фиолетовой печатью Малика порвала и выбросила.

Она становилась все более искусной в своем деле, но при этом в глубине души лелеяла мечту о собственном доме, семье. Малика увлеклась вышиванием, к этому обязывала и профессия — надо было иногда изображать из себя светскую даму за благородным занятием. Однажды в магазине привлек ее внимание образец для вышивания: на картинке по тротуару шла семейная пара, ангельского обличия ребенок протягивал матери букет цветов. Над ними в синем небе плыли белые кучерявые облака, идиллию дополняли клумбы перед окруженными зеленью домами, построенными из красного кирпича.

Купив картинку, Малика усердно принялась переносить ее на тканую основу. Когда она возвращалась в свою комнату, надышавшись табачного дыма, устав от общения с доведенными вином и водкой до скотского состояния мужчинами, работа с иглой придавала ее жизни новый смысл, согревала душу. Дома она вышивала с особым старанием, будто не просто вышивала, а сама укладывала в их стены за кирпичиком кирпичик. А вот глаза у мужчины на картинке были серые и ей не понравились. Немного подумав, она вдела в иглу синюю нитку. Пусть глаза у него, решила, будут небесного цвета — цвета бесконечной жизни и надежды.

Сейчас, напоминая о ее прошлом, эта вышивка висела на стене в застекленной раме. Взяла ее Малика с собой, уезжая из Москвы с Аюпом.

Окна посветлели, наступало утро. Из-за того, что провела ночь без сна, перебирая в памяти минувшие годы, глаза у Малики покраснели, в голове шумело.

Старуха-знахарка потребовала прислать к ней Аюпа. Что она намеревается сказать ее мужу? Рассказать ему о себе все у Малики не хватило духу. А старуха видит каждого насквозь, как бы лишнего не наговорила. Малика дорожит своей теперешней жизнью. Аюп стал в последнее время грубоват, но она успела полюбить его. Может быть, из-за проклятого прошлого недодает ему тепла — и телесного, и душевного, однако старается жить с ним в ладу. С рождением Флориды вспыхнула в ней страстная материнская любовь. У Флориды есть отец, который тоже очень любит дочку, это усиливает ощущение счастья, возносит душу Малики в заоблачные выси. Страшно подумать, что всего этого она может лишиться, и жизнь ее в Таулах окажется лишь коротким, сладким сном...

* * *

Буран не утихал — напротив, усиливался. Еще дня за два до того, как природа разбушевалась, у Ихсанбая заныли раны, а теперь стало ему вовсе нестерпимо. Пробовал греться у печи, потирая рукой следы ожогов на теле, — не помогало. Рауза, несмотря на холодное отношение мужа к ней, жалела его.

— Я раны Шангарея муравьиным маслом смазывала. Смажь и ты, — посоветовала она. — А медвежий жир у тебя где-нибудь не остался? Я бы растопила...

— Какой медвежий жир? Что ты, тряпичная голова, мелешь? Откуда он мог у меня взяться?

— Бэй, Шангарей говорил, что ты прошлой весной медведя убил. Видел через щелочку, когда в летней кухне лежал, как ты мясо разделявал... Потом приехал какой-то урус, все увез...

— Нашла кому верить! Он тебе не то еще наврет и дорого не возьмет!

— Так ведь... Он, бедняжка, вовсе не умеет врать.

— Вот и живи с ним, раз он такой хороший. А то морочишь мне голову всякой чушью! — взвился Ихсанбай и в ярости даже схватил лежавшее перед печью полено, собираясь швырнуть его в Раузу. — Исчезни с глаз моих!

Швырнуть полено не швырнул, но задел им стекло стоявшей на нарах семилинейной лампы, разбил вдребезги. Тут открылась дверь и порог переступил Мирхайдоров.

— Можно к вам?.. Ну и погодка сегодня, — заговорил он, стряхивая налипший на брови и усы снег.

Появление человека, способного прекратить возникший в доме скандал, обрадовало Раузу так, будто сам святой Хызыр Ильяс пришел ей на помощь.

— Ах-ах, раздевайся, проходи, СынTIMER, ай, Азат-агай! — засуетилась она.

Обращаясь к председателю колхоза, Рауза путает его имена, прежние и нынешние, к тому же, называя его агаем, как бы прибавляет ему года. Жене Азата Аглиевича это не нравится. Когда выпадал случай, Сарбиназ напоминала Раузе, что называть младшего по возрасту агаем неуместно, а имя «СынTIMER» ее муж носил согласно старым обычаям, и об этом пора забыть. «Но ведь это — история, историю, апай, не изменишь», — возражала Рауза. Слово «апай» из уст старшей по возрасту женщины тоже обижало симпатичную, моложавую Сарбиназ, но Рауза не очень-то обращала на это внимание.

Вот и сейчас она назвала Мирхайдарова агаем, выражая этим уважительное отношение к нему, более того — родственную близость с ним.

— Кажется, я не вовремя пришел, — смутился Мирхайдаров, увидев на нарах и на полу осколки стекла.

— Нет-нет! — возразила Рауза, обратив к нему засиявшее, как полная луна, лицо. — Сейчас я приберу тут. Кошка, глупая, вскочила на горячую плиту, метнулась оттуда на нары и налетела на лампу...

Она быстренько метлой собрала осколки в совок, высыпала в мусорное ведро.

Ихсанбай тоже заговорил: неудобно же молчать, когда в твой дом пришел человек.

— Ноет у меня все тело, Азат Аглиевич, — пожаловался он. — Сколько времени прошло после войны, а она все еще мучает. Лучше бы убили меня там...

— Ну, коль остались живы, так пока поживем. Умереть успеется. Я не жалеть тебя пришел, Ишмухамет, а на работу позвать.

— На работу?!

Мирхайдаров достал из кармана клоч газет, намереваясь свернуть сигарку. Ихсанбай протянул ему свой кисет с самосадам.

— Не слишком крепкий у тебя табак? Я уже не прежний табакур. Ну ладно, попробую твой...

Закурил, присев на табурет у печи.

— На работу, говоришь. А куда?

— На ферму, учетчиком. А по существу — советчиком к Саяфу. То ли молод он, то ли глуповат, не тянет толком. Надо все время подсказывать: сделай то, сделай это. Из-за его нерасторопности на ферме сеном не запаслись.

— Не знаю... в моем состоянии... Хватит ли сил?

— Опыта тебе не занимать. В коллективе и самочувствие улучшится. Забота, брат, сильное лекарство. На фронте люди редко хворали, недосуг было хворать.

Тем временем Рауза достала из казана горячую картошку, выставила на стол топленое масло, корот, красный творог, а посерединке — будто с неба упавшую бутылку «белоголовой».

— Айда, угощайтесь. В дурную погоду хорошая еда — в самый раз.

Ихсанбая ее слова резнули по сердцу: раньше часто слышал эту поговорку от матери. Жил он при ней, по-русски сказать, как у Христа за пазухой, только не ценил это...

Мирхайдаров, озабоченный сложившимся на ферме положением — скот там кормить стало нечем, — засиживаться за угощением не стал.

— Я ненадолго по делу к вам заглянул, а ты, Рауза, из своего запасника чего только не выставила, — сказал он, одеваясь.

— Ах-ах, — отозвалась Рауза, — как же иначе? С несмазанной сковородки, Азатулла-агай, блин не снимешь. Мы с тобой оба люди государственные, друг в друге нужда возникает, так что...

Она подала ему шапку, стряхнув с нее натаившую воду. Мирхайдаров протянул руку Ихсанбаю:

— Значит, договорились. Надеюсь, Ишмухамет, уже завтра утром увидимся на ферме.

— Ладно, попробую. Дело для меня не новое. Только вот буран... Отощают коровы, так не знаю, скоро ли опять приличным скотом станут.

Взяв посошок, Ихсанбай вышел в сени проводить Мирхайдарова. Ступив на крыльцо, Азат Аглиевич вдруг резко отпрянул назад.

— Не бойся, это всего лишь кутенок! — Ихсанбай, решив, что Мирхайдарова напугал недавно приобретенный им щенок, хрипло засмеялся. — Он, наверно, сам тебя испугался...

Но не кутенок — здоровенная собака кинулась к Ихсанбаю, когда он вышел на крыльцо, едва не сбила с ног, запрыгала рядом с ним, радостно повизгивая, лизнула руку, лицо...

— Кукбуре? Ну, хватит, хватит, уймись! — просипел Ихсанбай, то есть, в восприятии Мирхайдарова, Ишмухамет.

Мирхайдаров служил на фронте в разведке, требовавшей умения мгновенно оценивать ту или иную ситуацию. В данном случае ситуация возникла странная, что-то в ней не стыковалось. Пытаясь сообразить что именно, забыв надеть шапку, Азат Аглиевич торопливо пошагал к жалобно скрипевшим под ударами ветра воротам.

* * *

Не то что подвезти сено — просто добраться до фермы для ее работников стало непростой задачей. Те, у кого дверь сеней открывалась внутрь, утром раскидывали сугробы у соседских дверей, открывавшихся наружу.

Мадина остановилась у ворот коровника: под них тоже намело огромный сугроб, войти внутрь она не могла. В гуле бурана ей чудились мелодии, напоминавшие то о несчастном Буранбае, то об охотнике, отправившемся на Ашкадар за норками, чтобы сшить шубку для молодой жены, и погибшем там, то о Зухизе, тоскующей в чужой для нее степи, то о Гильмиязе, бегущей, избив ноги до крови, в родную сторонку. Душа и у самой Мадины была переполнена тоской и болью, только не могла она излить их, разбушевавшись, как разбушевались небо и земля. Теперь она знает, что такое безысходность. Сломит ее эта безысходность, превратит в полоумную, или, выдержав все, обретет она силу духа, которую уже ничем не сломить?

Однажды вечером в далекой Москве, в комнате общежития, где жили они с Абдельхатом, завязался у них философский спор с Давидом. Это было перед тем, как над Абдельхатом сгустились тучи.

— История полна примеров, когда борьба за справедливость, за правду заканчивалась виселицей или, как в случае с Иисусом, распятием на кресте, — сказал Давид, пощипывая бородку тонкими, чуткими пальцами.

— Значит, борьба, по-твоему, бессмысленна? — спросила Мадина.

— Если бы река тратила все силы на то, чтобы пробить прямой путь через горы и скалы, она, Мадина, никогда не достигла бы моря. Реки находят обходные пути, поэтому и извилисты.

— А ты, Абдельхат, как думаешь?

— Я думаю, суждение Давида о реке не совсем точно, а применительно к человеку — вовсе ошибочно. Река слаба лишь в истоке, а становясь шире и глубже, все-таки стремится пробить себе прямой путь, подмывает горы, подтачивает ска-

лы. И человек стремится к тому же. То, что предназначено тебе испытать, и радости, и горести, никто другой за тебя не испытает. Устанешь в пути — отдохни, упадешь — поднимись. В отличие от реки ты обладаешь способностью любить. Как бы трудно тебе ни было, не отрекайся от любви, лишь она наделяет человека силой, придает его жизни высокий смысл...

— Вы рассуждаете так интересно, и мне хорошо с вами, — сказала Мадина. — Почему не все люди такие, как вы?

— И нам хорошо рядом с тобой, — Давид ласково прикоснулся к ее руке. — Ты на вид хрупкая, а сил в тебе!.. Очень ты сильная!

А сейчас Мадина чувствовала себя слабой и жалкой. Постояв в затишке в надежде, что подойдет еще кто-нибудь, озябла и направилась к «красному уголку» — может, там кого найдет? Должно же быть у людей чувство ответственности! Не бездушные предметы — живые существа их заботе поручены!..

Но в «красном уголке» никого не было. Может, доярки в караулке сидят? Мадина приложила ладони к почти остывшей печи. Взгляд ее упал на висевшую на стене доску показателей, на которой отражались ежедневные надои. Ох как они понизились! Вчера ее Буренушка дала всего три литра молока, а давала до двадцати литров. Только против фамилии Галимы красовались цифры, не уступавшие прежним. Это каким же чудом она достигла таких показателей, когда коровы голодают?

Тут, постукивая посошком, согнувшись, что называется, в три погибели, в «красный уголок» вошел Ишмухамет.

— О, Мадина, здравствуй, красавица! Как дела?

— Да как сказать... Неважно, Ишмухамет-агай. — Мадина не забыла, что этот человек был одним из тех, кто отнял у них во время войны корову, но он же и спас ее, когда возвращалась из Москвы, поэтому она ответила, стараясь не выдать свою неприязнь к нему.

— То-то председатель решил послать меня к вам на подмогу, назначил учетчиком, — сообщил Ишмухамет. — А что это ты разглядывала на стене?

— Показатели доярок. Удивляюсь: у всех надои снизились, а у Галимы даже повысились.

— Будешь такой же умничкой, так и у тебя повысятся. Все зависит от тебя. Галиму депутатом райсовета избрали, намереваются на Героя Труда представить. Секрет ее успеха, небось, тебе известен. Лови и ты птицу счастья!

Поняла Мадина, на что намекнул Ишмухамет, — Пауза давно треплется насчет отношений Галимы с Саяфом, — и теперь уж в ее голосе прозвучали резкие ноты:

— Агай! Жить без совести — удел животных. Я не собираюсь добиваться звания Героя, жертвуя человеческим достоинством. Настоящие герои жертвуют собой ради счастья других.

— Ох-ох, какие слова мы знаем! Раз ты такая боевая, иди найди способ накормить скот, пожертвуй собой!

Мадина выбежала из «красного уголка», в сердцах хлопнув дверью. Надо, надо найти какой-то выход! Прежде случалось, что в весеннюю бескормицу привозили из лесу ветки ильма, скотина обглаживала их, но сейчас это невозможно. Вдруг пришла ей в голову мысль: а что если обойти дворы аула, попросить хозяев принести на ферму хотя бы по мешку сена? Ну, одной ей с этим не справиться. Когда соберутся доярки, поговорит с ними, чтобы все отправились по дворам. А поймет ли ее Галима? Должна понять. Хоть и высокие у нее показатели, ее коровы тоже ведь голодают. Коль накормят сегодня скот, завтра, может быть, погода наладится и скотникам удастся добраться до ближних стогов.

Доить сейчас голодных коров не было смысла. Чтобы не тратить время зря в ожидании остальных доярок, Мадина решила сходить домой. Сделав кое-что по своему хозяйству, покормив Даута, вернулась на ферму, направилась в караульную избу. У входа в нее был пристроен темный чулан для хранения лопат и сбруи. Мадину остановил приглушенный голос Галимы, послышавшийся из этого чулана.

— Агай, оставь, говорю, нельзя ...

— Саяфу же можно! — Это сильный голос новоявленного учетчика.

— Он... он любит меня. Агай, я закричу!

— Закричишь, так хрен Героя получишь! Ославлю тебя на весь район, все узнают, за какие подвиги тебя возносят!

Галима умолкла. Не трудно было догадаться по пыхтению Ишмухамета, что там далее происходило. Мадина попятилась, сгорая от стыда за бывшую подругу. «Забудь! Ты ничего не слышала!» — велел ей внутренний голос.

От намерения добыть сено она не отказалась. Пошла обратно в аул, отвоеывая каждый шаг в борьбе с бураном. Вскоре, набравшись решимости, постучалась в первый на ее пути дом...

* * *

Сарбиназ ждала мужа. К ужину в печи пекся курник, оттуда исходил вкусный запах теста, сдобренного гусиным жиром. Сарбиназ выдвинула пирог на припечек, налила в него через отверстие в верхней корке немного кипятка, чтобы не пересох, если Азат задержится на работе.

Дом у них небольшой, но уютный. В гостиной все — от оконных занавесок до подушек — украшено вышивками, создается впечатление, будто здесь живет в ожидании сватов девушка на выданье. Сарбиназ вспомнилось, как она познакомилась с Азатом (тогда его звали Сынтимером). Назначенная учительницей, шла она в Тиряклы пешком с чемоданом в руке. Азат нагнал ее на подходе к аулу: возвращался домой, как выяснилось, с действительной службы в армии. Хватило нескольких минут, чтобы двое молодых людей разговорились. Азат вошел в аул с двумя чемоданами — ее и своим. Остановившись, отер платком вспотевшее лицо, спросил:

— Наши дальнейшие задачи, Сарбиназ?

— Найти дом директора школы, оставить там мой чемодан.

— Это что же, я столько времени тащил чемодан, чтобы отдать директору?

То ли шутка понравилась Сарбиназ, то ли сам парень — она улыбнулась, отчего на ее разалевшихся щеках образовались симпатичные ямочки.

— Мне же надо поискать себе приют. Наверно, для такой пичуги, как я, найдется в большом ауле уголок?

— Вот что, — решительно сказал Азат, — пошли к моим! Поживешь у нас. Если через три дня уйдешь — воля твоя, если не уйдешь — станешь моей женой.

— Так скоро? — Глаза Сарбиназ округлились.

— Учитывая то, что каждый день ожидания ответа покажется мне долгим, как год, не так уж и скоро.

— Тебя, небось, в ауле невесть сколько девушек ждут.

— Это не твоя, а их забота.

Вот с тех пор они и живут вместе. Смешно вспомнить: свекровь, решив, что сын вернулся с молодой женой, по обычаю кинула под ноги Сарбиназ подушку, приготовила за занавеской супружескую постель. Азат сначала лишь посмеивал-

ся, потом вынужден был огорчить мать, развеяв ее заблуждение. На вторую подушку за занавеской он положил голову спустя три дня, после того, как расписались в сельсовете. Немало событий с того времени пережито, у Азата пышные, как облако, волосы поседели и поредели, худощавая фигура еще более усохла. И Сарбиназ уже утратила свою красоту, сводившую парней с ума. Только связавшее их с первого взгляда чувство не изменилось. Как в течение тех трех дней ждала, так и теперь Сарбиназ ждет, когда муж положит голову на соседнюю подушку и спросит:

— Ну, женушка, как прошел у тебя день?

Она помолчит, потом обнимет его, поцелует в глаза и скажет:

— У меня-то хорошо прошел, рассказывай, как у тебя...

И чаще всего рассказывает Азат. У него день побогаче событиями — и отрадными, и огорчительными.

Но нынешний вечер сложился несколько иначе. Возбужденный Азат, как только пришел и разделся, сразу обнял ее.

— Сарбиназ, женушка, вывернулись мы из беды! Скот спасен! Весь аул поднялся. Представляешь, даже старуха Ирсия и пьянчуга Галяу принесли на ферму по мешку сена! Сила бурана пошла на убыль, завтра из МТС пришлют гусеничный трактор, так что избежим больших потерь.

— Это кому же пришло в голову таскать на ферму сено из аула?

— Кому, спрашиваешь? — Склонившийся было к рукомойнику Азат выпрямился. — Мадине. Пошла по дворам поднимать народ...

— Мадине? Подумать только, в семье, у которой последнее отняли, вырос такой человек!

— Может, кого другого и не послушались бы. Люди видят кто есть кто. — Вымыв руки, Азат сел за стол. — Натуру Мадины выпавшие на ее долю горести, наверно, не смогут изменить. Абдельхат такой же...

— А у кого-то поворачивается язык называть его врагом народа!

— Будем надеяться, что оправдают его. Политика в верхах меняется. По амнистии из лагерей выпустили миллион заключенных. В газетах уже не печатают портреты Сталина...

— Может, и отношение к крестьянству изменится?

— Поживем — увидим.

— Ты ешь, ешь, пока пирог не остыл. Корка не пересохла?

— Нет. Пирог — во! — Азат показал большой палец. — Только я что-то сильно устал сегодня, хочется лечь спать пораньше.

Сарбиназ захолопотала, готовя постель. Сняла с подушек верхние вышитые наволочки, взбила их и перину. Похлопала и по подушечке, в которую летом собрала пахучую сон-траву. Затем налила в тазик теплую воду, чтобы Азат вымыл ноги, сама осушила их холстиной, приговаривая:

— Как им не устать, день-деньской ты на ногах, бабаюшка мой.

— У тебя, Сарбиназ, работы больше, чем у меня. Домашние хлопоты курам не выклевывать.

Поворковав так, легли они в постель, и Азат сказал:

— Знаешь, я стал свидетелем странного происшествия. Еще вчера. Ты помнишь собаку старухи Фаузии?

— Кукбуре?

— Оказывается, и кличку ее помнишь.

— Как не помнить! Я к Фаузии не раз сходила, когда у меня глаза разболелись. Она вылечила. А собака на волчицу была похожа. Пропала после пожара, может, тоже сгорела.

— Я, Сарбиназ, ее вчера видел.

— Да ну? В самом деле ее?

— В самом деле.

— На пожарище, что ли, пришла?

— Я к Ишмухамету зашел. Решил попросить его пойти учетчиком на ферму. Опытный, подумал, человек, Саяфу советами поможет...

— Ну и?..

— Рауза на стол собрала, бутылку выставила. Я просидел недолго. Когда уходил от них, гляжу — перед крыльцом большая, чуть не с теленка, собака стоит. Осканилась на меня. Я с испугу отпрянул назад, вперед вышел Ишмухамет, и тут собака кинулась к нему, давай лизать руки, лицо... Он ее по кличке назвал: хватит, мол, Кукбуре, уймись.

— Интересно...

— Я бы не удивился, если б увидел ее у пожарища или в соседнем дворе, скажем, у Мадины. Бывает, собака побродит где-то и возвращается туда, где жила...

— Лизала, говоришь, руки и лицо Ишмухамета. Что же это значит?

Азат не ответил. Мысли у него закопошились, как муравьи в муравейнике, мелькнула догадка, требовавшая подтверждений. По присловью, не увидев реку, сапоги не снимают. Иными словами, спешить с умозаключением не следовало. Служба во фронтовой разведке приучила Мирхайдарова руководствоваться не предположениями, а неоспоримыми фактами.

* * *

Камалетдинову о том, что знахарка хочет повидаться с ним, Малика сообщила вечером, когда легли спать.

— Зачем? Разве недостаточно твоих встреч с ней? — В голосе Аюпа послышалось недовольство. — Кстати, что она говорит о Флориде?

— Ничего мне не сказала.

— Боюсь, впустую ходишь к ней. — Аюп будто уже забыл, что старуха избавила их дочку от бессонницы. — Ну, давай спать. Устал я, — сказал он и отвернулся к стене.

Наверно, в самом деле устал, лишь недавно вернулся из поездки в Уфу, проделал немалый путь, да еще в такую погоду. Впрочем, устал не устал, он всегда засыпал, отвернувшись к стене, и Малика привыкла к этому. Но сегодня ей хотелось поговорить с мужем, она приподнялась, подперев голову рукой.

— Аюп, ты встретишься с ней?

Малика проговорила это смиренно, как бы извиняясь за то, что беспокоит, и Аюп повернулся к ней.

— Старуха настаивает, что ли, на этом?

— В том-то и дело...

Неяркий свет электрического ночника, включенного ради того, чтобы ребенок, если вдруг проснется, не испугался темноты, высвечивал узор ночной сорочки на груди Малики, завитки черных волос на ее шее. Кажется, лицо у нее осунулось, у глаз добавились морщинки. И все-таки была она красива — хоть посади ее перед собой и нарисуй портрет. Аюп не видел ее в девичестве, возможно, тогда она могла посоперничать в красоте с самой богиней любви Венерой. В юности Аюп неплохо рисовал, пробовал силы в живописи. И сейчас, когда он видит предзакатное небо, чудесный уголок природы или прекрасную женскую фигуру, под-

мывает его взяться за кисть и краски. Стань Аюп художником — безусловно был бы рад использовать в качестве натурщицы Малику. А женился бы... Если бы не опередил его Абдельхат, женился бы на Мадине. Только все это теперь — пустые мечты...

Аюп тяжело вздохнул.

— «Не подходи, когда вздыхаю, когда душа моя горит...» — пропела Малика слова шуточной песни. — Так, что ли?

— Дразнишься вместо того, чтобы объяснить, зачем я понадобился старухе!

— Я же сказала, что не знаю. Объяснит, когда встретишься с ней. Речь, наверно, пойдет о Флориде.

Улавливая шестым чувством отчужденность мужа, Малика решила не досажать ему больше разговором, улеглась поудобней, закрыла глаза...

* * *

Фаузия, когда Камалетдинов разделся и снял у порога валенки, придвинула к его ногам теплые тапочки.

— Надень-ка, пол холодный, а разговор у нас может получиться долгий.

— У меня, инэй, со временем туговато...

— Сталинские времена прошли, а поводья, выходит, не ослабили? — Фаузия устроилась на нарах, подобрав ноги под себя.

— Сталина нет, но, как говорится, свято место не бывает пусто. Теперь вот Булганин к власти пришел. Знаешь об этом?

— Я газет не читаю. Что там, наверху, делается, кто у власти — меня не волнует. Для меня существенны только рождение и смерть, меж этими двумя берегами течет жизнь...

— Все-таки, инэй, вождей надо знать.

— Вожди — тоже люди, их жизнь течет в тех же берегах. Но они успевают причинить остальным столько зла, что иначе как преступниками их не назовешь. Возьми хоть Сталина, хоть Гитлера...

— Ну, инэй, ты уж чересчур... Нельзя между Сталиным и Гитлером ставить знак равенства.

— Почему нельзя? По воле Гитлера построили газовые камеры, в которых убивали людей, а потом сжигали, должно быть, для того, чтобы сам вождь не был забрызган кровью. А Сталин усеял страну лагерями, вот выпустили из них миллион узников, мы не знаем, сколько еще их там...

— Все ты знаешь, хотя и говоришь, что не читаешь газет. Давай, инэй, прекрати разговор об этом, и пусть он останется между нами.

— Что ж...

В прояснившемся после бураны небе выглянуло солнце, его нежаркие, но яркие лучи осветили испещренное глубокими морщинами и следами ожогов лицо старухи, и в Камалетдинове опять заговорил художник. Какой выразительный образ получился бы, если бы перенести это лицо на полотно, подумал он. А старуха, будто уловив его мысль, спросила:

— Зачем ты, Аюп-кустым, пошел в политику? Ты был рожден для чего-то другого.

— Обстоятельства так сложились. Я ведь вырос в детдоме. Любил рисовать. Учитель рисования пророчил мне учебу в Ленинграде, в Академии художеств.

— Вот это и был истинно твой путь.

— В том, что моя жизнь сложилась иначе, виноват, инэй, не только я. В детдоме, когда учился в пятом классе, я сделал надрез на руке и поклялся на крови, что отомщу злодеям, которые зарезали моего отца и мать.

— Поклялся?

— Да. После войны, отказавшись от карьеры в армии, а возможность сделать карьеру там у меня была, я вернулся в эти края, на землю, политую кровью моих родителей.

— И что же? Нашел тех злодеев?

— Нашел одного, но отомстить не успел. Когда напал на его след, для него уже копали могилу.

— Да, от судьбы не уйти. Вот когда, Аюп-кустым, вновь пересеклись наши пути.

— Наши? Мы же с тобой раньше...

— Я — жена, была женой человека, которому ты не успел отомстить. Его настоящее имя — Дингезхан, мое — Барсынбика...

* * *

Откладывать поездку в Тиряклы Камалетдинов более не мог — обещал Мирхайдарову приехать на общее колхозное собрание. Будь что будет, решил он. Как не убежать от самого себя, так не избежать и встречи с Мадиной. А встречи этой он боялся еще и потому, что спросит она, за что посадили ее отца. Если и не спросит, в смородинках ее глаз будет таиться вопрос: «Что ты сделал, чтобы спасти его?» Или: «Так, значит, ты мне помог? Из-за твоей помощи я, бросив грудного ребенка, гну спину среди навозных куч».

Все понимает Аюп. Но ведь не все от него зависит, он сам в положении взнузданного жеребца: сколь бы ни грыз железные удила, не перекусить их. Даже с опротивевшей Маликой он расстаться не может. В уставе партии семья рассматривается как нерушимая ячейка общества, виновную в ее распаде сторону ждет суровое наказание. Только вот о делах сердечных в уставе ничего не сказано, не учтено, что сердцу не прикажешь, узду на него не накинешь.

Малика давно уж подозревает, что у нее появилась соперница, и соперница эта — Мадина. Когда Аюп зашел домой за тулупом, Малика, глянув на него искаса, спросила:

— Никак собираешься отправиться в путь в санях?

— В той стороне буран был очень сильный, дорогу замело, машине не пробиться.

— Тогда уж подвесь под дугу колокольчик.

— Колокольчик? Зачем?

— В наших краях жениться так ездили.

— Малика!

— Ты от знахарки пришел как подмененный... — Возбужденное состояние Аюпа Малика связала тогда с предполагаемой соперницей и теперь вот не сдержалась, подколола его. — Похоже, старуха сильно тебя обрадовала...

— Малика, ты сама не понимаешь, что несешь.

— Конечно, раз не говоришь, что она сказала.

— Мне надо подумать. Разговор был нешуточный. Старуха меня прямо-таки оgoroшила...

Когда закрылась дверь за мужем, Малика обессиленно присела на стул. Неужели старуха... Нет-нет, хоть и гадалка, откуда ей знать подробности жизни Малики? Зря встревожилась. И мужа зря разозлила. Могла бы уж придержать

язык. На каком основании она приревновала Аюпа к Мадине? Видимых причин вроде нет. Только вот душа не на месте...

* * *

Лошади, коренник и пристяжная, упитанные, застоявшиеся в конюшне, шли бодрой рысью, не было нужды взмахивать кнутом.

Долгая дорога вполне устраивала Аюпа Газизовича. До новой встречи со старухой-знахаркой он многое должен обдумать, упорядочить мысли, успокоить растревоженное сердце.

Когда он, сам не свой, вышел из дома старухи, захотелось поговорить с кем-нибудь из близких ему людей. Перебирая в памяти своих знакомых в Таулах, вспомнил об «однополчанке» — Лидии Николаевне, зашел к ней на работу. Ничего особенного в их разговоре вроде бы не было. К слову пришлось, спросил, как дела у племянницы Лукмана Талиповича. Лидия Николаевна чуть-чуть подумала, обратив синие глаза к потолку, и дала неожиданный ответ:

— Знаете, я боюсь дня, когда ее сознание прояснится.

— Бойтесь? Разве это плохо, если она выздоровеет?

— Дело вот в чем: Сабия поймет, что ее воображаемый ребенок — просто тряпичная кукла.

— И все же надо ведь вернуть человека в реальный мир.

— Это так, но тут особый случай. У нее появилось молоко.

— Молоко?

— Да, Аюп Газизович, грудное молоко. Ее организм настроен на кормление ребенка...

Выйдя проводить крайне удивленного Камалетдинова, Лидия Николаевна на прощанье сказала:

— Аюп Газизович, мы ведь фронтовики. Зашли бы как-нибудь ко мне домой. Я вижу: вам хочется поделиться тем, что на душе у вас накопилось.

— Хочется, Лидия Николаевна. Неплохо бы было посидеть, поговорить. Знаешь, — Камалетдинов и сам не заметил, как перешел на «ты», — ты мне близка, как родная сестра.

— Спасибо, Аюп Газизович. Могу сказать, что и у меня схожее чувство.

Так они расстались. И легчало на душе Аюпа. Хотя то, что услышал о племяннице Лукмана Талиповича, опять взбудоражило его мысли. Перед этим в разговоре со знахаркой он узнал, что Сабия — жена Ихсанбая Муратова и что уехала она в Таулы на последнем месяце беременности. Стало быть, выстраивается такая цепочка фактов: Сабия — жена Ихсанбая, возглавлявшего в годы войны сельсовет; Ихсанбай — сын Сибагата, то есть Дингезхана, и Фаузии-Барсын-бики... Старуха была заинтересована в том, чтобы раскопали место, где стоял их сгоревший дом. Почему? Хотела отвести подозрения в убийствах и поджоге от Хашима? А на кой черт сдался ей Хашим? Он — отец Мадины. Значит, каким-то образом с этой непростой историей связана и она? Не о ней ли шла речь, когда старуха сказала при первой встрече, что к нему, Аюпу, придет молодая женщина, и попросила помочь ей? Вопросы, вопросы... Может быть, поговорив с Мадинкой, он получит ответы на некоторые из них?

Прощаясь, старуха предупредила: «Это лишь начало нашего разговора. Продолжим его потом. Придешь, когда в голове у тебя прояснится. — И добавила, усмехнувшись: — Если не надумаешь арестовать меня... Не бойся, я далеко уйти

не смогу. Разве что на расстояние длиной с топориче, как говорится в сказках. А средство для того, чтобы девочка твоя заговорила, я знаю. Только сказать, что это за средство, пока не могу».

Вот она, жизнь: не верящий ни в Бога, ни в черта Аюп зависит от знахарки, вынужден ловить каждое слово из ее уст!

* * *

Буран, побуйствовав на огромных пространствах, переместив наваленные в течение зимы снеговые горы, перекрыв наезженные пути, заставив народ, что называется, поплясать под свою дуду, наконец-то обессилел и прекратился так же внезапно, как начался. Погода наладилась. Солнце, будто извиняясь за почти недельное отсутствие, щедро осыпало лучами соскучившийся по ним мир. На тиряклинской ферме коров выгнали из коровника в прогулочный загон, и они, подставив похудевшие бока под солнечные лучи, неторопливо жевали свою жвачку.

Утомленные авральной работой скотники, собравшись в круг, дымили самокрутками. Посредине круга в саях на ворохе соломы восседал Шангарей. Это было первое его явление народу после происшествия с быком Гифритом и долгой «госпитализации» то, по его собственному желанию, в летней кухне, то в бане. Лежать дома, где поселился «убыр», он решительно отказывался.

Услышав от Раузы о предстоящем общем колхозном собрании, Шангарей заявил, что и он туда пойдет, а если Рауза не отпустит, то сбежит. Рауза велела ему надеть новую белую рубашку. Ворот рубашки оказался тесноватым, душил, как удавка, тем не менее Шангарей потребовал еще и галстук.

— Зачем он тебе? Галстуки только большие начальники носят, — сказала Рауза.

Шангарей рассердился, даже ногой топнул.

— Шкажано тебе — найди! Я не хуже начальников.

Кто другой, может, и не исполнил бы каприз дурачка, но сердобольная Рауза принесла из лавки ярко-красный галстук. Цвет Шангарею не понравился.

— Такое шопляки в школе носят!

— Да нет же, — возразила Рауза. — У них треугольные галстуки, а этот — настоящий мужской.

— Ражве мужчины крашные галштуки надевают?

— А зачем бы иначе государство их выпускало? Только не каждому такой достается.

— Ладно, тогда надену, — согласился Шангарей.

Белая рубашка, красный галстук, купленный Раузой зеленый пиджак, черные брюки, поверх пиджака — позаимствованная у Хусаина поношенная стеганка, на ногах белые подшитые валенки, вполне еще сносные, — в таком облачении предстал Шангарей перед работниками фермы. И вот скотники, посмеиваясь, разглядывают его.

— Шангарей, кто это тебя так нарядил?

— Мамошка Раужа.

— Выходит, любит тебя мамочка.

— Жнамо, любит. Я — крашивый, ишшо умный.

— А тебя хорошо кормят?

— Еды — во! — Шангарей провел истончившейся за время болезни рукой по шее. — Я медвежатину ел.

- Откуда у вас взялась медвежати́на?
- Муж мамочки Раужи, убир, в шарае медведя убил.
- Брось, не может быть!
- Может. Клянусь! Убир мяшо на чердаке шпрятал. Я в щелочку шмотрел, видел. Много мяша. Только мне мало дошталось. Уруш вше увеж.
- Ну и выдумщик ты, Шангарей!
- Не выдумщик. Медведь штрашный, рогатый.
- Ха-ха-ха! Разве у медведя могут вырасти рога?
- Ишшо как!
- Ха-ха-ха! А когда это было?
- Давно. Теперь мамочка Раужа меня жатирухой кормит.
- Развеселившиеся мужчины не заметили, как к ним подошел Мирхайдаров.
- Здравствуйте! Что за собрание в неурочное время? — Тут Мирхайдаров увидел Шангарея. — А ты, кустым, опять пришел быка дразнить?
- Жачем это я буду его дразнить?
- Бык красное не любит, а ты красный галстук нацепил.
- Скотники сдержанно засмеялись.
- А вы, бородатые младенцы, с чего так развеселились?
- Да вот Шангарей говорит, что Ишмамат в своем сарае медведя убил. Давно, правда. Медведь, говорит, рогатый был.
- Мало ли что в голову ему придет! Давайте-ка займитесь делом. На общее собрание придет Камалетдинов, может заглянуть и сюда.
- Скотники направились к коровнику, Шангарей поковылял к караулке. Мирхайдаров снял шапку, повертел в руках, снова надел. До него донесся голос одного из скотников:
- И то правда: кому еще, кроме Шангарея, пришло бы в голову явиться на ферму в белой рубашке и с красным галстуком?!
- Из-за него и попал в беду Хашим, — отозвался другой.

* * *

Собрание началось с доклада, в котором председатель колхоза подвел итоги работы за год. Камалетдинов мысленно сравнивал прозвучавшие в докладе цифры с показателями других хозяйств. Колхоз «Алга» на общем фоне выглядел средним, ни к отстающим хозяйствам его нельзя было отнести, ни к передовым.

В животноводстве дела шли в целом неплохо. Камалетдинов взглянул на сидевшую рядом с ним в президиуме доярку. Галима Мингажева. Ее портрет висит на «Доске почета» у райкома партии. Полнотелая, курносая женщина. Курносость не лишала ее миловидности.

И у Мадины показатели, оказалось, неплохие. «Поднялась на второе место по надоям, несмотря на то, что в группе у нее — только первотелки», — прозвучало в докладе. Камалетдинов отыскал ее взглядом в дальнем углу зала. Аккуратное, по фигуре, пальто, на голове — берет, придающий ей сходство с активистками первых лет советской власти. Рядом с ней сидел большеголовый детина с красным галстуком на шее — Камалетдинов прежде слышал о нем, а сегодня, зайдя на ферму, увидел. Дурачок, а хватило ума подсесть к самой красивой в ауле женщине. Аюпу Газизовичу вспомнились Эсмеральда и Квазимодо из романа Гюго. По причуде природы, что ли, но с красотой часто соседствует уродство. Мадину, похоже, ничуть не смущало соседство с убогим человеком. Иногда она спокойно

кивала в ответ на его вопрос или говорила что-то. Обычно к таким обиженным судьбой людям окружающие относятся по меньшей мере пренебрежительно, но Мадина выше этого...

С трудом отведя взгляд от нее, Камалетдинов вновь сосредоточился на докладе.

— В сложных условиях непогоды, когда колхозное стадо оказалось под угрозой истощения и даже гибели, Мадина пламенным словом подняла весь аул, призвала на помощь ферме. От всего сердца выражаю ей признательность за это...

Зал поддержал докладчика аплодисментами, все повернули головы в сторону Мадины. Шангарей принял рукоплескания на свой счет, показал в радостной улыбке все тридцать два зуба и даже встал и раскланялся, как делали это выступавшие на концертах в их обшарпанном клубе самодеятельные артисты, чем развеселил участников собрания.

После доклада слово было предоставлено Камалетдинову.

— Раз приехал, я, конечно, выступлю, — сказал он. — Но давайте сначала послушаем лучшую доярку колхоза, рекордсменку в масштабах района Галиму Мингажеву. Пусть она поделится своим богатым опытом.

По залу прокатился шумок, скорей даже смешок. Не понявший в чем дело Камалетдинов обратился к Галиме:

— Давай, сестрица, будь посмелей. Работаешь по-боевому, по-боевому и расскажи о своей работе.

Галима вышла на трибуну.

— Встаешь пораньше, работаешь побольше. Корм вовремя раздашь, вовремя напоишь... Ну и вовремя корову с быком сведешь...

В зале поднялась одна из пожилых доярок.

— По-твоему, Галима, мы больше тебя спим, меньше работаем? А корова, когда в охоте, без тебя и без меня с быком не сойдется, что ли?

Мирхайдаров постучал карандашом по столу.

— Соблюдайте порядок! Просите слова, если хотите что-то сказать!

Пожилую доярку это не остановило.

— Вы сами нарушаете порядок! Галима доит тридцать две коровы, а считаются за ней двадцать пять!

Из зала послышался еще один голос:

— Кабы дали нам коров-батрачек, так и мы бы в передовых ходили! Саяф и споенное телятам молоко на Галиму записывает!

Не удалось выступление Галимы. Вернулась, побагровев, на свое место за столом. Мирхайдаров быстро предоставил слово Камалетдинову. Как только раздался басовитый голос руководителя района, все успокоились, приготовились выслушать, что скажет редко появляющийся у них большой начальник. Он посвятил свое выступление задачам, стоящим перед тружениками сельского хозяйства района. Промолчать о только что происшедшем инциденте Камалетдинов, разумеется, не мог. Пообещал, что специалисты разберутся в этом деле.

Оставаться после собрания на концерт участников художественной самодеятельности он не собирался, но остался: желание поговорить с Модиной взяло верх над прочими соображениями.

Начался концерт. На просцениум вышел юноша с комсомольским значком на груди, продекламировал стихи, восславляющие партию. Затем со сцены, еще закрытой занавесом, еле слышно, будто издалека, из-за гор и лесов, донеслась мелодия «Кунгыр-буги». По мере того, как раздвигался занавес, мелодия и призывное «хау, хау» звучали все громче, и, наконец, в полную силу зазвучала старинная народная песня, исполняемая женским хором.

Мелодия этой песни прекрасна, хотя ее содержание бесхитростно: пастух отправляется на поиск отбившейся от стада вместе с теленком коровы — Кунгыр-буги, Буренушки.

*Где искать их? Вот беда!
Убрили невесть куда.
Кунгыр-буга, хау, хау!
Кунгыр-буга, хау, хау!*

Да, слова обыденные, простенькие, но с ними связана легенда, питающая гордость народа. В поисках Кунгыр-буги пастух обнаруживает удобный путь по хребтам Урала, ставший тайной военной дорогой башкир, благодаря которой они одерживали славные победы при защите родной земли от иноземных захватчиков.

— Слушай, Азат Аглиевич, это же почти профессиональный хор! — сказал Камалетдинов, когда песня смолкла.

Мирхайдаров благодарно улыбнулся.

— Мадина... Мадина его организовала.

— Не смог прославить ваш колхоз Саврасый, так этот хор, я думаю, прославит.

— Ну, новые Саврасые еще народаются. Только бы новые пули, чтобы нацелить на них, где-нибудь не отлили...

Хор исполнил еще несколько народных песен. Тиряклинцы и сами, впервые став свидетелями его выступления на таком уровне мастерства, разволновались, долго хлопали в ладоши.

— Следующий номер нашей программы... — начал было вышедший на сцену ведущий, но не успел объявить танец — кто-то из зала крикнул:

— Пусть еще Мадина споет!

Зал опять расшумелся.

— Как Валяу-кустым пляшет, мы уже много раз видели! Мадину просим!

— Мадину, Мадину!

Тут раздался зычный мужской голос:

— Ямагат!* Всем в ауле известно, что прошлым летом Мадину поранила нововистая первотелка. Если вам хочется, чтобы она пела, зачем сунули ее в коровник? В птичьем, к примеру, мире соловья не принуждают каркать вместо вороны!

Камалетдинов склонился к Мирхайдарову:

— Кто это?

— Хусаин, конюх наш. Это он воспитал Саврасого.

Мадина, не ожидавшая такого поворота в концерте, вышла на сцену.

Теперь она была в темно-вишневом платье, подчеркивавшем стройность ее фигуры, волосы заплетены в две пышные косы.

— Дорогие односельчане! — заговорила она, приблизившись к краю сцены. — Я и вправду долго не могла петь, сегодня тоже не собиралась, но в знак уважения к вам и благодарности за вашу отзывчивость, которую я в минувшие бурные дни почувствовала в полной мере, одну песню спою.

К ней подошли два кураиста, и в зал полилась песня, чуточку озорная и в то же время с грустинкой:

*Ямагат — общество, миряне.

*Когда б аршин тесьмы нашла я белой,
Украсила бы свой камзол тесьмой.
Мечтою о тебе живу несмелой,
Ответишь ли мне тем же, милый мой?
Ах, прилети же на коне крылатом
Хотя бы ненадолго, налегке
И увези, вскочив на Акбузата*,
След поцелуя на своей щеке!*

Камалетдинова бросало то в жар то в холод. Самым большим несчастьем в своей жизни он считал потерю родителей, а сейчас понял: несчастлив еще и оттого, что душа тщетно жаждала и жаждет всепоглощающей взаимной любви. Вот рядом звенит, поет, лучится родник, который мог бы утолить эту жажду, но принадлежит он другому. Не о нем, Аюпе, думает Мадина, не его ждет...

Мысли Камалетдинова прервал шепот Мирхайдарова:

— Нам пора... У Сарбиназ пирог стынет.

— А? Да-да...

Увлеченный концертом народ, кажется, не обратил внимания на то, что секретарь райкома и председатель колхоза тихонечко вышли из зала.

Глава вторая

Мадина шла на ферму по дороге, облитой светом мартовского солнца. С подтаявших гребней придорожных сугробов свисали ледяные кружева, крупнозернистый снег казался россыпью бесчисленных бусинок. Утром еще холодно, но к полудню зажурчат, зашпешат, как бегущие куда глаза глядят ребятишки, веселые ручейки.

Сегодня и в душе Мадины светило солнце: наконец-то получила весточку от Абдельхата. Принесла ее пожилая женщина, пришедшая из Тубинска.

— Это ты Мадина? — спросила она, войдя в избу, и сама же подтвердила: — Ясное дело, ты. Такой красивой и обрисовал тебя Абдельхат моему бабаю.

— Абдельхат?! — Мадина чуть не упала в обморок, обессиленно плюхнулась на краешек нар. — Он жив, инэй?

— Жив, жив... Да что это ты так переполошилась? Дай-ка и я присяду, притомилась в дороге... Мой-то вернулся, да, пролежав неделю, простился с белым светом. Все мечтал: вот оклемаюсь и схожу повидаться к Мадине. С тем и отошел...

— Какая жалость!

— Что ж поделаешь, потерял там здоровье.

— Что он рассказывал?

— Он больше сам расспрашивал, а рассказывать, считай, не рассказывал. Спрасят его, как, мол, там, а он только рукой махнет: лучше, дескать, не спрашивайте, сил нет вспоминать... Многие его навестили, вот он их и расспрашивал, как тут жили. Он ведь образованный был, из-за того только и погубили его, что сын муллы... У тебя, я гляжу, дитя. Родила, значит? Мальчик? Даутом назвала? Бабай мой говорил, что вы с мужем так условились. Абдельхат вот подарочек тебе прислал... — Женщи-

*Акбузат — сказочный крылатый конь.

на достала из кармана платочек, в него была завернута кедровая шишка. — Орешки велел в землю посадить, чтоб деревья возле избы выросли.

Мадина взяла шишку как великую драгоценность. От шишки чуть пахло смолой. Но не это главное — она побывала в руке самого дорогого ей человека, в нее впитались его тепло, его тоска, его любовь.

— Спасибо, инэй! — Мадина обняла женщину, лицо которой горькая жизнь избороздила глубокими морщинами, и заплакала.

— Поплачь, дочка, поплачь...

— Абдельхата не собираются отпустить?

— Спросила я у бабая об этом. Сказал: «Если будет очень ждать, как ты ждала меня, обязательно дождется».

— Правда? Так и сказал?

— Так, дочка, так. А иначе зачем бы я эвон откуда пешком к тебе пришла?

— Дети у тебя есть, инэй?

— Были. Умерли — кто от оспы, кто от тифа. Может, еще бы родила, кабы с мужем не разлучили.

— Одна ты теперь, значит. А что если не вернешься туда, останешься у меня? Будем жить вместе!

— Уж и не знаю... Бабай мне тоже перед смертью сказал: «Отыщи, Газима, Мадину, может, прибьешься к ней, а то одной в старости тяжело будет...».

Тут проснулся Даут, детский лепет наполнил избу радостью. Запел самовар, пришла Магинур с вязаньем, принялась тютюшкать ребенка, приговаривая:

*Наш Даут молодец,
И пригож, и умница.
Вот придет отец
И им не налюбуется!*

Три повеселевшие женщины устроились у расстеленной на нарах скатерти. Газима выставила гостинец.

— Отведайте моего баурхака!

— То-то нос у меня чесался, к гостинцу, значит.

— Кто гостинца поест, у того жизнь будет долгой.

— Мадина, дочка, перед уходом на ферму натаškai в баню воды, истоплю для госты. Вот так, Газима, мы и живем, подпирая друг дружку.

— Очень хорошо! Дочка вот и меня сюда зовет...

Две пожилые женщины остались чаевничать, Мадина, наполнив котел в бане водой, отправилась на ферму. За пазухой у нее, согревая сердце, лежала кедровая шишка.

* * *

Говорят, человек может забыть друзей, но вычеркнуть из памяти врагов не может.

Галима за годы своей недолгой пока что жизни успела вдоволь отведать и кислого и пресного. Вдобавок к тому, что рано потеряла отца с матерью, лишилась она и спокойной канцелярской работы в правлении колхоза, родив без мужа дочь и тем самым ослив свое имя.

«Залетела» Галима нежданно-негаданно, хотя и замечала, что председатель сельсовета поглядывает на нее масляными глазами, и даже как-то сказала об этом

подружке своей Мадине. Однажды вечером — дело было в начале зимы — Ихсанбай предупредил ее:

— Завтра в пять утра буду ждать тебя у моста, надо провести на ферме контрольную дойку. По плану...

Не догадываясь, что угодит в силоч, девушка рано утром выпрыгнула в развернутый в кошевке тулуп. Хорошо! Можно даже, пока доедут до фермы, еще немножко поспать. Ихсанбай закутал ее в тулуп с головой.

— Бай-бай, детка!

В тепле, убаюканная покачиванием кошевки, Галима и вправду уснула. А проснувшись оттого, что Ихсанбай, остановив лошадь, поднял ее, закутанную в тулуп, и отнес под стог.

— Ихсанбай-агай, мы же... уй!

В небе еще перемигивались звезды, их заслонила голова шумно задышавшего Ихсанбая.

Наверно, и сама Галима этого хотела: ни днем ни ночью не давали ей покоя, ныли налившиеся груди, тело томилось в ожидании предусмотренной природой встряски и облегчения. Она отдалась покорно.

Оказалось, Ихсанбай прихватил с собой вареное мясо и водку. Они провозились под стогом до полудня. У Галимы вспухли прикушенные губы, под глазами проступили синяки. Когда собрались вернуться в аул, она спросила:

— Ты меня не бросишь?

— Послушай, девонька... — Глаза Ихсанбая посуровели. — Ты в ауле со мной при людях не заговаривай. И вообще считай, что все случившееся сегодня тебе приснилось.

На ферму они, конечно, не заехали. Ихсанбай высадил Галиму из кошевки на въезде в аул.

Последующие события заставили ее забыть об Ихсанбае. В память о том утре родилась Самира. В пору, когда в пережившей войну стране мужчин стало намного меньше, чем женщин, и не каждой из девушек, ничем себя не опорочивших, выпадал жених, выйти по-человечески замуж Галима уже не надеялась. Дочку, единственное свое утешение, иногда бурно ласкала, но случалось, что и жестоко била, видя в ней начало всех своих бед. Лицом девочка была в мать, поэтому народ в ауле, как ни гадал, отца ее угадать не смог.

После рождения ребенка Галиму на прежнюю работу не позвали, пришлось пойти дояркой на ферму. На следующий же день завфермой зажал ее в темном углу.

— Я тебя в передовики, в герои выведу! — сулил он, тиская ее, да так, что верхняя пуговица платья оборвалась, а остальные расстегнулись. — Ты мне еще девчонкой понравилась!

Не лежала душа Галимы к плосконосому Саяфу Шамсутдинову, но он, дьявол, все-таки добился своего.

— Ладно, — сказала она, чувствуя, что колени у нее ослабли, — только к другим женщинам, пока есть я, не липни.

— На кой хрен мне другие при таком богатстве?! — отозвался Саяф, поцеловав ее обнажившуюся грудь. — С сегодняшнего дня оно мое, да, Галима?

В сравнении с его женой, напоминавшей засохшее на корню дерево, Галима выглядела райской гурией, и Саяф, похоже, влюбился в нее, да и она постепенно свыкла с ним, стала скучать по его ласкам. Когда ему удавалось прийти к ней на всю ночь, они не могли наговориться, насытиться друг дружкой.

Однажды, придя под хмельком, он сказал:

— Возьму да и женюсь на тебе, разведусь со своей каргой.

— Так ты же партийный, — напомнила Галима. — Разве же тебе позволят?
— Плевать на партию! — расхрабрился Саяф. — Мне что — целоваться, спать с ней?

Однако ночь сменилась утром, утром его ждала работа, вечером — политучеба, — закружила храброго петушка привычная жизнь.

Галима, уже набравшаяся опыта, почувствовав, что забеременела, побежала на нижний конец аула к бабке Таибе. «Спаси, инэй! Отблагодарю ягненком из осеннего приплода моей овцы!» — «Смотри, девонька, грех на себя берешь!» — предупредила бабка. Избавила она Галиму от греховного плода, а потом еще и еще раз. И каждый раз, лежа на голом полу в ожидании действий старухи, клялась Галима сама себе: «Останусь жива, так больше никогда не буду обижать Самиру!» И просила Всевышнего помиловать ее, оставить в живых.

Но вот опять, на этот раз поздновато, упала она к ногам своей спасительницы, умоляя помочь, и упросила-таки, однако плод, несмотря на старания бабки, не выходил из чрева. «Большой уже», — сказала старуха. Ах, если и от этого избавится Галима, то... Нет, от мучений все равно не избавится. Теперь ведь к Саяфу добавился вражина учетчик. И этот зажал ее в темном углу, и не смогла она отбиться от него. Но самое странное заключается вот в чем: ошибиться в тот момент она не могла — по учащенному дыханию, по повадкам и прикосновениям, запомнившимся ей давним зимним утром под стогом, узнала в уроде... Ихсанбая!

У Галимы вдруг закрутило в животе, и она, на ходу сунув ноги в бабкины галоши, поспешила на двор, в нужник. Там полилась из нее кровь и на пол выпал похожий на цыпленка в недосиженном яйце ребеночек с зажмуренными глазами и сжатыми в кулачки пальцами. Дрожа всем телом, Галима носком галоши спихнула его в очко нужника.

* * *

После общего колхозного собрания Ихсанбай принялся наводить на ферме порядок. Прежде всего поставил, что называется, ребром вопрос о перераспределении коров, с тем чтобы у доярок были равные по численности группы, и Галима лишилась «батрачек», молоко которых приписывалось к надоям от остальных коров ее группы. Саяф лишился возможности приписывать ей и спаиваемое телятам молоко. Несколько раз он поскандальил с учетчиком, но тот твердо стоял на своем, ибо закон был на его стороне.

Едва оправившаяся после выкидыша Галима тоже попробовала поговорить с мнимым Ишмухаметом.

— Ты что это собачишься со мной, товарищ учетчик? — начала она полусутоливо, оставшись с ним с глазу на глаз. — Стараешься выдвинуть вперед Мадину? У нее что — давалка слаще моей?

— Людей не стыдишься, так Аллаха побойся, Галима!

— Ах, будто сам ты его боишься! Похоже было на это, когда лишил меня под стогом невинности.

— Ты, наверно, сошла с ума. Под каким стогом? Что ты несешь?!

— Не трогай, говорят, говно — вонять будет. Но смотри, лопнет мое терпение, и завоняешь, дыру, чтоб спрятаться, не найдешь!

И ушла Галима из «красного уголка», громко хлопнув дверью. Забыв о боли в животе, принялась кидать в вагонетку скопившийся в стойлах навоз. Кипели в

ней обида, злость, жажда мщенья. «Оборотень! Ишь явился, прикинувшись невинной жертвой! Из-за тебя, жеребец косячный, я, когда ягодкой алой была, ославилась, родила в грехе! Думал небось, что не узнают люди тебя, раз обличем стал страшней банного беса!»

Вгорячах перегрузила Галима вагонетку. Навалилась на нее всем телом, напрыглась так, что на лбу выступил холодный пот, но вагонетка не сдвинулась с места. Рассердившись, толкнула изо всех сил и почувствовала, что внутри нее что-то оборвалось. По ногам теплыми струйками потекла кровь. «Уф! Стыд-то какой, если кто-нибудь увидит!» Она присела на корточки, укрывшись за коровами, в надежде, что кровотечение вскоре прекратится. Случалось такое и прежде, мало ли кровавых следов оставила она в этом коровнике! Но кровь текла и текла. Галиму затощило, в глазах потемнело, и она потеряла сознание, привалилась к боку спокойно жевавшей свою жвачку коровы.

(Продолжение следует)

Литобъединение «ДИМ»

ИЗ ТЕХ СТИХОВ ЧТО ПАДАЛИ К НОГАМ

«Стихи естественней, чем проза, — писал Гилберт Кит Честертон, — петь проще, чем бормотать». Но кто помнит сейчас о том, что мир начинался с рифм, и кто замечает, что он существует в поэзии? Вот волны выплеснулись на песок, откатились и снова шепчут — хореем? Дактилем звучит перестук вагонных колес, гекзаметром декламирует велосипед по асфальту. Стихи рождаются у человека в крови от ритма биения сердца. Его стук попадает нечаянно в такт дождя или весенней капли, и вот — готова рифма.

Конечно, это чудо. Обычное, как большинство чудес нашей жизни. Чудо спасительное — от загаженности души. И неудивительно, что маленьким храмом древней религии Слова стал литературный музей над несчетным Димом.

В замороженных городах думают, что «Дим» — это марка французского нижнего белья. Но посвященные знают: Дим — романтическая неспешная речка и так же — «Дим» — называется литобъединение в Давлекановском районе Башкортостана. Сюда приходят, приезжают из близлежащих деревенок люди, сохранившие экологию сердца, чувствующие его стихотворный ритм. И важно не только то, что пишут они на башкирском, русском, татарском, а то, что не боятся в поистине эдемском неведении сочинять по-своему: как Бог на душу положит.

Они очень разные, «димовцы». Вот невысокий, немногословный сельский учитель Александр Бондаренко: он смотрит на давлекановский простор, а в глазах его отражается невиданная Вселенная, сложный и неудобный мир — почти такой же, как наш, только слово в нем свежо и звучит полновесно, гулко, как в церкви. Рядом с ним Володя Родин кажется огромным ребенком. Как удалось этому крупному, серьезному мужчине сохранить первозданное детское чувство удивления? Розе Мухаметрахимовой поэзия спасает жизнь от недуга. А Ольга Шелест — фамилия-то какая точная! — просто живет стихами, как вся природа вокруг нее... Алия Мухамадеева, Гульфира Гаскарова, Зинаида Норкина. Александр Данченко, Аня Носова, Вера Скрипникова... Список хранителей огня, без которого остынет душа, может занять целую страницу. Их слово — точное и не очень — уже застряло в вечности: подхвачено неторопливыми водами Дима, повторяется вечно юным давлекановским ветром.

Литобъединение «Дим» было создано еще Ахияром Хакимовым — писателем-орденоносцем, лауреатом Государственной премии РБ им. С. Юлаева, ветераном Великой Отечественной войны. Уже пять лет, как он окончил свой жизненный путь, а детище его живет — вместе с его книгами, в музее его имени.

В этом году участники литобъединения выпустили свой очередной сборник. Примечательно, что под одной обложкой напечатаны стихи сразу на трех языках, отчего и называется книга «Созвучие сердец». А ведь именно это — созвучие сердец — и есть лучшее определение настоящей поэзии.

Александр Бондаренко

* * *

Из тех стихов, что падали к ногам,
к твоим ногам из облака наитий,
из тех стихов тогда слагался храм,
храм высшей радости и внутренних открытий.
Из тех стихов сплетались кружева,
Из сферы той лились мелодий звоны
и строились, и строились слова
в акафисты, стихиры и каноны.
Еще темно, чуть-чуть забрезжил свет,
еще нам зябко, но сегодня в храме
слагается особенный сонет,
сонет, рожденный в запредельной гамме.
И будет день, летит уже заря,
и наших крыл коснулось песнопенье;
мгновение — и вот уже парят
слова молитв в волнах сердцебиений.
И этот стих, сегодня — это дар,
возьми его, прими из дальних странствий;
жизнь — дивный храм, и пусть стихов слова
живут во имя света и пространства.

* * *

О Господи, как одинок Ты в твари,
как ты нуждаешься в общении с Собой.
Ты создал все: хвалу себе и счастье,
закон покорства, верность и любовь.
Ты создал тех, кто бьет тебя до боли,
они не ведают, чего творят;
теперь я понимаю, что такое
и одиночество, и рай, и вечный ад.

* * *

По звездному ветру,
по солнечным рекам
пришел ты на Землю
и стал человеком.
Есть тайна рождения,
тайна ухода,
и высшего выбор —
вниманья свобода.
И в даях галактик,

и в близости сердца
в строю препинаний
от точки не деться.
И ты источишься,
отмеряешь время
и в срок распрощаешься
просто со всеми.
И всех заключавший
в единство союза —
откроешь затвор
невесомого груза.
И все. И ничто.
Переход перехода.
По звездному ветру
отчалит свобода.

* * *

Оставь меня, поэзия Земли,
я так болел твоим несовершенством,
тобой прожив наивное младенство,
я перестал тобою быть, Земля.
И, проходя пустыню человечеств,
от слепоты его прозреть желая,
от края бездны Вечности до края
камней, разбросанных по всем углам миров,
иной покров к себе решил примерить.
Откроются неведомые двери,
сложив к ногам находки и потери,
долги платя и собирая долг,
я в посох странника переложу заветы,
стопами оттолкнувшись от планеты,
прощальную улыбку подарю
тебе, Земля, как плату проживания,
и в звездный ветер втиснув расстояние,
по всем слоям устройства мироздания
пойду искать мне ведомую жизнь,
которая внутри ларцом хранится,
и птица вещая над миром отразится
растаявшим в полете взмахом крыл.

Роза Мухаметрахимова

РОССИЯ

Россия, милая Россия,
Дороже слова в мире нет.
В тебе и мощь, в тебе и сила,

В тебе любовь моя и свет.
Тебя и гнули, и терзали
В боях у огненной дуги,
И землю русскую топтали,
И в сердце целились враги.
И полегло солдат немало —
Оттуда нет пути назад:
И в Грозном, и под Кандагаром —
Повсюду мальчики лежат.
За мир, за солнце на планете,
За небо звездное в ночи,
За всех живых людей на свете
Пусть песня дружбы зазвучит.
Россия, милая Россия,
Дороже слова в мире нет.
В тебе и мощь, в тебе и сила,
В тебе любовь моя и свет.

Ольга Шелест

ДЫХАНИЕ ЗИМЫ

Которую неделю непогода,
Ноябрь и надоевшие дожди,
Нешадно льет, и словно вся природа,
Как нищая, стоит на паперти.

У черных дыр в канавах придорожных
Качнулась тень,
И ночь, ступая осторожно,
Сменяет день.

Хватаясь цепкими руками
Промозглой, непроглядной тьмы,
Деревья голыми ветвями
Несут дыхание зимы.

БОЖЬЯ МАТЕРЬ

Праздники — вне всякого закона,
Запах сдобы и огонь свечи.
В каждом русском доме трут иконы
И на Пасху святят куличи.

Снова пахнет милой моей Русью.
Облака торжественно светлы.
И у церкви «Господи, Иисусе!» —
Из людской доносится молвы.

Захожу и тихо ставлю свечи,
Перед Божьей Матерью склонюсь.
Все проходит, только это — вечно.
Образу святому помолюсь...

Обращусь я к Ней с мольбой и болью,
Много раз себя перекрестя,
И в младенце на руках невольно
Вдруг узнаю я свое дитя.

Владимир Родин

УМИРОТВОРЕНИЕ

От пространства и от снега
На душе такая нега.
От покоя, тишины —
Неоконченные сны.
От снежинок за окном
Красота глядит в мой дом.
И от музыки такой
Тихой делаюсь рекой...

* * *

Был я недавно облаком белым.
По небу плыл журавлем неумелым.
Ветер ласкал мою новую душу,
Вдаль унося разноцветную сушу.
Небо постилось, оно голубое,
Облако теплое, словно парное.
Чувствовал я, не хватает мне нот,
Чтобы воспеть этот дивный полет.
Радость хватал и хватал я руками,
Шлепал босыми по небу ногами.
Складывал солнце горстями в карман,
Пил с упоением сладкий туман.
Радугу строил, покрасил потом.
Долго летел я, согретый лучом.
Просто парил я, зажмурив глаза,
Было светло, и катилась слеза...

ХОРОШО

Шатер небес голубоглазый
Разлил парное молоко.
Душа звенит китайской вазой,
Просторно мыслям и легко.

Лететь, раскинув два крыла,
И удивляться изначально
При виде белого орла,
Парящего весьма печально.

И слушать, как поет Орфей
Под ветер, что гуляет в арфе,
Вдали от шума и страстей
Песнь Эвридике или Марфе.

Какая разница — кому.
Ведь главное — она чарует.
Известно Богу одному,
Зачем душа не «голосует».

Она летит, куда — не знает,
И сколько времени прошло.
Как хорошо, что так бывает.
Как хорошо, как хорошо...

Первая среди равных

Записки спичрайтера

(Продолжение. Начало в N 7, 8)

Асимметричное положение России в составе СССР создавало достаточно нелепую ситуацию. В экономическом, политическом, юридическом плане страна напоминала конфигурацию груши, когда основная масса создавалась одной республикой, а на все остальные приходился уменьшающийся хвостик.

Тем не менее, не Россия, а именно другие республики имели свои компартии, центральные комитеты (Украина — даже свое политбюро), а в России до поздних горбаческих времен ничего этого не было. Обкомы напрямую выходили на ЦК КПСС, а с ними считались далеко не так, как с ЦК компартий союзных республик.

О России говорили, с одной стороны, как о жене Цезаря, называя ее первой среди равных. С другой стороны, в союзных республиках ядовито переиначивали эту формулу: все республики равны, а Россия — самая равная из них.

Асимметрия внутри СССР зеркально отражалась и в несоответствии друг другу субъектов Российской Федерации. Республики, а их было 16, имели свои парламенты и правительства, а края и области — только областные (краевые) советы и исполкомы.

Поскольку вся тяжелая индустрия была подведомственна союзным министерствам, а на нее зачастую падала основная доля производства, то для решения этих вопросов руководители субъектов обращались не к Федерации, а прямо к Союзу, то есть шли не в Совмин РСФСР, а в правительство СССР или в ЦК КПСС.

Примером на этот счет служит хотя бы то, что Б.Н. Ельцин, будучи

первым секретарем Свердловского обкома КПСС, то есть руководителем области с тяжелой индустрией, за первые семь лет своего секретарства, с ноября 1976 года по июль 1983 года, лишь по одному вопросу обращался лично к председателю Совмина РСФСР, решая остальные через правительство страны. Поэтому и вопрос о сносе дома купца Ипатьева, где была расстреляна семья последнего царя из династии Романовых, решался не с правительством России, хотя записка Свердловского облисполкома на этот счет туда заходила с запросом из правительства страны.

Кстати сказать, М.С. Горбачев, наоборот, был нередкий гость в Белом доме в мои годы работы там, поскольку его Ставропольский край был занят, прежде всего, сельскохозяйственным производством, а это было сферой преимущественной ответственности республики.

С распадом Советского Союза асимметричное строение страны и недостаточность суверенных прав Российской Федерации проявились самым неожиданным и отрицательным образом в системе управления. Правительственный аппарат России не был готов взять на себя свалившуюся на него ответственность за тяжелую индустрию, а влившиеся в него остатки аппарата разогнанного союзного правительства не владели отношениями с краями, областями и автономиями.

Времени создавать новую систему не было, потому что надо было успеть разрушить старую. Поэтому Е. Т. Гайдар, как достойный внук кавалерийско-

го начальника, убедил президента в оправданности сабельного удара — уничтожить всю систему управления. Был пущен в оборот и термин, заимствованный сразу у коневодов и физиков, — «макровожжи».

Что из этого вышло — известно всем. Последующий за Гайдаром начальник признался: хотели как лучше, а получилось как всегда.

А начиналось все еще в годы советской власти с расхождения между словами «суверенитет» и «полномочия».

Наверное, чтобы Россия не претерпела участь Союза, внутри нее в отношениях с субъектами Федерации не должно быть недомолвок на этот счет. Так что старый опыт, чему посвящены следующие рассказы, еще может на что-то пригодиться. Хотя бы для размышлений, как говорится, от противного.

СУВЕРЕНИТЕТ В РАМКАХ ПОЛНОМОЧИЙ

В законодательных актах Российской Федерации, как союзной республики в составе СССР, постоянно встречались наполненные некой двойственностью положения. Например: Совет министров РСФСР решает все хозяйственные вопросы на территории республики в пределах своих полномочий.

Неопытный в юридической казуистике человек — а такие всегда составляют большинство граждан, — столкнувшись с подобной формулировкой, делал упор на слове «все», полагая, что именно правительство России и вершит все дела на территории своей республики.

Поднаторевший же в хитростях правового бесправия чиновник сразу углядел бы другую сторону: «в пределах своих полномочий». А это уже явный ограничитель границы, прохождение которой мало кому известно и может легко варьироваться в интерпретации реальных властных структур, то есть

союзных органов партии и государства, а точнее сказать — их руководителей.

«Пределы своих полномочий» знал каждый, кто работал в системе власти союзных республик. Тем более эти пределы были понятны председателю Совета министров РСФСР и работникам его аппарата. Однако всегда можно было схлопотать щелчок, после которого долго будешь чесать затылок и терзаться сомнениями в поисках истины, чтобы не оказаться битым еще и еще раз.

Однако от теоретических построений пора перейти к конкретному случаю, затрагивающему к тому же не скучную область чиновничьих полномочий, а главную деятельность главы правительства РСФСР.

Году в 74-м или 75-м после поездок председателя Совмина России Соломенцева в ряд областей и автономных районов Сибири, его выступлений там, которые освещались по телевидению, мне позвонил главный редактор журнала «Октябрь» Ананьев и попросил получить от главы российского правительства статью о Сибири, ее возможностях, проблемах, жизни людей.

Интерес к Сибири тогда определялся сообщениями о начале разработок «большой нефти» Самотлора, о перспективах газовых месторождений в Уренгое. А обращение ко мне связано, видимо, было с тем, что мне довелось сопровождать Соломенцева в поездках по сибирским регионам и каким-то образом это стало известно главному редактору уважаемого журнала, а может быть, потому, что с моим участием готовилась статья Соломенцева о Сибири для журнала «Проблемы Дальнего Востока».

В тот же день сообщил Соломенцеву о просьбе Ананьева. Премьер сразу же решил подстраховаться и сказал мне: «Ты выясни в рабочем порядке в ЦК, как там они относятся сейчас к журналу. И к публикациям».

Такой подход был в пределах правил, тем более что журнал «Октябрь» тогда был в фокусе борьбы между

догматиками и сторонниками обновления в среде советской интеллигенции. Я позвонил бывшему в то время первым заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС Смирнову, своему давнему знакомому и большому знатоку невидимых течений общественной жизни. Георгий Лукич сказал, что подумает и перезвонит мне через какое-то время. Надо полагать, он тоже хотел с кем-то посоветоваться.

Вскоре он позвонил мне и сказал, что журнал «Октябрь» под руководством Анатолия Ананьева перестраивается на новый лад, отходит от прежней кондовости, его имело бы смысл поддержать, и статья Соломенцева была бы вполне кстати.

Этот разговор я транслировал Соломенцеву и получил от него согласие на подготовку не статьи, а развернутого интервью. Были привлечены специалисты по сибирским делам, в том числе работавшие раньше в новосибирском Академгородке Можин, Козлов. Запросили ЦСУ, Госплан. Короче говоря, работа строилась с той степенью серьезности и понимания проблем, как это отвечало авторитету руководителя исполнительной власти крупнейшей республики Союза.

В результате получился интересный материал, насыщенный массой сведений и хорошо читаемый с учетом литературно-художественной направленности журнала «Октябрь». Дважды текст интервью читал Соломенцев, вносил поправки, требовал доработок.

Наконец текст был выстроен. Отправлен в ЦСУ РСФСР, где статистики заверили каждый из упоминаемых фактов.

Соломенцев еще раз полистал текст и вновь склонился к осторожности. «Свяжись вновь с ЦК КПСС, — сказал он мне, — пусть там посмотрят. Все-таки мы их ставили в известность предварительно, а тут готовый текст. Неудобно, если они его только в журнале прочтут».

Соломенцев и сам раньше работал в ЦК КПСС, знал централизующие порядки тамошней работы. Поэтому когда он говорил «там», «они», «их», то имелся в виду не один зам. зав. Отделом пропаганды, а вся стоящая над ним пирамида партийной власти.

Вновь я связался со Смирновым. Тот сказал: «Присылай, а если еще и Ананьев настаивает, то можно и ему в редакцию текст отправить, но только чтобы пока не отправляли в печать».

Так я и сделал. Один экземпляр — в ЦК КПСС Смирнову, другой — в журнал «Октябрь», тем более что Ананьев постоянно звонил и говорил, что он должен точно рассчитать материал с учетом большого объема интервью Соломенцева.

Проходит время. И немалое. От Смирнова ответа нет. Звоню раз — что-то темнит, дескать, подожди немного, надо подумать. Звоню другой раз, месяц спустя. Получаю ответ: «Ты знаешь, статья серьезная, ее Михаил Андреевич Суслов решил почитать, а у него, видимо, времени не хватает, моих возможностей воздействовать на него мало, сам понимаешь».

Соломенцев ни о чем не спрашивает, видимо полагая, что время не пришло «там» разобраться.

Ананьев же наоборот, звонит постоянно, говорит, что статья нужная, интересная, трудно перекладывать ее из номера в номер.

Что я могу ему ответить? Сказать, что держит Отдел пропаганды? Это же неверно. Не может отдел ЦК стоять над председателем Совмина республики. Сказать что-нибудь о Суслове? Но я не знаю, куда пойдет дальше мое высказывание. Может быть, у Ананьева кто-нибудь еще в кабинете сидит и наш разговор слушает. Да и нет у меня точных данных, что статью держит именно Суслов. Поэтому в разговорах с редакцией как-то кручусь, не говорю ни да, ни нет.

Время идет дальше. Публикация вообще может устареть. Начинаю по-

немногу ее переделывать с учетом новых данных, новых материалов.

Вдруг звонок от Смирнова:

— Знаешь, Валентин, звонить мне тяжело, но ты пойми правильно и найди, как сказать Михаилу Сергеевичу, чтобы он верно все оценил. Интервью для «Октября» хорошо написано. Но только Михаил Андреевич так полагает, что вопросы добычи нефти, развития нефтяного комплекса, да и других сибирских преобразований — это не дело РСФСР, то есть не дело правительства республики.

— То есть как это не дело Правительства РСФСР? — вырвалось у меня. — А чья это территория, кто занимается теми людьми, откуда идет их снабжение? Ведь о проблемах нефтедобычи или сбыта нефти там нет речи, там о людях говорится, а они все — российские.

— Ты зря на меня нападаешь, — парирует Лукич. — Суслов больше сказал: «Что это они лезут не в свои дела? Есть у России Нечерноземье, вот пусть им и занимаются». Ну, я это только для твоего разумения говорю. А уж как ты найдешь возможным Соломенцеву передать — твое дело.

— Кроме Соломенцева еще другие люди есть. Надо в журнал что-то сообщить.

— Об этом ты не волнуйся, — успокоил меня специалист по пропаганде. — Там люди смекалистые, поймут — что к чему.

Вот и весь суверенитет первой из союзных республик. А ее правам еще завидовали где-нибудь в Киеве или Алма-Ате, говорили: все республики равны, а Россия самая равная. Что побудило Суслова к столь резкому суждению? Ведь он же сам давал чуть раньше поручение Соломенцеву побывать в сибирском Академгородке, знал о поездках в Якутию, Бурятию, Омск, другие места. Что произошло? То ли кто-то нашептал что-то ядовитое при рассмотрении статьи, то ли вообще «главный идеолог» сам ли, с чужой ли

подсказки решил чуток осадить председателя Совмина России? Вопросов может быть много. Ответов нет.

Вердикту Суслова перечить нельзя. Соломенцев мог доказывать свою правоту Косыгину, мог стойко отстаивать свою позицию перед отраслевыми секретарями ЦК, заместителями премьер-министра СССР, но только в сфере хозяйственной деятельности. Там же, где начиналась идеология, кончались полномочия Совета министров РСФСР.

Соломенцев мог касаться культуры, но только одной ее стороны — ее материального обеспечения. Остальное же все накрывалось объемным понятием идеологии, где высшим судьей был Суслов. Он же мог выступить судьей и в том, что могло бы считаться внутренней политикой.

Со своей стороны, Суслов ни о чем спорить и не стал бы, он сказал бы просто: этот человек не понимает политики партии. Такого рода суждение Суслова было бы приговором. Лучше его не допускать.

Отчетливо представляя себе границы возможного, Соломенцев не случайно дважды поручал мне связаться с Отделом пропаганды ЦК КПСС. Поэтому же он не торопился ответить на запрос о простом интервью для журнала «Октябрь». Поэтому же он не стал углублять — и в мое не очень вразумительное объяснение, будто бы Отдел пропаганды что-то перестраховывается, на кого-то ссылается.

Разумеется, о мнении Суслова, о его окрике, значившем замкнуться на делах Нечерноземья, я не обмолвился ни полусловом. Во-первых, это была глупость. Во-вторых, в глупости содержалось непарируемое оскорбление, нанесенное не только персонально Соломенцеву, но и по большому счету — стране, гражданином который был и сам идеолог Суслов.

Через какое-то время текст интервью был использован в других публи-

кациях, докладах, выступлениях. Труд не пропал даром. Ананьев был частым гостем Совмина РСФСР, его приглашали на соответствующие мероприятия, с ним встречался глава правительства. Лишь иногда замечал я появлявшийся в его глазах вопрос, на который ответа не было.

И ЛИЧНО...

Отмечалось 50-летие образования СССР, то есть объединения РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации в единое государство. Эта дата приходилась на самые последние дни 1972 года. Апофеоз торжеств — заседание в Кремле. Поскольку образование Советского Союза происходило в результате объединения союзных республик вокруг Российской Федерации, первым после доклада Брежнева выступал председатель Совета министров РСФСР Михаил Сергеевич Соломенцев, в то время главная в республике политическая фигура.

Понятно, что о порядке выступления было известно заранее. И загодя, не меньше чем за три недели, в секретариате Соломенцева началась подготовка текста выступления. Предсовмина сразу задал тональность: речь должна быть деловой, он намерен сосредоточить внимание на нерешенных проблемах хозяйственного развития. На это, дескать, были ориентированы все выступающие на заседании Политбюро, когда обсуждалась программа торжеств.

Возможно, первоначально Брежнев и намеревался поговорить о нерешенных вопросах. На деле же его доклад оказался построенным на сплошной патетике и возвеличивании КПСС. Письменный текст доклада Брежнева, как положено было в те времена, члены партийного руководства, включая Соломенцева, получили дня за два до торжеств. Ясно было, что заготовленный для председателя

Совмина России текст речи расходился по тональности с брежневским докладом. Но Соломенцев менять свою речь не стал. При всем своем знании расстановки сил в руководстве страны он не был царедворцем, твердо вел корабль российского правительства, не вдаваясь в завихрения политиканства, формирующиеся сбоку или внутри основного потока. Верил он и в провозглашенную после снятия Хрущева формулу коллективности партийного руководства, осуждения волюнтаризма и хрущевских претензий на роль вождя.

«Наверное, Леонид Ильич так задумал, — сказал он, — если заранее строился на деловой тон. Вместе с тем, не удивительно, что свой доклад Генеральный решил сделать более приподнятым. Мы же сосредоточимся на своих делах, скажем, что достигнуто и какие цели перед нами стоят».

Выступление Соломенцева на торжественном заседании прозвучало поделовому, но было лишено победного пафоса и не включало никаких элементов, выделявших роль той или иной личности в руководстве КПСС. Заметно было, что никто из сидевших в президиуме заседания руководителей других республик, чья очередь выйти еще не наступила, не вынес из выступления Соломенцева ничего такого, что требовало бы изменения их загодя заготовленных речей.

Следующим выступал представитель Украины как второй по значению республики, участвовавшей в создании единого государства СССР. Это был Владимир Васильевич Щербицкий. Человек очень близкий Брежневу, пользовавшийся его большой симпатией. Щербицкий когда-то работал вместе с Брежневым в Днепропетровском обкоме КПСС. Единственный из всей партийной номенклатуры, он выступил на Пленуме ЦК КПСС против идеи Хрущева разделить обкомы на сельские и промышленные. За такое публичное препирательство был снят

с должности председателя правительства Украины и назначен на должность секретаря сельского обкома. Только благодаря протекции Леонида Ильича удержался и на этой должности. Придя к власти, Брежнев поднял Щербицкого на пост первого секретаря ЦК Компартии Украины.

Украинский лидер был яркой фигурой, харизматичен, по-человечески располагал к себе людей различных слоев — от крестьян до академиков. Вместе с тем Владимир Васильевич умел тонко ориентироваться не только в том, что требовало руководство партии, а точнее генеральный секретарь Брежнев, но и в том, что у того таилось на уме, хотя еще и не получило огласки. Щербицкий позволял себе говорить о Брежневе с интонацией восхищения и даже некоторой товарищеской влюбленности. Ну и, конечно, сердечный характер их отношений демонстрировался неизменными троекратными объятиями и поцелуями при каждой встрече Брежнева на земле Украины.

Выступление Щербицкого на торжественном заседании, посвященном 50-летию СССР, распалось на две части. В первой достаточно кратко говорилось о достижениях Украины в составе союзного государства. Здесь он следовал официальной установке. Во второй части речи пространно и красиво говорилось об успехах самого Союза, достигнутых особенно в последнее время, когда во главе партии встал Брежнев. Во всех успехах была видна руководящая и направляющая деятельность ЦК КПСС... И вот тут-то Щербицкий выдал новую формулу, обозначившую поворот в послехрущевской трактовке жизни партии. Вместо того, чтобы сказать «деятельность ЦК КПСС во главе с ленинским Политбюро», как принято было говорить после снятия Хрущева, он четко произнес: «ЦК КПСС и лично Леонид Ильич Брежнев».

Огромный зал Кремлевского дворца съездов, собравший партий-

ную номенклатуру со всей страны, живо воспринял новое слово превознесения заслуг генерального секретаря и взорвался бурей аплодисментов. Партер еще продолжал рукоплескать, а в президиуме приготовившиеся к старту с пятиминутными речами руководители остальных союзных республик стали лихорадочно перелистывать заготовленные тексты, вытаскивали авторучки, чтобы вписать в подходящее место, кто в конце выступления, а кто и в самом начале, слова высочайшей на тот момент похвалы: «деятельность ЦК КПСС и лично Леонида Ильича Брежнева».

В словах «и лично» не только выражалась персональность великого вклада генерального секретаря в строительство нового общества, но и очевидная созвучность с именем Ильича, что как бы в подсознательном плане, по учению официально отвергаемого Зигмунда Фрейда, ставило рядом двух Ильичей — Брежнева и Ленина.

Речь Соломенцева, произнесенная до речи Щербицкого, не имела столь изощренной формулы славословия. Когда я зашел в комнату отдыха членов президиума в первый перерыв, чтобы поставить подпись Соломенцева под текстом его речи для официальной стенограммы, он казался чрезвычайно потерянным. Ему не верилось, что Щербицкий сам решился на такую новизну в возвеличивании партийного лидера. Ведь еще совсем недавно критиковали Хрущева за самовозвеличивание, клеймили его субъективизм и волюнтаризм, заявляли о верности ленинским заветам коллективности руководства, отрицания культа личности.

И вдруг такая перемена. «Как же так, — рассуждал в четверть голоса глава правительства России, — ведь я же советовался там, на Старой площади, в отношении своей речи. Неужели они не могли подсказать? Теперь получается, вроде бы как Россия иначе понимает роль Леонида Ильича?» Попытки с

моей стороны внести успокоение на-счет недостатка комплиментов, слова о серьезности общей постановки вопро-сов и роли партии в целом не произ-вели на Соломенцева впечатления: «Вот, видишь, и вроде бы аплодисмен-тов у меня меньше было». Пришлось подсчитывать на стенограмме с каран-дашом в руках. Выходило, что люди хлопали в ладоши Соломенцеву не-намного меньше, чем другим.

Мало-помалу Михаил Сергеевич успокоился. Поддержал его и сам Брежнев, сказавший тут же в переры-ве что-то бодрое в отношении россий-ских планов, изложенных в выступле-нии Соломенцева. Острота пережива-ний была снята. Но слова «и лично» прочно вошли в лексикон руководи-теля Российской Федерации, как и всех партийных деятелей высшего звена, определяя собой восхождение на вер-шину восхвалений генерального секре-таря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, а вме-сте с тем и критическую точку распада личности. Отсюда началась череда не-заслуженных наград, отягощавших па-радный костюм генсека и знаменую-щих вступление общественной жизни СССР в фазу экономического стагна-ции и политического маразма.

ПРИВЕТ ОТ ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА

Сейчас уже трудно было бы сис-кать, кто из состава советского руко-водства 1970-х годов первым ввел практику передавать от Брежнева при-вет партийным активам, трудовым коллективам и другим собраниям лю-дей на всем пространстве СССР, как в отдаленных областях, так и в столице. Но должен признать со всей опреде-ленностью, что немалый вклад в это священнодействие был внесен со сторо-ны и председателя Совета министров РСФСР, и его аппарата.

На первых порах эти приветы не но-сили формального характера, они отра-жали реальное желание Брежнева под-

держивать контакты со своей главной опорой — руководителями партийных органов на местах.

Началось это в 1972 году. Предсе-дателю Совмина России Соломенцеву было поручено лететь для встречи с партактивом в далекую Якутскую Рес-публику.

Для выступления в Якутске был подготовлен пространный доклад часа на полтора. Кроме Якутска программа предусматривала посещение центра добычи алмазов города Мирного, пос-елка Зеленый Мыс при впадении Ко-лымы в Ледовитый океан, угольного разреза Чульман, куда потом будет тя-нуться северное ответвление БАМа.

Впервые руководитель столь высо-кого уровня посещал эти медвежьи углы. Пользуясь тогда еще частыми контактами с Брежневым, Соломенцев в непосредственной беседе с ним ого-ворил такой широкий план поездки по Якутии, спросил, не будет ли каких-либо поручений у генерального секре-таря. Брежнев, наверное, искренне ска-зал, что завидует такой поездке, сам мечтал бы побывать в этой самой круп-ной по территории автономной рес-публике. Зная конкретно якутских ру-ководителей, с которыми предстояло встретиться Соломенцеву, Брежнев сказал: «Ты передай им всем от меня привет, да и вообще приветствуй яку-тян так, как если бы я сам туда при-ехал».

Об этом разговоре с Брежневым Соломенцев подробно рассказал со-провождающим его в поездке помощ-нику по сельскому хозяйству Аверину и мне.

Естественно, что такую ценную ин-формацию мы тотчас же заложили не только в основной доклад, но и в тек-сты других выступлений. Да Соломен-цев и без нашей помощи прямо от тра-па самолета стал активно развивать тему приветов от Брежнева, которые адресовались персонально первому секретарю обкома, членам бюро обко-ма КПСС, собранию партийно-хозяй-

ственного актива и далее до бригадира оленеводческой бригады, с которой встретились в тундре у края земли.

Во время всех этих встреч мы заметили, что люди, особенно непривычные к выслушиванию длинных речей на общие темы, теряют способность воспринимать услышанное при прочтении им первой же страницы текста. Но все они очень сердечно реагируют, если им говорят что-то, даже прописные истины и избитые слова, но от имени высшего руководителя и обращенные как бы прямо к слушателям.

Поэтому уже в той поездке привет от Брежнева стали разрастаться числом и обогащаться по содержанию. Из скупой одной фразы они преобразились в развернутые характеристики успехов, с дифференцированными пожеланиями дальнейших достижений — кому чего надо: разработчикам месторождения алмазов — открытия новых кладовых, исследователям вечной мерзлоты — новых смелых разработок, оленеводам — высоких приплодов и т.д.

Потом, вернувшись с Москву, мы узнали, что если какие репортажи о поездке Соломенцева по Якутии и передавались по центральному телевидению, то только со словами привет от Леонида Ильича. Зато все приветы были донесены до общесоюзной аудитории, а это значит, что была представлена вся география поездки — шесть тысяч километров перемещений по просторам Якутии, с показом населенных пунктов, которые до того не удостоивались никакого внимания московских средств массовой информации.

Достигался, таким образом, эффект популяризации мероприятий, проводимых по линии Совета министров РСФСР. Правда, знакомые в Москве ехидно спрашивали: «А что, Соломенцев, кроме слов привет от Брежнева, вообще ничего больше не говорил?»

В ту пору общественную цену этого почина представить в полной мере

было еще невозможно. Но, как говорится, лиха беда начало. Дальше любое доброе ли, худое ли дело имеет свою инерцию и легко превращается в противоположность первоначальному замыслу.

Следующие наши поездки были в Бурятию, Красноярск, Дагестан, Челябинск, Ростов, а затем во Владивосток, Петропавловск, Южно-Сахалинск, на озеро Хасан, в Миасс, Барнаул, Горький, Йошкар-Олу и т.д.

Передача приветов от Брежнева или неупоминание его имени в первых словах обращения к руководству области, края или республики становились своеобразным и очень приметным мерилем доверия, удовлетворения или недовольства Москвы.

Первоначально Соломенцев перед каждой поездкой то ли при личной встрече, то ли по телефону запрашивал Брежнева о его согласии на этот счет. Отказа не было. Потом как-то генсек сказал Соломенцеву: «Не только ты спрашиваешь, передавать или нет привет. Другие тоже считают это нужным. Если так, если есть польза, пожалуйста, ориентируйся сам, тем более что отдельной российской партии нет, значит, политбюро одно, что для Союза, то и для России, ну и генеральный секретарь — один, другого нет.

Трудно сказать, получали или не получали другие советские руководители согласие Брежнева на передачу от него приветов, но только эта практика стала со временем повсеместной, превратилась в речевую норму для всех ораторов, положение которых предполагало возможность доверия к нему со стороны генерального секретаря ЦК КПСС.

Параллельно с системой приветов существовала и норма, доставшаяся в наследство от хрущевских и даже сталинских времен. Она состояла в том, что на каждом мало-мальски авторитетном собрании главный оратор должен был произнести другую sacramентальную фразу: «Позвольте от вашего

имени (или от лица собравшихся) заверить (далее следовали ЦК, политбюро или Сталин, Хрущев, Брежнев — в зависимости от времени и политической конъюнктуры) в том, что трудящиеся» и т.д.

Первоначально, помню, мы пытались сопротивляться использованию в одной речи двух формул: сначала «я рад передать привет», а в конце — «позвольте от вашего имени заверить». Однако наше сопротивление было быстро сломлено. Оратор настаивал на применении обеих формул, полагая, видимо, что речь, содержащая лишь привет, а не заверение в преданности, могла бы выглядеть недостаточно лояльной.

Немаловажным, конечно, было и то, что на упоминание имени генерального секретаря в привязке к привету или заверениям собравшиеся неизменно реагировали аплодисментами. А это при общей скущине повествования вносило какое-то оживление. И опять же, этот момент непременно попадал в телевизионный репортаж.

Однако, как говаривал бравый солдат Йозеф Швейк, когда много, то это уже слишком. Поэтому и употребление формул приветов стало приводить к полному абсурду, увидеть который можно было, что называется, невооруженным глазом.

Верхом бессмыслицы в этой связи стал «обмен приветам» при вручении Российской Федерации очередного Красного знамени за успехи в социалистическом соревновании, кажется, в 1980 году.

В порядке очередности знамя вручал в тот раз заместитель председателя Совмина СССР Нуриев, отвечавший за сельское хозяйство. А принимал знамя и благодарил от имени республики председатель Совмина России Соломенцев.

Открывая торжественное собрание, Соломенцев счел необходимым сразу же передать собравшимся привет от Леонида Ильича, что зал воспринял рукоплесканием, соответствующим не

только приветствующему лицу, но и оратору.

Следом выступил Нуриев, который ранее не знал о намерении Соломенцева передать привет и, со своей стороны, с энтузиазмом провозгласил, что дорогой Леонид Ильич шлет пламенный привет трудящимся России.

Собравшиеся трудящиеся и этот привет приняли аплодисментами, но не столь горячими. И не потому, что были второму привету меньше рады, чем первому, а из-за того, что должность Нуриева в советской иерархии была на ступеньку ниже, чем положение Соломенцева. Поэтому аплодисменты на его слова полагались соответствующими чину.

Заканчивая свое выступление, Нуриев не упустил возможности сказать: «Позвольте от вашего имени заверить дорогого Леонида Ильича...»

Трудящиеся, естественно, похлопали в ладошки.

Но следом, после получения знамени, по сценарию торжественного заседания выступал вновь Соломенцев. В тексте его речи заверения дорогого Леонида Ильича содержались в абсолютно тех же выражениях, что и в выступлении Нуриева.

Казалось бы, что, столкнувшись с таким нагромождением заклинаний, Соломенцев мог и воздержаться от заверения, сделать небольшую купюру по ходу чтения своего доклада. Но он счел такой ход рискованным. И не из-за того, что боялся пропустить попутно с заверением что-нибудь другое, а потому, что текст его выступления уже был передан в ТАСС для распространения в печати и стал, следовательно, официально утвержденным материалом, отступать от которого оратор не решался.

Более того, при произнесении заклинаний голос оратора не дрогнул, в глазах не мелькнуло и тени сомнения в правильности действий.

Странное дело, но и в зале на лицах людей не появилось проблеска улыбки или иного свидетельства иронии.

Наоборот. Как и подобает, при заверениях в адрес Леонида Ильича со стороны Соломенцева аплодисменты были громче, чем при выступлении Нуриева. Опять-таки в соответствии с положением обоих в табели о рангах.

Когда после церемонии я стал предлагать скорректировать письменный текст и сказал, что смущен нагромождением здравниц, приветов и заверений, председатель Совмина РСФСР удивился моей бестолковости: «Как же

можно теперь изменять, когда все это уже произнесено. А если кто-нибудь все аплодисменты подсчитал и потом окажется меньше, что ты тогда ответишь?» Стало ясно, что ответ найти будет трудно.

Так и оставили. И для эфира, и для печати. И ничего. Никто ни о чем не спросил. Только с тех пор, когда я видел вручение Красных знамен, все время чувствовал, как давит шею воротничок. Спазмы какие-то. То ли от смеха, то ли от стыда.

Места силы

«Но какому современному писателю... придет в голову заниматься "описанием природы", которой вообще в природе и не существует, а есть сила — и добрая со всей теплотой материнского сердца, и злая — со всей беспощадностью к незащищенным...»

Алексей Ремизов
«Огонь вещей. Сны и предсонья»

Данный текст является прямой и беззащитной апологией уфациентризма.

Уфа — единственный город, где понятие уфациентризма не является чем-то отвлеченным.

Гораздо более конструктивно надеяться место, где живешь, возвышающими душу свойствами. Негатив в данном случае деструктивен.

Такое соображение — следствие, или восстановление, того ощущения детства, когда где ты, там и центр мира.

Город нуждается в легенде. Ее нужно упорно создавать, подобно тому как создается сам Город.

Восприятие тех городов, где мы не были, и наш личный опыт ничего о них не свидетельствует, — есть восприятие легенды. Кто-то сказал, написал, запечатлел — и мы реагируем на чью-то рефлексию. Строим свои заключения по созданному образу. Не более.

Увы, не все, что окружает нас в Уфе, укрепляет нашу силу духа. Не все, во что вперяется ежедневно наш взор, достойно наших возвышенных душ.

Однако есть в Уфе немало мест, чье возвышающее воздействие можно использовать для укрепления силы духа. Ниже я коротко укажу ряд таких мест. О некоторых из них читателю может быть известно, информация о других явится откровением. Люди, не склонные воспри-

нимать прекрасное вокруг себя или, быть может, в этом вовсе не нуждающиеся, мало соблазняются моими наблюдениями и соображениями, остальным — весьма рекомендую.

Иногда важно, в какое время года или дня посещаешь определенное место. Есть места, безразличные к таким пустякам.

Данный текст написан для тех, кто хотя бы приблизительно ориентируется в чертах и пределах Города.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ. «КРЕСТ»

Если на пересечении улиц Кирова и Мустая Карима — в центре перекрестка — встать спиной ко Дворцу профсоюзов, то обнаруживаешь себя в центре некоего «креста»: прямо — в перспективе по улице Кирова — золотятся купола храма Рождества Богородицы; сзади Дворец профсоюзов, а ведь на его месте был когда-то православный собор; по правую руку, по улице Социалистической, видны зеленые верха Башкирского драмтеатра — это место кафедрального Воскресенского собора; по левую руку вдоль по улице Мустая Карима взгляд упирается в фасад Дворца пионеров (ныне Дворец детского творчества), построенного на месте церкви Иоанна Крестителя.

Взгляд, брошенный в любом из четырех направлений с этого перекрестка по перспективе улиц, упирался раньше в православный храм. Любая дорога с этого места вела к храму. Уфимские храмостроители помещали человека в места весьма возвышающего душу свойства.

Остается открытым вопрос: а вот эти здания, поправшие собой разрушенные храмы, как о них полагать? Прокляты ли они, и не будет им счастья, или, напротив, оттого что поставлены сии общественные

Дворцы не на пустом, а уже на намоленном месте, это им весьма благоприятствует? Ответ на этот вопрос ищите сами, у меня ответа на такие вопросы нет.

Если, однако, все же предположить первое, то окажется, что, меняя визуальные ориентиры старые на новые, строители социализма желали поместить человека, оказавшегося на этом же перекрестке, в такую систему ценностных координат: кинешь взгляд прямо — кинотеатр (был многие годы в стенах Рождество-Богородицкого храма), оглянешься назад — завод (был до того, как его перестроили во Дворец профсоюзов), посмотришь вправо — театр, взглянешь налево — Дворец пионеров. Никаких тебе церквей.

Теперь из всего этого получился гибридный: один восстановленный храм и три общественных здания. Вот и фактическая пропорция, которая верно отображает, что сегодня нужно обществу: три — один в пользу социализма. Нет необходимости в таком количестве церквей, но уже и нет необходимости в таком количестве киноте-

атров. А потому кинотеатр снова превращается в православный храм. Театр, Дворец профсоюзов и Дом детского творчества прочно удерживают свои позиции. Не вполне можно исключить, что в чем-то большевики были дальновиднее храмовостроителей.

Замечу, что раннехристианские храмы — таких в Уфе нет — тоже попирали собой языческие храмы, т. е. специально строились на месте поклонения языческим богам. Так что в каком-то смысле большевики поддерживали давнюю христианскую традицию.

О многом поневоле задумаешься, стоя на перекрестке Кирова и Мустая Карима.

Любопытно отметить, что по «линии силы» — от нынешнего Дворца профсоюзов в направлении Рождество-Богородицкого храма — живут многие известные уфимские писатели. В 2003 г., например, это Газим Шафиков из старшего поколения и более молодые Игорь Фролов, Светлана Чураева, ее супруг г-н Богданов и еще более юная Оксана Кузьмина.

У художников на этой линии есть выставочный зал (угол Кирова и Ленина). А в здании по улице Карла Маркса, 32, которое буквально примыкает к перекрестку Кирова – М. Карима, находится штаб-квартира и музей художественного объединения «Чингисхан», где в сезон 2002–2003 годов известный уфимский поэт и переводчик Айдар Хусаинов собирал по средам свое литературное объединение «УФЛИ».

Творческие натуры и должны быть интуитивно чувствительны к местам силы — и обитать именно в этих местах для подпитки творческой энергией.

А вот на линии от нынешнего Дворца детского творчества в сторону Башдрамтеатра пропал курьез вербального характера: угол улиц Социалистической и Коммунистической несколько лет венчало вполне буржуазное заведение, кафе-мороженое «Баскин Роббинс». Это — результат напластования новейшей эпохи на времена социализма. Ныне улица Социалистическая переименована в Мустая Карима, а кафе-мороженое... не знаю, куда оно делось.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ. «ПРИЦЕЛЫ»

Ныне существующие в Уфе храм Рождества Богородицы, Покровская церковь и Сергиевский кафедральный собор находятся на одной визуальной линии.

С крыльца Сергиевского собора видны два других храма, и если пройти совсем немного, то в начале улицы Бехтерева, около угла дома № 6, обнаруживаешь точку, откуда — вдалеке — Покровская церковь и Рождество-Богородицкий храм образуют визуальное подобие «прицела»: в пространство между колокольней (слева) и куполом (справа) одной церкви (ближней) вписывается другая церковь (дальняя).

Человек, отпирающий свой металлический гараж прямо напротив угла указанного дома, также всякий раз обнаруживает себя в точке этого «прицела», который локализуется на очень небольшом пространстве. Стоит чуть сместиться, как «прицел» пропадает.

Другой «прицел» образуют взаимно — с прямо противоположной стороны — Покровская церковь и Сергиевский собор.

К Покровской церкви следует спускаться по улице Мингажева, и тогда от домов № 15, 16 и особенно от фасада частного дома № 13 открывается изумительный вид: прямо в проеме между куполом (слева) и колокольней (справа) Покровской церкви — крупный план — возвышаются купол и колокольня Сергиевского собора.

Покровская церковь (1817 г.), построенная в стиле русского классицизма, находится в низине, ниже окружающих склонов, и, на первый взгляд, это странно. Обычно храмы воздвигаются на возвышенных местах. Неслучайность места расположения Покровской церкви становится очевидной, если принять во внимание взаимодействие всех трех указанных храмов в пространстве, безотносительно к временной разнице постройки этих церквей. Единство Замысла несомненно. Другое место расположения Покровской церкви исключило бы такое взаимодействие. Мудрая дальновидность строителей этого храма проявилась также в том, что строителям социализма не пришлось на ум сносить церковь и воздвигать на ее месте что-либо другое, ибо что это будет за новый очаг культуры в овраге? Все другие уфимские православные храмы, построенные на более видных и возвышенных местах, увы, имели более печальную судьбу.

Встает вопрос: а куда указывают означенные «прицелы»? И случайно ли они туда указывают?

«Прицел» Покровская церковь — Рождество-Богородицкий храм (вид с улицы Бехтерева) уставлен в середину длинного жилого дома-«корабля» (в нем, кажется, аж 12 подъездов). Однако в старые добрые времена никакого «корабля» не было и «прицел» указывал на некое место в небе. Любопытно отметить, что строители дома-«корабля» никакого «прицела» не наблюдали, поскольку в недавние советские времена в стенах Рождество-Богородицкого храма был кинотеатр «Йондоз» и ни купола, ни колокольни у здания не было, их надстроили — восстановили — совсем недавно. Однако теперь жители некоторых квартир в доме-«корабле», несомненно, наблюдают из своих окон «прицел» Рождество-Богородицкий храм — Покровская церковь. Предпола-

гаю также, что из некоторых окон этого длинного дома открывается вид на все три церкви и, возможно, там, в доме, есть даже точка, откуда виден «тройной прицел», образуемый вертикалями куполов и колоколен всех трех храмов. Хотя версию «тройного прицела» я не проверял, ибо странно ломиться в его поисках во множество квартир в разных подъездах и на разных этажах с просьбой посмотреть, что видно из окна.

«Прицел» Покровская церковь — Сергиевский собор (вид с улицы Мингажева) указывает на небосвод.

Случайны ли эти пространственные указания? Что там, в небе, куда указывают «прицелы» храмов? Точки высоты солнца над горизонтом в некие дни? Место каких-то определенных звезд по ночам в определенное время года? Направление, откуда явится чудо? Или что? Исследование этого, должно быть, весьма умозрительного вопроса я оставляю пытливым исследователям-уфациентристам.

Очевидным является следующее соображение: если ты смотришь в «прицел» и видишь в нем небо, то и оттуда Некто смотрит в тот же «прицел» с противоположной стороны и видит в ту же самую минуту тебя!

Вот таких метафизических высот достигали уфимские храмостроители.

Весьма возможно, что пространственная цепь не ограничивалась тремя храмами. Был и четвертый! На нынешней улице Сочинской был Благовещенский монастырь, имевший три храма: Благовещенский, Александровский и Иверский. Очень похоже, хотя это только мое предположение, что один из этих несохранившихся храмов примыкал к пространственной храмовой цепи, и тогда — можно себе представить — вязь «прицелов» образовывала целую систему визуальных ориентиров и указаний! По крайней мере, место Благовещенского монастыря географически выше места Сергиевского собора,

Покровская церковь в самой нижней точке и Рождество-Богородицкий храм на более высоком месте. Без некоторого перепада высот мест нахождения храмов система «прицелов» бы никак не получилась.

Ныне та точка, откуда, возможно, открывается «тройной прицел» Сергиевс-

кий собор — Покровская церковь — Рождество-Богородицкий храм, парит в пространстве высоко над землей (если, конечно, такая точка вообще существует). И если к пространственной последовательности трех храмов примыкал и четвертый, то, возможно, в пространстве умозрительно парили две противоположные по месту положения точки, откуда открывался «четвертной прицел»: в проеме одного храма — второй, в проеме второго — третий, в проеме третьего — четвертый. С земных точек просматривалась часть Замысла храмостроителей, и ум постигал, что только с точек небесных — человеку тогда недоступных, ибо летательных аппаратов не было, — можно взглянуть на Высочий Замысел во всем его великолепии.

Вот так работали с пространством уфимские храмостроители. Учитесь, нынешние градостроители.

Все вышеописанные наблюдения над взаимодействием уфимских православных храмов я сделал в 2003 г. Ныне, в 2008 г., приходится констатировать: энергичное строительство в городе приводит к тому, что новые здания, стремительно возникающие повсюду в центре города, могут заслонить собой некоторые описанные выше визуальные перспективы. Ну, что ж, «знаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую...»

НЕОБЫЧНЫЙ РАКУРС — I

Прямо за Монументом Дружбы есть несколько пятиэтажек. Если войти во двор, ими образуемый, там можно обнаружить некое металлическое сооружение — замкнутое горизонтальное кольцо выше человеческого роста с лесенками и перекладинами. Этот физкультурный снаряд — фрагмент детской площадки. Так вот, с этой точки открывается удивительный вид одновременно на Покровский храм в проеме между пятиэтажками слева и на Сергиевский собор в проеме справа. Между означенными проемами уныло протянулась одна хрущевка. А ракурс такой, что оба храма предстают поистине взметенными в небо и резко контрастируют с прагматичной безликостью пятиэтажек.

Если такая точка обзора возникла случайно, то это воистину Промысел Бо-

жий, дабы от вида обоих храмов не зарастали черствостью души. А если архитекторы, планировавшие застройку, намеренно устроили оба проема как окна в Замысел, честь им и хвала!

Не физкультурный снаряд должен венчать своим присутствием это удивительное место, а беседка, где можно было бы предаться величественному и душепасительному созерцанию. Хотя не исключая, что предстояние в данной точке, то есть созерцание стоя, а не сидя, более способствует открывающемуся виду.

А пока созерцание можно осуществить, вися на снаряде, как обезьяна. Подобные обстоятельства можно счесть неуместными, и это наводит на мысль, что физкультурный снаряд вкопан здесь не случайно, его устроители руководствовались мыслью: ударим физкультурой по созерцанию, отвлекающему обывателей от поступательного движения социализма.

Наблюдение 2003 г. приходится корректировать в 2008 г.: описанный вид с данной точки на Сергиевский храм заслонило новопостроенное здание.

МЕЧЕТИ

Мечеть Ляля-Тюльпан — одно из многих весьма достойных современных архитектурных достижений в Уфе.

Замысел мечети — очень высокого уровня, не уступающий уровню более раннего храмостроительства в Уфе.

Доказательства: вид на минареты мечети, открывающийся со многих очень далеко отстоящих точек. Мечеть видна с огромного пространства просторов за рекой Белой напротив, а также с нижней части улицы Российской на значительном ее протяжении. Вид на мечеть открывается совершенно внезапно в самых неожиданных и весьма от нее отдаленных географических точках Уфы. И я уж не говорю про автодорожный мост с проспекта Октября в Черниковку, откуда мечеть предстает во всем великолепии.

Если зайти внутрь мечети, то на балконе, предназначенном, если я правильно понимаю, для женщин, которые молятся в мечетях отдельно от мужчин, можно обнаружить — в правой его части — красивую мозаику, составленную из плитки. Причудливый

узор состоит из фрагментов. Приглядевшись, можно обнаружить, что один фрагмент, одна плитка, искажает вязь узора.

Начинаешь думать: ошибка укладчиков плитки. Одну плитку вставили в узор не так, как следует, надо было ее развернуть на 90°. Линии узора не стыкуются в этом месте. Хотя обнаружить это стоит труда, и узор нисколько не теряет в своей цельности.

И тут же ловишь себя на мысли: ничего случайного в осуществленном Замысле мечети быть не может, думать иначе было бы странно, а коли так, значит, это искажение линий в одном фрагменте также часть Замысла. Это удивительно! Я часто думаю об этом мельчайшем искаженном фрагменте, и это потрясает настолько, что мысли путаются, и я пытаюсь в них разобраться. Первое: ошиблись все-таки укладчики плитки. Но ведь этого не может быть! Второе: укладчики плитки ошиблись в высшем смысле, ибо рукой человека водило Божественное Провидение. Третье: храмостроители намеренно исказили узор, ибо таков был Замысел, и нет тут никакой ошибки в укладке. Четвертое: в любом случае утверждаешься в мысли, что незначительное несовершенство или искажение детали целого есть такая же неотъемлемая часть Замысла, как и общая гармония и красота целого.

ВНУТРЕННИЕ ПРОСТРАНСТВА

Достаточно их перечислить — разумеется, те, которые удовлетворяют хоть сколько-нибудь взыскательный вкус. И я не касаюсь здесь храмов с их внутренним пространством.

Самое большое внутреннее пространство — это Гостиный двор.

Оригинально организованным внутренним пространством может похвастать Дворец профсоюзов — там во внутреннее пространство выходят окна части кабинетов чиновников.

Неброский внешний вид здания Социнвестбанка (на углу улиц Фрунзе и Цюрупы) контрастирует с великолепным внутренним пространством, где циркулируют вверх-вниз два прозрачных лифта.

Скошенный фасад — не единственное оригинальное архитектурное достоинство

Молодежного театра («непараллельность общему контексту» — так отозвался об этом фасаде уфимский поэт Алексей Кривошеев). Организация внутреннего пространства в театре также производит прекрасное впечатление.

Внутренний балкон по периметру всего торгового зала характеризует книжный магазин «Знание» на улице Ленина. С балкона — со многих точек — прекрасный вид вниз, где — в силу ракурса и полноты обзора — хаотическое движение покупателей на фоне стеллажей с книгами выглядит умиротворяющее.

Странно, что уфимские художники не оседлали еще эту тему больших живописных внутренних пространств, а материал весьма благодатный.

ДИВНЫЕ ЛИФТЫ

Вечером, когда уже темно, прозрачные и освещенные изнутри лифты высотного здания банка «Уралсиб» смотрятся с улицы, как ползающие по вертикали светящиеся жуки. Особенно красиво, когда все лифты движутся одновременно на разной высоте.

Внутри лифта — при подъеме — это обзорная площадка с расширяющимся горизонтом обзора. Вид прекрасный.

Когда здание банка было построено и я обнаружил эти дивные лифты, то специально повел своего ребенка покататься на них. Охраннику я нес совершенную чушь, городил страшную околесицу, нагло врал, чтобы он нас пустил вдвоем. Нельзя же было ему сказать, что мы просто хотим покататься на классных лифтах и посмотреть, что из них видно. Вот тот случай, когда ложь необходима и служит во благо. Только зачем меня к этому вынуждать? Следует сделать доступ в эти лифты совершенно свободным для всех, ибо ничего подобного в Уфе больше нет.

ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Говорят, их под Уфой много.

Мне известны два — это бывшие штольни, где добывали, кажется, гипс или что-то еще.

Пройти к первому подземелью можно, спустившись от ВДНХ к переправе через Уфимку, и там взять направо между частными домами. Дорожка пойдет между заборами, затем следует держаться тропы, ведущей вправо и чуть вверх.

Вход в штольни малоприметен.

Сначала попадаешь в три параллельных коридора, пересеченных более короткими перпендикулярными ходами. В этой ближней части штолен достаточно чисто и вряд ли опасно. Высокие потолки. Много места. Экзотично поиграть здесь в догонялки или прятки с фонариками в руках.

В дальнюю часть штолен — более опасную, странную, гораздо больших размеров — можно попасть, преодолев насыпь, доходящую чуть не до потолка (там некое подобие купола). И оказываешься в поразительном месте: мрак, полная тишина, брошенные вагонетки, остатки рельсов, проржавевшее железо, целые комнаты управления, двери в стенах, зловещие ходы, напоминающие гигантский, теряющийся в темноте из виду скелет из огромного количества полусгнивших бревен-подпорок, внезапные тупики, продолжение которых засыпано. Целая заброшенная цивилизация под землей — такое ощущение. Антиутопия наяву. Как бы подземный вариант атмосферы фильма «Сталкер».

Были люди и приложили столько усилий, чтобы прорыть эти пространства, потом все бросили и ушли. Зачем? Куда? Что это были за люди? Почему бросили столько оборудования? Для чего все это предпринималось?

Зловещая тайна чудится во всем этом.

Огромное облегчение испытываешь, выбравшись, наконец, наружу, на дневной свет.

Я бывал в этих штольнях неоднократно. Однако осенью 2007 г. вход в это подземелье забрали металлической решеткой. Над штольнями, на горе, построены элитные коттеджи. На всякий случай вход в штольни решили преградить.

Другое подземелье находится чуть выше железной дороги за Дворцом спорта. Тут вход совсем узкий — в штольни приходится заползать. Ходы множатся и кем-то пронумерованы по стенам.

Ходить неудобно — тут как после обвала, приходится пробираться и кое-где карабкаться среди каменных глыб. Чтобы обойти все ходы, надо не менее часа. Впрочем, своеобразное очарование присутствует.

Недалеко от этих штолен под насыпью железной дороги есть старинный каменный водоотвод-проход. Он тянется несколько десятков метров под большим уклоном в сторону реки. Полноценное ощущение, что ты в настоящем подземном ходе, который круто уходит вниз. Если б меня завели сюда в детстве, я был бы на вершине восторга. Весной, надо полагать, по проходу бурно несется вода. Мы были здесь осенью, было сухо, мы спокойно прошли весь этот водоотвод-проход с фонариками насквозь и вышли — тут пришлось нагибаться — с противоположной стороны железнодорожной насыпи. Обрато решили идти верхом и поднимались на насыпь по лестнице круто вверх. Я думаю, перепад высоты между входом и выходом этого водоотвода-прохода составляет метров 15–20, не меньше.

МОСТЫ

Летом, в жаркий день, следует прийти на пляж напротив Монумента Дружбы и, войдя в реку Белую, плыть на спине.

Скоро течение приносит тебя под автодорожные мосты, сначала новый, потом старый. Ты попадаешь в тень, и шум от машин сверху вдруг пропадает, как пропадает и вид всяческой суеты, и только видишь, как высоко над тобой, на обратной стороне моста — сначала нового, затем старого — птицы выют гнезда и летают вокруг них. Не суть важно, ласточки это или стрижи. Их немного, этих птиц, но они есть, можно рассмотреть их деловитую суету. И вибрация им нипочем. И эти гнездовья, и их обитатели, крылатые любители урбанизма, медленно плывут над твоим взором со скоростью течения реки...

Удивительное умиротворение охватывает внезапно душу от этого зрелища.

Проплыв мосты, снова попадаешь в зону суеты: солнце, жара, шум, люди, непрерывный поток машин. Однако ощущение покоя, тишины, прохлады и умиротворения остается с тобой еще надолго.

Эти впечатления я вынес из лета 2002 года. 4 августа 2003 г. я не обнаружил под мостами птиц. Только покинутые гнезда...

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГОРОДСКИЕ БАНИ

Старая баня на улице Рязанской (остановка транспорта «Улица Ростовская») находится в совершенно уединенном месте. Какие-то заборы вокруг производственных территорий. Ни жилых домов, ни потоков машин, только редкие прохожие.

Предбанники мужской и женский раздельны и находятся на расстоянии друг от друга.

Зимой, темным вечером (баня работает до 22 часов), когда выпал свежий чистый снег, спокойно нагишом можно выходить из парной на улицу и, встав в сугроб по колено, обтираться или осторожно лечь при желании. Никто не смутится, ибо смущаться на улице некому. И при возвращении в тепло бегут блаженно по телу иголочки от колючего снега.

Такое укрепляющее бодрость духа оздоровительное мероприятие практикует в этой бане немалое число парильщиков.

Женщины, впрочем, в сугробе отчего-то не бывают замечены. Хотя видно: из бани многие из них идут распаренные и с вениками. Женщины устроены слишком иначе.

«И БЛЕСКОМ ЗОЛОТЫМ ВЕСЬ ГОРОД ОДЕРЖИМ...»

Эту часть улицы Калинина от пересечения с улицей Ульяновых в направлении Дворца им. Орджоникидзе следует посетить в солнечную погоду в начале сентября часов около шести вечера.

Этот короткий отрезок улицы совершенно не суетен. Редкая машина завернет сюда.

Дома здесь не выше деревьев, а деревья вровень с домами. Воспринимается это очень гармонично.

Улица здесь делает поворот чуть налево, и солнце бьет в створ улицы навстречу тебе, находясь прямо над крышами, и тут понимаешь, что строки из стихотворения Шелли «и блеском золотым весь город одержим в неистовом предсумрач-

ном сиянье» (Д. Тухманов, пластинка «По волне моей памяти») — никакое не преувеличение.

Это удивительно. Мне встретилась еще девочка на роликовых коньках. Она буквально выплывала из расплавленного золота мне навстречу, и золотое свечение колыхалось, как вода в бассейне, в стенах улицы.

Ничего подобного я в Уфе больше нигде не наблюдал.

Дело, видимо, в определенном ракурсе, в высоте и непрерывности фасадов домов, в их облицовке, высоте солнца над горизонтом и его яркости.

Хочу также добавить, что я бываю совершенно трезв и вменяем, когда предпринимаю романтические прогулки по улице Калинина.

ТУМАН

Осенним утром у памятника Салавату Юлаеву он весьма впечатляет.

Молочная пелена скрадывает пространство, краски, звуки и присутствие других людей. И вдруг раздается близкий шум поезда, идущего по железнодорожному мосту. Шарнишь глазами в том направлении, а самого моста и поезда нет! Есть только шум и пелена тумана. Очень необычное ощущение.

Смотришь вперед, и просматривается часть реки, и видны в ней отражения высоких деревьев с того берега; чуть поднимаешь взор — а ни того берега, ни деревьев нет!

Есть только отражение. Это удивительно!

И все вокруг тонет в тумане, и все обманчиво, нереально, будто мир навсегда изменился и никогда уже не станет прежним...

НЕОБЫЧНЫЙ РАКУРС — II

Необычные ракурсы всегда впечатляют, ибо неожиданны.

Мне известно место, откуда открывается весьма неожиданный вид на памятник Салавату Юлаеву.

От телецентра следует пройти вдоль фасада школы № 35 (ул. Гафури, 7) до арки здания. Напротив арки есть проход между гаражей.

Зайдя в этот проход за гаражи, обнаруживаешь себя над совершенно заросшим деревьями конусообразным оврагом в форме получашки. Наиболее эффектный вид — в ноябре, когда все уже чуть припорошено снегом.

Ноги попирают свалку, уходящую в овраг, которую устраивают тут местные жители и владельцы гаражей, справа — вид на несколько недавно отстроенных особняков, прямо видна река, слева — непрерывная масса переплетающихся ветвей деревьев, отчетливо подчеркнутых припорошившим их снегом. И там, над этим диким черно-серо-белым орнаментом, возвышается гордый каменный всадник, устремленный вперед и взметнувший руку над головой, и все деревья — настоящие заснеженные джунгли — как шлейф за движением всадника.

УТРАЧЕННЫЕ МЕСТА СИЛЫ

Они всегда были, есть и будут. Ибо таков ход времени. Уходит одно, приходит другое.

Вышка нового, самого высокого трамплина в Уфе была несколько лет великолепной смотровой площадкой с круговым обзором. Наверх вела металлическая лестница с перилами. Вход не возбранялся. Подняться мог любой желающий. Трамплин стоит и ныне. Ветрозащитный колпак на вышке напоминает снизу гигантский космошлем с поднятым забралом, однако полный обзор вокруг явно пропал, как и свободный доступ наверх. А это была всем доступная самая высокая точка на самом высоком месте берега реки Уфы (недалеко железный тригопункт) в районе торгового центра «Башкорто-стан». Пейзаж сверху открывался весьма впечатляющий во все стороны, как днем, так и ночью.

Была смотровая площадка — не было трамплина (не был закончен). Трамплин не достроен и поныне, а смотровой площадки нет уже давно. Парадокс: иногда нечто недостроенное в некоторых специфических своих проявлениях может быть оригинальнее, чем в завершенном состоянии. Некоторые черты Замысла явно проявляются в его незавершенном виде и скрадываются его завершением.

Под этой смотровой площадкой, по левой стороне склона, была канатная дорога. Такие же двухместные кабинки я обнаружил, например, в центре Ялты. В самой канатной дороге нет ничего необычного, но в Уфе она была единственной.

Фактически это — движущаяся смотровая площадка. И в некотором роде аттракцион. Кроме, разумеется, своих транспортных качеств.

Очень впечатляющим местом многие годы была беседка на горе над железнодорожным мостом через реку Белую. Беседка хорошо смотрелась из окон поездов.

Пройти к беседке можно было через старинное мусульманское кладбище, где среди роскошных современных надгробий еще встречаются древние камни с арабской вязью. Также на этом небольшом, но весьма ухоженном и красивом кладбище можно обнаружить могилы тех, чьи имена носят уфимские улицы: этих башкирских авторов мало кто читает, но в Уфе они на слуху в силу топографии улиц.

...Открыв железную калитку в ограде кладбища и сделав несколько шагов за его пределы, ты оказывался в большой, мощной деревянной беседке. Этот проход среди могил с выходом на смотровую площадку с прекрасным видом вниз настраивал на весьма философские размышления. Беседка, увы, давно сгорела. И ничего нет на ее месте — лысая верхушка склона, откуда змеятся вниз натоптанные тропинки. Наши предки понимали, что должны быть такие несуетные уединенные места на возвышенностях, где можно присесть и дать отдых телу, простор глазам, спокойное течение мыслям.

Городские власти, восстановите беседку!

В 1979 г. в Инорсе выросла очередная — всего их три — труба ТЭЦ. Мы с другом в выходной день по лестнице внутри трубы поднялись наверх и оказались на вершине трубы — на высоте, кажется, в 150 метров! Мы стояли под открытым небом, ветер трепал нам волосы, обзор с такой высоты поражал воображение. Четырехэтажный дом, где мы оба жили, — да и все дома в Инорсе казались отсюда, сверху, такими миниатюрными, что захватывало дух.

В недостроенном виде эта труба была суперсмотровой площадкой, затем строительство трубы было завершено и нача-

лось сугубо функциональное, промышленное ее использование, исключающее первое качество, проявленное в незавершенном своем виде. Но почему? А если по наружной стене трубы устроить лифты (лучше прозрачные), а наверху — обзорную круговую площадку вокруг трубы? Смотреться будет круто и сверхоригинально: из жерла трубы валит дым, а чуть ниже — метров на 10-20 — вокруг жерла ходят люди, изумленно пялятся вниз и щелкают фотоаппаратами.

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ МЕСТА СИЛЫ. ДВЕ БАШНИ

Угол Ленина и Коммунистической. Самый центр Уфы. Я рос в этом доме, над рестораном «Уфа», прожил там несколько лет. Раньше там на каждом этаже — в крыле по улице Коммунистической — была огромная коммунальная квартира. «Центровее» места в Уфе просто нет. Концентрация уфациентризма как ощущения в этом месте необычайно высока.

Здание венчает — на самом углу улиц — квадратная в сечении башня, и там, наверху, на самом последнем ее этаже, огромные окна.

Я там никогда не бывал. Я не знаю, что там. Я завидую тем, кто может туда подняться и кинуть оттуда взгляд на Уфу.

Какого черта? Почему это место — для служебного пользования, а не для свободного посещения? Что там, наверху?

Это таинственное для меня место интригует своей недоступностью. Может быть, есть закрытое для посторонних общество уфациентристов, и они всецело владеют верхним этажом этой башни, используя его для своих сборов?

Еще более невыносимо думать, что верх башни отдан чиновникам, — им-то какая разница, где штаны протирать?

Всегда рядом с нами есть что-то, что нам недоступно.

Другая башня видна со многих точек, в частности при въезде в Уфу по железнодорожному мосту через Белую. Сложенная из красного кирпича, с куполообразной железной крышей, эта башня примыкает к ограде мусульманского кладбища со стороны, противоположной месту сгоревшей беседки (см. раздел «Утраченные места силы»). Башня сто-

ит на горе, в месте, самом высоком в этой части берега Белой (рядом среди могил и разросшихся между ними деревьев затерялся тригопункт в виде небольшой вышки из металлических конструкций).

Пройти к башне можно от памятника Салавату Юлаеву вдоль фасада здания школы № 35 и далее в том же направлении. Вертикаль башни все время будет в поле зрения.

...В пустые оконные проемы башни можно зайти внутрь. Там запустение, хлам и мусор. Сверху еще два этажа.

У подножия башни прекрасное — уединенное, ровное и открытое — место для пикника с изумительным видом: река Белая, забельские дали, устье Демы, железнодорожный мост. Небольшая компания вполне уместится на этом пространственном пятчке, если ее не смутит обилие мусора вокруг.

Практически от самой башни можно проникнуть и на территорию мусульманского кладбища, ограда вполне преодолима, — это для тех, кто предпочитает другой вход, кроме главного, или любит пробраться на кладбище ночью.

Но почему башня заброшена? Почему там внутри нет, например, кафе с винтовой лестницей на верхний этаж и обзором вокруг? В силу уникальности своего нахождения башня должна быть восстановлена в виде, доступном для всех.

МАРШРУТЫ ДЛЯ ПРОГУЛОК. ЧЕРНИКОВКА

Вся улица Калинина и некоторые близлежащие тихие, спокойные улицы являются подтверждением того, что в 50–60-е годы XX века строители социализма смогли построить в Уфе свой, довольно обширный, город. Это нечто цельное. Поздних архитектурных вкраплений здесь почти нет. В домах, чьи фасады часто украшены архитектурными излишествами в стиле того времени, отсутствуют лифты, зато там просторные квартиры с высокими потолками. То и дело взгляд пропадает в необъятных, утопающих в зелени дворах, кажущихся бесконечными оттого, что никак они не умещаются целиком в поле зрения. И мне известно место, где в одном дворе вдруг обнаружива-

ешь бюст Серго Орджоникидзе и цветник у его подножия. Пионер с горном и девушка с веслом тоже наверняка где-нибудь затерялись в этих дворах, где так легко быть счастливым в детстве.

Многие дома построены так, что окружают дворы непрерывностью стен. И на границе улица — двор протянулись каменные и металлические ограды, соединяющие дома и дополнительно формирующие четко очерченные внутренние пространства дворов. Иногда, впрочем, дворы здесь перетекают друг в друга, и тогда кажется, что дома теряются в их непрерывной протяженности.

За Дворцом Орджоникидзе два длинных дугообразных фасада домов повторяют большим радиусом линию ограды, замыкающую пространство заднего двора Дворца культуры.

Внутри самого Дворца культуры — редкая для Уфы полукруглая широкая лестница, ведущая с первого этажа наверх, и каждая ступень сужается к внутреннему радиусу и расширяется к внешнему. К бегу по такой оригинальной лестнице надо приспосабливаться.

И вот пространственная взаимосвязь: Дворец культуры машиностроителей, Дворец культуры имени Серго Орджоникидзе и стела Вечного огня в парке Победы находятся на одной прямой, как стрела, линии. Большой плюс градостроителям. Стела в окаймлении деревьев бульвара становится видна вдалеке, стоит обогнуть Дворец Орджоникидзе. А стоит отойти от его фасада на длину аллеи в сторону двух восьмиэтажек, как взгляд — в дальней перспективе — упирается в фасад Дворца машиностроителей. Сам Дворец Орджоникидзе изящно рассекает эту архитектурную ось прямо поперек. Можно было бы даже сказать, что здание Дворца культуры имени знаменитого наркома образует на этой оси умозрительный крест, однако пропорции линий данного пересечения не позволяют притянуть сюда за уши такой символ, да и было бы странно это для строителей социализма.

В парк Победы от Дворца Орджоникидзе ведет прекрасная тихая аллея, обсаженная деревьями. Присутствуют скамейки. Впереди все время видна стела Вечного огня.

В самом парке Победы, кроме вечного огня и памятника Матросову и Губайдулину, есть также танк Т-34 на постаменте, несколько артиллерийских орудий, очень современное и суперсовременное здание музея с оригинальным решением внутреннего пространства, мечеть Ляля-Тюльпан, увековеченные в камне списки Героев Советского Союза и кавалеров трех орденов Славы – уроженцев Башкирии, указания количества жертв в Великой Отечественной войне по городам и районам Башкирии, ухоженные цветники, несколько редких деревьев с экзотической кроной, небольшая горнолыжная трасса, стройные ряды берез, образующие аллеи, иногда встречающиеся белки. С кромки высокого берега Белой, где проложена дорожка с широким бордюром, открывается – прямо – редкий по красоте вид на закат, ибо солнце садится за Белой далеко на равнине, а вправо открывается совсем иной вид – на нефтехимическую индустрию. Очень романтическое место для прогулок. Высокое, ухоженное, весьма и весьма достойное.

Цельность парка Победы со всеми его составляющими как бы символизирует цельность всего этого района Черниковки. Далее, за мостом на проспект, такой цельности и единства Замысла уже нет.

МАРШРУТЫ ДЛЯ ПРОГУЛОК. БЕРЕГ РЕКИ БЕЛОЙ

От остановки Городской дворец культуры надо пройти к улице Блюхера и далее по мостику над железной дорогой на поляну, где по воскресеньям круглый год собирается «радиотуча» — толчок, не верящий никаким помещениям, где за вход надо было бы платить; а тут под открытым небом продавай-покупай, не платя никому. По-прежнему скромно этот толчок не мо- золит никому глаза ввиду уединенности месторасположения, на отшибе.

От этой поляны — с нее, кстати, среди листвы красивый вид — по тропе можно спуститься к реке Белой и уже по ее берегу, по кромке воды двинуться против течения. Прекрасная прогулка в сухую теплую солнечную погоду. Весь маршрут очень живописен.

Скоро оказываешься под Висячим Камнем, и совсем недолго снизу подняться наверх по тропе. Эта скала идеальна для созерцания заката.

К Висячему Камню также можно пройти напрямую от остановки «Театр кукол» минут за 15–20.

Большинство уфимцев никогда не бывало на Висячем Камне и не подозревает о его существовании.

Далее, за Висячим Камнем на берегу есть мощные скальные выступы и огромный валун на пляже, на который несложно забраться.

Также в нескольких местах видны следы попыток забетонировать берег и сделать там набережную.

Очень хорошо здесь, на берегу, осенью.

В начале сентября случаются по-летнему теплые дни, и если в такой вечер, проводив солнце за горизонт около девяти часов вечера, подняться с берега Белой в парк имени Гафури, оказываешься уже в полной темноте, хотя по времени это около 10 часов вечера, — в атмосфере некой феерии. В открытых и освещенных кафе пьют пиво и танцуют. Стучат друг о друга бильярдные шары. Кое-где даже варят приличный кофе. Всюду одна молодежь и девичий смех. Старость спряталась, ее нет на этом празднике жизни.

Одно кафе на уединенной аллее в глубине парка освещено весьма замысловато: вспыхивают и мерцают по кругу огни,

и издалека в темноте это очень фантастическое зрелище.

Из аттракционов для взрослых можно, кстати, рекомендовать старый «Иллюзион» — в первый раз оказаться внутри весьма занятно. А из новых способен впечатлить аттракцион «Камикадзе», где делаешь полные обороты по вертикали и даже останавливаешься в открытой гондоле вниз головой. Женщины визжат, и я слышал, как одна дама воскликнула: «Мама! Роди меня обратно!» Мужчины роняют фразы типа «Ни хрена себе!» Прямо под аттракционом есть открытое кафе, где можно за массивным деревянным столом потягивать пиво и наблюдать весь спектр эмоций на «Камикадзе».

В 2008 г. я не уверен, что аттракционы, развлекавшие публику в 2003-м, сохранились. «Радиотуча», говорят, сменила место дислокации. Висячий Камень и открытые скальные выходы над Белой по-прежнему великолепны. К счастью, сложный рельеф берега делает его малоприспособленным для какого-либо строительства. Благодаря этому в Уфе в черте города сохраняются весьма протяженные лесные массивы по берегам и Белой, и Уфимки.

МЕСТО ДЛЯ ЛЕТНЕГО ОТДЫХА. ДИВНЫЙ ОСТРОВ

Если спуститься по канатной дороге с остановки «Трамплин» на берег Уфимки, можно обнаружить слева оконечность большого заросшего ивняком острова. Воспользовавшись переправой и пере-

плыв реку, надо взять влево и держаться берега, не теряя из виду этот длинный-длинный остров. Менее чем через 15 минут ходьбы в поле зрения сквозь деревья попадет другой, небольшой, остров в протоке между берегом и большим островом. На этот небольшой остров можно перейти при невысокой воде.

Этот остров — как на рекламных плакатах. Только не в океане, а на Уфимке, и вместо пальм тут ивы. Песок — белый, глубокий, совсем без гальки — длинным языком тянется в протоку. Тишина, полная уединенность, здесь нет мусора, как на людных пляжах. Можно пересечь мелкую прозрачную часть протоки и побродить по гальке оконечности большого острова, можно купаться, можно удивляться, что в черте города есть такие дивные места... Я всегда высчитываю, сколько минут ходьбы до этого острова от моего дома, — у меня всегда получается около 30 плюс переправа на лодке или пароме минут 10. Я живу на остановке «Трамплин».

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждый сам должен определить для себя свои места силы в Городе, дабы, бывая в этих местах, подзаряжаться энергией, укрепляться в себе самом и наращивать силу духа. С этим жить легче. Без этого Город может иногда казаться монстром, высасывающим из тебя все твои соки. Чтобы этого не случилось, направляйте себя периодически в свои места силы и носите их в своем сердце.

Запись одиннадцатая. Трамвайная Уфа

Уфа — замечательный город, но я его мало видел. Я жил на окраине у друга и очень хорошо запомнил вид из окошка. Из него были видны два сарая: серенькие, ласково выцветшие, теплые на вид доски; между ними узкий проход в лес; леса было не видно, но он там угадывался, — и много неба над сараями, и еще больше, если заирать голову. Снег во дворике осел и кое-где вытаял, и я впервые увидел землю — подслеповатый взгляд желтенькой обесцвеченной травы. В Уфе стояла прекрасная солнечная погода (конец марта в начале февраля), капало с крыш, на подоконник вспрыгивал Севин черный котик Амур, я его впускал, — мы с ним дружили, но он тут же просился обратно, и я его выпускал. Он мне приятно досаждал этим. Я жил в отдельной комнате. В комнате Севиной сестры; она уже второй год лежала в больнице.

Это был пригород, а раньше другой город, городок. Потом его соединили с Уфой трамваем, и он стал Уфой тоже. Таким образом, Уфа стала очень длинным городом. Бывают такие очень длинные города.

Ехать из Уфы в Уфу надо на трамвае. Можно на чем-нибудь еще, но проще на трамвае. Мне надо было ехать до самого кольца, чтобы попасть домой.

И вот эта длинная езда в трамвае, час, если не больше, по солнцу и весне, с урбанистскими просторами свалок, пустырей и строительства между Уфой и Уфой удивительно запомнилась мне. И при слове «Уфа» я вижу трамвай. Этого мало сказать про Уфу, но это ведь не оскорбление...

Мне нравилось в трамвае. Я понимал, что редко на нем езжу, что он мне мил. Я проезжал мимо гостиницы и мимо цирка, радовавших взгляд более чем столичной современностью. Перед цирком трамвай набивался солдатами, и у цирка они сходили. Строились и маршировали ко входу, который уже поглощал последние шеренги предыдущего десанта... Цирк был построен смелой спиралью, в стиле будущего...

Навстречу катили такие же, как мой, трамваи, и на высоком стуле за просторным чистым стеклом в роли водителя, поглаживая своего рода скипетр, обязательно сидела обязательно молоденькая и хорошенькая башкирка. Так мне, во всяком случае, показалось, что водитель трамвая в Уфе — модная и заметная должность, и они все выходят из трамвая замуж, не успевая подурнеть или состариться, уступив свой трон следующим, чтобы они тоже успели и вышли. Так мне показалось, что трамваи в Уфе водят невесты в трампарк имени Бракосочетания. Это наблюдение могу оставить на своей совести.

Потом я долго ехал мимо бесконечной толстой и мохнатой трубы, проложенной на высоких столбах-подпорах. Труба ритмично выделявала П-образное колено и снова ровно тянулась без конца. Солнце ощутимо грело через стекло. Глядя на эту серую трубу на синем небе, прогревшись и разомлев, совсем я засыпал, а когда просыпался, она опять тянулась, только будто бы с другой стороны... Но когда я снова увидел цирк, поглощавший очередной де-

Андрей Георгиевич Битов родился 27 мая 1937 года в Ленинграде, в семье архитектора. В 1962 году окончил Ленинградский Горный институт. Первый сборник рассказов («Большой шар») вышел в 1963 году. Роман «Пушкинский дом» (1978) целиком был напечатан сначала только в США, и лишь в 1987 году в СССР. В 1979 году Битов был в составе авторов альманаха «Метрополь». В 1988 году участвовал в создании российского Пен-клуба, с 1991 года — его президент. В настоящее время живет в Москве.

сант, я очень разволновался. Я проморгал кольцо.

Так длинная Уфа стала для меня еще вдвое длиннее.

Что же еще? В Уфе делают двигатели для 412-го «Москвича», гордости советского автомобилестроения, столь успешно едущего до самой Австралии... Впрочем, я об этом уже говорил.

Еще там есть химчистка «Улыбка».

В общем, я Уфы не видел. Мне было не до этого...

* * *

Уфа — огромный город, приближается к миллиону, если не миллион. И я спрашиваю, как мне проехать на улицу Карла

Маркса. Я знаю, как на нее попасть в Ленинграде, как попасть на нее же в Москве, я бывал на ней в Калининграде и Ялте, Ташкенте и Петропавловске-на-Камчатке, я бывал на ней еще во многих городах, но не бывал на ней в Уфе. И я спрашиваю, как проехать на улицу Карла Маркса.

Уфа — огромный город, приближающийся к миллиону, если не миллион...

Но мне говорят:

— А какой вам нужен дом?

Я называю. Тогда мне говорят:

— А вы там к кому?

Я удивляюсь, но называю...

— Так вы к Боре!..

И мне объясняют, на что сесть, где сойти, как пройти и какую кнопку нажать...

Уфа многоликая

ДВОР В МОНАСТЫРЕ

12 августа 1980 года в Уфе произошло, на первый взгляд, обычное, а на самом деле историческое событие: родились дети, своим криком возвестившие миру о том, что их город стал «миллионером» и может быть отныне причислен к мегаполисам — крупнейшим городам Европы и Америки.

С тех пор прошло больше четверти века. В столице Башкортостана семь административных районов. Уфимцы привыкли к ним. Кажется, так было всегда. Всегда был проспект Октября, соединяющий север и юг города, «Восьмизатжка», улица Первомайская, Салават Юлаев на вздыбленном коне... Но если дать волю воображению, то за далью столетий можно увидеть совсем другую Уфу: деревянную и одноэтажную, карабкающуюся по склонам оврагов, с куполами церквей.

Каюсь: я долгие годы был равнодушен к краоведам и краеведению. Может быть, потому, что со дня рождения до тридцати шести лет жил в Старой Уфе, на улице Сочинской. Прежде у нее было имя «буревестника революции» Горького. Но когда Уфа объединилась с Черниковском, появились две улицы Горького. Старой Уфе подарили Сочинскую. Между тем первое название улицы — корневое, из вековых глубин — Большая Усольская.

Наш двор № 10 в народе звали КВЖД или Монастырь. Лихие и дерзкие парни из этого двора наводили страх на всю Старую Уфу. Почему его прозвали КВЖД, я знал: немало семей, живших в этом дворе, приехали в 1935 году из Северной Маньчжурии (с Китайской Восточной железной дороги). А вот почему Монастырь?.. В послевоенные годы во дворе была городская больница. Занимала она старинное, непохожее на другие здание. Говорили, что больница расположилась в

церкви, а наш двор — бывшая обитель монахинь. Спустя много лет я узнал, что жил в Благовещенском монастыре, точнее, на его территории.

Строители монастыря выбирали место с умом: двор №10 очень удобно, как в колыбели, «разлегся» над Белой. Потом я понял, какое это счастье жить на берегу реки. Я спускался к ней, когда мне было плохо. И ее воды успокаивали меня.

В детстве, отправляясь пешком по улице Октябрьской революции в центр, мы говорили: «Я пошел в город!» И это, видимо, не случайно. Наш двор напоминал деревню. Каждая семья имела сарай и, как у нас говорили, колодовку. В колодовке — дрова, в сарае — всякая живность: козы, куры, свиньи и даже коровы. Нашу семью во время войны кормила коза Зойка.

Мальчишкой я ходил в Республиканский противотуберкулезный диспансер, где работала моя мать. Там были удивительные медсестры и врачи. Я помню их имена, как таблицу умножения: Огородников, Ракитин, Элькинд, Погодин... Врачи были отменными диагностами и хорошо знали целебную силу слова. Был такой врач — Швей (он ослеп в заключении). Со мной, пятиклассником, Швей говорил как с коллегой. О музыке, литературе, кино. Обращался непременно на «вы».

В начале 50-х гг. прошлого столетия, когда я спешил по утрам на занятия в авиационный техникум, на моем пути из дождя, снега или тумана непременно выступал могучий Троицкий собор (теперь на этом месте Монумент дружбы). Получается, что мое детство и юность прошли у истоков города, у его начал. Уфа вошла в плоть и кровь моих босоногих, не знающих отцов одноклассников. Какое тут еще краеведение?..

Принято считать, что оно воспитывает любовь к Отечеству. Нам это было ни к

чему. Больших патриотов, чем мальчишки военной поры, трудно было отыскать. Они учились и жили в стране, которая раздавила фашизм, и этим гордились.

Уфа никогда не была однородной. Она состояла из множества автономных государств. Это Старая Уфа, где я жил, Архиерейка, Толчок, Нижегородка... У каждой автономии был свой неписанный устав, кодекс поведения и своя, иногда очень жесткая, мораль.

...Забавно: часть улицы Ленина (от парка имени А. Матросова до Главпочтамта — места свиданий) мы называли Бродвеем. Там всегда по вечерам собиралась (кучковалась, как тогда говорили) молодежь. Сейчас, наверное, никто не поверит, но в нашем городе в послевоенные годы на остановках занимали очередь на автобус!

Когда начали строить нефтеперерабатывающие и другие заводы, в город по оргнабору приехали сотни, тысячи крестьян. Они жили в невыносимых условиях. Однако выжили и нарожали детей, которые стали стопроцентными горожанами.

Но вот пришел мой час, и я попрощался с Сочинской. Спасибо первому секретарю ЦК КПСС, председателю Совета Министров СССР Никите Сергеевичу Хрущеву: при нем много строили относительно дешевых пятиэтажек. Началось великое переселение народов. Хрущевки — великое благо. Можно, конечно, над ними потешаться, но когда люди переезжали в них из бараков, они были счастливы.

Одно время отечественные юмористы зубоскалили по поводу коммунальных квартир. Я прожил в такой квартире тридцать шесть лет. Случались, конечно, ссоры между соседями, но в основном мы жили дружно. Всем двором, от мала до велика, выходили на субботники. И в горе, и в радости были вместе.

С возрастом человек начинает идеализировать прошлое, потому что там, в прошлом, осталась его молодость. Мне, разумеется, ближе и теплей Уфа сороковых — восьмидесятых.

За последние годы город удивительно изменился. Он становится краше день ото дня. Мне приходилось общаться с актерами из Омска, Екатеринбурга, Челябинска, Москвы, Петербурга. Всем нра-

вится Уфа. Это белый (по материалу), светлый город, в один голос говорят они.

Сегодняшняя Уфа неустанно преподносит архитектурные сюрпризы. Появляются чрезвычайно интересные оригинальные дома, вставки. У авторов проектов есть и знания, и вкус, и творческая фантазия. Типовые «коробки» меркнут от такого соседства. Одно из уфимских чудес — бывший Дом политпросвещения. Теперь здесь Национальный молодежный театр имени Мустая Карима.

МОСТ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Читаю: «В 1956 году прекратила существование Оренбургская переправа через р. Белую. В канун Октябрьских праздников в торжественной обстановке открылось движение по постоянному автогужевому мосту вместо плашкоутного, наводившегося каждую весну. Это значительно улучшило связь центра Уфы с Демским районом, пригородами и югом республики» (История Уфы. Краткий очерк. Башкирское книжное издательство. Уфа. 1981.).

Рассказывает Иван Семенович Кураков:

«Я начал работать в мостоотряде № 30 в удивительное время, как я теперь понимаю, поистине историческое. В 1952-м году наш коллектив приступил к строительству в Уфе первого автодорожного моста через реку Белую. Люди, проезжающие по этому мосту-красавцу, не догадываются, в каких муках он рождался. Тогда преобладал ручной труд. Пять массивных фундаментов под опорами моста возводились с помощью кессонов. Кессонщики работали в камерах по 4 часа, на глубине до 20-25 метров, под давлением 1,5-2 атмосферы. Они вручную разрабатывали скалистый грунт. Как у нас водится в России, после кессонных работ нарушались правила декомпрессии (постепенного перехода от высокого атмосферного давления к нормальному). Это приводило к страшной кессонной болезни. Ее признаки — боли в суставах и мышцах, головокружение, расстройство речи и даже паралич. В медпункте круглосуточно дежурили фельдшеры. Они по-

мещали заболевших кессонщиков в барокамеры и постепенно, снижая давление с рабочего до нормального, снимали боль, приводили их в обычное, рабочее состояние.

Чтобы кессонщики не ушли в камеру под землю, женщины укладывали в надкессонную часть фундамента бетон. На вооружении у них были лишь совковые лопаты. Мне, молодому мужчине, контролеру лаборатории, стыдно было видеть, как бетонщицы, мокрые от пота, в нижнем белье, брюках и резиновых сапогах орудовали тяжелой лопатой, нагруженной бетоном.

Кессонные и бетонные работы велись круглосуточно, никаких выходных и праздников. Теперь все это в прошлом. Наш мостоотряд построил множество мостов. Но для меня самым главным и неповторимым остается тот, первый».

Была б моя воля, отпечатал бы этот рассказ Куракова миллионным тиражом и вручал его каждому, кто въезжает на мост...

«МОЙ ГОРОД – ЗЕЛЕНый И СВЕТЛый»

— Вы помните, какой мечтали увидеть Уфу ребята в 2000-м году? — спросил я учителя литературы школы «Альфа» Н. Жукову. Вместо ответа она достала из своего архива сочинения восьмиклассников.

Кристина Ибатуллина: «Я много раз пыталась представить свой родной, любимый город в будущем. Большой, зеленый и светлый, он будет наполнен радостью и звонким смехом ребят. Каждый выпускник школы будет иметь возможность поступить в высшее учебное заведение по своему желанию и своим способностям, а не по финансовому положению родителей. Пожилой или больной человек будет получать помощь быстро и безотказно. В Уфе нового тысячелетия будет больше парков, фонтанов, цветников».

Мария Матушина: «Уфа уже сейчас развивается по полной программе. Все больше и больше появляется новых домов, банков, школ, магазинов, ресторанов. Она преобразуется и, конечно же, будет цветущим и привлекательным городом. Но тут многое зависит от нас самих».

Снежана Ляндова: «Я хочу, чтобы в Уфе 21-го века слились два времени, чтобы город был современным, но сохранял приметы прошлого. У каждого человека будет свой дом, своя «крепость». Все вместе мы будем любить и защищать город от бед и напастей».

Павел Перепелкин: «Я очень люблю свой город и надеюсь, что он станет лучше. Нужно поставить хорошие фильтры на нефтеперерабатывающих заводах, чтобы не страдала природа. Пусть не будет скучных, серых «хрущевок», а будут красивые дома. Я хочу, чтобы не только проспекты, но все улицы Уфы, в том числе и маленькие переулочки, были чистыми. Надеюсь, в городе исчезнут как страшные пережитки прошлого СПИД, наркомания, алкоголизм. Снизится преступность, проституция, станет меньше курящих. Каждому уфимцу будет оказываться социальная помощь. Я верю в будущее преобразенной Уфы, но для этого все ее жители должны много трудиться».

ПОДЛИННЫЕ ТАЛАНТЫ СКРОМНЫ

Башкирия, Уфа родила много талантливых людей. Назову для примера три современные знаменитости: это писатель С. Довлатов, В. Спиваков — скрипач и дирижер, А. Болтнев — актер драматической судьбы, поражавший своих коллег и зрителей сосредоточенностью и внутренней силой.

Листая Большую советскую энциклопедию (БСЭ), я познакомился с физиологом академиком Алексеем Алексеевичем Ухтомским. Он был депутатом (1919 г.) Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, лауреатом премии им. В. Ленина (1932 г.) БСЭ умалчивает о том, что Алексей Алексеевич по рождению был князем и, прежде чем поступить в Петербургский университет, собирался стать священником. Его старший брат князь Александр Алексеевич Ухтомский не кто иной, как Уфимский и Мензелинский епископ Андрей.

Его крепость духа и доброе, несуетное отношение к людям удивительны, а нравственные поучения актуальны и сегодня. Он советовал избегать слепого подража-

ния чужим нравам. Без этической основы невозможно процветание государства, его экономики, считал уфимский епископ. В справедливости этого постулата мы убеждаемся на каждом шагу.

Пожалуй, никого так не чтит и не любила православная верующая Уфа, как епископа Андрея. Он был расстрелян в 1937 году.

...Есть в Кировском районе небольшая улица, скорее, даже переулок, имени Героя Советского Союза Александра Матросова. Поразительное, какое-то мистическое совпадение: в 1905 году Уфимская городская дума единогласно постановила назвать эту улицу (тогда она называлась Садовая) именем нашего земляка, героя русско-японской войны лейтенанта Ерма Александровича Маллеева. Губернское начальство постановление городской думы по непонятной причине отменило. Но в 1907 году на Дальнем Востоке был спущен на воду новый эскадренный миноносец «Лейтенант Малеев», названный так по повелению государя императора.

Большие ученые, подлинные таланты скромны. Вспоминается выпускник 11-й школы Альберт Галеев. В 1968 году он приезжал в Уфу, встречался с журналистами газеты «Ленинец», где я тогда работал. Галеев всех очаровал: молодой, демократичный, доктор наук в неполных 28 лет. И ко всему прочему чемпион Новосибирской области по самбо, выступает с научными докладами и лекциями за рубежом...

Альберт Абубакирович Галеев — лауреат Ленинской премии (1984 год), действительный член Российской Академии наук. После того, как академик Р. Сагдеев, женившись на родственнице президента США Д. Эйзенхауэра, отбыл в 1990 году на постоянное место жительства в Штаты, А. Галеев возглавил Институт космических исследований РАН. Таким ученым сам Бог велел гордиться.

Так же, как и выдающимся конструктором Николаем Георгиевичем Пономаревым, который родился и учился в нашем городе. По проекту Пономарева был изготовлен Большой горизонтальный солнечный телескоп. В начале 1941-го телескоп был установлен в Пулковской обсерватории, и Н. Г. Пономарев вместе со своим другом Д. Д. Максutowым были удостоены

Сталинской (Государственной) премии. Один только эпизод из жизни Пономарева говорит о том, что это был человек необычайной силы духа, истинно русский интеллигент.

Сентябрь 1941 года. Немцы педантично обстреливают Пулково. Пономарев, не обращая на это внимания, спешит на местное кладбище, чтобы укрыть могилу с памятником В. Я. Струве — первого директора Пулковской обсерватории, немца по национальности.

Больной и истощенный Николай Георгиевич был вывезен из блокадного Ленинграда, его сняли с поезда и поместили в больницу города Коврова Владимирской области, где он и скончался. Было ему всего 42 года.

Еще одна выдающаяся личность и большая судьба.

1939 год. В уфимском парке проходят городские соревнования учащихся по тушению зажигательных бомб. Командой 1-й образцовой школы (была такая школа на улице Красина) руководит старшеклассник Сергей Романовский. Юношей он ушел на войну, был тяжело ранен. А дальше... «Сергей стал дипломатом», — рассказывал мне известный хормейстер, симпатичный человек и умница Михаил Петрович Фоменков, друживший с Романовским в школьные годы. И вот я узнаю, что Сергей Калистратович Романовский был редактором «Комсомольской правды», секретарем ЦК ВЛКСМ, председателем Госкомитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами, послом в Норвегии, Бельгии, Испании, ректором Дипломатической академии МИД РФ. Каково?

Как было бы здорово, если бы мы знали и помнили тех, кто родился в Уфе и прославил ее.

ДЕПУТАТ, КОЛЛЕКЦИОНЕР

Я часто вспоминаю тех, кто уже ушел. Чуть ли не каждый день: ведь это часть моей жизни.

В начале марта 2005 года в студии телевидения я встретился с депутатом Госсовета РБ Владимиром Лаврентьевичем Кашулинским, своим давним знакомым. Нас пригласили на передачу, посвя-

ценную Международному женскому дню. После записи телевизионной программы мы немного поговорили о том о сем и разошлись по домам.

Прошло совсем немного времени, и я узнаю: Владимир Лаврентьевич умер. Конечно, внезапно, неожиданно. Смерть — всегда неожиданность.

...Задолго до этого печального события мне позвонил энергичный и предприимчивый журналист: «Слушай, мы издаем книгу «Кто есть кто». Напиши странички две о Кашулинском». Я написал, но книжка не состоялась. Недавно среди вороха бумаг нечаянно обнаружил черновик этих двух страничек. Текст я не стал изменять, все оставил так, как если бы Кашулинский был жив.

Владимир Лаврентьевич Кашулинский — бесспорно «белая ворона»: он выбивается из своей среды, из «стаи», чем и интересен. Будучи начальником цеха ОАО «УМПО» (Уфимское моторостроительное производственное объединение), он дерзнул всенародно говорить о былом своем пристрастии к спиртному. Теперь он не выпивает и не курит. Его покойный отец даже плакал оттого, что сын, приехавший к нему на Украину погостить, совсем «не употребляет». Впрочем, Владимир Лаврентьевич и без рюмки может станцевать и спеть.

В моторостроительном объединении, где Кашулинский проработал много лет, он был старшим мастером и начальником цеха (это по правилам игры), начальником отдела кадров и секретарем парткома (это уже некоторое отступление от столбовой дороги). У него, как у многих, есть сад и машина. Но сад запущен, а машиной он не слишком дорожит. Одну машину у него уже однажды украли. Милиция ее, конечно, не нашла.

Кашулинский в свое время был активным корреспондентом многотиражной газеты «Моторостроитель». Как-то раз он, коммунист, выступил в газете с пропагандой Библии.

Есть у Владимира Лаврентьевича еще один «вывих» — он коллекционер. Во всем мире выпущено чуть более 500 значков в честь Ю.А. Гагарина. У него их более 400. Есть и автограф первого космонавта. Особое место в коллекции Кашулинского занимают значки по теме

«Сталиниана» и «Пушкин». Он неплохо знает биографию и творчество великого русского поэта. Владимир Лаврентьевич бывал в Михайловском, Пушкинских Горах, а в Тульчине, где поэт встречался с декабристом Пестелем, он некоторое время жил.

В пятом классе романтически настроенный Володя Кашулинский написал и отправил в Комитет госбезопасности письмо. В нем он объяснился в любви к чекистам и выразил желание пополнить их ряды. Ему не ответили. После окончания Краматорского машиностроительного техникума его призвали в армию и направили в школу радиотелеграфистов. Потом предложили поступить в погранучилище: сработало детское письмо. Повзрослевший Кашулинский отказался.

После демобилизации он вернулся домой, на Украину. Однажды увидел рекламный ролик об Уфе, и его будто подтолкнуло: надо ехать в Башкирию. Так он оказался в УМПО. Дослужился до начальника огромного литейного цеха. Его бросали, как у нас водится, на прорыв. В цехе сборки бензиновых двигателей он придумал равноднемку. По сути это был вахтовый метод. Четыре дня работаешь, четыре отдыхаешь. Для садоводов и женщин — милое дело. Его прозвали фантазером, но производство двигателей подпрыгнуло с 2,5 тысячи до 5-6.

На последний, двадцать восьмой, съезд КПСС делегат Кашулинский отправился с пакетом документов. Разочаровался на все 100 процентов. Ехал домой и думал: «Кто я такой? Бесправный коммунист. Мнение наше никого не интересует».

30 декабря 1994 года Президент Башкортостана М. Г. Рахимов назначил В. Л. Кашулинского главой администрации Калининского района Уфы — одного из самых крупных в городе. В мае 1995 г. Владимира Лаврентьевича избрали депутатом Палаты представителей Госсобрания РБ, позднее — назначили заместителем главы администрации г. Уфы. «Быть с людьми — это, возможно, мое призвание, — говорит мне бывший производственник, а ныне администратор. — Надо внушать человеку, что он — герой и способен горы свернуть».

УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ

Сегодня на землях Старой Уфы стоят дома-гиганты, однообразные плоды стройиндустрии. За ними не разглядеть 19-ю школу. А было время... Глянешь с возвышенности от Монумента дружбы в сторону Сергиевской церкви — кругом «частный сектор», утопающие в садах домишки, а над ними возвышается исполин, большое и крепкое, внушающее уважение здание 19-й школы. Была какая-то высшая справедливость в том, что именно школа — средоточие педагогической мудрости, терпения и доброты — самая заметная, самая большая достопримечательность Старой Уфы.

В наши дни 19-я носит имя Бориса Иосифовича Северинова. Тридцать семь лет проработал он в этой школе. Завучем, директором, учителем. Во многих школах, как известно, в годы войны были госпитали. Не миновала эта участь и 19-ю. И надо же было такому случиться: именно сюда попал на лечение раненный под Ржевом Борис Иосифович Северинов.

В Башкирии юный Северинов оказался как выпускник Тульского педагогического техникума, мобилизованный Наркомпросом на работу в национальной республике. Сначала он был заведующим школой колхозной молодежи села Николаевка Стерлитамакского района. В этой школе кроме него был еще один человек — вот и весь коллектив. При всем желании они не могли вести все необходимые предметы, к тому же никаких учебников не было. Но вот однажды в расписании появился немецкий язык. После долгих уговоров его стал преподавать местный почтальон, побывавший в Первую мировую войну в германском плену. Потом начались занятия по военному делу, потому что в деревню приехал на побывку красноармеец. Сам Борис Иосифович преподавал сельское хозяйство, литературу, рисование и самый главный и ответственный в те времена предмет — обществоведение. Готовился к нему по газетам и книгам. Близость заведующего и школы была буквальной: он жил в каморке по соседству с канцелярией. В ней было все, о чем только мог мечтать молодой учитель: железная кровать, книжный шкаф, письменный стол и стул.

В советское время руководители народного образования с завидной последовательностью принимали решения об укреплении связи школы с жизнью. Бориса Иосифовича они не касались: школьные коллективы, которые он возглавлял, всегда шли в ногу с жизнью.

В Николаевке школьники участвовали вместе с колхозниками «Красного добровольца» «в проведении весеннего сева». Педсовет вынес постановление: «школу с 18 апреля по 5 мая распустил. Потребовать, чтобы обращение с учениками, прикрепленными к бригадам колхоза, было вежливое, и не допускалась никакая ругань...».

Вечерами он учил грамоте колхозников и рабочих совхоза.

Открыли геологоразведчики нефть под Ишимбаем, и Северинов вместе со своими учителями и питомцами спешит к знаменитой скважине № 702. Добрались на лошадях, ладони — в нефть, физиономии измазали друг другу, радости не было предела, как будто сами обнаружили это месторождение.

В Старой Уфе всегда водились хулиганы, шпана. И Северинов организует из старшекласников отряд юных дзержинцев. К десятилетию школы ребята вместе с учителями посадили сад, он был знаменит на всю округу: сотня яблонь, ягодники, цветники. Один из родителей — лесовод по профессии — в честь дочери-первоклассницы привил к яблоне черенок грецкого ореха. Потом пошел в первый класс сын, в саду появилась еще одна такая же яблоня. Всем на удивление, деревья стали плодоносить, правда, плоды вызреть не успевали.

Зато яблони давали отменный урожай. Первого сентября свежими яблоками угощали первоклашек, а излишки продавали потребкооперации. На полученные деньги купили инструменты духового оркестра. Однажды седьмого ноября, в день Великой Октябрьской социалистической революции, духовой оркестр 19-й школы прошел стройной колонной по улицам Старой Уфы. Родители юных музыкантов были на седьмом небе от счастья: «Какие молодцы! Как красиво идут!»

А потом в школьных коридорах воинственный клич трубы стали перебивать серебрястые трели домры и мандолины —

это ребята опробовали новые инструменты, которыми их наградило гороно за строительство гаража.

...Северинов был требовательным и демократичным директором школы. Он снисходительно относился к человеческим слабостям. Авторитет Бориса Иосифовича, педагогов 19-й школы был так велик, что нередко ее выпускники возвращались сюда учителями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОРОДСКОГО СОВЕТА

— Я не хотел бы употреблять такие слова, как «долг», «обязанность». Скажу только, что привык пахать сутками. И когда видишь, что большинство депутатов поддерживают тебя, то понимаешь, что их предавать ты не имеешь права, — так говорил председатель Уфимского городского совета, а ныне еще и почетный гражданин города Уфы Михаил Алексеевич Зайцев.

С женой своей Светланой будущий городской голова познакомился по месту жительства, в общежитии электролампового завода. (Он тогда возглавлял заводской комитет комсомола.) Была, по нормам тех далеких лет, комсомольская свадьба. Поначалу молодожены жили в бытовке, у коменданта общежития, потом им выделили комнату в трехкомнатной квартире. Типичное, характерное для многих советских функционеров начало.

Михаил Алексеевич возглавлял городской совет и исполком в трудное и очень интересное время. Двести депутатов нередко превращали заседания городского совета в митинги. Ораторы не подбирали выражений, для них не существовало авторитетов. Зайцеву доставалось по первое число. В газетах появлялись карикатуры. Журналисты на пресс-конференциях задавали каверзные, неудобные вопросы. Михаил Алексеевич в любой обстановке сохранял самообладание, не раздражался, не терял присутствия духа.

От острых тем и вопросов он не уходил, бывало, пресс-конференции продолжались несколько часов. Зато Зайцев был уверен: журналисту не надо будет, как

факиру, вытаскивать факты из своего рукава — он все, что хотел, узнал от первого лица.

Зайцев немало странствовал по свету, был в Австрии, США, Франции, Германии. Подписывал контракты. Иногда приходилось работать по уплотненному графику и спать по три часа. В те годы были закуплены асфальтобетонная установка, дорожное оборудование, запущена линия по разливу пива, построен модуль по производству колбас на мясоконсервном комбинате, введены в действие мини-пекарни...

Михаилу Алексеевичу довелось выступать в городском парламенте германского города Галле. Депутаты отнеслись к нему настороженно, если не сказать, недоброжелательно. Для выступления Зайцеву отвели всего семь минут. Это сыграло положительную роль. Он досконально продумал свою речь, сконцентрировался на главном, был решителен и собран.

— Нам не нужна гуманитарная помощь, — сказал, в частности, уфимский мэр. — Живется нам тяжело, но мы не хотим побижаться. Готовы на взаимовыгодных условиях сотрудничать с вами в экономической сфере.

Зайцева провожали аплодисментами.

А в союзе российских городов Михаил Алексеевич разочаровался: в его деятельности преобладала, увы, политика.

В пору зарождения рыночных отношений уфимский мэр не очень симпатизировал тем, кто занимался бизнесом «купи-продай». Ему больше были по душе производители, созидатели. И еще. Он старался быть объективным и оценивать человека не по его характеру, иногда довольно скверному, а по деловой хватке.

...Свободного времени, понятно, у Зайцева было немного. Но на волейбол он его находил. Как-то ветераны волейбола провели турнир трех городов: Бирска, Уфы и Благовещенска. Уфимцы победили.

Зайцев признавался, что любит исторические романы и прозу военных писателей, стихи Блока, Ахматовой и Есенина. Мечтал добраться до детективов — хорошее средство от усталости.

УЧЕНЫЙ-МЕНЕДЖЕР

Мы познакомились в 1998 году. Тогда Институту проблем нефтепереработки Академии наук Республики Башкортостан было 42 года. Столько же и его директору — Эльшаду Гумеровичу Теляшеву. По чисто внешним приметам Теляшев родился в сорочке. В 35 лет он уже доктор технических наук. Позднее профессор двух университетов — Башкирского государственного и Уфимского нефтяного, член совета директоров Топливо-энергетического комплекса и экспертного совета Кабинета Министров РБ.

Лучше других о нем говорил, пожалуй, такой факт: Эльшад Гумерович руководил межвузовской лабораторией, которая моделировала управление технологическими процессами. Она не имела своего помещения, ее никто не поддерживал материально. В этом, если угодно, было знамение времени: ничего ни у кого не просить, не хныкать, зарабатывать самим.

Вопрос: зачем Эльшаду Гумеровичу понадобилась эта лаборатория? Разве в Институте проблем нефтепереработки не было проблем? (Такой вот получился каламбур.) Сколько угодно, но так уж он устроен: ему хотелось все испробовать и везде добиваться результатов. В полемическом пылу Теляшев утверждает, что он по натуре не ученый, а организатор, управленец. В школе и нефтяном институте был комсоргом. Комсомольской карьере помешали длинные волосы, компрометирующие хрестоматийный образ советского молодого человека, и своенравный, независимый характер. Он отвоевал для себя право свободного посещения института и хотел, чтобы оно распространялось на всех.

С наибольшей полнотой его организаторские способности раскрылись в стройотрядах. Начинал он рядовым бойцом, а закончил руководителем интернационального лагеря в Башкирии и ГДР.

В 70-е годы по школам и вузам пронеслась эпидемия: мальчишки-битломаны взяли в руки электрогитары и запели. Эта напасть привела Теляшева-студента в клуб самодельной песни. Он долгое время возглавлял его. Институтские барды работали на славу, как профессиональ-

ные артисты. Случалось, давали по 250 концертов в год. Пристрастия в музыке? Кроме А. Градского и Ю. Шевчука, — это джаз, «Led Zeppelin», «Deep Purple», «Queen».

«Лестница в небо» — так, кажется, называется одна из самых знаменитых композиций «Свинцового дирижабля». Взбираясь по ней, в августе 1997 года Теляшев оказался в кресле директора института проблем нефтепереработки. У него появилось больше возможностей реализовать свои планы, идеи, но и забот невпроворот. Экономическая нестабильность, конкуренция на сырьевом рынке, политическая конъюнктура — кажется, были все условия для того, чтобы посадить институт на мель. На опытном заводе, принадлежавшем институту, крупнейшему в России, 150 уникальных пилотных установок были законсервированы. Не было заказчиков с деньгами. Но завод дышал, работал, жил. Он выпускал превосходный тосол (охлаждающую жидкость), мастики, битумные эмульсии, омыватели для стекол.

В двусмысленном, непривычном для себя положении оказался Теляшев. В институте было много «стариков». Один из них, Генрих Артурович Берг, начал здесь работать в тот самый год, когда Эльшад родился. Берг писал отзыв на его дипломный проект, рецензировал кандидатскую и докторскую диссертации. И вот он, Эльшад Гумерович Теляшев, должен был его озадачивать. Он улавливает «стариков»: они молоды духом, быстро реагируют на перемены и, это главное, у них железное воспитание. Получил задание — выполнил его точно и в срок.

Тревожило другое: рынок жесток и бессердечен, ему противопоказана гуманитарная уравниловка. Привыкшим к государственному финансированию и государственным заказам специалистам нелегко усвоить ту истину, что отныне их знания и интеллект — не что иное, как товар, и его надо наиболее выгодно продать. Ученому приходится заниматься коммерческой деятельностью. Искать покупателей, размещать рекламу, участвовать в тендерных торгах. Теляшев твердо убежден, что институт не может содержать отдел, который не обеспечил себя работой. Это без-

нравственно по отношению к другим со-трудникам.

Став директором института, он, конечно же, в чем-то и проиграл: такова логика жизни. Некогда почитать, посмотреть хороший фильм. Когда ему звонит приятель, которому хочется поделиться новостями, он ему говорит: «Извини, у тебя тридцать секунд».

— Многие наши с вами соотечественники с каким-то патологическим упорством твердят об отсталости России. Что вы на это скажете? — спросил я Теляшева.

— Не каждая страна может сделать и запустить ракету. У нас это получается, — ответил он. — Я бы не стал распространяться о нашей слабости. Пока нам тяжело, но мы выдюжим, как бывало уже не раз.

ХОРМЕЙСТЕР

Тяжелая массивная дверь приоткрылась, и в бельэтаж оперного театра неслышно проскользнула женщина в строгом темном костюме. На сцене ликовали египтяне по случаю победы над эфиопами. Не замечая зрителей, женщина подошла к барьеру. Казалось, она готова была перепрыгнуть через него, чтобы оказаться в толпе египтян. Всем своим существом она была на сцене. Солисты, кажется, ее не очень интересовали. Но стоило запеть хору, как она вся сжималась от напряжения. Лицо менялось каждую минуту, выдавая все оттенки переживаний: радость, огорчение, удовлетворение.

Завсегдатаи оперы без труда узнали бы в этой женщине Эльвиру Хайретдинову Гайфуллину — главного хормейстера Башкирского государственного театра оперы и балета.

Хор театра она возглавила, будучи опытным, сложившимся дирижером.

Впрочем, что значат знания, опыт, талант, если тебе вручают коллектив, который и коллективом-то нельзя назвать, — так, разношерстная компания. И катастрофически не хватает мужчин.

На гастролях в Мурманске уфимцы ставили «Князя Игоря» А.Бородина. Эльвира Хайретдиновна приклеивала себе

усы, бороду, надевала кафтан и выходила вместе с «мужиками» на сцену.

В хоре было много «балласта». Гайфуллина взялась освобождаться от него: писала директору докладные, увольняла тех, кто не хотел работать, собирала компромат на пьянчужек и нарушителей дисциплины. Среди пьяниц был талантливый артист. Ему хотелось как-то помочь. После репетиции Эльвира Хайретдиновна спешила к нему домой, накупала продуктов, выгоняла собутыльников и пыталась его накормить...

Гайфуллина боялась остановиться в своем развитии, быть неинтересной коллегам, всем тем, с кем ей приходилось работать и жить. Она училась у незаурядных, талантливых людей — основателя Башкирской хоровой капеллы Тагира Сайфуллина, дирижера Ярослава Вощика, который осуществил в Башкирском государственном театре оперы и балета несколько постановок и раскрыл ей тайны оперного искусства.

Хор оперного театра становился высокопрофессиональным, дисциплинированным, слаженным коллективом, который мог выполнить любую творческую задачу: спеть спектакль, исполнить рекем, кантату, спичуэлс (духовные песнопения американских негров) или эстрадную песню. Он поистине универсален и многолик.

...Иногда мне кажется, что хормейстер — самая удивительная, самая фантастическая профессия в мире. Вот раздвигается занавес. На сцене хор — стоглавое, своенравное, капризное существо, которое надо укротить, сделать послушным, ручным. Хормейстер взмахнула рукой, и хор — 80-100 человек — запел, покорный каждому ее жесту. 80-100 человек... У каждого свой голос, характер, своя судьба. У каждого свой мир, в который трудно достучаться. Надо их всех объединить своей волей и... музыкой. Сделать это очень непросто, когда от сопрано ушел муж, баритон закодировался от пьянства, бас считает себя Шалагиным, а сын меццо-сопрано погряз в двойках. Но она, хормейстер, поможет им забыть свои невзгоды и обиды. Они выйдут на сцену и расстроят самые сокровенные, самые чувствительные струны человеческой натуры. И люди, собравшиеся в зале, какое-то время про-

живут в мире гармонии, красоты и сильных страстей. Они доверяются музыке и забудут обо всем. Уж хормейстер об этом позаботится.

ИМЯ В ЗОЛОТОЙ КНИГЕ

...Уфа, декабрь 1999 года. В Малом зале Башгосфилармонии юные виолончелисты — ученики средней специальной музыкальной школы-лицея — дают концерт в честь своего педагога Марка Данатовича Афанасьева. 20 лет работает он с детьми. И музыкальное приношение ребят было щедрым: Бах, Сен-Санс, Чайковский, Римский-Корсаков.

Такие концерты, очевидно, случаются раз в 20 лет. Исполнители и слушатели — единое целое. На сцене — желторотые гении, а в зале — волнуются, сопереживают, восхищаются — их бабушки и мамы.

Марк Данатович излучает доброту и любовь, терпение он оставил за кулисами, в классе на улице Пушкина.

Учитель выступил в дуэте с Антоном Павловским, в ансамбле со своими питомцами. Девять виолончелистов исполнили маленький шедевр — русскую народную песню «Лучинушка». Так искренне, проникновенно, с такой самоотдачей, что у присутствующих перехватило горло от восторга.

Антон играл больше других. Он выкладывался до конца...

Павловский прожил тот год с удивительной для молодого человека интенсивностью. Он много учился, участвовал в различных конкурсах (и чаще всего побеждал), давал концерты.

Февраль. Павловский едет в Оренбург, занимается в мастер-классе у Мстислава Ростроповича, играет ему концерт Сен-Санса. Внимает советам маэстро. Удостаивается его похвалы.

Март. Российская столица. Антон участвует в конкурсе «Юношеские ассамблеи искусств».

Апрель. Снова Москва. Фестиваль «Русская исполнительская школа — XXI веку».

Май. Опять Оренбург. Конкурс имени Леопольда и Мстислава Ростроповичей. Антон завоевывает Гран-при. Московский профессор — председатель жюри — слегка обескуражен: кто бы мог подумать, что в Уфе есть такие таланты и педагоги?

Июнь. По приглашению московского артистического общества Антон вместе с Марком Данатовичем Афанасьевым отправляется в тихий городок Московской области — Рузу. Две недели они живут на даче Дмитрия Шостаковича, посещают занятия профессоров Московской консерватории Натальи Шаховской и Аллы Васильевой.

В том же месяце Антон появляется во Франции, на фестивале в Кольмаре, который ежегодно проходит под патронажем Владимира Спивакова. Он выступает в нескольких концертах со своей сольной программой.

Июль. Антон в Цюрихе. Берет уроки у профессора Берлинской академии музыки Эберхарда Финке.

Сентябрь. Павловского приглашают в Королевство Норвегия. Там в торжественной обстановке ему вручают виолончель работы французского мастера XIX века...

Эта история началась летом 98-го, во время гастролей Антона в стране фьордов. Один из концертов проходил на родине Эдварда Грига, в Трольхаугене. Местные журналисты бросили клич: «Подарим мальчику из России виолончель, достойную его таланта». Норвежцы собрали 2,5 тысячи долларов.

С новой виолончелью Антон объехал все королевство. За три недели он дал 18 сольных концертов.

Ноябрь. Харьков устраивает фестиваль «Музыка — наш общий дом». Выступления 14-летнего виолончелиста из Башкортостана имеют оглушительный успех. Слушатели вызывают Антона по 5-6 раз на бис.

И вот узнаю: имя Павловского занесено в Золотую книгу Башкортостана «Новые имена. XX век — XXI веку».

Андрей Платонов в Уфе

С октября 1941 по июль 1942 года в Уфе жил и работал в эвакуации один из самых загадочных и, может быть, «непрочитанных» русских писателей двадцатого века Андрей Платонович Платонов. Под небом Башкирии он не только написал свой первый военный рассказ, но и создал книгу с символическим названием «Под небесами Родины», которая вышла в 1943 году.

* * *

Во второй половине октября 1941 года в московскую квартиру писателя Андрея Платонова (настоящая фамилия Климентов) на Тверском бульваре пришли неожиданные гости — сотрудники КГБ и сказали, чтобы он сейчас же собирался и ехал на вокзал. Назвали предстоящий маршрут поездки и номер вагона.

«...Война, эвакуация. Андрея с семьей эвакуировали как-то уж очень срочно, даже не дали времени собраться, — вспоминала сестра жены писателя, В. А. Трошкина. — А у них ни денег, ни вещей теплых. На Андрея было летнее пальто, сестра и теща тоже полураздетые. И поехали они (А. П. Платонов, его жена и теща) в Уфу».

Категоричность посетителей Андрея Платонова, потребовавших срочно освободить московскую квартиру, можно объяснить. Произведения писателя давно уже вызывали недовольство и гнев Сталина. В 1929 году он отругал Фадеева за напечатанный в журнале «Октябрь» рассказ Платонова «Усомнившийся Макар». На опубликованной двумя годами позже повести «Впрок» («Бедняцкая хроника») генсек собственноручно начертил: «Сволочь!», а слово «бедняцкая» заменил «кулацкая». (К слову, экземпляр журнала со словами генсека до сих пор не найден.)

Судьба писателя была изломана росчерком вождя. Запрещали печатать книги, в том числе главную книгу — «Чевенгур». Платонов не сломался. Он продолжал работать. Но жить семье было не на что. В течение ряда лет писатель бедствовал. И вот эвакуация из Москвы.

В дороге было голодно. Скульптор Ф. Ф. Сучков, обожавший писателя, встретил его на одной из станций, во время вынужденной остановки. «Я выхожу, — пишет он, — и вижу — идет Платонов, его жена и теща, которую он любил. Оказалось, что все ехавшие в его поезде получили питание, а Платонов не получил ничего. Они ходили на базар, но ничего не смогли купить. Деньги уже ничего не значили, а шел только обмен. Я побежал в ближайшую от станции деревню и выменял на кусок мыла булку хлеба и отнес ее Платонову... Запомнилась его сжавшаяся, смятенная фигура, поношенное пальто, какая-то неловкость, что ли, стеснительность во всем облике». И снова больно ударила Андрея Платонова судьба-злодейка. Украли у него в дороге самое дорогое, что вез он с собой, — рукопись романа «Путешествие в человечество», чем он очень дорожил. Андрей Платонов написал его по заказу журнала «Октябрь» после путешествия из Ленинграда в Москву, проехав в феврале 1937 года той же дорогой, что и Радищев. Коричневый чемоданчик с рукописью на ночь Платонов привязывал к руке, когда лежал на верхней полке. И однажды этот чемоданчик в дороге украли, то ли срезали с руки, то ли еще как... Это была трагедия. Платонов считал будущую книгу самой значительной.

* * *

«В Уфе — городе, буквально распираемом в те месяцы потоками приезжих,

Дом, в котором жил А. Платонов в г. Уфе

вывезенных из Москвы и Киева, Ленинграда заводов и вузов, эшелонами раненых и эвакуированных детских садов, — Платонов увидел, что река гнева и горя народа не ушла бесплодно в песок, не изошла вдовьими и сиротскими слезами. Беседуя с чуткими и добрыми людьми, приютившими его, платоновскую семью, обычную семью «подселенцев», встречаясь с ранеными в госпиталях, получая скудный обед в столовой: мука с водой на первое, каша-сечка на второе, — писатель видел, как зреет грозная, карающая сила отпора...». Так передает обстановку того времени биограф Платонова В. А. Чалмаев.

В незнакомом городе семья Платоновых поселилась в деревянном домишке под номером 35 по улице Амурской. Жили в доме Зоя Никитична Фукалова и Тамара Ильинична Ситникова (адрес «платоновского» дома и фамилии домовладельцев установила журналистка Тамара Рыбченко). Дом этот сохранился. Он находится неподалеку от бывшего «Красноярского рынка» («Толчка»).

Чтобы эвакуированные смогли сносно устроиться, Фукалова с четырехлетней дочкой перешла жить в детский садик, где работала художником. Свою комнату в пристрое оставила Платоновым. В не-

большой комнате, выходящей окнами в яблоневый сад, и жил Андрей Платонов с женой. Теща — Мария Емельяновна спала в кухне на сундуке.

«В Уфе Платоновы жили ужасно, — вспоминает сестра жены писателя В. А. Трошкина. — Есть было нечего, продавать нечего. Вскоре приехал сын Тошка (Платон) со своей Тамарой, насквозь простуженный. Ехал в теплушке, в легком пальто. После тюрьмы был еще слаб. В Уфе его сразу направили в военкомат проверять. Тоша им говорит, что у него горло болит, а ему на это — здоров как бык, симулянт! Прошло два месяца, и он совсем свалился, — началась скоротечная чахотка. А кормить, поддерживать Тошу нечем. Осталось много трагических писем той поры от Андрея и сестры ко мне в эвакуацию и к мужу в Москву, где его оставили в народном ополчении...»

У сына писателя судьба тоже была трагичной. В четырнадцать лет его арестовали и в 1938 году по статье за политические анекдоты сослали на Север на десять лет. Приписывали ему и то, что он якобы хотел взорвать Кремль, убить Сталина. Но Мария Александровна не без оснований полагала, что он был осужден за отца. Благодаря заступничеству Миха-

ила Шолохова, друга писателя, удалось вернуть сына раньше срока. Произошло это за полгода до начала войны. Он устроился на работу, женился. И вот вместе с родными оказался в Уфе.

В такое время произошла встреча московской писательницы Е. А. Таратута с Платоновыми. «Началась война, — пишет она. — Я должна была везти маму (она болела) из Москвы в Уфу. Приехала туда и вдруг узнаю, что Андрей Платонов тоже в Уфе. Я нашла их адрес, пришла к ним в холодную комнату. Он сидел с Марией Александровной, не зная, что делать дальше. Но он там стал заниматься башкирскими сказками. Это его интересовало, а потом надо было на что-то жить. Как и во все времена, он писал, хотя надежды на публикацию не было. Писал он карандашом на листах простой белой бумаги...»

* * *

Весной и летом 1942 года писатель часто приходил на крутой берег Агидели, любовался прибельскими просторами, Демой, воспетой Сергеем Тимофеевичем Аксаковым.

С 1936 года Платонов пишет и публикует литературно-критические статьи и рецензии в журналах под псевдонимами А. Фирсов, Фома Человеков, А. Клементов. Он пишет о Пушкине и Горьком, Николае Островском. Журналы «Литературный критик», «Литературное обозрение», «Детская литература» с его статьями о Джамбуле, В. Ирвинге, Ю. Крымове, А. Грине, П. Бажове, В. Козине, К. Горбунове выходят вплоть до декабря 1941 года. С некоторыми своими публикациями в этих журналах он впервые знакомится в эвакуации, в Уфе.

Так было и с небольшой статьей-рецензией, которую он написал в 1941 году, до отъезда из Москвы, прочитав книгу С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», вышедшую в Детиздате.

Статья интересна тем, что автор, может быть, впервые обратил внимание на семью — главную суть произведений Аксакова. «Древнее учреждение семья — составляет сущность произведений Аксакова, — пишет Андрей Платонов.

В чем же тайна долговечности «Семейного учреждения»? — Во-первых, ви-

димо, в том, что семья позволяет человеку любой эпохи более устойчиво держаться в обществе, чем если бы не было семейного института; ограничивая в человеке животное, семья освобождает в нем человеческое. Во-вторых, в том, что семья служит не самоцелью, но питает, как источник, более широкие и высокие сферы жизни человека. Какие же именно? Чувство родины и патриотизма.

— Этому чувству родины и любви к ней, патриотизму человек первоначально обучается через ощущение матери и отца, то есть в семье, — продолжает А. Платонов. — Особая сила «Детских годов Багрова-внука» заключается в изображении прекрасной семьи, вернее целого рода, то есть преемственности двух семейств, переходящих в будущую, третью, — через посредство сына и внука: семья показывается через результат — ребенка, что наиболее убедительно. Именно в любви ребенка к своей матери и к своему отцу заложено его будущее чувство общественного человека; именно здесь он превращается силою привязанности к источникам жизни — матери и отцу — в общественное существо, потому что мать и отец в конце концов умрут, а потомок их останется — и воспитанная в нем любовь, возженное, но уже не утоленное чувство обратится, должно обратиться, на других людей, на более широкий круг их, чем одно семейство. Сиротства человек не терпит, и оно — величайшее горе.

Стало быть, в том, что семья является школой понимания родины, школой воспитания органической верности и привязанности к ней, заключается одна из главных причин долговечности семьи.

Статья-рецензия Андрея Платонова небольшая, меньше трех книжных страниц. Но ее не пересказать своими словами с целью сокращения. Автор ненавязчиво подводит к тому, что «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» могут дать больше, чем многие социологические и прочие исследования.

* * *

Новые испытания не сломили Андрея Платонова. И в Уфе он жил в своем

«прекрасном и яростном мире» — мире, где опоэтизированы, узаконены самые возвышенные и дерзкие мечты человека о братстве людей, о душевной щедрости, о любви к человечеству. Здесь нашел он героев своих рассказов: черноморского моряка Семена Саввина, крестьянина Ягафара, постиг красоту башкирских сказок.

Сын многодетного слесаря из Ямской слободы на окраине Воронежа (родился 1 сентября 1899 года), участник Гражданской войны, помощник машиниста, писатель, — Платонов не мыслил своей судьбы отдельно от судьбы Родины.

Сразу же после приезда в Уфу Андрей Платонов стал добиваться разрешения на возвращение в Москву, в Союз писателей. Там он надеялся получить назначение в армейскую газету и выехать на фронт. Ну а пока вызова не было, писатель работал. Выступал перед ранеными в госпиталях, незаметно — и в первую очередь для себя — собирал материалы о сражающемся народе.

О своих беседах с будущим героем рассказа Саввиным Андрей Платонов вспоминает так: «Мы сидели в траве, на склоне отлогой балки, нисходящей к реке Белой. Перед нами, на той же стороне балки, вжались в землю мирные деревянные жилища: и от них зачинались картофельные огороды, спускающиеся вниз по падению земли. Вдалеке по небу плыли облака над синими холмами Урала, столь ослепительно чистые от освещающего их солнца, что они казались святыми видениями. А под теми облаками лежала открытая беззащитная земля, в труде и терпении непрерывно рождающая благоухающие нивы для жизни людей».

Мне кажется, что проходили эти беседы где-то около спуска в Архиерейскую слободу, там, где ныне так называемый Белый дом, Дом Правительства.

Герой рассказа Семен Саввин, недолечившись, отправляется искать родных, оставшихся на оккупированной территории, но погибает. А писатель, простившись с ним, ощущает свой долг:

«Я поцеловал его, я попросился с ним навеки и пошел выполнять его задание о несокрушимой броне. Но самое прочное вещество, оберегающее Россию от смерти, сохраняющее русский народ бесмертным, осталось в умершем сердце этого человека».

Во время Великой Отечественной войны в Уфе находилась группа московских писателей. Они создали свою секцию, проводили обсуждение рукописей, творческие вечера. В начале 1942 года прошел первый вечер, посвященный повести Сергея Розанова «Новые реки». Повесть была прослушана с большим интересом. 18 марта на собрании секции выступил Андрей Платонов. Состоялся творческий отчет писателя. Кстати, Корнелий Зелинский, журналист и литературовед, сотрудничал в «Красной нови», где рассказ Платонова и его самого уничтожил Сталин. Как он мог войти в доверие и даже бывать у него дома? Видимо, прав Газим Шафиков, сделав его отрицательным героем повести. Его антифашистские рассказы «Железная старуха», «Дед солдат», «Божье дерево», «По небу полуночи» высоко оценили Елена Ильина, А. Кононов, Б. Турганов, журналисты «Красной Башкирии» и другие слушатели. Они назвали рассказы подлинно поэтическими произведениями, попросили Андрея Платонова выступить еще раз, прочесть другие произведения.

О его выступлении с отчетом на секции сообщила газета «Красная Башкирия». В Уфе был не только написан первый военный рассказ «Броня», но и в начале 1943 года вышла первая книга Платонова военных лет «Под небесами Родины», набранная в типографии «Октябрьский натиск». Книга открывалась рассказом «Крестьянин Ягафар».

«Он был самым старым человеком в районе, а может быть, и во всей Башкирии, — пишет А. Платонов, — и его звали все чаще не по имени Ягафар, а по старости — бабаем, что означает по-башкирски «дедушка, старик». Председатель и многие другие колхозники ушли на войну, и стал Ягафар председателем колхоза».

В. А. Чалмаев так оценивает этот рассказ:

«С глубоким уважением и любовью к башкирской земле, к национальной культуре и особенно трудовым традициям народа рисует Платонов старого Ягафара. Он из тех простых людей, в которых идеи о жизни, добре и зле, великое чувство неостановимости жизни живут как искры в кремне во всем их существе».

«Всемирной войны Бабай тоже не испугался: он давно чувствовал, что где-то

посредине земли зреет смертное зло, и теперь оно вышло наружу, в войну... Бабай чувствовал нарастающее всемирное зло по людям, по томлению их тихих сердец, все более скупно берегущих свое счастье, свое семейство и свою родную землю», — этот поток чувств и героя и самого писателя говорит о чудесном даре Платонова: даре разумения других сердец, неторопливого «сложения» мысли, как песни, из трудового опыта, традиции, сказки, которая извечно жила в башкирских стенах, под кровом самой бедной семьи. Зло вышло наружу — «теперь настала пора уничтожить его вблизи, чтобы люди больше не боялись жить на свете...». Это нравственно-философское решение героя — голос и мысль самой земли, оскорбленной фашистским нашествием, терявшей в те дни лучших сыновей на оплавленной, огненной черте фронта».

Выход книги опального писателя А. Платонова «Под небесами Родины» в Уфе — неординарное событие. Нужно было мужество, если хотите, и руководство писательской организации, и секретаря обкома партии по пропаганде и агитации А. Н. Усманова. Вероятно, решающую роль сыграл Абубакир Нурьянович, знаток башкирского фольклора, еще в 1939 году издавший сборник «Башкирские народные сказки». С его помощью, наверное, получил материалы для литературной обработки башкирских народных сказок и сам Платонов. Помните воспоминания писательницы Е. А. Таратута: «В Уфе он стал заниматься башкирскими сказками. Это его интересовало, а потом надо было на что-то жить».

А это письмо от 6 июня 1943 года адресовано в Москву, куда вернулась из Уфы жена (с октября 1942 г. Платонов — фронтовой корреспондент «Красной Звезды»): «Дорогая моя жена Маша! Я под Курском. Наблюдаю и переживаю тяжелейшие бои.

Как ты там живешь, одинокая моя? Я так по тебе соскучился, так много есть чего рассказать, так много есть чего написать. А главное, я так тоскую о холмике земли на Армянском кладбище...».

На кладбище похоронен двадцатилетний сын Платон, сгоревший от туберкулеза в январе 1943 года. (Рядом с ним будет похоронен в 1951 году и сам Андрей Платонов).

Платонова не только не печатали, но даже боялись пускать на порог редакций журналов. Поэтому, тихо пристроившись во флигеле Литературного института, он шкрябал куцеватой метлой по дворику, сметая в кучу листву, хранившую отпечатки подошв непризнанных гениев и известных графоманов. Паустовский, тяжело вздыхая, показывал через стекло студентам на этого невзрачного человека, говорил:

— Вот он, настоящий гений русской литературы. — И вновь повторял: — Запомните. Это гений!

Слова Паустовского оказались пророческими. Сейчас на здании Литературного института висит памятная доска, гласящая, что в этом доме жил и работал писатель Андрей Платонов. Лучше было бы написать, что в этом здании влачил жалкое существование отторгнутый всеми дворник Платонов.

После демобилизации из армии он вновь с искренним увлечением занялся литературной обработкой, точнее пересказом, башкирских народных сказок. Писатель стремился сохранить башкирский колорит. Андрею Платонову была предоставлена возможность воспользоваться текстами сказок института истории, языка и литературы, собранными башкирскими фольклористами (ныне архив Уфимского научного центра Академии наук России). В 1947 году в Москве вышел сборник «Башкирские народные сказки» в литературной обработке Андрея Платонова. В него вошло восемнадцать сказок. По всему видно, что писателя увлекли добрые и хитровато-наивные сказки. В них народная совесть вершила свой суд над злом, «спасала» добрые души и карала злые сердца. В лесах, водах, степях были, согласно сюжетам сказок, свои «хозяева». Составителем сборника стал А. Н. Усманов. Предисловие написал член-корреспондент Академии наук Союза ССР профессор Н. К. Дмитриев (имя его носит одна из улиц Уфы). Его редакторское «Введение» к сборнику башкирских сказок, подготовленных А. Г. Бессоновым (издан в 1941 году), до сих пор считается первым обобщающим трудом по башкирскому фольклору. В статье была дана классификация башкирского сказочного эпоса по циклам и жанрам, гово-

рилось об особенностях сказок в отношении языка, стиля. Участие крупного ученого в подготовке платоновского сборника придавало особую ценность изданию.

Наиболее полный сборник, включающий 24 сказки в литературной обработке Андрея Платонова, вышел в Уфе в 1969 году (редактор Борис Павлов). Книгу послали в Москву вдове писателя Марии Александровне. Она прислала Б. Н. Павлову теплое, благодарственное письмо, но, к сожалению, о жизни Платоновых в Уфе не упомянула.

* * *

К сожалению, уфимский период жизни Андрея Платонова остается «белым пятном» в его биографии, мы не прочь «козырнуть» при случае, что в Уфе бывали такие великие люди, как Андрей Платонов. Но никого из литературоведов Башкирии не заинтересовал вопрос: а чем же он занимался на башкирской земле, что написал, какие были планы?

Этой стороны биографии писателя вскользь коснулся московский критик Виктор Чалмаев. В Воронеже живет, например, писатель и ученый Олег Ласунский. Он работает над книгой о своем земляке Андрее Платонове. Естественно, он не мог не коснуться уфимских страниц биографии писателя.

Ласунский считает, что месяцы, проведенные Платоновым в Башкирии, требуют внимательного изучения. Нужно обратить внимание на переписку, которая велась регулярно. Уже обнародованы тексты некоторых писем, отправленных в Уфу: они приведены в статье-обзоре В. А. Шошина, помещенной в книге «Творчество Андрея Платонова» (СПб., 1995). В Уфу из Москвы и других мест шли весточки от близких Платонову лиц из писательской и редакционно-издательской среды — Л. И. Гумилевского, Э. Л. Миндлина, Я. С. Рыкачева, В. Елагина и других. Из этих писем видно, что в Уфе Платоновым было написано немало произведений, в их числе и один из самых оригинальных рассказов о войне — «Неодушевленный враг». Платоновские письма из Уфы родственникам, в частности свояку

П. А. Трошкину, могли бы воссоздать картину его интенсивного творческого труда в башкирской столице.

* * *

«...Первый литературный импульс — вот с чего я начну.

Это было в октябре 1941 года. Башкирия, Уфа, эвакуация, мне — три недели. Мать шла с коляской по бульвару. И тут ее остановил незнакомый человек.

Мать говорила, что его лицо было некрасивым и грустным. А главное — совсем простым, как у деревенского мужика. Я думаю, оно было еще и значительным. Недаром мама помнила его всю жизнь.

Штатский незнакомец казался вполне здоровым.

— Простите, — решительно и смущенно выговорил он, — но я бы хотел ущипнуть этого мальчишку.

Мама возмущилась.

— Новости, — сказала она, — так вы и меня захотите ущипнуть.

— Вряд ли, — успокоил ее незнакомец. Затем добавил: — Хотя еще минуту назад я бы задумался, прежде чем ответить...

— Идет война, — заметила мама уже не так резко, — священная война! Настоящие мужчины гибнут на передовой. А некоторые гуляют по бульвару и задают странные вопросы.

— Да, — печально согласился незнакомец, — война идет. Она идет в душе каждого из нас. Проходите. — Затем добавил: — Вы ранили мое сердце...

Прошло 32 года. И вот я читаю статью об Андрее Платонове. Оказывается, Платонов жил в Уфе. Правда, очень недолго. Весь октябрь 41-го года. И еще — у него там случилась беда. Пропал чемодан со всеми рукописями. Человек, который хотел ущипнуть меня, был Андреем Платоновым.

Я поведал об этой встрече друзьям. Унылые люди сказали, что это мог быть и не Андрей Платонов. Мало ли загадочных типов шатается по бульварам? Какая чепуха! В описанной истории даже я — фигура несомненная! Так что же говорить о Платонове?! (Сергей Довлатов. «Ремесло», часть I. «Невидимая книга»).

Город моей мечты

Детство мое послевоенное прошло под городом Ишимбаем в рабочем поселке нефтяников, неподалеку от которого находилась башкирская деревня Термень-Елга. В моих воспоминаниях эти два населенных пункта неразрывно связаны между собой. Они дарили мне незабываемые впечатления и первые познания о большом окружающем мире.

Лет шести я познакомилась с башкирской деревней, куда мы с мамой пришли на мельницу летним вечером. Живописно раскинувшаяся на высоком берегу тихой реки деревенька мне понравилась. А когда нас, уставших с дороги, в уютном доме радушная хозяйка напоила свежим душистым чаем, я поняла, что здесь живут добрые и гостеприимные люди. По окончании первого класса погожим летним днем я смело повела свою школьную подружку Валушу в башкирскую деревню. В сельмаге мы купили драже в яркой коробочке и довольные вернулись домой. С тех пор повелось: если наши мамы — солдатские вдовы — изредка в летние каникулы давали по 10 копеек, то мы шли в соседнюю деревню за покупкой. Моя мама, Екатерина Григорьевна, работала в поселковом детском доме. В общении с детьми и со взрослыми она была спокойная и доброжелательная. А знание разговорной башкирской речи помогало ей в повседневной жизни.

Однажды, когда мне было лет восемь-девять, воскресным зимним утром мама сказала, что сегодня ей надо побывать в башкирской деревне. После завтрака мы оделись потеплее и вышли из жарко натопленного дома на заснеженную улицу. Февральский день встретил нас погодой тихой и солнечной. А идти рядом с мамой в мягких валенках по зимней проселочной дороге было отраднo. Весело разговаривая, мы подошли к башкирской деревне. Вся в снежном убранстве, она

встретила нас сиянием и тишиной. Чистейшей белизны снег лежал сугробами на улице, на замерзшей реке, на крышах домов... Воздух, напоенный ароматом долгой зимы, был прозрачен и свеж.

По расчищенной тропинке мы подошли к небольшому дому. На крыльце сбили снег с валенок и через холодные сени вошли в прихожую. После солнечной улицы здесь было полутемно... Вдруг из-за ситцевой занавески появилась молодая интеллигентная женщина, нарядная и красивая. Она явно куда-то спешила, и беседа с мамой была недолгой. Пока они о чем-то негромко говорили, я с детским восхищением смотрела на прекрасную незнакомку, на ее лицо, одежду... Все женщины в нашем поселке зимой носили темные пальто и вязанные платки. От снега и мороза детей и взрослых спасали теплые валенки. Мамина собеседница была одета иначе. На голове — круглая шапочка из серого каракуля, синее пальто украшал такой же воротник. На ногах башкирской красавицы я увидела изящные ботиночки, отороченные мехом. «Неужели в такой обуви на каблучках можно ходить зимой по снегу?» — мысленно удивлялась я.

Вскоре, распрощавшись, мы вышли на улицу.

— Мама, а кто эта тетя? — спросила я.

— Дочь стариков. Она приехала к больным родителям из Уфы, — ответила мама.

— А что такое Уфа? — последовал мой вопрос.

— Уфа — большой и красивый город, — услышала я в ответ.

— И там живут красивые люди? — заинтересовалась я.

— Пожалуй, да, — улыбнулась мама.

С той памятной встречи в башкирской деревне далекая и красивая Уфа стала городом моей детской мечты.

Впервые я увидела светлый город над Белой рекой в возрасте девяти-десяти лет,

когда в начале лета группу учеников-отличников привезли на экскурсию в столицу нашей республики. Уфу я полюбила сразу и навсегда. Большой город поразил меня своими высокими домами, чистотой широких улиц, обилием зелени и цветущей сирени, яркими и веселыми трамваями... Но больше всего мне понравились уфимцы, нарядные и красивые. Мы посетили три музея — краеведческий, художника М. В. Нестерова и вождя В. И. Ленина. Попытаюсь передать свои детские впечатления, добрые и наивные.

В краеведческом музее мы прошли по тихим залам. Экскурсовод рассказала нам об истории родного края, о героической и трагической судьбе Салавата Юлаева. После жестокого подавления народного восстания Емельян Пугачев был казнен, а башкирский герой был посажен в тюрьму. Женщина подвела нас к черной двери и сказала: «Посмотрите в “глазок”, и вы увидите, в каких ужасных условиях содержался Салават Юлаев». Мы послушно встали друг за другом... Когда подошла моя очередь, я увидела темную камеру. За небольшим столом на лавке сидел мужчина в светлой одежде с печально поникшей головой, а рядом с его руками — жестяная кружка, покрытая куском черствого хлеба. Это была хорошо изготовленная восковая фигура народного героя, но изображение детей, как известно, не знает границ. Кто-то из ребят заметил, что печальный узник дышит... Заглядывая в круглое отверстие, мы были уверены, что видим живого человека. Помню, как чувство детской жалости охватило меня. На улице сиял летний день, куда-то спешили жизнерадостные уфимцы... А Салават Юлаев сидел в темной камере, печальный и одинокий. Наверное, святое чувство сострадания испытали многие чиновники. Из музея мы вышли притихшие...

В музее художника М. В. Нестерова залы были светлые, просторные, и всюду — картины, картины. С русской живописью я уже была знакома. Детский дом украшали несколько прекрасно выполненных копий картин в красивых рамах известных наших художников В. М. Васнецова и И. И. Шишкина. Осенними и зимними вечерами я приходила пообщаться с детдомовцами, послушать, как они поют свою любимую русскую народную песню

«По Дону гуляет казак молодой» или как играет на фортепиано молодая, очаровательная воспитательница Галина Васильевна Корнилова... А еще я подолгу смотрела на картины — на грустную Аленушку, на забавных медвежат и медведицу в сосновом бору... В музее М. В. Нестерова я с интересом смотрела вокруг. Увиденное восхищало и удивляло меня — неужели все эти картины нарисовал один художник?

Дом-музей В. И. Ленина, где когда-то, до революции, в ссылке жила Н. К. Крупская, мне понравился своим опрятным видом и зеленым садом с большим цветником перед входом. На первом этаже мы внимательно слушали рассказ экскурсовода, рассматривали экспонаты. Затем по крутой, узкой лестнице поднялись на второй этаж в комнату друга и соратницы Ильича. Мне, выросшей в маленьком рабочем поселке, было непонятно, почему жизнь в светлом и уютном доме, среди цветов и зелени, в большом и красивом городе называют ссылкой? Но в пору моего детства и отрочества не принято было задавать взрослым «глупые» вопросы о жизни Ленина, Сталина или Крупской...

Следующий раз я побывала в городе своей мечты с друзьями-одноклассниками в ранней юности. Мы уже несколько лет жили в Ишимбае. Мама работала в детском саду. Я училась в средней школе № 1, шефами которой были нефтяники. По окончании девятого класса они приготовили нам подарок, организовав трехдневную поездку в Уфу. Нам было по 16—17 лет, учиться оставалось всего один год, и настроение у всех было отличное. «Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость», — утверждал А. С. Макаренко. Правоту этих мудрых слов известного советского педагога подтверждают пережитые нами недавние годы хаоса перестроек и перемен не к лучшему. Лишение людей, и прежде всего молодых, главного стимула жизни приводит к страшным последствиям — к падению нравственности и к духовному одиночеству, к преступности и наркомании... У нас — юных оптимистов 50-х—60-х годов — была ясная цель, и мы верили в свою страну, в себя, в свое достойное будущее.

Шефы предоставили нам автобус. Добрым июньским утром мы выехали из

Ишимбая и началось наше веселое путешествие. Всю дорогу мы пели и смеялись, радуясь предстоящему отдыху. В столицу приехали в середине дня. Нас поселили в небольшой одноэтажной школе на тихой и зеленой улице. Немного отдохнув, мы переоделись и пошли на обед с преподавательницей. А потом долго гуляли по чистым улицам исторического центра города. Во время прогулки я обратила внимание на большую театральную афишу с названиями спектаклей Московского драматического театра им. А. С. Пушкина, приехавшего на гастроли. Если бы можно было побывать хотя бы на одном спектакле с участием известного на всю страну Б. П. Чиркова! Но, увы, в программу нашей поездки не входило посещение театра.

Кино я полюбила в детстве, а театр — в отрочестве. Когда мне было лет четырнадцать, в наш город приехали артисты с единственным спектаклем. Мама купила билет, и мы пошли с ней вечером на оперетту И. Кальмана «Баядера». От прекрасной музыки, пения и ярких костюмов артистов я была в восторге. Так началось мое увлечение театром. По Всесоюзному радио я стала слушать музыкальные спектакли. Особенно мне понравилась оперетта И. Дунаевского «Белая акация». А дивной красоты голос несравненной Татьяны Шмыги вселял надежду, что когда-нибудь я, несомненно, увижу синее море и город Одессу...

Слушать спектакли драмтеатров тоже было очень интересно. И это не удивительно, ведь в них участвовали артисты, знакомые по многим фильмам. Помню, какое большое впечатление произвел на меня фильм «Идиот» (режиссер И. Пырьев), где в главных ролях блистали своим актерским мастерством Юлия Борисова и Юрий Яковлев. А в легендарном спектакле их родного Вахтанговского театра «Принцесса Турандот» (режиссер Р. Н. Симонов) роли у них были иные, а голоса звучали весело и задорно...

В годы юности я прослушала по радио многие спектакли МХАТа, Малого академического, Театра им. Моссовета и других театров, мечтая увидеть любимых артистов на сцене. После завтрака мы с подругой Ниной гуляли по светлым улицам Уфы, наблюдая жизнь большого и

шумного города. Нас радовало все — прекрасная погода, свежая зелень деревьев и цветы на газонах, оригинальные дома старинной архитектуры... Отдыхая в тенистых скверах с пышно цветущей сиренью, мы любовались нарядными уфимцами, и нас не покидало чувство радости жизни и приближающегося счастья.

Я уже много лет живу в Уфе и заметила, что она особенно хороша в светлом и цветущем месяце июне. Моя подруга Нина, стройная, симпатичная, одна из лучших учениц нашего класса, в свободное от учебы время успешно занималась спортивной стрельбой. К увлечениям друг друга мы относились с пониманием. На все новые фильмы, многие из которых вошли в золотой фонд российского кино, мы всегда ходили вместе.

Мы с Ниной любили гулять по свежим и чистым улицам утренней Уфы. Как-то идем мы с ней к магазину «Детский мир» и вдруг видим — навстречу нам степенно шагает Борис Петрович Чирков, скромный и спокойно-доброжелательный. Рядом с ним плывет павой красивая женщина лет тридцати с пышной прической каштановых волос, в ярко-желтом шелковом платье и в черных очках. От неожиданности мы невольно замедлили шаги... Артисты, наверное, шли из гостиницы в театр оперы и балета, где проходили гастроли. Мимолетная эта встреча была похожа на чудесный сон. Делясь своими впечатлениями, мы остановились перед витриной магазина и стали рассматривать выставленные за стеклом большие фотоснимки некоторых спектаклей. Для нас это было своеобразным приобщением к театру.

В первый день, неспешно прогуливаясь всем классом по главной улице Уфы, мы обратили внимание на светлое здание кинотеатра «Родина». Спустились в кассу, но билетов там уже не было. К нашему немалому удивлению, мы узнали, что здесь три зала — красный, синий и зеленый. На другой день утром мы купили билеты и вечером веселой компанией пришли в уютный красный кинозал. Мы увидели алый бархат на сцене и на дверях, удобные мягкие кресла, обитые яркой тканью. Смотреть фильм в такой красивой обстановке было комфортно и приятно. Из кинотеатра «Родина» мы вышли на

улицу Ленина и слились с пестрой, нарядной толпой недавних зрителей театра или кино. Летний вечер был чудесный, и люди не спешили домой — звучал негромкий смех, слышались веселые голоса, мелькали улыбающиеся лица... Вечерняя Уфа, сверкающая огнями, была иная, чем днем, загадочнее и романтичнее... Нам, юным ишимбайцам, было отраднo сознавать свое участие в красочном празднике отдыха уфимцев. И если было б можно, то мы бы непременно запели своими звонкими, молодыми голосами песню из популярного в те годы кинофильма «Мы с вами где-то встречались», посвящая ее не Москве, а Уфе.

*Отдыхает родная столица,
Провожая свой день трудовой.
Хорошо в этот час веселиться,
Любоваться вечерней Уфой.*

...Светлая радость от той незабываемой поездки в ранней юности осталась в моем сердце на всю оставшуюся жизнь. В столице нашей республики я живу со своей семьей уже 25 лет. Отраднo отметить, что за эти годы Уфа заметно выросла и похорошела. К нарядному ожерелью уфимских достопримечательностей добавился Дом-музей русского писателя С. Т. Аксакова, возрождение которого из небытия и забвения проходило на моих глазах. В первые годы я посетила знакомые мне с детства музеи, все театры, филармонию, цирк... Но мое предпочтение — Башкирский театр оперы и балета. Дело в том, что года за два-три до нашего отъезда из Ишимбая в городе нефтяников прошли с большим успехом летние гастроли этого театра. К этому времени нам с мужем посчастливилось посмотреть в Большом театре балет «Жизель» (музыка А. Адана) с прекрасной танцевальной парой — Екатериной Максимовой и Владимиром Васильевым. Побывали мы на спектаклях в Куйбышевском и в Одесском оперном.

В Уфе мне было интересно увидеть театр оперы и балета. Светлый и красивый, с уютным зрительным залом, он меня не разочаровал. Я люблю бывать здесь на балетных и оперных спектаклях, в мире классической музыки, пения и танца, отдыхая от повседневных забот

и волнений. Поделюсь несколькими своими впечатлениями скромной зрительницы.

В начале 90-х годов, зимой (если я не ошибаюсь, тогда проходил оперный фестиваль Ирины Архиповой) мы были на премьере оперы «Князь Игорь» (музыка А. П. Бородина), где в роли хана Кончака выступал молодой певец Аскар Абдразаков. Когда он запел арию, в полупустую ложу справа от сцены вошел Радик Гареев. Известный оперный певец и тогдашний директор театра был в строгом черном костюме и в белой рубашке с галстуком. Выступление восходящей оперной звезды он слушал стоя, с просветленным лицом. Глаза его сияли радостью и гордостью. Он, наверное, мысленно благословлял молодой талант оперного певца на долгий и успешный творческий путь.

Запомнилась мне премьера моей любимой оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» с почетным гостем — дирижером Большого театра Фуагом Мансуровым. А Евгений в исполнении певца Я. Абдильманова словно сошел со страниц романа в стихах А. С. Пушкина.

Балетная труппа нашего театра по праву считается одной из лучших в России. Постановка Юрием Григоровичем сказочно прекрасного спектакля «Щелкунчик» (муз. П. И. Чайковского) — яркое тому подтверждение. По окончании спектакля седовласый, известный всему миру маэстро вышел с артистами на сцену и благодарная уфимская публика долго рукоплескала ему...

Уфа славится своим гостеприимством и радушием зрителей. За эти годы мы побывали на концертах многих эстрадных певцов и артистов цыганского театра «Ромэн», на спектаклях Оренбургского театра оперетты и кукольного Сергея Образцова... Но, пожалуй, самые незабываемые впечатления оставили гастроли Малого театра и Театра им. Моссовета. Гастроли Малого академического театра проходили в цветущем месяце июне 1987 года. Сбылась моя давняя мечта — я увидела любимых артистов на сцене. Мы с мужем посмотрели почти все спектакли, но особенно яркие впечатления оставили два из них.

В комедии А. Н. Островского «Красавец-мужчина» роль Аполлона Евгеньевича

ча Окоемова блистательно сыграл заслуженный артист РСФСР (России) Юрий Васильев, хорошо знакомый всем по фильму «Москва слезам не верит» (режиссер В. Меньшов). В трагедии «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого в главных ролях были заняты знакомые по многим фильмам известные артисты. Царя Федора играл заслуженный артист РСФСР Эдуард Марцевич, Бориса Годунова — народный артист СССР Виктор Коршунов...

Кстати, именно в этом спектакле осенью 1898 года Антон Павлович Чехов увидел Ольгу Книппер в роли Ирины — жены царя Федора, признав ее игру великолепной...

Все спектакли Малого академического поражали своим сценическим совершенством. Мы шли за кулисы и с добрыми словами дарили цветы Элине Быст-

рицкой и Руфине Нифонтовой, Юрию Васильеву и Александру Михайлову, Виктору Коршунову и Юрию Соломину... Много лет спустя мне приятно вспоминать их благодарные глаза и светлые улыбки.

Гастроли Театра им. Моссовета состоялись в сентябре 1993 года, в чудесную пору золотой осени. Спектакль «Белая гвардия» по М. Булгакову превзошел все мои ожидания. Ольга Михайловна Остроумова в роли Елены была прекрасна. Со словами восхищения мы преподнесли замечательной русской актрисе букет алых роз...

Столица Республики Башкортостан живет интересной, содержательной жизнью. Уфимцы умеют трудиться, умеют они и отдыхать. Я желаю благополучия и процветания светлому городу моей мечты.

«Акварель — это то, куда я ухожу весь...»

О творчестве Ильдуса Валитова

Видеть окружающее по-особому, всем своим существом эмоционально переживая каждое проявление в нем красоты, дано не каждому. Ильдус Валитов воспринимал мир именно так. Круг образов в его творчестве гармоничен и тонок — в нем отразилась поэтическая натура художника, мгновенно схватывавшего глубинную суть явлений и переживавшего их на тонком и возвышенном уровне. Импульсивный, остро воспринимающий мир, Ильдус чувствовал его более чутко, с людьми общался искреннее, а разочаровывался гораздо болезненнее, чем многие из нас — его друзей. И до последних дней своей короткой по человеческим меркам жизни, уместившейся всего в пять десятилетий, воспевал лучшее из того, что существует, — красоту. Изменчивую и вместе с тем неизменно вечную красоту мира.

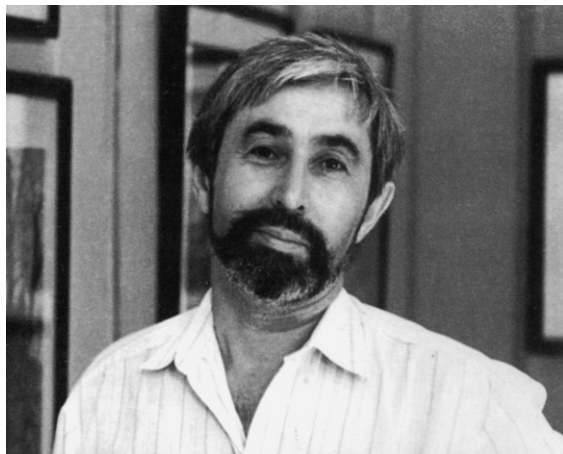
Архитектор по образованию, Ильдус как-то стремительно ворвался в акварельное искусство и зажил в нем так бурно, увлеченно и вместе с тем так естественно, словно долго искал свое предназначение и вдруг понял, что рожден был именно для этого. На моей памяти одна из самых первых его выставок — та, что проходила в Малом зале Союза художников (зал находился тогда на улице Коммунистической, в старом здании начала XX века). Экспозиция выставки открыла тогда зрителю главную тему творчества Ильдуса Валитова — тему старого города. Потрясенные открытием, мы ходили по выставке с тогдашним председателем правления Союза художников РБ — замечательным скульптором (и просто хорошим человеком!) Николаем Калинушкиным — и удивлялись: «Как? Почему автор ТАКИХ и СТОЛЬКИХ работ — вне внимания Союза художников? Не член Союза — почему?» Ильдус смущался и отвечал, улыбаясь: «Я член Союза. Только Союза архитекторов...»

На архитектурном факультете Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, где учился Ильдус Валитов, акварель студенты всегда считали материалом вспомогательным — ею в числе других техник (тушь, гуашь) учили делать «отмывки» (видовой проект будущей архитектурной постройки). Однако многих из тех, кто не боялся трудностей работы с нею, эта чарующая своей изысканностью и непредсказуемостью техника время от времени заманивала в свои сети: небольшие пейзажные этюды пробовал писать акварелью, наверное, почти каждый однокурсник Ильдуса. Но только Валитова акварель захватила больше других, а через двенадцать лет после окончания института и вовсе увела из архитектуры.

Он любил технику акварели. Любил — вот уж точно! — всей душой и всем сердцем, самозабвенно. И не только в конечном результате, но и в укрощении этой строптивой краски, почти произвольно и неукротимо растекающейся по сырому листу, и в экспериментах с нею находил наслаждение. «Мне интересен даже не столько результат, сколько сам процесс», — говорил он. Ильдус всегда и все, за что взялся, делал всерьез и качественно. Так, чтобы нравилось самому. Порой просто изводил себя работой, несколько раз принимаясь за один и тот же мотив, пока в пятом-десятом-двадцатом листе не получалось то, что хотел выразить. Цветом, композицией, мягкой пластикой, подвижным контуром, строящим форму, он создавал ОБРАЗ природы, ХАРАКТЕР города. Исполнительское мастерство в его работах поражает не меньше, чем удивительные и тонкие по ощущениям образы его работ.

Он перепробовал все мыслимые и немыслимые в этой технике приемы. Все зависело от задуманной идеи, в достиже-

Ирина Оськина

нии которой он мог при необходимости соединить в одном листе и лессировки, и отмывку в акварели по мокрому листу, и уточнения тонкими линиями по высохшему, и набрызгивание. При этом даже долгая, напряженная и выматывающая силы работа над тем или иным произведением не могла уничтожить искренность и силу его мироощущения – так сильно было стремление выразить в акварельном листе свои впечатления. Ему хотелось динамики, эмоционального выплеска, воплощения в творчестве собственного мироощущения. Он признавался: «Внутри что-то происходило, требовало выхода». В его работах акварель превращается в поэзию. Она увлекает утонченностью чувств, изысканностью форм и образов, заставляет вспоминать строки стихов, волноваться, восторженно замирать, как это часто происходит при встрече с исключительной красотой. Он наслаждался этой работой: «Акварель – это то, куда я ухожу весь. За это я ей благодарен...»

Но и архитектура не хотела отпускать от себя. Научившись еще в институте видеть и понимать ее красоту, он никогда уже равнодушно не мог пройти мимо нее: восхищался пропорциями и декором, радовался при встрече со старыми уютными улицами и зданиями, переживал, когда они умирали, уступая место новостройкам. В листах с видами Уфы художник старался увлечь зрителя красотой точных пропорций и эффектных архитектурных элементов. Обратившись к теме старого города в акварели, он посвятил Уфе десят-

ки листов. В них навсегда сохранились те здания, которых уже нет, о которых с грустью вспоминает сегодня мое поколение. К работам этим относится и его акварель «Последняя осень Летнего театра»...

Архитектура, как и природа, была для Ильдуса Валитова живой: в какой-то степени она влияла на жизнь людей и формировала их вкусы, она старела и менялась, переживала холодные зимы, радовала глаз, освещенная летним солнцем, поднималась над суетой в торжественном свете заката. Художник знал это и пытался научить зрителя увидеть и «почувствовать» город, полюбить его так, как видел, чувствовал и любил его он сам.

В акварелях художника доходные дома, генеральские и купеческие особняки, банки, пожарные каланчи представляют провинциальную старинную Уфу, по улицам которой ходили когда-то Михаил Нестеров и Федор Шаляпин, Касым Девлеткильдеев и Мажит Гафури. В его работах каждый архитектурный памятник живет в специально сочиненном для него художником цветовом и световом пространстве. Как архитектор Ильдус Валитов умел точно передать особенности той или иной архитектурной постройки, а как художник-романтик наделал городской пейзаж пронзительно-лирическим настроением с фантастически-бурными переживаниями ветра и мечущейся по городским улицам листвы.

Огромный творческий потенциал, удивительное трудолюбие, умение не просто смотреть, а видеть мир в красках и образах и эмоционально переживать его красоту – все эти качества аккумулировались в его творчестве, выплескиваясь в листах чистой, звучной акварелью. Он отмечал не только особенности старой архитектуры, но и необыкновенную красоту природы, близко подходя к реальности в трактовке натуры тогда, когда в ней ощущалось нечто фантастическое. Так появился лист «Последний луч», в котором золото осени взрывается закатной вспышкой солнца. Контрасты фиолетово-синего неба с медью деревьев и золотом трав создают экспрессию цвета и... иллюзию движения деревьев, увлекаемых ветром.

Он умел подхватить динамику движения и отразить ее в акварели («Полет куз-

нечика»), запечатлеть мечтательное спокойствие и тишину («Сумерки»), передать чистоту и призрачность состояния природы в ранний час («Прозрачное утро»).

В своем творчестве Ильдус Валитов тесно связан с классической акварелью – это отражается и в технических приемах, и в понимании специфических черт тонкой и изысканной техники акварели. Это особенно ярко проявляется в таких работах, как «Лодки», «Снегопад». Вместе с тем он всегда пытался преодолеть рамки традиционной акварели – новаторство и тяга к эксперименту свойственны многим его произведениям: он вел непрерывный поиск новых пластических решений, построенных на активности цветовых заливок, пытался по-своему трактовать натуру, примиряя реальность с выдумкой. Все это продиктовано стремлением преобразовать пейзаж или архитектурный мотив, оторвавшись от натуры, в нечто большее, чем конкретный объект, желанием не просто запечатлеть архитектуру или природу, а создать обобщенный образ красоты мира («Храм на закате», «Зеленые облака» и др.)

Его стремление оторваться от академичности в акварели особенно ярко проявилось в работах, созданных после 1993 года. Поиски новых средств выразительности и индивидуального художественного языка привели к декоративности цветовых характеристик, к большей метафоричности.

1994 год стал программным в его творчестве. Именно тогда появляется целый ряд работ, далеко отстоящих от реалистического пейзажа. Так, как, например, в акварели «Осенние листья», которую сам Ильдус называл иногда «Жостовские мотивы», сравнивая колорит работы с расписными подносами известного старого народного промысла. В «Башкирском пейзаже», появившемся в том же 1994 году, декоративно-яркое колористическое решение влечет за собой мажорное настроение,

а в синтезе с панорамным ракурсом придает эпическое звучание работе, несмотря на небольшой ее размер.

Иногда пейзажные мотивы в трактовке художника обретают ирреальные очертания и цвет, и зритель, увлеченный фантастическим звучанием цветовых диссонансов, воспринимает эти мотивы метафорой мира, как в листах «Оранжевое облако», «Желтая луна», «Утро», «Вечер» и в триптихе «Туман».

Его работам присуща звуковая окраска: шепот листвы или звон цветопереливов. И эта «тембровая» палитра акварелей Валитова вызывает ассоциации с музыкальным импрессионизмом. Например, его «Полнолуние» созвучно «Лунному свету» Дебюсси – в нем столько же колористически-звуковой раскованности и тонкого изыска изменчивого художественного образа: он только что был понятен и близок, а вот уже фантастически трансформировался в нечто неуловимое.

Отталкиваясь от конкретной натуры, пытаясь преодолеть тесные рамки традиционного реализма, он преображал в акварели мир. И тогда природа или архитектура становились первопричиной создания фантазийных образов («Красный дом», 1994; «Свечи», 1994; «Охота», 1995; «Свечение», 1998).

Он мог бы еще придумать немало интересных тем, создать десятки и сотни других акварелей, пронзительных и хрупких в своем эмоциональном содержании. И наверняка бы создал... если бы не чужая неосторожность, закончившаяся автомобильной аварией и так внезапно прекратившая летом двухтысячного года жизнь и творчество художника.

Ильдус оставил после себя несколько десятков произведений. И в каждом из них отчетливо проявляется не только мировосприятие, но и характер, душевное состояние и настроение автора. И, может быть, поэтому до сих пор с таким трудом произносятся глаголы в прошедшем времени, когда речь идет о художнике и друге.

Город Давлеканово

ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Современный город Давлеканово образовался в результате постепенного слияния нескольких населенных пунктов, основными из которых были башкирские деревни Давлеканово и Иткулово, а также основанный переселенцами поселок Давлекановский.

Согласно архивным документам, деревню Давлеканово основал владелец пастбищ в долине Демы Давлекан Сыртланов. Именно с его именем связано основание и название Давлеканово, которое впервые упоминается в 30-х годах XVIII века.

В 1797 г. в двух верстах от Давлеканова Иткул Баскунов основал деревню Иткулово – поселение башкир-припущенников из Бурзянской волости Верхнеуральского уезда (ныне Баймакский район). До этого многие считали, что Иткулово старше, т. к. существует предание о происхождении деревни Иткулово: много лет тому назад в долину реки Демы пришел со своими джигитами человек, которого звали Иткул (Эткул). Родом он был из деревни Туркмены, что у горы Ирендик на Урале.

С проведением Самаро-Златоустовской железной дороги увеличился поток переселенцев, которые оседали в окрестностях деревень Давлеканово и Иткулово. Образовался Давлекановский поселок, впервые упомянутый в 1895 г. Уже через семь лет он состоял из 54 дворов. В 1917 г. здесь проживали представители 16 национальностей – русские, башкиры, немцы, украинцы, поляки, мордва, евреи, татары, белорусы, латыши, чувашы, чехи, эстонцы, цыгане, швейцарцы, голландцы.

В первом десятилетии XX века поселок Давлекановский, Иткулово, а затем и Давлеканово сливаются. Железнодорожная станция стала называться Давлеканово. Со временем в состав города также

вошли населенные пункты – хутор И. С. Вязьмина и деревня Ново-Курманкеево.

Благодаря выгодному географическому положению станция Давлеканово вскоре стала центром района, оказывая свое влияние на дальнейшее развитие примыкающей территории. К ней стали экономически тяготеть многие соседние волости и уезды. Здесь организовался значительный хлебный рынок, регулярно устраивались крупные ярмарки. В Давлеканово размещался крупный ссыпной пункт. Только за 1908 год со станции Давлеканово было вывезено свыше 2 млн. пудов зерна.

Большую роль в развитии промышленности и торговли города сыграли переселенцы. Ими были построены первые крупные вальцевые мельницы, склады сельскохозяйственных машин, торговые учреждения. В первое десятилетие XX века здесь было построено более десятка крупных мельниц – предпринимателей А. Петере, Г. Пеннер и Г. Тиссен, мукомольного товарищества «Братья Левен и А. Гардер» (впоследствии мельзавод № 5) и др. Надо отметить, что некоторые из этих мельниц после реконструкции и модернизации действуют и сегодня.

В 1913 г. за счет ссуды Государственного банка предприниматели построили элеватор емкостью в миллион пудов. Давлекановские мельницы и элеватор были высокомеханизированными предприятиями. Оборудование в основном закупалось в Германии, Англии, Швейцарии и США.

За двадцать лет (1893–1913 гг.) со станции Давлеканово было вывезено более 15 млн. пудов хлебных грузов (20% всего объема по Уфимской губернии). Хлебные грузы из Давлеканово отправлялись в приграничные районы и за границу: в Ревель, Ригу, Либаву, Виндаву, а также в Польшу, Чехословакию и Австрию.

По данным 1915 г., в Давлеканово и Иткулово насчитывалось более десятка складов сельскохозяйственных машин. Здесь можно было найти конные и паровые молотилки, трактора «Интернационал», сеялки, плуги, соломорежки, жнеи, косилки и многое другое. Все это дало возможность организовать здесь в 1931 году первую в Башкирии машинно-тракторную станцию.

В 1915 г. местная промышленность в Давлеканово была представлена производством булочных и кондитерских изделий, фруктовой воды, гончарным и кирпичным производством В. Е. Ануфриева; имелись пивоваренный завод «Пильзен», суковальная фабрика «Биндинг», мыловаренный завод, слесарная мастерская, типография, фотография, чугунно-литейная мастерская. Более 30 процентов населения Давлеканово занималось торговлей, а район считался самым обеспеченным промышленными и сельскохозяйственными товарами в губернии.

В Давлеканово действовала сеть различных школ. При мечетях были открыты мусульманские учебные заведения – мектебе и медресе, при церкви – церковно-приходские школы. Обучением детей занимались и земские школы: русско-башкирское училище, школа для мусульманских девочек, четырехклассное городское училище. Действовало частное училище, построенное и содержавшееся за счет немецких поселян-собственников.

На XIX – начало XX века приходится волна строительства культовых зданий в Давлеканово. На средства одного из богатых и просвещенных людей того времени Набиуллы Каримова в центре Иткулово была построена каменная мечеть. Эта мечеть действует и сейчас, она располагается по ул. Ленина, 1. В 1911 г. на улице Церковной (ныне Коммунистической) начинает действовать Исидоровская церковь, построенная на средства купцов Ф. Е. Полядьева, М. П. Бессарабова и пожертвования населения. При ней действовали мужское и женское училища духовного ведомства. К 1915 г. в Давлеканово находились три меннонитских молитвенных здания. Действовала синагога.

На рубеже XIX – XX веков земством было уделено значительное внимание здравоохранению в крае. В 1911 г. в Дав-

леканово открывается первая земская больница. Первым ее заведующим был В. П. Максимов. Именно на него, а также на немногочисленный медицинский персонал больницы ложилась трудная задача – осуществлять медицинскую помощь населению в условиях многочисленных эпидемий, гигиенической безграмотности населения и нехватки лекарств.

КОГДА ДАВЛЕКАНОВО СТАЛО ГОРОДОМ?

Более десятка крупных мельниц, складов сельскохозяйственных машин, полсотни амбаров, множество постоянных дворов, масса людей и подвод – все это придавало Давлеканово вид большого торгового центра. Численность населения в 1913 г. достигала 15500 человек (для сравнения: в уездном городе Белебее проживало 6300 жителей). Несмотря на сельский статус, Давлеканово носило характер городского поселения, а давлекановцы вели вполне городской образ жизни. На основании этого уже в 1913 г. местными жителями было подано прошение о преобразовании Давлеканово в город.

По причине войны только 3 июля 1917 г. Постановлением Временного правительства Давлеканово было преобразовано в безуездный город с наименованием «город Давлеканово», с введением в нем городского положения и образованием городской думы. Интересно, что предлагались такие названия города, как «Демский» и «Алексеевский», но было сохранено историческое название – «Давлеканово».

В «Журнале Уфимского Губернского по земским и городским делам присутствия» от 27 ноября 1914 г., № 90, читаем: «Сего числа в заседании слушали: дело о преобразовании пос. Иткуловского (Давлекановского) Белебеевского уезда в город. Настоящее дело возникло по всеподданнейшему прошению жителей названного о преобразовании последнего в город, с введением в нем упрощенного городского общественного управления».

После предоставления подробных сведений «...по вопросам о возникновении, развитии и настоящем положении пос. Давлекановского» земский началь-

ник «...находит введение в пос. Иткуловском (Давлекановском) Городского Положения безусловно необходимым, потому что поселок этот носит уже характер чисто городского поселения и является крупным торгово-промышленным пунктом и в целях скорейшего подчинения порядку управления населяющих поселок пришедших элементов».

Со своей стороны, Губернское присутствие, рассмотрев данное дело, признало необходимым введение в с. Давлеканово городского положения – хотя бы в упрощенном виде. А также в интересах благоустройства этого поселения, «...ибо данные свидетельствуют, что в селе этом население 15500 обоего пола, причем большинство населения занимается торговлей, промыслами и делами свободной профессии; в селе 114 каменных и 884 деревянных жилых домов... сам характер жизни вполне городской». Но, с другой стороны, говорится о «...печальном положении села в отношении благоустройства: на улицах непролазная грязь, тротуаров не имеется, освещения тоже, улицы не мощены, и ныне на благоустройство села никто и ничего не расходует».

По изложенным данным Губернское присутствие определяет: «...дать по существу ходатайства о введении в с. Давлеканово Городского Положения благоприятное заключение». Но документа о решении Министерства внутренних дел по поводу переименования Давлеканово в город в 1914 году пока не обнаружено.

И еще одна цитата – из Протокола заседания Президиума Комитета общественных организаций от 28 июля 1917 года: «Слушали: отношение Губернского комиссара вследствие запроса Комитета и поступившего ходатайства Давлекановского комитета о бесцельности преобразования села Давлеканово в город, о том, что согласно постановлению Временного Правительства от 3 июня село Давлеканово уже преобразовано в безуездный город. Постановили: ввиду состоявшегося постановления министерства о преобразовании села Давлеканово в город настоящее прошение оставить без последствий, о чем и известить просителей».

В 1920 году Давлеканово еще было городом. Об этом говорит Приказ Военно-революционного штаба Давлекановс-

кого р-на по городу Давлеканово от 1. 03. 1920 г.: «В связи с участвовавшими за последнее время вылившимися в хроническую форму единичными восстаниями... объявляется для сведения граждан: город Давлеканово и прилегающие к нему волости считаются на военном положении».

В марте 1926 года Президиум Башкирского ЦИК постановил: «Поселок Давлеканово считать местностью сельского типа». Далее обратим внимание на указ Президиума Верховного Совета Башкирской АССР от 28 декабря 1938 года «О включении пункта Фаридуновка в состав рабочего поселка Давлеканово и Давлекановского района». А в протоколе Президиума Верховного Совета БАССР от 30 июня 1941 года читаем: «Рабочий поселок Давлеканово... преобразовать в город, сохранив за ним прежнее наименование». 17 октября 1942 года рабочий поселок Давлеканово Указом Президиума Верховного Совета РСФСР был переведен в разряд городов районного подчинения.

«НА КУМЫС» В ДАВЛЕКАНОВО

Башкортостан является центром исторически сложившегося кумысолечения и в настоящее время продолжает оставаться в Российской Федерации центром производства кумыса для лечебных целей. Кумыс – традиционный напиток кочевников-скотоводов. Получали его из кобыльего молока путем молочнокислого и спиртового брожения. Он составлял «главнейшую пищу и наслаждение наших кочевых народов, которые без него едва ли могли существовать...». В 1843 году чудодейственными свойствами степного напитка заинтересовался известный врач и писатель, выдающийся языковед и лингвист, член-корреспондент Российской Академии наук В. И. Даль. Конечно, о кумысе в России знали и до Даля. Еще в Ипатьевской летописи сообщалось, что в 1245 году князь Даниил Галицкий, приезжая на поклон к хану Батыю, пил у него кумыс.

В начале XX столетия редкий медицинский справочник обходился без упоминания о башкирском кумысе. Почему кумыс был известен всей России, чем он

снискал свою славу? Думается, многие бы ответили именно так: потому что не было другого такого богатырского напитка, имеющего целебные свойства при многих болезнях. Знаток и пропагандист молочных продуктов А. С. Кишкин писал: «Не было и нет в нашей стране другого такого молочного напитка, который взлетел бы так стремительно в зенит славы, как это произошло с кумысом, вызвавшим в XIX веке невиданное паломничество в заводские степи для исцеления от туберкулеза...»

Самаро-Златоустовская (ныне Куйбышевская) железная дорога прошла как раз через те живописные и благодатные места по долине реки Демы, которые когда-то с любовью описал С. Т. Аксаков. В конце XIX – начале XX века в Башкирию «на кумыс» ехали со всей России желающие поправить здоровье при помощи чудесного напитка. Здесь побывали многие известные люди: А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, С. Я. Эфрон (муж М. И. Цветаевой). А Лев Толстой, уезжая по совету врача к башкирам на кумыс, шутил: «Не буду ни газет, ни писем получать, забуду, что такое книга, буду валяться на солнце брюхом вверх, пить кумыс да баранину жрать! Сам в барана обращусь, – вот тогда выздоровлю!»

Первая кумысолечебница в Башкирии была основана в 1890 году при станции Аксакове внучкой писателя Ольгой Григорьевной Аксаковой. Исключительная высота местоположения – холмистые возвышенности, покрытые сочным и березовым лесом, залежные пастбища с ковыльными травами, обилие родниковой воды, прохладные ночи после утомительно жарких дней, – все это создавало в Белебеевском уезде благоприятные условия для развития кумысолечения. Согласно Адрес-календарю Уфимской губернии на 1896 год, в Белебеевском уезде в числе кумысолечебных заведений значится кумысолечебница Н. Каримова, расположенная близ станции Давлеканово и Иткулово, а также лечебница в имени А. Ф. Раева.

Остановимся подробнее на кумысолечебнице Каримова. Из воспоминаний его внучки Н. Каримовой-Терегуловой мы узнаем, что «Набиулла Каримов (а по другим данным Габдулкаримов Набиулла

Гайнуллин) родился в 1848 году в городе Казани в зажиточной семье. Кроме образования, полученного в медресе, обучался русскому языку дома. В городе Чистай открыл магазин. Скопив капитал, Набиулла переехал в Челябинск, где за короткое время смог удачно организовать свою торговлю. Здесь он женился на башкирской девушке по имени Шамсижихан».

С проведением Самаро-Златоустовской железной дороги Каримов, оставив в Челябинске магазин брату Ногоману, вместе с женой переселяется в деревню Эткол (Иткулово). Набиулла выстроил себе дом, каменный магазин (этот дом и сейчас стоит недалеко от железнодорожной станции). Из строений имел один деревянный корпус и 5 домиков. «Спусти некоторое время, – вспоминает его внучка, – для прибывающих на кумысолечение был выстроен двухэтажный дом из 40 комнат. Перед этим домом был разбит сад, построены оранжерея, ледник, баня и другие подсобные помещения. Внизу большого дома были расположены столовая, комнаты для приготовления кумыса, другие подсобные помещения, а наверху находились комнаты для отдыха и сна. Окна этих комнат смотрели в сад, а двери выходили на общий балкон».

«Сезон кумыса начинался весной и продолжался все лето. Остальное время уходило на заготовку сена для скота, дров для отопления, заготовку на зиму провизии в подвалах и подготовку к следующему сезону кумысолечения. В осенние дни собирали и солили грибы для продажи зимой на рынке. Каримов старался организовать и снабжать кумысолечение на манер Кавказских водолечебниц. Для поднятия духа отдыхающих был привезен с Макарьевской ярмарки граммофон. В лечебнице было организовано фотографирование отдыхающих: фотографии того времени хорошего качества до сих пор хранятся у меня», – пишет Н. Каримова-Терегулова.

В книге «Необходимые сведения по кумысолечению...» врача Цареградского, который входил в число наиболее активных санитарных врачей Белебеевского уезда, отмечается, что «из всех станционных поселков необходимо отметить поселок при ст. Давлеканово и прилегающие к нему селения, которые наводняются ку-

мысликами». Цареградский считал, что Давлеканово и Иткулово ни в коем случае не могут быть рекомендованы для кумысолечения, так как имеют до 12 тысяч жителей и «характер городской жизни, что уже одно говорит против пребывания там больных и лечения кумысом...» Например, в 1911 году из всего Белебеевского уезда только в Давлеканово прошла эпидемия холеры. Автор делает заключение, что «при всем этом стечение из года в год большого количества кумысников и отсутствие какой-либо дезинфекции квартир заставляют признать Давлеканово малоподходящим для кумысолечения пунктом».

Большинство больных были люди небогатые, вынужденные экономить на своем лечении. Поэтому, приезжая на кумыс, они расселялись по деревням, которые находились недалеко от железнодорожных станций. Но здесь продукты первой необходимости, как, например, чай и сахар, были дорогими, и дешевле было получать их из дома по почте. На больных влияло и антисанитарное состояние, о котором писал Цареградский.

Второй кумысолечебный пункт находился на хуторе Вязьмина, который принадлежал И. С. Вязьмину и располагался в 0,5 версты от станции. Его двухэтажный дом сохранился и до сегодняшнего дня. Стоимость содержания несколько отличалась от Давлеканово и составляла 15-30 рублей в месяц.

Кумысолечение получило сильное развитие в башкирских деревнях Демской долины: Старо-Курманкеево, Иткулово, Шарипово, Дюртюли, Аккулаево. Обладая небольшими средствами, можно было провести курс лечения как в Давлеканово, так и в близлежащих деревнях. Для сравнения: содержание одного человека на курорте Шафраново стоило 60 рублей в месяц – в два раза дороже, чем в Давлеканово, и в 6 раз дороже, чем в Старо- и Ново-Шарипово.

Кумысолечебницы для основной массы населения были недоступны. Так, в 1914 году только 4,5 процента прибывших больных остановились в них, остальные 95,5 процента расселились по деревням.

В кумысолечебном промысле большое значение имела реклама. Город Белебей, «столица санаторного края», имел

свою рекламную индустрию, в которой значительное место занимали почтовые открытки. Кому бы из отдыхающих не хотелось послать родным и знакомым весточку о себе на красивой открытке с «кумысным» сюжетом? Популярность таких изданий была большой, и расходились они по всей России.

У ИСТОКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В начале XX века народное образование в Башкирии сделало значительные успехи. Важным событием стало открытие в 1908 году училища в Давлеканово. Называлось это учебное заведение «Давлекановское городское четырехклассное училище». Училище не имело своего помещения, размещалось оно в доме, арендованном у поселянина-собственника П. П. Паульса, средства на наем отпускались Белебеевским уездным земством. В здании было всего две классных комнаты. Другого подходящего помещения в Давлеканово не было. Осознавая необходимость собственного помещения для училища, местное общество избрало из своей среды строительную комиссию, задача которой состояла в сборе средств для постройки. Ее члены сумели собрать 3500 рублей из пожертвований местного населения деньгами и строительными материалами. А для строительства надо было более 56 тысяч. Известно, что попечитель учебного округа хлопотал о том, чтобы Министерство народного образования выделило нужную сумму. Но дальнейшая судьба этого ходатайства пока неизвестна.

Цель и задача городского училища сводилась к тому, чтобы дать начальное образование детям низших слоев населения. В нем преимущественно обучались дети крестьян и мещан. Курс обучения продолжался четыре года и включал следующие предметы: закон Божий, русский язык, арифметика, история, география, естествоведение, чистописание, немецкий и французский языки, рисование, пение и гимнастика.

В 1909 году преподавателями училища состояли: учитель-инспектор, титулярный советник Никандр Борисович Халитов, законоучитель священник В. Л.

Фальковский, Н. С. Козлов, М. Г. Цветкова. Через два года преподавательский состав несколько изменился. В «Памятной книжке Оренбургского учебного округа на 1911 год» учителями значатся Н. Б. Халитов, П. Н. Талинский, В. Ф. Чернов, А. Н. Колесников, Б. Г. Гольц. Преподавателей для училища готовили в учительских институтах и семинариях Оренбурга и Уфы.

Деятельность училища находилась под строгим контролем. Не раз его посещали с ревизией директор народных училищ Уфимской губернии И. И. Троицкий, инспектор народных училищ Белебеевского уезда С. А. Дворжецкий. Руководство учебно-воспитательной работой осуществлял педагогический совет. На его заседаниях обсуждались вопросы учебно-воспитательного характера, способы и меры повышения успеваемости, улучшения школьной дисциплины. В достижении этих целей педагогическому совету помогали классные наставники: они наблюдали за поведением учеников, выясняли причины их отставания по тому или иному предмету и принимали соответствующие меры, чтобы дать им возможность пополнить пробелы в знаниях.

В училище была своя библиотека, в которой в 1909–1910 учебном году насчитывалось 405 экземпляров книг. Учащиеся ставили спектакли, торжественно праздновали даты рождения Н. В. Гоголя, С. Т. Аксакова и других писателей.

ЭЛЛИ ЗИБЕРТ – ЖЕНА В. В. МАЯКОВСКОГО

Немногие знают, что невенчанной женой известного поэта Владимира Маяковского была Элли Зиберт. Для нас же самое интересное в том, что она была родом из Давлеканово.

Элли Зиберт родилась 13 октября 1904 года в семье крупного землевладельца Петра Зиберта, который происходил из немцев Поволжья. На территории близ Давлеканово немцы образовали 5 деревень. Многие зажиточные немцы, такие как Гардер, Диц, Войтр, Гауфлер, владели крупными мельницами. Коммерсантом был и отец Элли. Сам образованный че-

ловек, Зиберт и дочери дал хорошее образование, она знала несколько языков.

О том, как сошлись пути-дороги В. Маяковского и Э. Зиберт, можно узнать из статьи Ю. Узикова «Давлекановская жена Маяковского». В ней автор приводит письма В. Маяковского, адресованные двум Эллам – невенчанной жене и единственной дочери, а также историю их знакомства. Произошло это не в Башкирии, а в далекой Америке. Элли в Уфимской губернии жила до начала 20-х годов. В Уфе она познакомилась с англичанином Джорджем Джонсоном, представителем американской ассоциации помощи голодающим Поволжья. Они поженились и в 1923 году уехали в Англию, потом переехали в Нью-Йорк. Но совместная жизнь не сложилась. В мае 1925 года В. Маяковский отправился на три месяца в заграничное путешествие. Большую часть времени поэт провел в Нью-Йорке. Здесь в эмиграции жил художник и поэт Давид Бурлюк, друг Маяковского. Он и стал единственным свидетелем дружбы Маяковского и Элли Джонсон, знал об их дочери и сохранил эту тайну до конца своих дней.

На одном из поэтических вечеров Маяковского Д. Бурлюк познакомил его с Элли Джонсон. Поэт путешествовал вместе с ней по стране. 15 июня 1926 года родилась дочь, тоже Элли. Маяковский виделся с ними в 1928 году в Ницце. «О трагедии – смерти поэта – Элли узнала из газет, – пишет Ю. Узиков. – Когда дочери исполнилось 9 лет, маленькой Элли рассказали, кто ее отец. Но это было семейной тайной. Мать, а затем и отчим девочки Петере просили не говорить об этом до их смерти...»

Умерла Э. Зиберт в марте 1985 года. Всю жизнь преподавала русский язык, пропагандировала русскую культуру, собрала богатую библиотеку о Маяковском. И только в 1989 году ее дочь Патриция (Элли) Дж. Томпсон, профессор, известный специалист по семейной психологии, автор десятка книг, рассказала, что она – дочь Маяковского. В июне 1991 года Патриция побывала в России. Она приезжала в Москву по приглашению Союза писателей вместе с сыном, 36-летним Роджером, очень похожим на Владимира Маяковского.

КАК ЗВАЛИ ТЕБЯ, УЛИЦА?

Немногие знают и даже не задумываются о том, а кто этот человек, именем которого названа та или иная улица, или почему она была так названа. Но еще больший интерес представляет история переименования улиц города, ведь имена улиц – это история разных эпох.

Не удивительно, что улица Церковная нашего города не могла так называться в советское время. Церковная улица была мощеной и являлась главной, так как через нее пролегал основной путь от Уфы до Раевки.

После революции она получила имя Льва Троцкого. С 1928 г. троцкизм перестал существовать как политическое течение, и улица была вновь переименована – она стала улицей Сталина. После смерти «вождя» улица стала Коммунистической, название осталось по сей день.

Не менее интересна судьба одной из первых и старинных улиц города – Иткуловской, названной в честь поселения башкир-припущенников во главе с Иткулом Бускуновым (1746–1834). В 1918 году она стала называться улицей Мулланур Вахитовской, в честь одного из руководителей борьбы за Советскую власть в Татарии (в 1918 году М. Вахитов являлся комиссаром наркомнаца, участвовал в обороне Казани, в том же году был расстрелян белогвардейцами). А в честь Победы над фашистской Германией улицу переименовали в улицу Победы.

В двух верстах от деревни Иткулово находилась деревня Давлеканово. В начале XX века образуется город, а деревня Давлеканово становится лишь его улицей. От названия деревни и пошло название улицы – Давлекановская. Сегодня эта улица – Пролетарская, и мало кто из нынешнего поколения знает ее историческое название и связь с историей города в целом.

Одна из центральных улиц города – улица Демьяна Бедного – до революции называлась Аптекарской, так как на ней располагалось здание аптеки. Здание аптеки предположительно сохранилось, сейчас это жилой дом № 10.

Бывшая улица Вокзальная сегодня названа в честь классика башкирской и татарской литературы Мажита Гафури.

М. Гафури любил реку Дему и часто ездил в деревню Курманкеево «на кумыс». Когда Гафури приезжал в Давлеканово, его встречала толпа студентов из педучилища, и все вместе они по ул. Вокзальной пешком направлялись к Деме. В 1934 году, когда Гафури умер, работавший в педучилище Сагит Агиш, узнав о смерти писателя, решил оставить память о нем. «М. Гафури любил р. Дему» – написал он на картоне и прикрепил к одному из домов улицы. Затем направился в райсовет с просьбой о переименовании ул. Вокзальной

По данным 1922 года, улица Набережная называлась в честь одного из основателей Коммунистической партии Германии Карла Либкнехта. Улица Советская была Почтовой...

А. Ф. РАЕВ

Деревня Раево, ныне относящаяся к СГЖ «Путь Ильича» и основанная во второй половине XIX века Александром Федоровичем Раевым, была заселена переселенцами из Саратовской губернии. Правительство наградило А. Ф. Раева этим поместьем по результатам успешной военной кампании 1863–1864 годов. О том, кем был Раев, мы узнали из письма московского инженера, кандидата технических наук, краеведа-любителя Б. Н. Красильникова. Родился А. Ф. Раев 20 августа 1823 года в старинном русском селе Вязовка Саратовской губернии, в семье простого сельского священника. А. Ф. Раеву было 9 лет, когда он начал учиться в Саратовской духовной семинарии. За годы учебы в семинарии А. Ф. Раев понял, что духовная карьера его не устраивает. В 1842 году он поступает в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. Но, в очередной раз осознав, что не создан для этой работы, переходит в Петербургский университет на юридический факультет и оканчивает его кандидатом юридических наук.

«...Жизнь закончил при больших чинах и званиях – генерал-лейтенант, гофмаршал, кандидат юридических наук, публицист, тайный советник...» – пишет Б. Красильников. Интересно проследится в его письме и родственная связь

между А. Ф. Раевым и его троюродным дядей — писателем, революционером-демократом Н. Г. Чернышевским. Имя Раева можно встретить почти на каждой странице дневника Н. Г. Чернышевского с 1846 по 1850 год.

Работая в департаменте сельского хозяйства Министерства государственных имуществ, Раев влюбился в красивую замужнюю брюнетку 20 лет Марию Прокофьевну Лохову, с которой впоследствии стал жить гражданским браком, и у них родилась дочь. Сам Раев был очень симпатичный, высокого роста (185 см), худой и красноречивый. Дочь выросла красавицей, он очень ее любил, дал прекрасное образование. Она окончила Смольный институт и вышла замуж за брата композитора Римского-Корсакова, но в 23 года она умерла от саркомы.

В конце жизни Раев был не только богатым (его доход достигал 500 тыс. рублей золотом, более 3-х тысяч десятин земли), но и очень уважаемым человеком в Санкт-Петербурге. Свой капитал он широко использовал в благотворительных целях. Крестьянам с. Вязовки Саратовской губернии он безвозмездно передал 6 тыс. десятин земли около села.

В имении Раево (ныне Альшеевский район РБ) на свои средства он построил железнодорожную станцию — Раевка, а также двухэтажную кирпичную школу и церковь. В 1887 году в чине тайного советника А. Ф. Раев был назначен членом Совета министров.

Перед последним отъездом из Питера в имение под Давлеканово 22 мая 1901 года Раев заранее составил завещание. А уже 20 июня года Раев внезапно скончался в своем имении Раево. По этому поводу «Биржевые ведомости» 27 июня 1901 года сообщали: «...Член Совета министров и член училищного совета при св. Синоде тайный советник А. Ф. Раев скоропостижно скончался на днях в своем имении в Уфимской губернии...». По воспомина-

ниям старожилов нашего города, тело Раева сначала было перевезено в Давлеканово и находилось в доме Герасимова (ныне дом № 19 на углу улиц Трудовой и Д. Бедного). Потом были проведены гроба с телом Раева в Вязовку Саратовской губернии. Там он был похоронен у могилы своего отца рядом с церковью (согласно завещанию).

Сотрудниками давлёкановского музея был собран большой материал из воспоминаний старожилов деревни Раево. Стало известно, что в имении находились церковь и дом самого Раева, в советское время использовавшийся под школу, почту, сельсовет. Сейчас на месте особняка, сгоревшего в январе 1997 года, построен новый деревянный дом.

Рядом с домом Раева находилась Александро-Невская церковь, которая была построена, со слов старожила Н. А. Артемьева, в 1902 году. На вопрос, откуда такая точная дата, ответил, что в фундаменте на одном камне в круге был выбит год «1902». Строили храм солдаты. Церковь была построена из сосны, фундамент — из песчаника. Она была очень высокой, два купола ее служили как бы ориентиром для всей округи. Как и многие церкви района, она была закрыта в 1937 году. В войну церковь использовали под склад, потом под клуб, библиотеку... В 1950-е годы снесли и главный купол.

Говорят, после закрытия церкви из одной большой иконы св. князя Александра Невского сделали стол. Икона эта была особая, ее привезли из Саратовской губернии. Уникальная икона переходила из рук в руки, сначала в самом Раево, потом — за пределами его. Сейчас следы ее утеряны. Здание церкви снесли примерно в 1993 году, и из него построили новые дома местные жители.

В 1922 году из земель помещика Раева был образован поселок Вязовский из граждан с. Ново-Рублевки.

Наш ответ капитализму

Как мы выжидали в 1990-е

ОТВЕТ НАРОДА НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

В 1990-е годы пришедшие к власти радикальные либералы (Ельцин, Гайдар, Чубайс и др.) произвели над нашей страной рискованный, очень опасный и тяжкий по последствиям эксперимент. Попытка создать в России экономические институты западного типа, да еще и в кратчайшие сроки – напомним, что сами реформаторы откровенно называли свою операцию «шоковая терапия», – привела к ужасающим результатам. Советская экономика рухнула, заводы и фабрики стали закрываться, сбережения людей в сбербанке «сгорели», цены на самые необходимые продукты выросли в десятки и сотни раз.

Люди, привыкшие к скромному достатку, который обеспечивала им советская система с ее развитыми институтами социальной помощи, вдруг в одночасье оказались буквально на грани голодного существования.

Причем реформаторы не скрывали, что они сознательно проводят преобразования предельно жестко, дабы бросить людей в море свободной конкуренции и рыночных отношений. В угоду либеральной догме они планомерно разрушали социальные инфраструктуры бывших советских предприятий: детские сады, поликлиники, строительство ведомственных домов, загородные сельскохозяйственные предприятия заводов и фабрик. Ведь, согласно американским учебникам по экономике, предприятия такого типа были «неправильными», завод должен заниматься производством продукции, а работники получать за это зарплату, а уж на полученные деньги покупать товары и услуги.

Либеральное государство 1990-х, усилено насаждавшее капитализм, требовало

от предприятий снимать с баланса социальные инфраструктуры. Точно так же государство сознательно шло на уменьшение социальных выплат. Практически официальной идеологией реформаторов стал социал-дарвинизм – учение, согласно которому нужно стремиться создать условия жесточайшей конкуренции, чтобы выжили самые «инициативные» и «успешные». Один из самых одиозных либералов 1990-х А. Чубайс тогда высказывался в том духе, что вымирание 30 миллионов пенсионеров – только на пользу реформам в России, так как уйдут носители советского сознания. Другой реформатор, Е. Гайдар, не скрывал своих надежд на то, что закрытие заводов приведет к образованию рынка труда, конкуренции между предприятиями и возникновению новой частнособственнической промышленности. По его убеждению, которое в завуалированной форме высказывалось во многих его теоретических статьях, безработица, полуголодное существование, даже смерть многих людей – это приемлемая цена за установление в России «нормального» и «эффективного» капиталистического строя.

Сегодня стали общедоступными документы, подтверждающие, что уже на этапе планирования реформ – в конце 1980-х – младореформаторы предвидели резкое снижение материального положения большей части народа и шли на это сознательно, мечтая о формировании в тигле реформ новой породы русских – «гомо капиталистический». Недовольство народа они были готовы решительно подавлять, чего стоит только показательный расстрел парламента в центре Москвы. Немалая роль отводилась и манипуляции сознанием народа при помощи СМИ.

В то же время их оппоненты – коммунисты и патриоты 1990-х – были убежде-

ны, что реформы, ведущиеся столь варварскими методами, провалятся. Не выдержав такого разгрома привычного жизнеустройства, народ якобы очень скоро сметет ненавистную власть. В течение всех 90-х годов коммунисты упорно ждали скорой народной революции и видели ее проблески в забастовках и голодовках рабочих, демонстрациях студентов и т. д. Строго говоря, коммунисты тоже мыслили в категориях западной парадигмы и исходили из того, что такой резкий обвал благосостояния должен привести к протестной активности, катастрофа в экономике должна вызвать неминуемую катастрофу политического режима.

Собственно, так оно и произошло бы, если бы подобные реформы проводили в какой-нибудь западной стране: гораздо меньшие удары по благосостоянию трудящихся там вызывают волну забастовок и протестов. Однако российский народ в очередной раз доказал, что его невозможно мерить западными мерками. Ни прогнозы либералов, ни прогнозы коммунистов не оправдались. Бывшие советские люди в основной своей массе не перековались в «гомо капиталистический», да и с новым поколением этого не произошло, но и на баррикады народ не пошел. Даже забастовочное движение было крайне вялым, несравнимым с современным западным.

Постепенно основная масса населения России, которая сначала пережила подлинный шок от столь крутых преобразований, все же приспособилась к новым пореформенным условиям. Поэтому революция, почти реализовавшаяся в 1993 году, во время октябрьского Московского восстания, с каждым новым годом становилась все эфемернее. Причем «золотой дождь» из нефтедолларов и «консерватизм Путина» здесь не сыграли решающей роли. Приспособление произошло уже в середине 90-х годов. И феномен имел свои объяснения. Выжить в сложившихся условиях бывшим советским людям помог их высокий потенциал к общинной самоорганизации и взаимопомощи. На насаждаемый сверху либеральный капитализм массы ответили стихийным народным коммунизмом (от слова «коммуна» – «община»), только не марксистским, который предполагает классовую борьбу и подготовку революции, а традиционным,

при котором люди объединяются в союзы взаимопомощи вроде общин, гильдий, цехов и артелей, чтобы сообща выживать в трудных условиях. Это покажется парадоксом, но 1990-е стали, вопреки желанию реформаторов, годами расцвета реального коммунизма в России, они показали, насколько силен общинный дух россиян.

Наши патриоты и вообще левые идеологи любят поговорить об особом характере русского народа, о склонности его к соборному бытию, к коллективизму и взаимовыручке. Но, к сожалению, почти никто из наших апологетов соборности всерьез не пытался исследовать формы современного реального коммунизма, общинной самоорганизации. А между тем если бы такое исследование было проведено, оппозиция не держалась бы с таким упорством за проигрышную тактику ожидания социального взрыва.

ОБЩИНА КАК ФЕНОМЕН «ЭКОНОМИКИ ДАРА»

Прежде всего, мы должны определиться с тем, что такое община как форма хозяйствования. В истории существовало и существует множество общинных форм экономики – от присваивающей экономики первобытного общества до средневековых крестьянских и городских традиционных общин и современного кооперативного движения. Общее определение общины звучит так: община – это форма хозяйства, которая строится на общественной собственности на средства производства и взаимопомощи ее членов в процессе производства материальных благ. Община гарантирует своим членам удовлетворение их жизнеобеспечивающих потребностей и требует от них взаимной солидарности. Конкретный механизм действия общины подчинен законам «экономики дара». Экономики, в которой люди обмениваются не товарами, имеющими точный денежный эквивалент, а «дарами», под которыми может пониматься все – предмет, услуга, оказываемое уважение, и ценность которых люди определяют, исходя из субъективных отношений, молчаливых договоренностей. Рассмотрим это на примере русской крестья-

янской поземельной общины, которая существовала в России до революции и первые годы после революции.

Каждый новичок сразу же получал от общины все, что ему было необходимо для того, чтобы сохранить жизнь и работоспособность его и его семьи, причем даром, только на том основании, что он теперь такой же член общины, как и другие. Община совместными усилиями за кратчайший срок (день-два) выстраивала ему дом, на сходе его наделяли землей для сельскохозяйственной по числу «душ», то есть мужчин в семье, в случае надобности община выделяла семена для сева и хлеб для пропитания. Все это был «дар» общины.

Однако в «экономике дара» дар – это не альтруистическая услуга. Одаренный должен выступить с ответным даром, который производится не сразу, не обязательно в точности эквивалентен начальному вложению, но обязателен, его слишком долгое отсутствие повлечет за собой общественное осуждение, а регулярный отказ отвечать даром на дар – исключение из общины. Ответным даром русского крестьянина-общинника являлся труд на благо общины и взаимопомощь отдельным ее членам. Общинник был обязан участвовать в совместных коллективных работах общины («помочах») – строительстве прудов, дорог, мостов, которыми будут пользоваться все общинники, возведении тех же домов для новых общинников, уборке сена с общинных лугов, которое затем распределялось по дворам, помощи заболевшим общинникам, вдовам, инвалидам, старикам. Такой обмен дарами между общиной и ее членом и между самими общинниками не только был выгоден, но и укреплял общину, стягивал ее в одно целое межличностными связями.

Современные социологи экономики утверждают, что отличие дарообмена от товарообмена в том и состоит, что дар несет еще и символическую нагрузку и является выражением уважения к дарополучателю, устанавливает тесные межличностные связи между дарителем и дарополучателем. А вот товарообмен, наоборот, разобщает. Продавец и покупатель товара после сделки остаются друг другу чужими

и ничего друг другу не должны, ничем друг с другом не связаны.

Итак, община – это форма хозяйствования, для которой характерен нерыночный обмен («экономика дара», или ойкономика в терминах Аристотеля), ей противостоит частнособственническое хозяйство (рабовладение, феодализм и капитализм), для которого характерен товарно-денежный, рыночный обмен («экономика товара», или хрематистика в терминах Аристотеля).

«Экономика дара», где труд становится даром, приносимым человеком общине в обмен на дар жизнеобеспечивающего продукта, предполагает, что оттого, что выиграет один, выиграют и все. Общинник, получивший от сообщества «дары», чувствует себя морально обязанным, хорошо трудится, и произведенными им благами в определенной мере пользуются все. В общине все имеют совпадающие экономические интересы. В «экономике товара», где труд продается, как, например, при капитализме, участники производства – рабочий и капиталист – имеют противоположные экономические интересы. Это вызвано не их моральными качествами, а объективными условиями, в которых они оказались и которым они вынуждены подчиняться.

Впрочем, и взаимопомощь общинников, как мы видели, строилась не на чистых моральных основаниях, восходящих, скажем, к православной соборности или особенностям русского характера, как казалось «романтикам общины» русским славянофилам и народникам. Общинники помогали друг другу, потому что они вынуждены помогать, иначе они потерпели бы и материальный, и социальный ущерб: их бы считали неблагодарными и лишили тех благ, которые им даровала община¹.

Такова общая модель общины, и ее мы и будем использовать, перейдя к самоорганизации постсоветских людей в условиях экономического кризиса.

СОВЕТСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ-ОБЩИНЫ

Многие исследователи уже указывали на то, что советские предприятия были

непохожи на индустриальные предприятия Запада². Советские предприятия располагали широкой социальной инфраструктурой: поликлиниками, санаториями, профилакториями, детскими садами, которые предназначались для сотрудников и членов их семей. Это не было запланировано в проекте марксистского социализма, который предусматривал удовлетворение всех нужд людей учреждениями государства. С позиций этого проекта подобные социальные инфраструктуры предприятий – даже ненужное дублирование: ведь есть уже районная поликлиника, куда могут обращаться все жители района, в том числе и работающие на определенном заводе.

Очевидно, что создание таких дублирующих соцструктур было стихийным творчеством масс, и моделью для них являлась русская община. И руководство заводов, и их рабочие в период индустриализации, как указывал С. Г. Кара-Мурза, были бывшими крестьянами-общинниками и бессознательно переносили принципы крестьянской общины на городское предприятие. В сущности, такие предприятия были воплощением в жизнь мечты русских народников и славянофилов (Кропоткина, Хомякова, Менделеева) о переносе крестьянской общины на промышленный уровень.

В рамках общинной логики свой дом, поликлиника, санаторий у предприятия очень даже оправданны и не являются дублированием государственных структур, как казалось ортодоксам от марксизма, или растратой финансовых средств, как кажется либералам. Завод, выступавший здесь как община и как коллективный даритель, предоставлял сотруднику все необходимое для жизни – квартиру, дешевую еду в общепитовской столовой, детсад для ребенка, качественное медобслуживание. Ответным даром рабочего был хороший труд, оказание помощи товарищам, когда она понадобится, и сверхурочный труд («общественные поручения» – аналог старорежимных крестьянских «помочей»). И опыт доказал, что такая «общинная экономика» была не менее эффективной, чем западная, частнособственническая (если отвлечься от перебоев с ширпотребом в СССР, о которых говорят либералы, а вспомнить, что со-

ветская «общинная экономика» помогла выиграть тяжелейшую войну и затем за считанные годы вытащить из послевоенной разрухи и голода многомиллионный народ).

С. Г. Кара-Мурза уже писал о том, что даже сознательная атака правительства либерал-реформаторов на предприятия-общины – приказы о продаже объектов социнфраструктуры, пропаганда рыночных отношений – не привела к полному уничтожению таких предприятий и перерождению их в производства западного, капиталистического типа. Предприятия-общины сохранили свои инфраструктуры в их базовой части и только свернули их до лучших времен. И даже такие «полусокращенные» предприятия-общины служили спасением для очень многих людей, попавших в ловушку экономических реформ. Это понимали и руководители предприятий, некоторые из которых тоже прониклись общинным духом и считали, что предприятие обязано позаботиться о своих работниках.

Именно от них и пошел эксперимент по выдаче зарплаты продуктами – натурализация зарплаты. Он был следствием отчаянья: денег ни на что не хватало, и имевшиеся средства рачительные хозяйственники пускали на поддержание завода, а работникам предлагалось вместо зарплаты получить продукцию предприятия. Вряд ли они осознавали, что благодаря этому бывшие советские предприятия, так и не став капиталистическими, окончательно стали типами общины, действующими по законам экономики дара. Вспомним, что экономика дара практикует безденежный обмен внутри общины. Думается, этот процесс можно назвать «коммунизацией» предприятий (от латинского слова «коммуна» – «община»).

Естественно, с точки зрения либерала это было архаизацией, отходом назад. Но если целью экономики считать не накопление богатств, как это делают либералы, а выживание в трудных условиях, как всегда считалось в традиционной общине, то такая модель предприятий-коммун была чрезвычайно эффективной. С точки зрения социальной, а не денежной эффективности эти предприятия прекрасно выполняли свою задачу. Даже в худшие времена они сохранили собственные ин-

фраструктуры: поликлиники и профилактории, свои детские сады и пионерские лагеря, свои сельскохозяйственные отделения – теплицы с огурцами и помидорами, поля, засаженные картофелем, так что работники могли за символическую плату приобретать услуги и продукты питания. Даже похороны умерших сотрудников осуществлялись за счет предприятия, в качестве помощи семье покойного. И это ведь только на официальном уровне, а были еще и неофициальные отношения в коллективе, и каждый член коллектива мог рассчитывать на товарищескую помощь. Человек, сохранивший рабочее место на таком заводе, даже получая зарплату продукцией, обеспечивал хотя бы по минимуму потребности свои и своей семьи, был более или менее социально и материально защищен. Человек же, оказавшийся на улице и поплывший по волнам капиталистического рынка, не всегда мог достичь такой зарплаты, которой хватало бы и на еду, и на квартиру, и на врачей, и на отдых, и на детей.

Подобные предприятия-коммуны доказали в 1990-х годах свою экономическую состоятельность – разумеется, по критериям общинной, а не капиталистической экономики. Финансирование со стороны государства, которое они получали в те годы, было столь ничтожным, что его вовсе можно было не принимать в расчет. Фактически эти предприятия существовали на условиях самоокупаемости. Ничто им не мешало, в принципе, воспользоваться процессом приватизации, выкупить предприятие и сделать его собственностью трудового коллектива, чтобы затем, в точности как хозяйственные общины традиционного общества, на началах самоуправления самим строить производство и жизнь. Конечно, вряд ли это можно было сделать на крупных предприятиях, выпускающих самолеты или автомобили, – и обмен тут затруднителен, и сам дух промышленности противоречит органическому духу общины. Но маленькие фабрики и мастерские вполне могли бы организовать в такие хозяйственные общины – тогда сбылась бы мечта народников и славянофилов о переходе русской общины на уровень городского производства. За счет кооперации друг с другом такие предприятия могли бы создать осо-

бую область экономики, свободную и от духа тотального диктата госчиновника, и от «преlestей» капитализма. И лично я не сомневаюсь, что это была бы очень эффективная отрасль, так как подобные попытки предпринимались и уже давали хороший эффект.

Мне известен провинциальный университет, который в самый разгар либерализации, когда преподаватели получали такие гроши, что уходили на рынок торговать турецким бельем, а студенты чуть было не падали на лекциях в голодные обмороки, заключил договор с таким же умирающим пригородным совхозом. Это была инициатива ректора, который сам был из крестьян и подходил к делу с крестьянской смекалкой, а не с переводным томом «Экономика» в руках. По этому договору каждую осень студенты и преподаватели вуза снимались примерно на месяц с занятий и ехали в совхоз, где тогда катастрофически не хватало рабочих рук. Внешне это напоминало советские осенние «добровольно-принудительные» выезды «на картошку», только теперь это имело экономический смысл для каждого выезжающего лично, да и для всех работников вуза. Ведь в обмен на помощь совхоз, по законам «экономики дара», предоставлял учащимся и работникам этого вуза картошку, капусту, морковь, свеклу и т. д. по символической цене и в больших количествах. Кроме того, по льготным ценам овощи поставлялись в столовую университета. Самое интересное, что, несмотря на мизерность цен, это приносило прибыль и совхозу, в противном случае урожай пришлось бы продавать спекулянтам-перекупщикам, которые заплатили бы еще меньше.

Предприятия, пережившие 1990-е годы, таким образом и сегодня могут стать базой для развития форм общинной экономики.

САМООРГАНИЗАЦИЯ САДОВОДОВ

Огромную роль в выживании масс людей в годы шоковой терапии в России сыграли садоводческие загородные хозяйства, продукцией которых кормились безработные, малооплачиваемые работники

умирающих предприятий, старики-пенсионеры.

Тип садоводства, ставший основой для выживания масс в годы реформ, возник в СССР достаточно поздно, в 1950–1960-е годы. Специалисты-социологи (например, И. Чеховская) отмечают, что первоначально в СССР воспроизводился тот тип дачного хозяйства, который сложился до революции в среде высших и средних слоев общества. Подражая аристократам, которые летом выезжали на отдых в свое деревенское имение, представители дореволюционного «среднего класса» тоже либо покупали, либо арендовали специальные дачные домики за городом. Живя в них, они просто отдыхали и сельскохозяйственными работами не занимались. После революции такие дачные поселки были экспроприированы государством и превратились в места для отдыха партийной советской элиты. Советские граждане, не принадлежащие к элите, могли также арендовать на лето домики рангом ниже, тоже подходящие для отдыха.

Пригородные участки, предназначенные для выращивания на них овощей в личных целях, стали предоставлять гражданам в первые послевоенные годы (специалисты объясняют это тем, что в голодные годы люди хоть так могли поправить свой рацион, однако, думается, здесь сыграла свою роль и тоска бывших крестьян по «земле»). В 1960-е годы разрешили строить на них маленькие, нестационарные домики. Так и сформировалось явление, которое до сих пор у большинства населения называется «дача» (хотя к даче классической оно отношения не имеет, скорее оно восходит к крестьянскому огороду).

Садовые участки распределялись предприятиями среди своих работников. Предприятие оплачивало все расходы: электрификацию, водопровод, телефонизацию, охрану. Это тоже был «дар» предприятия. Своеобразный дарообмен существовал и среди садоводов. Характер ритуала приобрела привычка делиться с соседями урожаем. Люди помогали друг другу при строительстве дач, посильно участвовали в общественной работе. Эти садовые хозяйства, объединенные в товарищества, помогли выжить огромному

количеству людей в тяжелые 1990-е годы. Малооплачиваемые работники, а то и безработные проводили месяцы, а то и почти круглый год на дачах, выращивали овощи, которыми затем питалась вся семья. Как замечает И. Чеховская: «Последний российский экономический кризис 1998 года продемонстрировал практическую обоснованность ориентации на самообеспечение: на фоне всеобщей паники дачники, у которых была “своя” картошка и т. д., оставались относительно спокойными. В очередях можно было услышать: “На дачу, что ли, уехать и там пересидеть?”»

Конечно, с точки зрения капиталистической экономики дачи были и остаются нерентабельными, дешевле купить ту же продукцию на рынке. Но, как отмечает тот же специалист: «У многих дачевладельцев нет альтернативы: на основном рабочем месте либо не платят зарплату, либо она очень мала, либо человек вообще безработный. Те самые деньги, на которые дешевле купить, просто негде заработать».

Противостоя налетам бомжей и люмпенов, садоводы сами организовывали совместное патрулирование дачных поселков. Высокая способность к самоорганизации проявилась и в создании общественных организаций, защищающих права садоводов. Например, повсеместно садоводам удавалось добиться льгот для себя на пригородном транспорте, что для них было жизненно важным.

Другой пример такой самоорганизации – объединение в кооперативы садоводческих хозяйств, возникших уже в 1990-е. В эпоху реформ многие предприятия, переживающие кризис, уже не могли оплачивать нужды садоводческих хозяйств своих работников. Садоводы стали создавать кооперативы или товарищества, своеобразные общины, осознавая выгоды, которые несет объединение средств и усилий. Члены такого кооператива выбирают правление и осуществляют взносы, на которые возводятся строения общего пользования (например, дом сторожа), проводятся в дачный поселок водопровод, электричество, строятся дороги, проводятся мелиоративные работы, оплачивается охрана. Это своеобразный аналог «помочи», то есть общественных работ в крестьянской общине, только члены коо-

ператива не могут сами электрифицировать дачный поселок, для этого нужны специалисты, но они их совместно нанимают. Теперь уже кооператив, а не завод предоставляет садоводам все необходимые и даже комфортные условия (электричество, газ, телефон), а садоводы осуществляют денежный аналог ответного дара – «помочи». Кроме того, поселок сам по себе постепенно становится маленьким «миром» и в нем осуществляется взаимопомощь на основе «экономики дара» между самими садоводами.

Казалось бы, со стремлением к общинной самоорганизации у садоводов контрастирует популярное среди них требование передать участки в частную собственность. Однако само понимание частной собственности у них весьма своеобразное, сильно отличающееся от классического либерального понимания. Если либеральное понимание предполагает прежде всего превращение приватизированной земли в товар, рыночные спекуляции с землей, то садоводы вкладывают в термин «частная собственность» иной смысл – собственность семьи и рода, которая не может быть отчуждена государством. Напротив, к земельным спекуляциям они настроены отрицательно, поскольку убеждены, что земля дана для того, чтоб ее обрабатывать. Среди садоводов распространены свойственные для крестьян-общинников ценности – любовь и уважение к сельскохозяйственному труду, презрение к отлыниванию от этого труда, «легкому» зарабатыванию денег. Типичное поведение частного собственника на землю, широко распространенное на Западе, – консервирование земельных участков на длительный период, пока они растут в цене, – вызывает у них, безусловно, возмущение.

Думается, процесс передачи земли в частную собственность, который начнется уже скоро, отрезвит садоводов и покажет им, что они просто не понимали, что их ждет, и тогда мы столкнемся с мощным и организованным движением против приватизации земли.

САМООРГАНИЗАЦИЯ СРЕДИ РЫНОЧНЫХ ТОРГОВЦЕВ.

1990-е годы были годами расцвета мелкой продуктовой торговли, центрами

которой становились стихийно возникавшие уличные рынки. На них можно было купить основные продукты питания – мясо, колбасу, хлебные изделия, масло, фрукты – гораздо дешевле, чем в государственных и частных магазинах. Просуществовали они до начала 2000-х, когда стали вытесняться сетями супермаркетов.

Персонал этих рынков формировался из тех, кто остался без работы после закрытия предприятия или сам ушел из-за грошовой зарплаты, которую зачастую еще и не платили. Российские либералы любят именовать торговцев этих рынков «пионерами капитализма», «инициативными людьми», которые, в отличие от «совков», не желали ждать «милости от государства» и взяли судьбу в свои руки. Однако это ни на чем не основанные идеологические ярлыки, связанные с тем, что наши либералы мыслят в рамках абстрактных, оторванных от жизни конструкций, вычитанных из книг и журналов по экономике. В действительности имеющиеся социологические исследования функционирования таких рынков показывают, что торговцы, которые по отдельности были включены в капиталистические отношения, потому что были наемными работниками, стихийно организовывали своеобразные общины, которые регулировали их взаимоотношения, перераспределяли прибыль из соображений экономической безопасности для всех. Такие общины, будучи неофициальными и даже не имеющими собственного имени (торговцы называли их просто «наш рынок», «весь рынок»), могли выступать как коллективный субъект по отношению к официальной администрации рынка (например, когда община хотела исключить из своих рядов торговца, который с точки зрения администрации никаких нарушений не совершал).

В своем обзоре функционирования таких общин мы будем опираться на найденную нами в Интернете работу Ирины Ивлевой «Уличный рынок: среда петербургских торговцев» (http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik9/9_ivlev.htm). Несмотря на то что она использовала материал, собранный в среде торговцев Санкт-Петербурга, сама исследователь признает, что структура и непи-

санные обычаи этих рынков в разных регионах схожи и ее выводы могут быть распространены на российские рынки такого рода вообще.

Торговцы таких рынков являются либо «хозяевами», то есть владельцами товара, либо наемными продавцами, которые торгуют товаром «хозяина». «Большинство вечерних торговцев (то есть продавцов, торгующих вечером – *Р. В.*) это женщины с “несложившейся судьбой” – разведенные, матери-одиночки, вдовы, вынужденные взять на себя роль кормильца в семье. Таким образом, вечерней торговлей занимаются в большинстве своем представители семей, причисляемых к социально незащищенным группам». Мужчины в основном работают на рынке грузчиками или помогают женщинам приносить и уносить товар (это делают, как правило, родственники: мужья, сыновья).

Главным мотивом женщин, становящихся торговками, является не получение прибыли, а выживание, обеспечение семьи и детей (хотя иногда эта мотивировка двусмысленна – некоторые из торговков получают пенсии, выплаты за детей, так что речь идет не о буквальном выживании, а о стабилизации материального положения). Ивлева характеризует сообщество таких торговков как «материнское сообщество»: «Эта категория выбрана для характеристики сообщества потому, что большинство его представительниц обладает материнским статусом, занимает позицию “работающей матери” и дискурсивно акцентирует статус матери и ценности материнства».

Это сообщество имеет свои особые правила, которые не спущены «сверху», не записаны в уставе рынка, а сформировались стихийно, в ходе образования рыночной торговли и во многом связаны со стремлением к общинной взаимопомощи. К этим правилам относятся: запреты на демпинговые цены, на откровенную конкуренцию за покупателя (торговцы называют это «перебивать торговлю», то есть «предлагать свой товар, когда покупатель собирается купить такой же продукт у соседа»), на отказ делать скидку при покупке товара «своим». Нарушение этих трех базовых правил влечет за собой суровое наказание: изгнание из сообщества тор-

говцев данного рынка, причем перед нами типичный «суд общины», так как речь идет о решении всего собрания торговцев, а не о решении администрации, которая вынуждена признать это решение, если не хочет конфликта с сообществом рынка.

Существуют и другие правила, нарушения которых не наказываются столь сурово, за ними следует лишь моральное осуждение, но если таких нарушений накопится большое количество, то существование такого предпринимателя на рынке станет невыносимым, его подвергнут настоящему моральному террору и он уйдет сам. К правилам этого рода относятся требование «приглядеть за товаром», когда сосед отлучился по каким-либо делам, и даже торговать за соседа, кладя деньги в его кассу; готовность всегда разменять деньги соседу, подсказать покупателю, где продают нужный ему товар. Существуют и чисто моральные правила: мелкая помощь детям-беспризорникам, постоянно находящимся на рынке. Например, продавцы угощают их фруктами, дают хлеб или другие продукты, которыми торгуют. (Ивлева связывает это с субкультурой материнского сообщества, в котором требуется подчеркивать свой статус матери, заботящейся о детях). Среди торговков петербургского рынка, который исследовала Ивлева, существует запрет на продажу детям-беспризорникам спичек и полиэтиленовых мешков (дабы препятствовать курению и токсикомании среди них). Надо полагать, что подобные запреты существуют и на других рынках.

Взаимопомощь среди торговцев выражается и в том, что они объединяются в целях безопасности. Можно к этому добавить личное наблюдение автора. Мне известен случай, касающийся такого же уфимского рынка: после смерти одной из сотрудниц ее коллеги собрали деньги и принесли их родственникам покойной, дабы помочь покрыть похоронные расходы. Кроме того, они бесплатно распродали ее оставшийся товар и тоже вернули деньги родственникам. И это – не единственный случай, а тоже правило.

Ивлева отмечает, что подобные обычаи, особенно существование доверия среди торговцев, противоречат принципу конкуренции. Показательно, что описанные торговцы в случае выбора между ли-

берально-буржуазной конкуренцией и общинной взаимопомощью выбирают второе: «В среде торговцев формируются особые механизмы блокирования негативных последствий конкуренции, способных разрушить группу». Ивлева, правда, оговаривается, что конкуренция тоже присутствует, поэтому на рынке нет стойких дружеских отношений, но она введена в определенные рамки, так как прибыль здесь является не главным мотивом: «Представители сообщества ставят своей основной целью решение проблемы выживания. Принцип “безопасность прежде всего” реализуется посредством оказания взаимной помощи членами сообщества в процессе избегания рисков (угрозы жизни, имуществу и т. п.)».

Ивлева называет такую форму хозяйственной деятельности «моральной экономикой». На самом деле, перед нами более или менее типичный случай небуржуазной, общинной экономики, широко распространенной в традиционном обществе и, как видим, сохранившейся в России до сих пор и даже приспособившейся к условиям «дикого капитализма». Это объединение торговцев, основанное на ограничении конкуренции, взаимопомощи, идеологическом обосновании деятельности и направленное не на обогащение, а на поддержание примерно одинакового гарантированного уровня материального достатка у всех членов общины.

Черты этого сообщества напоминают средневековые западные гильдии или цеха торговцев, русскую артель коробейников и т. д. Так, П. А. Кропоткин отмечал такие же обычаи средневековых цехов: самоуправление, братство между членами, взаимопомощь. Важно замечание Кропоткина, что гильдии средневековых торговцев в первую очередь стремились обеспечить товарами горожан своего собственного города и свою собственную гильдию, а затем уж всех остальных, «случайных людей». Ивлева отмечает, что и торговцы на уличных рынках из толпы покупателей выделяют «своих» (постоянных покупателей, знакомых и родственников, просто тех, кто им понравился и хорошо к ним отнесся) и продают им товар по сниженной цене, не как всем остальным. Наши наблюдения показывают, что «своим» торговцы

могут даже указать на плохое качество того или иного товара (хотя это им и невыгодно, такой товар нужно поскорее продать).

Так выброшенные на произвол рыночной стихии советские люди, бывшие инженеры, рабочие, учителя, медики, следуя некому архетипу, стихийно создали типичный институт небуржуазной, общинной экономики.

САМООРГАНИЗАЦИЯ РОДСТВЕННИКОВ

В 1990-е годы в России возникает семейное производство. В городе это мелкие торговые фирмы или мелкие производства, которые не только принадлежали определенной семье, но в которых в основном трудились члены этой семьи. Как правило, они не давали больших доходов и работали на «самосохранение семьи». На селе такие хозяйства зачастую воспринимались как фермерские и «капиталистические», хотя настоящий сельский буржуа-фермер использует наемный труд, труд сельского пролетария – батрака, а здесь мы имеем дело с совместным трудом членов семьи, то есть маленькой, элементарной общиной. Однако такого рода семейные предприятия в России не стали массовым явлением.

Наибольшее распространение получила потребительская сеть, включающая в себя домохозяйства родственников. Этот вид общинной самоорганизации хорошо изучен современными социологами. Включает он в себя не обязательно близких родственников, хотя, как правило, обязательно является сеть между пожилыми родителями и детьми, имеющими собственные семьи. Входят в сеть не по принципу близости родства, а по принципу симпатии и обязанности члена сети в плане исполнения ее правил. В случае если член сети является близким родственником, но не отвечает даром на дар (то есть услугой на услугу) и является только реципиентом, его исключают из сети, не сделав снисхождения (естественно, на помощь между родителями и детьми это не распространяется). В сеть могут входить и друзья, многие из которых

фактически становятся почти родственниками и имеют те же права.

Такая сеть создается с целью гарантировать своему члену минимальный достойный уровень жизни. Скажем, она может предоставлять ему деньги займы, давать продукты, лекарства, просто оказывать услуги (уход за ребенком, помощь при ремонте, строительстве дачного дома и т. д.). На первый взгляд перед нами какие-то обыденные ситуации, которые и не заслуживают внимания, но специалисты в области социологии экономики утверждают, что такой дарообмен услугами, продуктами и деньгами способен сыграть значительную роль в выживании масс людей в кризисное время. Так, социолог экономики О. В. Лылова отмечает, что в годы реформ жители села в силу регулярной невыплаты зарплаты вообще оказались за бортом «товарной экономики» и выживали за счет взаимопомощи родственников, так называемой «семейной экономики дара»: «Поскольку поступления из официальных источников (доля зарплат, социальных трансфертов) составляют все меньшую и меньшую часть в совокупных располагаемых ресурсах сельской семьи, а поддержание достойного уровня жизни зависит в основном от экономической активности ее взрослых членов, сельские домохозяйства все более уходят в сферу неформальных отношений и неформальной семейной экономики. Сегодня их можно рассматривать уже не столько как потребительскую, но в основном как производственную единицу, функционирующую по законам семейной экономики. Для такого хозяйства характерна не погоня за прибылью, а поддержание жизнедеятельности семьи, использование при этом всех доступных ресурсов, которые делают ее независимой от нестабильной внешней экономической среды, помогают сохранить материальный и социальный статус» (О. В. Лылова. «Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе»).

Так, традиционной стала помощь со стороны взрослых детей пожилым родителям, и наоборот. Помощь эта осуществляется по законам «экономики дара», причем в качестве дара здесь выступают деньги. Пенсионеры – единственная социальная группа на селе, которая получает

какие-никакие деньги. Большую часть пенсии они отдают детям, а те обеспечивают их продуктами со своего огорода, обрабатывают огород родителей, запасают корм для скота, делают домашние заготовки и т. д. Повторим, что деньги здесь являются не всеобщим эквивалентом товаров, как это бывает в рыночной экономике, а именно даром, никто специально не оговаривает, что за такую сумму нужно обработать такую часть огорода, этот вопрос решается на основе молчаливых договоренностей. Такие же формы взаимопомощи существуют и в городе. Однако специалисты отмечают, что если на селе дарообмен чаще всего происходит в форме обмена натуральными продуктами, то в городе – в форме обмена деньгами (С. Барсукова. «Сетевая помощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара»). Причем основными участниками дарообмена между родственниками и друзьями являются женщины и в случае сетевой взаимопомощи родственников взаимопомощь наиболее интенсивна по женской линии (например, мать и дочь).

Повторим, что на первый взгляд речь идет о бытовом и не имеющем большого значения феномене: профессиональные экономисты, любящие рассуждать о ценах на нефть и акциях крупных компаний, вероятно, поморщатся, если с ними заговорить о помощи родителям со стороны молодых семей, да еще и в натуральной форме. Однако в совокупности это огромный пласт реальной экономики в России, позволяющий выживать и существовать миллионам людей (прежде всего малозащищенным слоям – пенсионерам, студентам, инвалидам и их родственникам). Фактически в России нет ни одной семьи, которая не была бы вовлечена в такие сети взаимопомощи родственников. По данным Лыловой, на селе 74% опрошенных жителей выступили за сохранение таких сетей, а еще 24% – за их расширение.

САМООРГАНИЗАЦИЯ СРЕДИ СОСЕДЕЙ

Соседская община на селе распалась в России вместе с традиционной русской

поземельной общиной, что, однако, не означает, что исчезла взаимопомощь между соседями. В первые советские годы были попытки создания деревенских советов на селе и районных, домовых, подъездных советов в городе, которые, по сути, были такими же территориальными соседскими общинами, – но развитие государственного контроля прервало этот процесс. К 1980-м годам и на селе, и в городе общинная самоорганизация соседей чаще всего исчерпывалась объединением в сети взаимопомощи по принципу личной симпатии. Редкостью были совместные работы (например, по уборке общественной территории, прилегающей к домам, или совместная, по графику, уборка подъездов). Особенно велико было отчуждение в городах, где соседи часто не знали друг друга.

Но в 1990-е годы наряду с ростом страхов, подозрительности и даже агрессивности жильцов городских квартир по отношению друг к другу возникают и ростки общинной самоорганизации. Поскольку резко ухудшилась криминальная обстановка в городах, соседи стали объединять усилия для покупок подъездных дверей, домофонов, кодовых замков, дверей-перегородок. Во второй половине 1990-х, когда террористы взрывали в Москве дома, жители организовывали добровольные дружины, которые патрулировали территорию возле дома, сообщали в милицию о подозрительных личностях.

Соседская взаимопомощь не ограничивается кругом жильцов: известны случаи, когда жители какого-либо подъезда подкармливали бомжей, разрешали им ночевать на лестнице или в подвале с условием «хорошего поведения». Гораздо реже, но тоже случаются прецеденты ремонта дома или подъезда на собранные жильцами деньги или усилиями жильцов. Кстати, принятый недавно закон о ТСЖ (товариществах собственников жилья) открывает свободу для такой инициативы. Очевидно, что, взвалив часть коммунальных услуг (например, уборку территории, подъезда, ремонт) на свои плечи, товарищество жильцов получит возможность меньше платить представителям коммунальных служб. Вообще возрождение соседских самоуправляющихся общин – один из вариантов хотя бы час-

тичного освобождения от пут городского «коммунального чиновничьего аппарата», непомерно разросшегося в последние годы.

ЗЕМЛЯЧЕСТВА

В годы перестройки и либерализации началась массовая миграция на территории бывшего СССР. Люди переезжали в большие города, приезжали из ближнего зарубежья. Адаптацию и жизнь на новом месте облегчало землячество – общинная самоорганизация по принципу общности происхождения. Землячества существовали в России всегда, прежде всего в среде студентов и в армии. Однако в 1990-е годы они стали массовым общественным явлением, приобрели официальный статус, превратившись в общественные организации.

Обычно обращают внимание лишь на землячества так называемых «лиц кавказской национальности» (армян, грузин, азербайджанцев) в российских мегаполисах. Но это только верхушка айсберга. Движение землячеств представлено сотнями общин, существующих во всех крупных российских городах. В своих уставах, опубликованных в Интернете, землячества не скрывают, что создаются для широкой всесторонней взаимопомощи. Она состоит в материальной поддержке земляков в виде единовременных денежных выплат, устройстве земляков на работу, оказании бесплатных медицинских, юридических услуг со стороны других земляков, учреждении стипендий для талантливых студентов-земляков. Создаются клубы по интересам, детские секции, женские клубы. Проводятся культурные мероприятия (концерты, выставки). В случае национальных землячеств создаются школы с преподаванием на родном языке, курсы по изучению родного языка, газеты и даже радиоканалы на родном языке. Землячества выступают в защиту своих членов в случае агрессии, милицейского произвола. Естественно, взамен от земляка ожидается активное участие в делах землячества, готовность к ответной взаимопомощи, высокая коммуникабельность.

Финансовые фонды землячеств формируются за счет членских взносов, финансирования со стороны предприятий и частных фирм, расположенных на малой родине. Часто землячества возглавляются знаменитыми «земляками» – артистами, политиками, бизнесменами, которые при помощи своего положения или связей могут лоббировать интересы «земляков» в государственных или бизнес-структурах.

Существование землячеств удобно и выгодно не только их членам, но и государственным органам. Большинство землячеств так или иначе контролируют поведение своих членов и исповедуют принцип «коллективной ответственности», то есть готовы нести ответственность за своих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно привести еще множество примеров общинной самоорганизации и взаимопомощи, которая как бы явилась из-под спуда в 1990-е годы и удержала людей на поверхности в тяжелейшие годы реформ. Но мы не стремились к исчерпывающему описанию этого феномена, мы хотели лишь обозначить эту проблему. В то время как правительство и высшее руководство страны, следуя идеологическим догмам, пытается искусственно создать структуры малого и среднего бизнеса, естественным образом у нас сформировалась целая сфера экономики и жизни на основе общинных принципов, притом вполне соответствующая традиционным российским ценностям. Сфера настолько

чуждая и непонятная западническому государству и капиталистическому сообществу, что ее просто не замечают, в то время как она вполне эффективно выполняет свои задачи, прежде всего по поддержанию достаточного уровня благосостояния своих участников. Защита общины, всемерное развитие общинных институтов – все это могло бы объединить разные крылья патриотической оппозиции: истинных консерваторов, наследников линии славянофилов, и представителей «русского коммунизма». Ведь, как замечал еще А. И. Герцен, «социализм у нас в России объединяет и правых и левых». Можно к этому лишь добавить, что это наш русский, общинный социализм.

¹ В некоторых прошлых своих работах («Община и эгоизм», «Выбор патриота», «СССР – проект выживания») автор этих строк объяснял взаимопомощь между общинниками только тяжелыми условиями их существования, которые заставляют объединяться даже эгоистов. Признавая определенную правоту этого утверждения, теперь я все же отказался от ошибочной его абсолютизации. Дело не только в тяжелых внешних условиях (плохой климат, скудные почвы), ведь человек – не животное, он еще и социальное существо, и его производство подчиняется не природным, а социальным законам, в том числе и законам экономики дара.

² См., напр., С. Г. Кара-Мурза, «Советская цивилизация».

Круг чтения

Скоро в продаже появится новая книга «Success в большом городе» ныне беспартийной, но по-прежнему яркой, остроумной и стильной Ирины Хакамады. Она была в когорте первых амазонок, прорвавшихся на новейший мужской политический Олимп. История «существования женщины в головном мозге страны» иронично изложена Ириной Хакамадой в бестселлере «Sex в большой политике». О своей новой работе «Success в большом городе» сама Ирина говорит следующее: «Я надеюсь, что моя книга поможет амбициозным людям, мечтающим стать «номер один» в чем угодно, не продать душу дьяволу — выйти из клетки излишних амбиций, подчиняясь Большой компании или Большому боссу, не потерять собственное достоинство. Быть эффективными, оставаясь при этом свободными, а самое главное — счастливыми. Потому что, когда ты бесконечно богат, но при этом — раб, ощущение счастья исчезает. А когда ты достиг карьерного успеха и удивительно при этом свободен — это кайф. Такая вот методика карьерного счастья: совместить драйв, кайф и карьеру». Предлагаем на рассмотрение читателя главу из книги «Success в большом городе».

ПРИГЛАШЕНИЕ НА БАЛ

Отрывок из книги Ирины Хакамады «Success в большом городе»

В парламент я ворвалась стремительно и несколько неожиданно для себя. После кооперативного драйва с бесконечными бизнес-схемами, регистрациями предприятий, выяснениями отношений с налоговиками и арендаторами наступило странное время вечной публичности. Как будто ты сидишь на улице за библиотечным столом, читаешь кучу первоисточников и одновременно отвечаешь на вопросы прохожих, причем никто не сомневается в нормальности происходящего.

От этого всего я постепенно начала сходить с ума. Как, впрочем, и многие неопытные политики. Столкнувшись с невозможностью повторить подвиги многостаночников, работники политического цеха поделились на две большие группы. Одни углубились в изучение юридических опусов, наваливаемых каждый день на стол огромными пачками (Интернета тогда в Думе не было), и, засев в кабинетах и комитетах, послали всех прохожих далеко и надолго. Другие закружились, завертелись в водовороте улиц Большого города, пытаясь стать самыми громкими, перекричать друг друга с одной целью: построить прохожих в стройные колонны своих почитателей. Поскольку я была депутатом-новичком, «заднескамеечником» без фракции, по меткому выражению Жириновского — «бомжом», то мечтать о толпах почитателей не приходилось. Нас, одиноких, забивали лидеры фракций. Вопросы же типа: «Как вам удается совместить личную жизнь и политику?», «У вас есть имиджмейкер или стилист?», «Почему вы все время в черном?» — профессионального удовлетворения не приносили. Скоро отвечать на них стало скучно...

Спас, на мое счастье, собственный прошлый опыт научной работы над диссертацией. Устроившись за задней «партой» в огромном зале заседаний Государственной Думы, я прилежно пыталась разобраться в юридических дебрях тысяч законопроектов, прислушиваясь к выступлениям именитых опытных депутатов, ловко жонглирующих специальными словечками еще с Верховного Совета.

Вскоре я обнаружила интересную закономерность: какого бы накала ни достигали страсти во фракциях и комитетах, сколько бы ораторского мастерства ни вздымалось на высокой трибуне, закон неизменно проваливался, если против него выступал, как вы думаете кто: Жириновский? Зюганов? Гайдар? Руководитель фракции «Наш дом — Россия» (фракция партии власти)? Не тут-то было. За постановочными парламентскими боями строго наблюдал невидимый режиссер, и имя его было ПРАВИТЕЛЬСТВО, и место его было — БЕЛЫЙ ДОМ.

Белодомовские ребята незаметно скользили по коридорам Думы, не заходя в зал, задумчиво поглядывали на ключевых борцов, размазанной тенью зажимали их в фойе и растворялись в воздухе, словно булгаковская нечисть, как только «решали вопрос». И тут мне открылась тайна! Главный мозг вовсе не здесь и прячется вовсе не в сложных текстах моих коллег. Тайнство принятия государственных решений вершится в закрытой за семью печатями резиденции федерального правительства. Закрытой — в прямом смысле этого слова. Мандат депутата не позволял свободно входить ни в Кремль, ни в Белый дом. А вот чиновник в ранге даже замминистра легко проникал в наш улей.

Задумчиво перелистывая странички, я все больше убеждалась в своей правоте, соизмеря фразу в заключении к законопроекту «Рекомендовано правительством к принятию» с его судьбой. Все совпадало. Одна из тысячи парламентских инициатив пролезала через игольное ушко правительственных рецензий, получая «добро», а все остальное летело тоннами макулатуры в мусорный ящик. И так мне захотелось попасть, пусть на минуточку, в этот таинственный источник власти! Подсмотреть хотя бы краем глаза, как работает гигантский мозг страны! Мне представлялось, что там я увижу сверхлюдей, расшифрую сверхсложные смыслы и подберу, наконец, ключи к замкам лаборатории, хранящей рецепты приготовления самых изысканных политических блюд.

Страстная мечта захватила меня, и — о чудо! — случай представился. Для массовости и придания элемента народности процедуре обсуждения вопросов федеральной повестки правительство пригласило на заседания депутатов, зарекомендовавших себя специалистами по данной проблеме. Уже не знаю, какими неведомыми путями, но кто-то в «головном мозге» вспомнил, что я пришла в парламент из малого бизнеса. А тут как раз наступил черед очередного ритуала повышенного внимания к тысячам «маленьких», и я, среднестатистический, «один-из-четырехсот-пятидесяти» депутатов, не член фракции, не председатель экономического комитета, точно Золушка на королевский бал, получаю заветное приглашение.

Как и должно было случиться, за неимением доброй феи я налетела на полный облом с первых же минут проникновения в святая святых. Я заблудилась! Запуталась в бесчисленных лифтах и переходах. Пустые, бездушные коридоры, абсолютно одинаковые, наводили страх, сбивали дыхание. В результате, вконец обессиленная, я ввалилась в зал заседаний. Вдали за огромным овальным столом восседали федеральные министры во главе с вице-премьером Сосковцом. Ближе к дверям рядами заполняли места птицы меньшего полета и депутаты. И ни одного свободного места. Ни одного! Я застыла в состоянии комы, и, видно почувствовав, что сейчас девушка рухнет в обморок и сорвет заседание, кто-то подставил мне стул, и я, упав на него, оказалась у самых дверей в проходе.

Посадка была резкой, скорее похожей на аварийное приземление самолета, чем на степенное размещение в главном пункте моего назначения. Уши заложило, сердце стучало громче, чем голос докладчика. Понадобилось минут пять, чтобы прийти в себя, не

краснеть из-за опоздания, немного освоиться и, наконец, начать слушать основной доклад.

Ключевая фраза, выбившая меня из внутренних переживаний, звучала для присутствующих вполне банально: «Малый бизнес, благодаря усилиям правительственных программ, развивается ускоренными темпами». Я насторожилась. Слышно было плохо, а видно еще хуже. Напрягая зрение и слух, я пыталась понять суть доклада. Но кроме обыденных сукожных фраз, перебираемых монотонно, словно четки, я ничего яркого не различала. Под бесцветное бормотание типа «налоги снижаются, бюрократические барьеры ликвидируются, удельный вес в валовом внутреннем продукте растет, количество занятых увеличивается...» зал спал с открытыми глазами, демонстрируя полное равнодушие к заданной теме. Затем последовали формальные вопросы и комментарии членов кабинета по заранее подготовленному списку. А меня постепенно захватывала абсолютно гибельная мысль высказаться. Причем сказать всю правду.

Уже тогда я почувствовала всю неправильность собственных помыслов. Я как бы раздвоилась. Одно мое «я» твердило, что надо молчать, изучать обстановку, получать опыт, не спешить и правду отодвинуть подальше. Другое «я» возбужденно вопило, что все, что произносится, — чушь, и «головной мозг» имеет честь в моем лице получить очень полезную информацию прямо здесь и сейчас. Или никогда! Когда вице-премьер объявил: «Кто из приглашенных хотел бы выступить?» — первое «я» по инерции что-то бубнило, а второе уже... тянуло руку! То ли из чувства любопытства к странному депутату, то ли из-за того, что меня трудно было различить, господин Сосковец пригласил меня тотчас на трибуну. Двигаясь к голгофе, я проклинала все: этот день, опоздание, свою наглость — и живо представила себе собственную казнь.

С возвышения чиновники казались еще грандиознее. Солидные дяди смотрели на меня со снисходительным презрением, покорно пережидая блажь вице-премьера. Чтобы не опозориться окончательно, я начала с каких-то общих фраз, копируя предыдущие речи. Лица присутствующих привычно окаменели. Я замолчала. Мне понадобилось менее одной минуты... И я решилась на отчаянный шаг.

Вдохнув побольше воздуха, сделав голос ниже, я начала рубить лес, уже не задумываясь о судьбе летящих щепок, включая и собственную судьбу. И полетели риторические вопросы и ответы: «Вы что, не знаете, сколько взяток с малого бизнеса требуют пожарные, санитары и прочие начальники? Не знаете, так я вам сейчас расскажу... А какую долю затрат занимает аренда подвала в Москве? А сколько надо заплатить, чтобы зарегистрировать предприятие? А главное, сколько времени на все это уйдет? Вы вообще представляете, что будет с малым бизнесом, если он заплатит все налоги? Вот возьмет и... заплатит! А потом умрет... Да вы вообще ничего не знаете, а хотите, чтобы он развивался. Или делаете вид, что хотите! Государственный рэккет — вот что творится на улице, а мы тут отчеты об успехах слушаем!»

Я закончила, и наступила тишина. Чиновники остолбенело смотрели на меня и с большим интересом ждали реакции Сосковца. И она последовала... Программу отправили на доработку. Вот так... А слух о том, что я — специалист по вопросам малого бизнеса, закрепил за мной политическую специализацию на всю жизнь. И в 1997 году я стала министром по малому бизнесу и переехала в вожделенный Белый дом. Но это — уже другая история, история существования женщины в головном мужском мозге страны, про нее я написала в книге «Sex в большой политике».

Моя башкирско-татарская Мельпомена

Раздумья дилетанта об особенностях национального театра

Трудно судить о театре, будучи дилетантом. Но зачастую именно дилетант выражает мнение массы или толпы (как вам угодно), а профессионал или в данном случае театровед может уйти со своими рассуждениями с неизвестными нам терминами очень и очень далеко и мыслить совсем другими категориями. Я очень люблю наш национальный театр и столько же ненавижу порой. Потому, что недостатки близких воспринимаются всегда болезненнее. Это как упрек к себе любимому. К провалам чужих мы, как правило, безразличны. Думаю, следует предупредить пытливого читателя, речь здесь все-таки не об этом.

Кстати, попытка выделить общее у двух национальных (башкирский и татарский) театров и все-таки подчеркнуть их разность была вызвана полусутольным замечанием одного русского писателя. «Мне кажется, и башкирский, и татарский театр должны играть на одной крутящейся круглой сцене», — сказал он как-то мне. Вот такое вот однобокое видение со стороны, и таких непониманий вокруг национального искусства — вдоль и поперек. Может быть, происходит это оттого, что носители национальной культуры не очень-то спешат делиться своим творчеством с русскоязычным зрителем, слушателем и читателем.

О ПРИМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА

Меня часто спрашивают: а в чем, собственно, разница между русским и национальными театрами? Неужели дело только в языке? На первый взгляд так оно и кажется. Тем более, в репертуарах национальных театров много переводных пьес. Скажу честно, слушать монологи госпожи Раневской на башкирском или же ме-

тания трех сестер на татарском — немного нелепо. По мне так Чехова лучше внимать в оригинале, а великий и могучий пока вроде не в списке иностранных языков.

Однако дело опять же вкуса, у каждой постановки — свой зритель. Но национальный театр все-таки предполагает наличие своей собственной драматургии, которая и определяет его неповторимое лицо. Иначе он и не национальный театр вовсе.

Наверное, истоки отличий надо искать в самих носителях языка и культуры. И вот тут как ни крути, а хранителем этнокультурных традиций остается деревня. Вся наша башкирско-татарская литература, всё наше песенное творчество и, конечно же, драматургия держится в основном на сельских сюжетах. И в репертуарах театров также — это основная линия. Иначе и быть не может, поскольку и целевую аудиторию театров также составляют в основном выходцы из села. Или же дети и внуки выходцев из села. Здесь уместно упомянуть о том, что городская культура у башкир и татар не сформирована в окончательном виде, — имеет место так называемая социально-психологическая маргинальность. Урбанистические традиции двух братских народов не столь ярко выражены, как, к примеру, у русских или же у грузин. Нет у нас самобытных персонажей из Замоскворечья, которых воспел в свое время Островский, мало было среди наших предков и потерявших себя провинциальных интеллигентов, подобных чеховским героям. Хотя в этой связи нельзя не отметить казанский купеческий быт из знаменитых «Башмачков». Но эта городская комедия скорее исключение из правил, а не общая тенденция.

Деревенский антураж — это главная особенность и очарование национально-

го театра. Отнимите у него бессменную «Галиябану» Мирхайдара Файзи — и театра просто не станет. Деревня — это как культурный код, объединяющий народ в единое целое. Там люди чище, там люди честнее. И театр выступает основным проводником этой тайнописи. Но если в произведениях национальной классики деревня напоминает скорее сказку, то уже в современной драматургии чувствуется боль за настоящую безнадёгу и ностальгия по той утерянной деревне. Комсомольская зорька «Озорной молодости» Ибрагима Абдуллина или же овечьинное невозможной романтикой «Долгое-долгое детство» Мустая Карима в итоге переросло в пьяную безысходность деревенских героев Туфана Миннулина («Свет моих очей», «Одинокая», «Мулла») или же трагическую агонию стариков из пьес Флориды Булякова («Любишь, не любишь», «В ожидании часа любви», «Голубушки мои»). Тем временем и городская жизнедеятельность находит свое постепенное отражение в театральном искусстве. Однако примой национального театра остается всё же Её величество Деревня.

НАША ВТОРАЯ ФИЛАРМОНИЯ

Наш народ любит петь. Хотя мне может тут же возразить: а разве другие поют меньше? Кстати, башкир и татар объединяет ещё и то, что они часто перепевают песни друг у друга, — песня не знает никаких преград, она идет от сердца. И песня означает для нас гораздо больше, чем просто песня. Можно привести в пример опять же репертуары театров: кроме обычных спектаклей, практически у любого национального театра обязательно значатся театральные фантазии, которые на проверку оказываются обычными концертами. Или же до невозможности любят в национальном театре юбилеи, которые также сдобрены внушительной порцией вокальных номеров. И, наконец, объяснение лежит даже в самом языке. Есть одно непередаваемое слово, оно употребляется и на башкирском, и на татарском языках — «мон».

«Мон» означает и просто мелодию, и состояние человека, и его музыкальный слух — в общем, словами и не выразить.

Более того, человек у которого отсутствует мон — это не просто тот, кому медведь на ухо наступил, а еще довольно скверная личность, черствая и бесчувственная. То есть мелодичность человека всегда связывалась еще и с его психологической характеристикой. Есть еще одно народное поверье: тот, кого природа наделила моном очень щедро, вряд ли будет счастлив. Песня чаще отражает какие-то трагические нотки. И мон — это еще боль, сила и глубина человеческого сердца. Возможно, поэтому излюбленный прием национальных театров — выражение самых лиричных моментов (объяснение в любви, расставание, страдания) с помощью песен. Именно после таких музыкальных отступлений русскоязычный зритель, может быть, вовсе останется в недоумении: а, собственно, к чему всё это? Более того, такие театральные песнопения покажутся ему нелепыми и смешными. А все потому, что есть вещи неуловимые, есть народный дух, который не конвертируем в принципе. Конечно, можно попытаться передать смысл песни, но поэтика языка все же останется не раскрытой, её вряд ли возможно будет укротить с помощью перевода. Да и нужно ли это?

В русском театре герой или героиня запоют, если это действительно художественно оправданно, к слову, там чаще выразителями внутреннего лиризма становятся пластика. А в национальном театре если герои не поют — это скорее нонсенс. Хотя есть и не музыкальные постановки, как правило, на основе переводного материала. Например, трудно представить героев нашумевшей постановки «Пролетая над гнездом кукушки» поющими. Хотя в психушке многое возможно, а петь тем более. Но все же песни — украшение национальных постановок, конечно, с оговоркой: если они подаются утонченно и дозированно. Музыкальные составляющие спектаклей всегда становились самыми популярными песнями среди народа. Песня Марагима из «Долгого-долгого детства», песня Загира из спектакля «Галия», «Һинэ килдем, иркәм» — одна из песен из постановки «Неотправленные письма». Кстати, все эти саундтреки стали популярны еще благодаря потрясающему исполнителю — актеру Фидану Гафарову (Башдрамтеатр имени

Мажита Гафури) — мегазвезде 70–80-х годов. В те годы публика ходила «на Фидана». В сегодняшнем башкирско-татарском театральном мире ярких звезд такого уровня уже нет.

Петь поставленным голосом, да еще и играть на гармонии (в классических пьесах — это одно из главных требований к герою), не забывая при этом поддерживать нужный образ, — дорогого стоит и не каждому дано. Поющие актеры, может быть, и не редкость, но гармонично сочетать в себе и вокал, и драматический дар удается не всем. Актёры национальных театров, как правило, поют «живую», без фонограммы. В некоторых постановках отказываются и от минусовок, предпочитая живой звук. Безусловно, это требует большой физической отдачи и эмоциональных сил. Случается, что режиссеры выбирают актеров исходя только из их вокальных данных. К примеру, недавняя премьера Стерлитамакского башдрамтеатра «Галиябану». Лишь когда главные герои — Галиябану и Халиль запели и продемонстрировали чудные голоса, стал понятен режиссерский выбор (режиссер-постановщик Нурия Ирсаева).

Завоевала симпатии многих слушателей далеко за пределами России музыкальная тема из постановки «Любишь, не любишь» под названием «Фатима». Как говорит сам автор, композитор Нур Даутов, «многие даже не догадываются, что эта мелодия написана была на самом деле когда-то для спектакля — «Фатима» теперь стала излюбленной темой симфонических оркестров».

Однако в любом деле нужна мера. К сожалению, иногда песни в постановках выступают не как вспомогательные элементы, а как нечто инородное. И когда музыкальные вставки никак не взаимосвязаны с основным действием, это выглядит скорее музыкальной паузой, отвлекает и отталкивает зрителя. Например, постановки «Здравствуй, ты стал папой» (театр «Нур»), «Свет моих очей» (постановка татакадемтеатра имени Г. Камала).

Нередко в национальных театрах все действие строится вокруг одной песни — она становится чуть ли не основным невидимым действующим лицом. Например, знаменитая песня Хамдии из спектакля «Ак калфак» или песня «Сибелә

чәчем» — заглавная тема постановки «Го, Баламишкин!». А новая работа Туфана Миннулина «Ненаглядная моя» трогает лишь блюзовой подачей той же бессменной песни «Галиябану». Поэтому, когда национальный театр немного поет, немного танцует, надо воспринимать это как должное, как его неповторимое лицо, которое ни с кем другим не спутаешь. Главное, чтобы между филармоническими номерами артисты не забывали собственно играть.

РАЗНЫЕ ЛИКИ ОДНОЙ ЛУНЫ

Под национальным театром я объединила здесь и башкирские, и татарские театры. Хотя многие, возможно, возмутятся таким винегретом, а вот для русскоязычного зрителя среди них особой разницы и вовсе нет. Первое, что приходит на ум, — это язык! Но русский человек, действительно, с трудом разбирает, чем отличается татарский от башкирского. Вряд ли будет уместно и целесообразно предаваться здесь фонетическому разбору особенностей двух языков. Русскоязычному зрителю, который зачастую пользуется синхронным переводом, важно понять другое — очень тонкую материю, именуемую национальным характером. Я понимаю, что сейчас практически трогаю за рога священную корову. Но все-таки свое скромное мнение на этот счет имею право выразить.

К слову, самобытность двух народов отлично отражает собственно театральное искусство. Здесь и разница менталитетов, и разная история, и все-таки разная культура. Задорные татарские танцы трудно поставить рядом с грациозной плавностью башкирских «Семи девушек». Или узун-кую исполняли испокон веков на склонах Уральских гор, а на побережьях Идели лились совсем другие мелодии. Вместо курая там звучали тальянка или скрипка, например. Народы отличались своими историями, образом жизни. Бесконечные просторы Урал-тау — родная земля, воспринимаемая как символ свободы, — для одних. И многострадальные, святая святых — Булгар и Казань, где бурлила прежде всего жизнь торговая, — для других. Поэтому дитя природы — башкир всегда был скромным, глу-

бинным и бескомпромиссным. А переживший за многие века разные государственные образования, разбросанный по всему миру татарский народ живуч, наверное, везде за счет своей ловкости, эмоциональности и вычурной торопливости. Поэтому нежное щебетанье с равнением на скорость света, почти карикатурное изображение всплесков эмоциональности девичьей компании — это скорее излюбленный прием татарского театра. Хотя шаблоны легче всего копировать, и они порой кочуют из театра в театр. Особенно женская истерия. Но вернемся к истокам...

Борьба за землю породила воинственный дух башкирского народа. И вся монументальность его истории, безусловно, находит свое отражение и в театральном искусстве. Это романтические постановки «Последний из рода Гайне» и «Наркас», «Дочь степей», «Урал-батыр», «Салават», которые трудно представить на сцене татарского театра. У них другая боль на все века — падение Казани и благоговение перед последней царицей Сююмбике. Это историческая память, которую не отнимешь, не вычеркнешь, не переделаешь.

Другое дело — общая история под главенством Ак-падши (Ивана Грозного) и

остальных его потомков. Однако полностью национальные границы начинают нивелироваться к XIX веку. И написанная в начале XX века «Галиябану» стала общим достоянием. Также подводит два театральных мира под один знаменатель одна религия. Ислам долгое время негативно относился к театру, да и вообще к изображению живых существ. Поэтому первым национальным театральным деятелям пришлось нелегко: переборов в себе веру, они пошли против общественного мнения и все-таки сумели отстоять свое право на существование.

Сегодняшнее национальное театральное искусство башкир и татар взаимодополняют, но никак не растворяются друг в друге. Театр — это островок, где хранят литературный язык, культурные традиции, историю, характер народа. Если же дело касается современных пьес, то, безусловно, они могут быть поставлены как в башкирском, так и татарском театрах. Потому как в век глобализации современные мироощущения представителей двух братских народов едва ли отличаются. Над нами одно солнце, над нами одна луна. И не подобает нам делить песни, и в этом наша сила.

Вековая дуэль с криминалом

Документальный детектив

(Продолжение. Начало в N 8)

ХИЩНИКИ

Юсуп Хасанович вернулся в управление злой и усталый. Прошел еще один беспокойный день, а докладывать руководству было нечего.

За годы службы он привык, что легких дел в уголовном розыске не бывает. За все брался с каким-то неумным азартом, ему даже доставляло удовольствие раскрывать более сложные преступления, когда можно было померяться силами с достойным противником, испытывать удовлетворение оттого, что сумел со своими товарищами распутать хитроумные ухищрения матерых рецидивистов.

Природная смекалка, наблюдательность, умение легко располагать к себе людей, искусство перевоплощения позволяли Юсупу Хасановичу и запутанные дела доводить до успешного конца.

Эти деловые качества старшего оперуполномоченного угрозыска постоянно отмечались в его служебных аттестациях.

Каждое нераскрытое дело Юсуп Хасанович переживал очень болезненно. Радио и газеты каждый день приносили тревожные вести с фронтов Великой Отечественной, тысячи земляков проливали кровь в борьбе с фашизмом.

На немногочисленные силы милиции, кроме обеспечения общественного порядка в тылу, были возложены новые задачи, возникшие в военной обстановке: борьба с вражеской агентурой, охрана особо важных объектов, выявление и задержание отдельных отщепенцев, которые уклонялись от призыва в армию, дезертировали, вставали на преступный путь.

Работа органов внутренних дел осложнялась и тем, что в республику и Уфу было эвакуировано значительное число жителей Украины и западных областей страны.

Очередной рапорт о направлении в действующую армию вернулся с лаконичной резолюцией начальника управления: «Тов. Еникеев, ваш фронт сейчас здесь».

А тут еще это загадочное дело...

За каких-то полтора месяца — четыре женских трупа. Умерщвлены одним и тем же способом, обнаружены на одном и том же месте, все в раздетом виде...

Долго не удавалось установить даже личности погибших. Но сегодня стали известны имена троих. Это дало возможность уточнить предполагаемые с самого начала мотивы совершения преступления.

Анвар Хабибулович Еникеев родился в 1924 г. в г. Уфе. Фронтовик. Окончил Всесоюзный юридический институт. Работал в ОВД с 1956 г., с 1957 по 1982 г. был начальником штаба УВД г. Уфы. В 1982 году вышел в отставку в звании полковника милиции. Награжден орденами: «Знак Почета», «Отечественной войны II степени». Автор книг «Тревожная неделя», «Уголовный розыск РБ», «Записки военного автомобилиста».

В осовиахимовских лагерях, в двух километрах от Старой Уфы, в районе Ботанического сада, с начала войны действовал республиканский сборный пункт призывников в Красную Армию, через который ежедневно проходили сотни людей из нескольких районов Башкирии.

Оказалось, что жертвами неизвестных убийц стали: в одном случае — мать, в двух — жены призывников, приехавшие провожать своих близких из Кушнаренковского, Архангельского и Нуримановского районов. При них была зимняя одежда призывников, которую они вернули после обмундирования в солдатское, кое-какие продукты, небольшие суммы денег, у одной золотые сережки, сами были одеты по-зимнему.

В те годы существовали еще большие трудности с одеждой, обувью, мануфактурой, поэтому похищенные вещи представляли немалую ценность.

Это уже давало более конкретное направление в работе по раскрытию преступлений.

Сотрудники спецгруппы, съездив в указанные районы, привезли списки и описание вещей, которые были при убитых. О приметах одежды ориентировали всех, кто работал на толкучке и других рынках, кто занимался скупщиками краденого, спекулянтами.

Юсуп Хасанович знал, что даже в самых, казалось бы, безнадежных случаях в конце концов выход находится. Был уверен — так будет и на этот раз. Но спасительная «зацепка» сама по себе не появится, везет, как правило, тому, кто пашет по-настоящему, полностью отдаваясь делу, не останавливаясь ни перед какими трудностями. Пусть пока не было подозреваемых, не определена территория, подлежащая отработке. Все равно нужно искать, искать, искать... И каждый день оперативники уходили на поиск.

Инструктаж старшего группы был краток.

— Ребята, пока ничего нового нет. Поэтому вся надежда по-прежнему на наши ноги. Чем больше будем ходить, говорить с народом, тем вероятнее найти какую-нибудь ниточку. Иванов с Исмагиловым сегодня работают на улице Чапаева с заходами на толчок. Вы двое — на улице Чернышевского. Я с Абкадыровым продолжаю по улице Красноярской. Связь через контору рынка. Галиханов с Тепловым занимаются на своих объектах. Будьте внимательны. Надо устанавливать и проверять всех «темных» мужичков, интересоваться торгующими барахлом.

Тщательное изучение оврага, где были обнаружены трупы, скрытых подходов, подъездов к этому месту позволили определить примерный район поиска — десятки улиц от психиатрической больницы до реки Сутолоки, вниз по речке до Покровской церкви и оттуда до Красноярского рынка, или попросту — толкучки.

Необходимо было обойти сотни частных домов, огороженных высокими заборами, многие из них со злыми дворянами.

Окраинное расположение этого района, близость двух знаменитых рынков — Красноярского и Сенного, пристаней на реке Белой, отсутствие крупных промышленных предприятий способствовали созданию здесь особого образа жизни.

Многие держали скотину, некоторые и лошадей. У всех свои огороды. Прирабатывали частным извозом. Промышляли дровами, сеном. Наиболее предприимчивые приспособились делать деньги перепродажей вещей, скота, сельхозпродуктов или явной спекуляцией на местных рынках. Другие имели постоянные

доходы, пуская на квартиры приезжающих из деревень в базарные дни, сдавая в аренду сарай, дворы.

Такая деятельность порождала дух стяжательства и накопительства. Нередко попадались такие, которые имели все основания быть недовольными властью: раскулаченные, бежавшие из сел от коллективизации, бывшие уголовники.

С чего же началось это дело?

Ребятишки, катавшиеся на лыжах по склонам безымянного оврага, которых много по обоим берегам Сутолоки, неожиданно увидели торчащую из сугроба ступню ноги человека...

Жители окрестных улиц не опознали убитую. Никаких особых примет, никакой одежды. Судмедэксперт заключил – смерть наступила от удушения веревкой, давность — около двух недель.

Через десять дней в этом же овраге, чуть пониже к реке, собаки раскопали в снегу вторую страшную находку. Вскоре же в соседнем овраге были найдены еще два трупа с такими же признаками.

Сначала было ясно только одно: все злодеяния совершены одной группой или лицом, потерпевшие не местные, их никто не знает. Расчет преступников был прост — весенний паводок унесет тела, исчезнут главные улики.

Юсуп Хасанович не зря слыл в коллективе артистом и психологом по части разговора с людьми. Глубокие знания и крестьянской, и городской жизни, народных обычаев, верований, обрядов, основ религии позволяли ему легко знакомиться, входить в доверие к любому человеку. Он мог за, казалось бы, ничего не значащим, общим разговором глубоко прощупать собеседника, а заодно узнать много другого, что бывает необходимо в сыскной работе.

Безрезультатно обойдя несколько домов в конце улицы Красноярской, примыкавшей к Сутолоке, Юсуп Хасанович с напарником Абкадыровым зашли к одному словоохотливому старику. На этот раз под предлогом розыска земляка, проживающего где-то в этом районе.

Обстоятельства для разговора сложились удачно. Хозяин дома оказался из Бuzдякского района, а майор из соседнего Благоварского. Вспоминали названия деревень, нашлись и общие знакомые. После этого, конечно, не обошлось и без чаепития.

Отвечая на вопросы оперативников, Карим-бабай, так звали гостеприимного старика, подробно рассказывал о жителях своей улицы, которых он знал многие годы.

— По той стороне, четвертый дом от угла принадлежит Ахмету Сафарову. У него весной жил на квартире какой-то человек, говорят, из наших краев. Его имени не помню. Поговорите, не он ли был твой земляк.

— А какая семья у Сафарова?

— Жена и сын лет 15-16. Днем обычно дома бывает только жена Ахмета.

Дальше выяснилось, что Сафаровы живут очень замкнуто, с соседями общаются мало. Ворота постоянно на запоре, чужих в дом не пускают. Сам Ахмет работает на третьей пристани возчиком, лошадь держит дома. Очень прижимистый, хозяйственный мужик. Каждый раз что-то везет с работы — то доски, то бревна, то фураж, сено... Иногда и по ночам куда-то ездит. Ежегодно покупает в деревнях выбракованную лошадь, выкармливает ее и осенью режет на мясо. Водит дружбу с завсегдатаями толкучки.

Это семейство заинтересовало Юсуна Хасановича, он решил проверить их дом более тщательно. Когда прощались, Карим-бабай сообщил, что завтра утром

он уезжает в деревню провести вернувшегося на побывку по ранению племянника.

На другой день пожарный инспектор Федоров проводил выборочную профилактическую проверку домовладений своего участка, куда входила и улица Красноярская. Юсуп Хасанович в другой одежде и несколько изменив свою внешность с большой папкой в руках, в роли помощника инспектора, лазил на чердаки, осматривал сараи, погреба, деловито ощупывал электропроводку, подсказывал Федорову, который составлял предписание, свои замечания.

Вот и дом Сафарова Ахмета. Чтобы действовать наверняка, к нему подошли в тот самый момент, когда хозяйка возвращалась с колонки, неся на коромысле ведра с водой.

Даже не дослушав, как представлялся ей пожарный инспектор, она тут же заголосила наполовину по-русски, наполовину по-татарски: «Я ничего не знаю, неграмотная, приходите, когда муж будет дома».

— Вы что, хотите, чтобы я оштрафовал вас или пригласил участкового? — спросил Федоров.

Видимо, хозяйка дома была наслышана о строгости инспектора или ее не устраивала перспектива встречи с участковым. Засунув руку в какую-то потайную щель, она отодвинула засов и открыла калитку.

Во время осмотра Юсуп Хасанович постоянно ловил на себе ее настороженный взгляд и, как показалось ему, уловил в ее глазах какой-то глубоко скрытый страх.

В разгар проверки откуда-то вернулся сын Сафаровых, рослый худощавый паренек. Когда майор полез на чердак, якобы для осмотра дымохода, он уловил в сенях приглушенный шепот матери с сыном.

Поверхностный осмотр дома, надворных построек, насколько позволяла обстановка, ничего заслуживающего внимания не дал. Предписание подписано. Копия вручена.

Но, уже отходя от дома, Юсуп Хасанович вдруг замедлил шаг. В голове как-то подсознательно мелькнула мысль. Сначала он и сам не понял о чем... Какое-то неясное ощущение, что он прошел мимо чего-то важного, проглядел, прохлопал. Как всегда в такие моменты, быстро, как в калейдоскопе, в памяти пронеслись подробности уголовного дела — версии, запросы, ориентировки, протоколы допросов, заключения экспертов.

Но связующего звена между всем этим и Сафаровым не появлялось. Тогда майор резко повернул назад, увлекая за собой Федорова, бросив ему на ходу: «Так надо».

Громкий стук в калитку. В ответ молчанье. Еще стук. Наконец, недовольный голос хозяйки.

— Ну, что вам еще?

— Забыли проверить документы на страхование от пожара, — нашелся Юсуп Хасанович.

Он знал, что интуиция его подводит редко. Войдя в первую комнатку и окинув ее беглым взглядом, Юсуп Хасанович уловил какие-то изменения, происшедшие в обстановке за какие-то пять-шесть минут.

Но что именно?

Пока Сафарова доставала из сундука документы, отдавала их инспектору, майор внимательно осматривал все. От двери вдоль левой стены — умывальник, вешалка с одеждой, дверь во вторую комнату. Сторона противоположная двери — отгороженная ситцевой занавеской кровать. Правая стена — окно, сундук, печь, кухонный столик, лавка.

Снова пробежал глазами в том же порядке: умывальник, вешалка, дверь... Еще раз сначала... Где-то на четвертом или пятом круге — стоп!

Половик под лавкой!

Когда в первый раз Юсуп Хасанович, как добросовестный помощник пожарного инспектора, со всех сторон осматривал большую русскую печь, то между печью и стеной дома стоял мешок, прикрытый сверху этим самым половичком. Теперь мешок исчез! Дальше печка... Тоже что-то не так. Обошел кругом, пригляделся внимательно и понял: из двух ниш на боковой стенке, которые обычно делаются в таких печах для сушки, хранения мелких вещей, одна зияла свежепобеленной белизной. А при первом осмотре там что-то было.

Но что же? Юсуп Хасанович, напрягая всю свою волю, старался вспомнить. Вот где пригодилась врожденная наблюдательность, высокий профессионализм, тренированная зрительная память.

Постепенно в глубине сознания стало появляться то, что было в нем запечатлено при первом осмотре... И через секунды вспомнил — варежки! Белые шерстяные с заплатами во всю ладонь, кажется, зеленого цвета. Тут же осенило — в одной из ориентировок, составленных по опросу родственников потерпевших, упоминались такие приметные варежки.

В это время Федоров возвратил хозяйке документы, заметив, что сроки страховки истекают. Улучив момент, «помощник» шепнул ему условленную команду. Федоров понимающе кивнул и, обращаясь к Сафаровой, сказал:

— Мы выявили у вас много нарушений пожарной безопасности, поэтому нужна подпись самого домовладельца. Я пойду продолжать обход, а товарищ с предписанием останется ждать вашего мужа.

Юсуп Хасанович знал, что сидеть ему там придется недолго, так как на такой случай все было подготовлено заранее.

Не успел он даже как следует разговорить хозяйку, подъехала опергруппа с санкцией на обыск.

Два сотрудника отправились на пристань, чтобы перехватить самого Сафарова.

В подполе были найдены те самые варежки с зелеными заплатами и некоторые другие вещи убитых, которые не успели продать.

Расследование установило, что Сафаров, уроженец Альшеевского района, раскулаченный в тридцатых годах, скрыв свое происхождение, устроился на работу в Уфе. Постоянно занимался хищением грузов с пристани, был связан со скупщиками краденого. От призыва был освобожден якобы по болезни.

Когда началась война, он и это всенародное бедствие старался использовать в корыстных целях. С превращением осовиахимских лагерей в пункт сбора мобилизованных жители Старой Уфы, из чувства человеческого сочувствия, пускали к себе погреться, отдохнуть, попить чаю, иногда и ночевать прибывших из деревень родственников призванных, в основном женщин.

Сафаров и из этой ситуации решил извлечь выгоду, не останавливаясь ни перед чем. Заранее все обдумав и рассчитав, пошел он на преступления.

Подъехав к сборному пункту вечером, когда запоздавшие посетители начинали думать о ночлеге, он посылал к воротам жену — ей больше доверия, сам ожидал в сторонке. По его указке Сафарова из числа желающих отбирала одиноких женщин, одетых подорожнее, имеющих при себе объемистую поклажу.

Гостью укладывали спать в передней комнате. Ночью, выбрав момент, гостеприимный хозяин хладнокровно умерщвлял женщину с помощью веревки, привязанной к специально вбитому в изголовье гвоздю. Жена и сын держали жертве

руки и зажимали рот. Затем раздетое тело он отвозил в заранее присмотренный овраг и закапывал в снег. Полушубки, валенки, шали — все, вплоть до белья, Сафаров реализовывал перекупщикам на толкучке.

Его нисколько не смущало, что из-за денег губил невинные души, оставлял сирот, приносил безмерное горе родным и близким.

Суд приговорил Сафарова к высшей мере наказания, жену и сына — к длительным срокам лишения свободы.

НА КОНКУРС
«Мир, в котором ты живёшь»

*Урманчиева София,
1999 г. р.,
4 кл. школы № 26 г. Уфы*

* * *

Наш крепкий дом, надежный дом!
В нем очень дружно мы живем!

Живет здесь вся моя семья.
Моя семья – мои друзья!

Все мы, конечно, привыкли трудиться.
Некогда всем нам дома лениться.

Папа – строитель, он строит дома!
Мама – по дому хлопочет с утра.

На железной дороге бабушкин труд.
Дядя Тагир – идет в институт.

Моя же работа – учиться на «пять»,
Читать, умножать, вычитать, рисовать.

А вечером вся соберется семья,
И в этой семье очень счастлива я.

У МЕНЯ ОДНА ИДЕЯ...

У меня одна идея –
Надо сделать дом живее!

Я достала карандаш,
Разноцветную гуашь...

Разрисую холодильник,
И котенка, и будильник.

Ярко-красной акварелью
Я раскрасила все двери.

Появились на окошке
Разноцветные горошки.

На стене теперь панно –
Мне так нравится оно!

Над кроватью в спальне мамы
Расцвела большая пальма.

На полу растет трава,
На траве лежит листва.

Вот как стало интересно
И красиво, честно-честно!

Только мама удивилась
И за голову схватилась...

Все красиво, все цветет!
А мама валерьянку пьет...

* * *

Очень дружная семья
У меня, ребята.
Рассказать о ней я вам
Буду очень рада.

С папой, с мамой я играю,
Вместе с ними я гуляю.
А когда приду домой –
Достаю учебник свой.

Мне во всем, считаю я,
Помогает вся семья!

Литература. Культура. Имена.

* * *

3 октября — 135 лет со дня рождения писателя **Ивана Шмелева** (1873—1950). Рассказы и повести Ивана Сергеевича проникнуты чувством к «маленькому человеку». Его излюбленная литературная форма — сказ. Автор повести «Человек из ресторана», эпопеи «Солнце мертвых», книги «Лето Господне», романа «Няня из Москвы». В 1922 году эмигрировал во Францию.

* * *

3 октября — 130 лет со дня рождения русского графика и живописца **Сергея Чехонина** (1878—1936). Сергей Владимирович — представитель русского модерна, виртуоз декоративного дизайна. С 1912 года был членом объединения «Мир искусства». Сотрудничал в «Сатириконе» и «Новом Сатириконе». Сам был издателем сатирического журнала «Маски». Как книжный и журнальный график работал для издательств «Просвещение», «Шиповник», «Брокгауз и Ефрон», «Пантеон». После революции вошел в состав коллегии отдела ИЗО Наркомпроса и наряду с эскизами для массового агитпропа выполнил ряд особо ответственных заданий (проекты печати Совнаркома, банкнот и монет, герба РСФСР). Явился основоположником «советского ампира». В 1928 году эмигрировал во Францию.

* * *

5 октября — 295 лет со дня рождения французского философа-материалиста,

писателя **Дени Дидро** (1713—1784). Дидро — основатель и редактор «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел». Автор философских произведений «Письмо о слепых в назидание зрячим», «Философские принципы материи и движения», романов «Нескромные сокровища», «Монахиня», «Племянник Рамо», «Жак-фаталист».

* * *

6 октября — 65 лет со дня рождения народного художника РСФСР и СССР **Александра Шилова**. В 1992 году Международный планетарный центр в Нью-Йорке присвоил одной из планет имя «Шилов». В 2001 году был избран действительным членом Российской академии художеств. Среди большого количества работ Александра Максовича — пейзажи, портреты, натюрморты, жанровые картины, графика.

Постановлениями Государственной Думы РФ и Правительства Москвы была учреждена Московская государственная картинная галерея народного художника СССР А. Шилова.

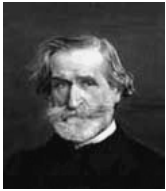
* * *

8 октября — 185 лет со дня рождения русского публициста и общественного деятеля **Ивана Аксакова** (1823—1886), сына С. Т. Аксакова.

Иван Сергеевич был одним из идеологов славянофильства, редактор журналов «День», «Москва», «Русская беседа», «Русь» и др. В 1872–1874 годах Аксаков — председатель Общества любителей российской словесности, в 1875–1878 гг. — председатель Московского славянского комитета. В годы русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) организовал кампанию за освобождение славян от турецкого ига.

* * *

10 октября — 195 лет со дня рождения итальянского композитора **Джузеппе Верди** (1813–1901). Верди — один из крупнейших оперных композиторов-реалистов: «Аида»,

«Отелло», «Риголетто», «Травиата», «Трубадур», «Бал-маскарад», «Дон Карлос» и др. Кроме опер, в наследии Верди — «Реквием памяти А. Мандзони» (1874), а также хоровые сочинения, романсы и струнный квартет ми минор (1873). С 1961 года в Буссето (Италия) ежегодно проходит конкурс вокалистов «Вердиевские голоса».

* * *

13 октября — 165 лет со дня рождения писателя **Глеба Успенского** (1843–1902). Глеб Иванович — автор очерков и рассказов «Нравы Растеряевой улицы», «Первая квартира», «Нужда пестенки поет», «По черной лестнице», «Больная совесть», «Из памятной книжки», «Заграничный дневник провинциала», «Выпрямила», «Живые цифры», повести «Разорение».

* * *

16 октября — 120 лет со дня рождения американского драматурга **Юджина**

О'Нила (1888–1953). Основные проблемы его творчества: трагическая несовместимость прекрасной мечты и повседневности («За горизонтом»), разрушение личности в гонке за накопительством и преуспеванием («Душа поэта»), межрасовые конфликты («У всех детей Господа бога есть крылья»), неразрешимый разлад человека с собой и миром («Дворцы побогаче»). В 1936 г. О'Нил первым из американских драматургов был удостоен Нобелевской премии по литературе «за силу воздействия, правдивость и глубину драматических произведений, по-новому трактующих жанр трагедии».

* * *

17 октября — 195 лет со дня рождения немецкого писателя, создателя реалистической драмы **Георга Бюхнера** (1813–1837). Бюхнер написал всего три драматических произведения (пьеса «Войцек», комедия «Леонс и Лена») и один прозаический фрагмент (новелла «Ленц»), однако они принадлежат к числу наиболее оригинальных творений немецкой литературы. Самая значительная его пьеса «Смерть Дантона», новаторская по форме, состоит из отдельных сцен, где сменяют друг друга философский спор, меланхолическая медитация и политическая риторика. Влияние Бюхнера весьма ощутимо в драматургии таких авторов, как Фр. Ведекинд, Г. Гауптман и Б. Брехт.

* * *

17 октября — 105 лет со дня рождения американского писателя, мастера «черного юмора» **Натанаэля Уэст** (псевдоним Натана Уайнстайна) (1903–1940). Автор романов «Жизнь в сновидениях Балса Снелла», «Мисс Лоунлихартс», «Круглый миллион», «День саранчи». В своих произведениях Уэст показывает, как «американская мечта» о свободном мире с безграничными возможностями оборачивается сюрреалистическим гротеском в реальности.

* * *

19 октября — 90 лет со дня рождения драматурга, сценариста, автора-исполнителя **Александра Галича** (наст. имя Александр Гинзбург) (1918—1977). Автор пьес «Походный марш», «Вас вызывает Таймыр», «За час до рассвета», «Пароход зовут «Орленок», «Много ли человеку надо», «Матросская тишина» и др. Им написаны сценарии к фильмам «Верные друзья», «На семи ветрах», «Дайте жалобную книгу», «Государственный преступник». В середине 60-х годов Галич заявил о себе как бард. Умер в эмиграции.

* * *

21 октября — 175 лет со дня рождения шведского инженера-химика, учредителя Нобелевских премий **Альфреда Нобеля** (1833—1896). Сам А. Нобель в 1867 году изобрел динамит, в 1888 — баллистит. Нобелевские премии присуждаются ежегодно с 1901 года за выдающиеся работы в области астрономии, физики, химии, медицины, физиологии, экономики, за литературные произведения, а также за деятельность по укреплению мира.

* * *

24 октября — 70 лет со дня рождения писателя **Венедикта Ерофеева** (1938—1990). Венедикт Васильевич — автор прославившей его поэмы «Москва-Петушки», ставшей событием в литературной жизни России второй половины XX века. Кроме поэмы, перу В. Ерофеева принад-

лежит сочинение «Дмитрий Шостакович», эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика», очерк-монтаж «Моя маленькая лениниана», трагедия «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора».

* * *

25 октября — 170 лет со дня рождения французского композитора **Жоржа Бизе** (1838—1875). Его опера «Кармен» — вершина французской реалистической оперы. Автор опер «Искатели жемчуга», «Пертская красавица», «Джамиле», музыки к драме А. Доде «Арлезианка», пьесы для фортепианного дуэта «Детские игры».

* * *

28 октября — 180 лет со дня рождения русского публициста, литературного критика и философа **Николая Страхова** (1828—1896). С 1861 года Николай Николаевич был ведущим сотрудником журналов «Время» и «Эпоха». В своих статьях отстаивал идеалы «почвенничества». В 1867 году редактировал «Отечественные записки» (где напечатал одну из своих лучших статей — о романе Достоевского «Преступление и наказание»). Страхов одним из первых оценил огромное литературное значение романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Основное философское сочинение Страхова — «Мир как целое». Автор книги «Борьба с Западом в русской литературе». Н. Н. Страхов — первый биограф Ф. М. Достоевского.

Подготовила А. Ливич

Календарь*

Праздничные и памятные даты Республики Башкортостан на 2008 год

ОКТАБРЬ

1 октября День пожилых людей

День Сухопутных войск

80 лет со дня организации Уфимского агентства акционерного общества «Совкино» (1928)

60 лет Еникееву Тану Гумеровичу, сценаристу, художнику-постановщику, главному художнику Башкирского академического театра драмы им. М. Гафури в 1980–2000 гг., заслуженному деятелю искусств РФ, БАССР (1948)

4 октября День Космических войск

195 лет со дня начала Лейпцигской битвы, в которой принимали участие башкирские воины в составе русской армии (1813)

80 лет Нургалину Зиннуру Ахмадеевичу, литературоведу, ректору Уфимского государственного института искусств в 1988–1991 гг., почетному академику АН РБ, доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки БАССР (1928)

5 октября День учителя

85 лет со дня рождения Газизова Мустафы Шакировича, полного кавалера ордена Славы (1923–2006)

6 октября 170 лет со дня рождения Нефедова Филиппа Диомидовича, писателя, археолога, этнографа, исследователя истории и культуры Башкирии (1838–1902)

10 лет со дня первого вручения медали «Материнская слава» многодетным матерям (1998)

7 октября День рождения Путина Владимира Владимировича, Премьер-министра Российской Федерации (1952)

100 лет со дня рождения Садыковой Аклимы Гарифовны, актрисы Башкирского государственного академического театра драмы им. М. Гафури в 1933–1983 гг., заслуженной артистки РСФСР, БАССР, народной артистки БАССР (1908–1993)

10 октября 95 лет со дня рождения Загафуранова Файзрахмана Загафурановича, видного партийного и государственного деятеля, председателя Президиума Верховного Совета БАССР в 1950–1967 гг. (1913–1975)

85 лет со дня создания пионерской организации Башкирии (1923)

11 октября День Республики — День принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан (1990)

12 октября День принятия Законов РБ о Государственном гимне Республики Башкортостан, Государственном гербе Республики Башкортостан (1993)

День работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности

60 лет Шайхулле Талгату Сафе Таджуддину (Таджуддинов Талгат Сафич), религиозному деятелю, Верховному муфтию, председателю Центрального Духовного Управления мусульман России (1948)

13 октября 80 лет со дня рождения Мирзагитова Асхата Масгутовича, драматурга, председателя Союза писателей БАССР в 1973–1988 гг., лауреата Государственной премии РБ им. Салавата Юлаева (1928–1989)

14 октября Международный день стандартизации

15 октября 120 лет со дня рождения Кушаева Хафиза Кушаевича, государственного и общественного деятеля Башкортостана, председателя ЦИК БАССР в 1922–1929 гг. (1888–1937)

85 лет со дня рождения Мусы Гали (Галиева Габдрахмана Галиевича), поэта, литературного консультанта правления Союза писателей БАССР в 1959–1963 гг., заслуженного работника культуры РСФСР, лауреата Государственной премии РБ им. Салавата Юлаева (1923–2004)

16 октября 55 лет Янбаевой Гульфии Гареевне, главному редактору газеты «Киске Өфө», заслуженному работнику культуры РБ, лауреату Государственной премии им. Ш. Худайбердина (1953)

18 октября 240 лет со дня рождения Августина (Сахаров Михаил Степанович), религиозного деятеля, епископа Уфимского и Оренбургского в 1806–1819 гг., архимандрита (1768–1842)

19 октября День работников дорожного хозяйства

80 лет со дня рождения Бурзянцева Александра Даниловича, живописца, графика, члена Союза художников СССР, народного художника БАССР, заслуженного художника РСФСР, БАССР, лауреата Государственной премии РБ им. Салавата Юлаева (1928–1997)

5 лет со дня установки в г. Лейпциге памятного камня с барельефом башкирских воинов в честь 190-летия битвы народов 1813 г. (авторы Баишев И. Ф., Юрушбаев Н. А.) (2003)

20 октября День военного связиста

День рождения народного поэта Башкортостана Мустая Карима (Каримова Мустафы Сафича), Героя Социалистического Труда, почетного академика АН РБ, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР, заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР им. К. А. Станиславского, лауреата Государственной премии РБ им. Салавата Юлаева (1919–2005)

100 лет со дня принятия решения о строительстве в г. Уфе Аксаковского народного дома на добровольные пожертвования (1908)

21 октября 130 лет со дня рождения Зеленина Дмитрия Константиновича, русского фольклориста, диалектолога, этнографа, члена-корреспондента АН СССР, исследователя этнографии и фольклора башкир (1878–1954)

22 октября 190 лет со дня рождения Дионисия (Хитров Дмитрий Васильевич), религиозного деятеля, епископа Уфимского и Мензелинского в 1883–1896 гг., миссионера (1818–1896)

23 октября 125 лет со дня открытия в г. Уфе отделения Крестьянского поземельного банка (1883)

24 октября Международный день Организации Объединенных Наций

День подразделений специального назначения

25 октября День таможенника Российской Федерации

100 лет со дня рождения Фаттахутдинова Габдрахмана Хакимовича, первого директора кинотеатра “Родина” в г. Уфе, заслуженного работника культуры РСФСР, БАССР (1908–1985)

26 октября День работников автомобильного транспорта

105 лет со дня рождения Кувыкина Степана Ивановича, начальника объединения “Башнефть” в 1942–1958 гг., депутата Верховного Совета СССР 3–7 созывов в 1950–1970 гг., Героя Социалистического Труда, кандидата технических наук, заслуженного деятеля науки и техники БАССР (1903–1970)

100 лет со дня рождения Бикбова Сарвая Шайбаковича, советского общественного деятеля, председателя Совета профсоюзов БАССР в 1956–1972 гг., депутата Верховного Совета БАССР 2–8-го созывов (1908–1990)

28 октября 85 лет со дня рождения Губайдуллина Миннигали Хабибулловича, Героя Советского Союза (1923–1944)

29 октября 75 лет Ахмедову Риму Билаловичу, писателю, переводчику, народному целителю, заслуженному работнику культуры РБ (1933)

30 октября День памяти жертв политических репрессий

* * *

В октябре исполняется:

100 лет со времени открытия в г. Уфе первого постоянно действующего кинотеатра “Фурор”, с сентября 1922 г. кинотеатр “Салават” (1908)

* Календарь любезно предоставлен редакции журнала «Бельские просторы» Управлением по делам архивов при Правительстве Республики Башкортостан.

«Книжный дом» как место рождения истины

Литература и телевидение

Человечество пережило за последние пять веков две важнейшие культурные революции. Обе связаны с распространением информации. Первая — изобретение книгопечатания, вторая — телевидение. Это два разных носителя информации — буквы и озвученная картинка. Они даже воспринимаются разными полушариями мозга — левым, логическим, и правым, образным, так что эпоха телевидения отличается от эпохи чтения в культурнопроизводящем смысле как правое от левого, Восток от Запада, ночь ото дня. Сегодня (а время ускоряется) грядет третья революция — симбиоз первых двух, который олицетворяет компьютер. Этот сгусток электрических нейронов становится средоточием буквально всех известных нам форм информации — тут тебе и книги, и газеты с журналами, и видео, и кино, и ТВ... Но пока компьютеризация всей Земли не завершена, мы живем в основном все в том же двоичном культурно-информационном поле — txt и audio-video. В этом обширном поле есть уголок, который нам интересен особенно, — это литература и ее представление на телевидении. Если сформулировать тему нашего круглого стола, то почти гамлетовский вопрос: что телевидение для литературы и что литература для телевидения? Словом, о взаимозависимости этих двух, казалось бы, далеких друг от друга видов культуры.

Первое, что приходит в голову в этой связи, — кино. Особенно телесериалы по известным произведениям — «Идиот», «Мастер и Маргарита» и др., — которые сразу поднимают продажи одноименных книг. Но это пример взаимодействия двух рыночных структур, и он демонстрирует нам маркетинговый ход, ведущий к взаимовыгоде издательских и телевизионных магнатов. Есть еще одна форма взаимодействия — передачи с участием писателей. Правда, в основном писатели уча-

ствуют в различных ток-шоу, и это привлекает им популярности, — Проханов, Быков, Веллер и другие постепенно переходят из литературы на телевидение, и большинство зрителей уже и не знают, какие книги пишут эти люди. Так что большого эффекта для литературы тут нет. Остаются редкие передачи вроде «Апокрифа», где говорят о литературе вообще. Есть такая передача и на республиканском телевидении — «Книжный дом», и мы разговариваем с её создателями — руководителем главной редакции художественных программ Зилей Сагадеевой и ведущей Лилией Габдрафиковой.

— **Каковы ваши «телевизионные» взгляды на связку «литература — ТВ»?**

— **Л.Г.** Литература для любой журналистики, тем более для телевизионной, — это, в первую очередь, информационный повод. Телевидение более массовый вид искусства, поэтому кроме каких-то интеллектуальных составляющих здесь не обойтись без пресловутой зрелищности. Но программа всё же имеет просветительско-культурные задачи, это единственная передача на республиканском телевидении, которая знакомит с состоянием местной современной литературы, более того, мы пытаемся охватить не только художественную литературу, но и историю, краеведение, публицистику. Стараясь поддерживать культурную среду республики. Насколько это удастся, судить не нам. Это же ваше, «бельскопросторовское» определение — «культурная среда»? Телевидение и литература нужны друг другу. Литераторы могут с нашей помощью расширить свою аудиторию, привлечь новых читателей, мы — сделать интеллектуальную передачу. Конечно, есть трудности: зритель сейчас избалованный и удержать его внимание на одной кнопке, разговором двух людей — за-

Круглый стол

дача не из легких. Хотя, это как поговорить...

— **З.С.** Знаете, мы и не стремимся удержать внимание всех зрителей. Погоня за рейтингами не про нас. Вы знаете, у передач моего любимого телеканала «Культура» самые низкие рейтинги. Хотя ни один мало-мальски образованный человек не станет отрицать положительной роли, которую оказывает этот канал на развитие культурной личности. С одной стороны, здорово, что сейчас огромное количество самых разных телевизионных каналов, каждый зритель может выбрать что-то по вкусу. С другой, я придерживаюсь того мнения, что культуры много не бывает, изучение истории, литературы и искусства должно носить обязательный характер. Пусть даже методом навязывания. Пусть будет больше телепрограмм о современных писателях, классической литературе, новинках книжного рынка, ток-шоу, где бы проводились литературные дискуссии на ту или иную тему с участием авторов и их потенциальных читателей. «Книжный дом» на БСТ — лишь маленький домик, где тем не менее можно встретить больших писателей, услышать их живой голос и «заразиться» нравственностью.

— **Есть ли у «Книжного дома» концепция — кроме как приглашать людей, связанных с литературой, и беседовать на темы, которые им близки?**

— **Л.Г.** Есть, конечно, некая линия, которую мы стараемся реализовывать. Это связь разных направлений литературы, и не только литературы. На передаче встречаются люди, которые в иных обстоятельствах и не встретились бы. Например, здесь мы познакомили драматурга и режиссера, они живут в одном городе, но пути как-то не пересекались. Или писатель с историком, краевед с журналистом, редактор литературного журнала с журналистом из глянцевого. Как правило, башкирские и русские литераторы не совсем знают друг друга, хотя состоят в одном Союзе писателей. Но из таких совпадений рождаются интересные сюжеты. Например, передача по истории Уфы вызвала много откликов...

— **З.Г.** Если в первых программах по большей части делался акцент на представление автора и знакомство с его твор-

чеством или новым литературным трудом, то сейчас «Книжный дом» перешагнул границы ознакомительного «справочника». Он стал более содержательным и объемным. Объемным в смысле того, что литература здесь рассматривается с разных точек зрения, ведутся споры о ее прикладном значении. И если раньше мы приглашали одного автора, который рассказывал о своем творчестве или конкретной книге, то сегодня «Книжный дом» — это встреча сразу нескольких интересных личностей, причем не только представителей литературной среды, но историков, журналистов, театралов, деятелей науки, целителей и т.д.

— **А как происходит выбор темы передачи и участников?**

— **Л.Г.** Когда как. Иногда темы рождаются от личности предполагаемого участника или же, наоборот, участники ищутся под тему. Второе, конечно, сложнее. Когда два или три человека, учитывается не только тема, но и разность темпераментов, полов, культурных и политических позиций, — чтобы в разговоре была драматургия, столкновение разных точек зрения на одну проблему.

— **З.Г.** Конечно, мы не можем обойти юбилейные даты, когда героями программ становятся писатели, у кого случился юбилей. Но это ни в коем случае не говорит о том, что передача делается для галочки. Авторы стараются в каждом герое найти что-то новое, доселе неизвестное, проникнуть в тайники его души, вызвать на открытый разговор о себе, о книгах, об окружающем мире, пытаются вместе с ним найти ответы на волнующие вопросы. Вообще участниками передачи могут стать все, кто неравнодушен к нашему культурному наследию, нравственному воспитанию подрастающего поколения, кто верит, что «красота и духовность спасут мир».

— **Лилия, вы не только телеведущая, но и журналист газеты «Известия». Есть ли разница между газетным и телеинтервью?**

— Конечно, но много общего. Если бы у меня не было опыта ведения газетного интервью, думаю, было бы сложнее подстраиваться под тележурналистику. Но и то, и другое — это живая беседа, а не просто вопрос-ответ. Надо чувствовать

психологию героя и его реакцию, важно быть «в теме», чтобы мгновенно сориентироваться. Хотя газетное интервью всегда можно отредактировать и даже переписать, не важно, как человек говорит, как выглядит. На передаче иногда гости, как только включаются камеры, начинают волноваться, робеют, хотя до эфира мы прекрасно беседовали. Часто требуется время для так называемого «разгона». В телевизионной беседе мы ограничены временем, здесь мы не можем проговорить полтора или два часа — как для газетного интервью.

— **Как меняется подход к телевизионной работе с опытом?**

— **Л.Г.** Мне кажется, это будет громко сказано — «с опытом». Люди осваивают эту профессию годами. В самом начале я старалась делать длинную запись, задавала все вопросы, что намечала до записи. Вроде так и надо, но лучше точно уложиться в отведенные полчаса эфира. И только по одной причине: при монтаже очень жалко вырезать целые куски разговора, подгоняя по времени. Надо время от времени «возвращать» участника в тему. Стараюсь до начала записи разговорить участников, установить какой-то дружеский контакт уже в примерке, чтобы во время передачи они чувствовали себя комфортнее. Также важна психология пары участников или пары участник — ведущий: в зависимости от темперамента участника подстраиваюсь под определенный темп, чтобы полнее раскрыть позицию гостя, где-то уместны шутки, где-то лучше не делать лирических отступлений...

— **Телевидение сегодня — это самодостаточное образование или ему нужна помощь со стороны?**

— **З.Г.** Безусловно, телевидение — мощная структура. Наверное, оно может жить само по себе. Самопозиционирование, реклама, межпрограммные анонсы передач — все это помогает найти своего зрителя. Но помощь извне также приветствуется. Ведь не каждый человек с утра до вечера смотрит телевизор. И многие выбирают себе нужную передачу, исходя из старого проверенного способа — газетной или журнальной программы. Сегодня сюда можно причислить Интернет. Поэтому очень важно сотрудничество телевидения

и других СМИ, телевидения и Интернета.

— **Л.Г.** Конечно, помощь со стороны нужна. Если говорить конкретно о нашей программе, то, чтобы расширять целевую аудиторию, нам нужна реклама в тех же газетах и журналах, не помешают постеры «Книжного дома» в библиотеках, книжных магазинах, — тут мы не открываем Америки. Здесь хочется сказать огромное спасибо газете «Истоки», которая пошла нам навстречу и печатает наши анонсы. Нужно идти в Интернет: сейчас уже выросло поколение, которое не смотрит телевизор, — оно полностью ушло в виртуальный мир, — нам надо идти туда, искать какие-то нестандартные ходы. Мне очень хотелось бы собрать всех участников программы «Книжный дом» на специальном вечере. Например, в рамках все того же форума интеллигенции «Культурная среда». Ведь все наши гости безумно интересные и талантливые люди, поэтому должно быть единое пространство общения. Например, та же передача «Апокриф» делает подобные встречи, есть с кого брать пример. Хочется сделать передачи с музыкантами, художниками, режиссерами, учеными, ведь литература позволяет объединить всех — это, наверное, самое широкое культурное поле человечества...

— **...Оно объединяет не только профессии, но и, — что очень важно для нашей республики, — национальности.**

— **Л.Г.** Да, это особенно важно. В этом смысле мне очень повезло с тем, что я знаю и башкирский язык. И могу попытаться выступить неким мостиком между разными языковыми мирами. Башкирская литература очень самобытна, и её обязательно нужно представлять русскоязычному читателю доступными средствами, а не назидательным тоном. Например, мы сделали передачу о Зайнаб Бишевой, в рамках этой же темы заодно охватили и вопрос о женской прозе вообще. Нужно чаще сводить в программе разные национальные культуры, ведь точек пересечения на самом деле предостаточно. И пусть участники нашей передачи даже спорят, — но надо избегать споров о приоритетах и стремиться к тому, чтобы спор в «Книжном доме» стал местом рождения истины.

— **З.Г.** Честно говоря, литература для меня не имеет национальности. Есть хорошая литература, и есть чтиво. Ведь Шекспир — это не просто английский писатель, равно как Хемингуэй — американский, Бальзак — французский или Айтматов — киргизский. Это писатели с большой буквы, произведения которых близки и любимы читателями всего мира, независимо от националь-

ностей и вероисповеданий. Или Мустай Карим. Переведи его на японский, он будет понят и принят в Стране восходящего солнца. Но каждый из них писал о своем народе, скажете вы. Безусловно, в их произведениях — характеры, чаяния людей той или иной нации, но все они подняты на уровень общечеловеческих, потому и вызывают интерес.

Беседовал Игорь Фролов

ВНИМАНИЕ — КОНКУРС!

Редакция журнала «Бельские просторы» напоминает: продолжается конкурс перевода одного стихотворения. Свое мастерство могут проявить и маститые переводчики, и новички. Для перевода предлагается известное стихотворение Раиса Туляка «Белый фонтан» (**текст оригинала смотрите в №6 на 203 стр.**).

Работы принимаются в письменном виде по адресу: 450001, г. Уфа, пр. Октября 2, редакция журнала «Бельские просторы» и в электронном виде по адресу br2002@inbox.ru с пометкой «Поэтическое состязание» до 10 ноября 2008 года. Стихотворения, вышедшие в финал конкурса, будут опубликованы.

Победителей изберет квалифицированный экспертный совет, в который войдут: председатель Союза писателей РБ, народный поэт РБ Равиль Бикбаев, главный редактор журнала «Агидель» Амир Аминев и главный редактор журнала «Бельские просторы» Юрий Горюхин.

Автор лучшего перевода будет награжден денежной премией и памятными призами.

Редакция